РКШ6(2)1
Д70

Достоевский Ф. М.

Подросток

1970
79

ВОЗРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Подростокъ.

Современная библіотека.

Отдѣльныя произведенія выдающихся
русскихъ и иностранныхъ писателей
въ области изящной литературы.

Въ эту серію вошли слѣдующія произведенія:

Леонидъ Андреевъ: *Черныя маски*, пьеса.
Леонидъ Андреевъ: *Анфиса*, пьеса.
Ѳ. М. Достоевскій: *Братья Карамазовы*, романъ.
Ѳ. М. Достоевскій: *Преступленіе и наказаніе*, романъ.
К. Д. Бальмонтъ: *Изъ чужеземныхъ поэтовъ*, сборн. стиховъ.
В. Г. Танъ: *Колымскіе разсказы*, сборн. разсказовъ.
В. Г. Танъ: *На тундрѣ*, сборн. разсказовъ.
В. Г. Танъ: *Жертвы дракона*, романъ.
В. Г. Танъ: *Стихотворенія*.
Б. Лазаревскій: *Дѣвушки*, сборн. разсказовъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Княжна*, романъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Жаръ-цвѣтъ, романъ*.
А. В. Амфитеатровъ: *Отравленная совѣсть*.
П. Я. (Якубовичъ-Мельшинъ): *Стихотворенія, т. I* и *II*.
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Цари биржи*, романъ.
Д. С. Мережковскій: *Стихотворенія*.
Эдв. Штильгебауэръ: *Король биржи*, романъ.
Эдв. Штильгебауэръ: *Райскій уголокъ*, романъ.
Як. Вассерманъ: *Каспаръ Гаузеръ*, романъ.
Эмиль Зола: *Деньги*, романъ.
Эмиль Зола: *Завоеваніе Плассана*, романъ.
Эмиль Зола: *Его Превосходительство Эженъ Ругонъ*, романъ.
Эмиль Зола: *Карьера Ругоновъ*, романъ.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе"
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Р1
Д-70

Подростокъ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Ѳ. М. Достоевскаго.

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ГУВД
ИНВ. № 3346
« » 20 г.

58168

Изданіе восьмое.

Томъ первый.

БИБЛИОТЕКА
Учебного центра ГУВД
ИНВ. № 6509
"03"

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе".
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

1961

18 96
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

423169

БИБЛИОТЕКА
Санкт-Петербургского
университета МВД России

ГОРОДСКАЯ ЧИТАЛЬНЯ
въ память А. С. ГРИБОѢДОВА
Шкафъ 23
Полка 4-35
№ 8448-IкА
Разр. 1918

Подростокъ.

Часть первая.

А. С. ГРИБОЕДОВА

Глава первая.

I.

Не утерпѣвъ, я сѣлъ записывать эту исторію моихъ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, тогда какъ могъ бы обойтись и безъ того . . .
знаю навѣрно: никогда уже болѣе не
мою автобіографію, даже если про
Надо быть слишкомъ по
чтобы писать
только
чего

нія чувствъ и безъ размышленій (можетъ быть, даже пошлыхъ): до того развратительно дѣйствуетъ на человѣка всякое литературное занятіе, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя. Размышленія же могутъ быть даже очень пошлы, потому что то, что самъ цѣнишь, очень возможно, не имѣетъ никакой цѣны на посторонній взглядъ. Но все это въ сторону. Однако, вотъ и предисловіе; болѣе, въ этомъ родѣ, ничего не будетъ. Къ дѣлу, хотя, ничего нѣтъ мудренѣе, какъ приступить къ какому-нибудь дѣлу, — можетъ быть, даже и ко всякому дѣлу.

II.

[illegible] есть я хотѣлъ бы начать мои
[illegible] прошлаго года,
[illegible] первый разъ
[illegible]
[illegible] ра-
[illegible];

Я хоть и начну съ девятнадцатаго сентября, а все-таки вставлю слова два о томъ, кто я, гдѣ былъ до того, а стало быть, и что̀ могло быть у меня въ головѣ хоть отчасти въ то утро девятнадцатаго сентября, чтобъ было понятнѣе читателю, а, можетъ быть, и мнѣ самому.

III.

Я — кончившій курсъ гимназистъ, а теперь мнѣ уже двадцать первый годъ. Фамилія моя Долгорукій, а юридическій отецъ мой — Макаръ Ивановичъ Долгорукій, бывшій дворовый господъ Версиловыхъ. Такимъ образомъ, я — законнорожденный, хотя я, въ высшей степени, незаконный сынъ, и происхожденіе мое не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Дѣло произошло такимъ образомъ: двадцать два года назадъ, помѣщикъ Версиловъ (это-то и есть мой отецъ), двадцати пяти лѣтъ, посѣтилъ свое имѣніе въ Тульской губерніи. Я предполагаю, что въ это время онъ былъ еще чѣмъ-то весьма безличнымъ. Любопытно, что этотъ человѣкъ, столь поразившій меня съ самаго дѣтства, имѣвшій такое капитальное вліяніе на складъ всей души моей и даже, можетъ быть, еще надолго заразившій собою все мое будущее, этотъ человѣкъ даже и теперь въ чрезвычайно многомъ остается для меня совершенной загадкой. Но собственно объ этомъ послѣ. Этого такъ не разскажешь. Этимъ человѣкомъ и безъ того будетъ наполнена вся тетрадь моя.

Онъ какъ разъ къ тому времени овдовѣлъ, т. е. къ двадцати пяти годамъ своей жизни. Женатъ же былъ на одной изъ высшаго свѣта, но не такъ богатой, Фанаріотовой, и имѣлъ отъ нея сына и

дочь. Свѣдѣнія объ этой, столь рано его оставившей супругѣ довольно у меня неполны и теряются въ моихъ матеріалахъ; да и много изъ частныхъ обстоятельствъ жизни Версилова отъ меня ускользнуло, до того онъ былъ всегда со мною гордъ, высокомѣренъ, замкнутъ и небреженъ, несмотря, минутами, на поражающее какъ бы смиреніе его передо мною. Упоминаю, однакоже, для обозначенія впредь, что онъ прожилъ въ свою жизнь три состоянія, и весьма даже крупныя, всего тысячъ на четыреста слишкомъ и, пожалуй, болѣе. Теперь у него, разумѣется, ни копейки.

Пріѣхалъ онъ тогда въ деревню «Богъ знаетъ зачѣмъ», по крайней мѣрѣ, самъ мнѣ такъ впослѣдствіи выразился. Маленькія дѣти его были не при немъ, по обыкновенію, а у родственниковъ; такъ онъ всю жизнь поступалъ съ своими дѣтьми, съ законными и незаконными. Дворовыхъ въ этомъ имѣніи было значительно много; между ними былъ и садовникъ Макаръ Ивановъ Долгорукій. Вставлю здѣсь, чтобы разъ навсегда отвязаться: рѣдко кто могъ столько вызлиться на свою фамилію, какъ я, въ продолженіе всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то разъ, какъ я вступалъ куда-либо въ школу, или встрѣчался съ лицами, которымъ, по возрасту моему, былъ обязанъ отчетомъ, однимъ словомъ, каждый-то учителишка, гувернеръ, инспекторъ, попъ— всѣ, кто угодно, спрося мою фамилію и услыхавъ, что я Долгорукій, непремѣнно находили для чего-то нужнымъ прибавить:

— Князь Долгорукій?

И каждый-то разъ я обязанъ былъ всѣмъ этимъ празднымъ людямъ объяснять:

— Нѣтъ, *просто* Долгорукій.

Это *просто* стало сводить меня, наконецъ, съ ума. Замѣчу при семъ, въ видѣ феномена, что я не помню ни одного исключенія: всѣ спрашивали. Инымъ, повидимому, это совершенно было не нужно; да и не знаю, къ какому бы черту это могло быть хоть кому-нибудь нужно? Но всѣ спрашивали, всѣ до единаго. Услыхавъ, что я *просто* Долгорукій, спрашивавшій обыкновенно обмѣривалъ меня тупымъ и глупо-равнодушнымъ взглядомъ, свидѣтельствовавшимъ, что онъ самъ не знаетъ, зачѣмъ спросилъ, и отходилъ прочь. Товарищи школьники спрашивали всѣхъ оскорбительнѣе. Школьникъ какъ спрашиваетъ новичка? Затерявшійся и конфузящійся новичекъ, въ первый день поступленія въ школу (въ какую бы то ни было), есть общая жертва: ему приказываютъ, его дразнятъ, съ нимъ обращаются какъ съ лакеемъ. Здоровый и жирный мальчишка вдругъ останавливается передъ своей жертвой въ упоръ и долгимъ, строгимъ и надменнымъ взглядомъ наблюдаетъ ее нѣсколько мгновеній. Новичекъ стоитъ передъ нимъ молча, косится, если не трусъ, и ждетъ, что-то будетъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Долгорукій.

— Князь Долгорукій?

— Нѣтъ, просто Долгорукій.

— А, просто! Дуракъ.

И онъ правъ: ничего нѣтъ глупѣе, какъ называться Долгорукимъ, не будучи княземъ. Эту глупость я таскаю на себѣ безъ вины. Впослѣдствіи, когда я сталъ уже очень сердиться, то на вопросъ:

— Ты князь?

Всегда отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я — сынъ двороваго человѣка, бывшаго крѣпостного.

Потомъ, когда ужъ я въ послѣдній степени озлился, то на вопросъ: вы князь? твердо разъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, просто Долгорукій, незаконный сынъ моего бывшаго барина, господина Версилова.

Я выдумалъ это уже въ шестомъ классѣ гимназіи, и хоть въ скорости несомнѣнно убѣдился, что глупъ, но все-таки не сейчасъ пересталъ глупить. Помню, что одинъ изъ учителей — впрочемъ, онъ одинъ и былъ, — нашелъ, что я «полонъ мстительной и гражданской идеи». Вообще же, приняли эту выходку съ какою-то обидною для меня задумчивостью. Наконецъ, одинъ изъ товарищей, очень ѣдкій малый и съ которымъ я всего только въ годъ разъ разговаривалъ, съ серьезнымъ видомъ, но нѣсколько смотря въ сторону, сказалъ мнѣ:

— Такія чувства вамъ, конечно, дѣлаютъ честь, и, безъ сомнѣнія, вамъ есть чѣмъ гордиться; но я бы на вашемъ мѣстѣ все-таки не очень праздновалъ, что незаконнорожденный . . . а вы точно имениннникъ!

Съ тѣхъ поръ я пересталъ *хвалиться,* что незаконнорожденный.

Повторю; очень трудно писать по-русски: я вотъ исписалъ цѣлыхъ три страницы о томъ, какъ я злился всю жизнь за фамилію, а между тѣмъ читатель навѣрно ужъ вывелъ, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукій. Объясняться еще разъ и оправдываться было бы для меня унизительно.

IV.

Итакъ, въ числѣ этой дворни, которой было множество и кромѣ Макара Иванова, была одна дѣвица и была уже лѣтъ восемнадцати, когда пятидесятилѣтній Макаръ Долгорукій вдругъ обнаружилъ намѣреніе на ней жениться. Браки дворовыхъ, какъ извѣстно, происходили во времена крѣпостного права съ дозволенія господъ, а иногда и прямо по распоряженію ихъ. При имѣніи находилась тогда тетушка; то есть, она мнѣ не тетушка, а сама помѣщица; но не знаю почему, всѣ всю жизнь ее звали тетушкой, не только моей, но и вообще, равно какъ и въ семействѣ Версилова, которому она чуть ли и въ самомъ дѣлѣ не сродни. Это — Татьяна Павловна Пруткова. Тогда у ней еще было, въ той же губерніи и въ томъ же уѣздѣ, тридцать пять своихъ душъ. Она не то что управляла, но по сосѣдству надзирала надъ имѣніемъ Версилова (въ 500 душъ), и этотъ надзоръ, какъ я слышалъ, стоилъ надзора какого-нибудь управляющаго изъ ученыхъ. Впрочемъ, до знаній ея мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла: я только хочу прибавить, откинувъ всякую мысль лести и заискиванія, что эта Татьяна Павловна — существо благородное и даже оригинальное.

Вотъ она-то не только не отклонила супружескія наклонности мрачнаго Макара Долгорукаго (говорили, что онъ былъ тогда мраченъ), но, напротивъ, для чего-то въ высшей степени ихъ поощрила. Софья Андреева (эта восемнадцатилѣтняя дворовая, то есть мать моя) была круглою сиротою уже нѣсколько лѣтъ; покойный же отецъ ея, чрезвычайно уважавшій Макара Долгорукаго и ему

чѣмъ-то обязанный, тоже дворовый, шесть лѣтъ передъ тѣмъ, помирая, на одрѣ смерти, говорятъ, даже за четверть часа до послѣдняго издыханія, такъ что за нужду можно бы было принять и за бредъ, если бы онъ и безъ того не былъ неправоспособенъ, какъ крѣпостной, подозвавъ Макара Долгорукаго, при всей дворнѣ и при присутствовавшемъ священникѣ, завѣщалъ ему вслухъ и настоятельно, указывая на дочь: «Взрости и возьми за себя». Это всѣ слышали. Что же до Макара Иванова, то не знаю, въ какомъ смыслѣ онъ потомъ женился, то есть съ большимъ ли удовольствіемъ или только исполняя обязанность. Вѣроянѣе, что имѣлъ видъ полнаго равнодушія. Это былъ человѣкъ, который и тогда уже умѣлъ «показать себя». Онъ не то чтобы былъ начетчикъ или грамотѣй (хотя зналъ церковную службу всю и особенно житіе нѣкоторыхъ святыхъ, но болѣе по наслышкѣ), не то чтобы былъ въ родѣ, такъ сказать, двороваго резонера, онъ просто былъ характера упрямаго, подчасъ даже рискованнаго; говорилъ съ амбиціей, судилъ безповоротно и, въ заключеніе, «жилъ почтительно», — по собственному удивительному его выраженію, — вотъ онъ каковъ былъ тогда. Конечно, уваженіе онъ пріобрѣлъ всеобщее, но, говорятъ, былъ всѣмъ несносенъ. Другое дѣло, когда вышелъ изъ дворни, тутъ ужъ его не иначе поминали какъ какого-нибудь святого и много потерпѣвшаго. Объ этомъ я знаю навѣрно.

Что̀ же до характера моей матери, то до восемнадцати лѣтъ Татьяна Павловна продержала ее при себѣ, несмотря на настоянія приказчика отдать въ Москву въ ученье, и дала ей нѣкоторое воспитаніе, то есть научила шить, кроить, ходить съ дѣ-

вичьими манерами и даже слегка читать. Писать моя мать никогда не умѣла сносно. Въ глазахъ ея этотъ бракъ съ Макаромъ Ивановымъ былъ давно уже дѣломъ рѣшеннымъ, и все, что тогда съ нею произошло, она нашла превосходнымъ и самымъ лучшимъ; подъ вѣнецъ пошла съ самымъ спокойнымъ видомъ, какой только можно имѣть въ такихъ случаяхъ, такъ что сама ужъ Татьяна Павловна назвала ее тогда рыбой. Все это о тогдашнемъ характерѣ матери я слышалъ отъ самой же Татьяны Павловны. Версиловъ пріѣхалъ въ деревню ровно полгода спустя послѣ этой свадьбы.

V.

Я хочу только сказать, что никогда не могъ узнать и удовлетворительно догадаться, съ чего именно у него началось съ моей матерью? Я вполнѣ готовъ вѣрить, какъ увѣрялъ онъ меня прошлаго года самъ, съ краской въ лицѣ, несмотря на то, что разсказывалъ про все это съ самымъ непринужденнымъ и «остроумнымъ» видомъ, что романа никакого не было вовсе, и что все вышло *такъ*. Вѣрю, что такъ, и русское словцо это: *такъ* — прелестно; но все-таки мнѣ всегда хотѣлось узнать, съ чего именно у нихъ могло произойти? Самъ я ненавидѣлъ и ненавижу всѣ эти мерзости всю мою жизнь. Конечно, тутъ вовсе не одно безстыжее любопытство съ моей стороны. Замѣчу, что мою мать я, вплоть до прошлаго года, почти не зналъ вовсе; съ дѣтства меня отдали въ люди, для комфорта Версилова, объ чемъ, впрочемъ, послѣ, а потому я никакъ не могу представить себѣ, какое у нея могло быть въ то время лицо. Если она вовсе не была

такъ хороша собой, то чѣмъ могъ въ ней прельститься такой человѣкъ, какъ тогдашній Версиловъ? Вопросъ этотъ важенъ для меня тѣмъ, что въ немъ чрезвычайно любопытною стороною рисуется этотъ человѣкъ. Вотъ для чего я спрашиваю, а не изъ разврата. Онъ самъ, этотъ мрачный и закрытый человѣкъ, съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое онъ чертъ знаетъ откуда бралъ (точно изъ кармана), когда видѣлъ, что это необходимо, — онъ самъ говорилъ мнѣ, что тогда онъ былъ весьма «глупымъ молодымъ щенкомъ» и не то что сентиментальнымъ, а *такъ,* только что прочелъ «Антона Горемыку» и «Полиньку Саксъ», двѣ литературныя вещи, имѣвшія необъятное цивилизующее вліяніе на тогдашнее подрастающее поколѣніе наше. Онъ прибавлялъ, что изъ-за «Антона Горемыки», можетъ, и въ деревню тогда пріѣхалъ, — и прибавлялъ чрезвычайно серьезно. Въ какой же формѣ могъ начать этотъ «глупый щенокъ» съ моей матерью? Я сейчасъ вообразилъ, что если бъ у меня былъ хоть одинъ читатель, то навѣрно бы расхохотался надо мной, какъ надъ смѣшнѣйшимъ подросткомъ, который, сохранивъ свою глупую невинность, суется разсуждать и рѣшать, въ чемъ не смыслитъ. Да, дѣйствительно, я еще не смыслю, хотя сознаюсь въ этомъ вовсе не изъ гордости, потому что знаю, до какой степени глупа въ двадцатилѣтнемъ верзилѣ такая неопытность; только я скажу этому господину, что онъ самъ ничего не смыслитъ и докажу ему это. Правда, въ женщинахъ я ничего не знаю, да и знать не хочу, потому что всю жизнь буду плевать и далъ слово. Но я знаю, однакоже, навѣрно, что иная женщина обольщаетъ красотой своей, или тамъ

чѣмъ знаетъ, въ тотъ же мигъ; другую же надо полгода разжевывать прежде чѣмъ понять, что въ ней есть; и чтобы разсмотрѣть такую и влюбиться, то мало смотрѣть и мало быть просто готовымъ на что угодно, а надо быть, сверхъ того, чѣмъ-то еще одареннымъ. Въ этомъ я убѣжденъ, несмотря на то, что ничего не знаю, и если бы было противное, то надо бы было разомъ низвести всѣхъ женщинъ на степень простыхъ домашнихъ животныхъ и въ такомъ только видѣ держать ихъ при себѣ; можетъ быть, этого очень многимъ хотѣлось бы.

Я знаю изъ нѣсколькихъ рукъ положительно, что моя мать красавицей не была, хотя тогдашняго портрета ея, который гдѣ-то есть, я не видалъ. Съ перваго взгляда въ нее влюбиться, стало быть, нельзя было. Для простого «развлеченія» Версиловъ могъ выбрать другую, а такая тамъ была, да еще незамужняя, Анфиса Константиновна Сапожкова, сѣнная дѣвушка. А человѣку, который пріѣхалъ съ «Атономъ Горемыкой», разрушать, на основаніи помѣщичьяго права, святость брака, хотя и своего двороваго, было бы очень зазорно передъ самимъ собою, потому что, повторяю, про этого «Антона Горемыку» онъ еще не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то есть двадцать лѣтъ спустя, говорилъ чрезвычайно серьезно. Такъ вѣдь у Антона только лошадь увели, а тутъ жену! Произошло, значитъ, что-то особенное, отчего и проиграла m-lle Сапожкова (по-моему, выиграла). Я приставалъ къ нему разъ-другой прошлаго года, когда можно было съ нимъ разговаривать (потому что не всегда можно было съ нимъ разговаривать) со всѣми этими вопросами и замѣтилъ, что онъ, несмотря на всю свою свѣткость и двадцатилѣтнее

разстоянiе, какъ-то чрезвычайно кривился. Но я настоялъ. По крайней мѣрѣ, съ тѣмъ видомъ свѣтской брезгливости, которую онъ неоднократно себѣ позволялъ со мною, онъ, я помню, однажды промямлилъ какъ-то странно: что мать моя была одна такая особа изъ *незащищенныхъ,* которую не то что полюбишь, — напротивъ, вовсе нѣтъ, — а какъ-то вдругъ почему-то *пожалѣешь,* за кротость, что ли, впрочемъ, за что? Это всегда никому не извѣстно, но пожалѣешь надолго; пожалѣешь и привяжешься... «Однимъ словомъ, мой милый, иногда бываетъ такъ, что и не отвяжешься». Вотъ что онъ сказалъ мнѣ; и если это, дѣйствительно, было такъ, то я принужденъ почесть его вовсе не такимъ тогдашнимъ глупымъ щенкомъ, какимъ онъ самъ себя для того времени аттестуетъ. Это-то мнѣ и надо было.

Впрочемъ, онъ тотчасъ же сталъ увѣрять, что мать моя полюбила его по «приниженности»: еще бы выдумалъ, что по крѣпостному праву! Совралъ для шику, совралъ противъ совѣсти, противъ чести и благородства!

Все это, конечно, я наговорилъ въ какую-то какъ бы похвалу моей матери, а, между тѣмъ, уже заявилъ, что о ней, тогдашней, не зналъ вовсе. Мало того, я именно знаю всю непроходимость той среды и тѣхъ жалкихъ понятiй, въ которыхъ она зачерствѣла съ дѣтства и въ которыхъ осталась потомъ на всю жизнь. Тѣмъ не менѣе бѣда совершилась. Кстати, надо поправиться: улетѣвъ въ облака, я забылъ о фактѣ, который, напротивъ, надо бы выставить прежде всего, а именно: началось у нихъ прямо съ *бѣды.* (Я надѣюсь, что читатель не до такой степени будетъ ломаться, чтобъ не понять

сразу, объ чемъ я хочу сказать.) Однимъ словомъ, началось у нихъ именно по-помѣщичьи, несмотря на то, что была обойдена m-lle Сапожкова. Но тутъ уже я вступлюсь и заранѣе объявляю, что вовсе себѣ не противорѣчу. Ибо объ чемъ, о, Господи, объ чемъ могъ говорить въ то время такой человѣкъ, какъ Версиловъ, съ такою особой, какъ моя мать, даже и въ случаѣ самой неотразимой любви? Я слышалъ отъ развратныхъ людей, что весьма часто мужчина съ женщиной, сходясь, начинаетъ совершенно молча, что̀, конечно, верхъ чудовищности и тошноты; тѣмъ не менѣе Версиловъ, если бъ и хотѣлъ, то не могъ бы, кажется, иначе начать съ моею матерью. Неужели же начать было объяснять ей «Полиньку Саксъ»? Да и сверхъ того, имъ было вовсе не до русской литературы; напротивъ, по его же словамъ (онъ какъ-то разъ расходился), они прятались по угламъ, поджидали другъ друга на лѣстницахъ, отскакивали какъ мячики съ красными лицами, если кто проходилъ, и «тиранъ-помѣщикъ» трепеталъ послѣдней поломойки, несмотря на все свое крѣпостное право. Но хоть и по-помѣщичьи началось, а вышло такъ, да не такъ, и, въ сущности, все-таки ничего объяснить нельзя. Даже мраку больше. Ужъ одни размѣры, въ которые развилась ихъ любовь, составляютъ загадку, потому что первое условіе такихъ, какъ Версиловъ — это тотчасъ же бросить, если достигнута цѣль. Не то, однако, вышло. Согрѣшить съ миловидной дворовой вертушкой (а моя мать не была вертушкой) развратному «молодому щенку» (а они были всѣ развратны, всѣ до единаго — и прогрессисты, и ретрограды) — не только возможно, но и неминуемо, особенно взявъ рома-

ническое его положеніе молодого вдовца и его бездѣльничанье. Но полюбить на всю жизнь — это слишкомъ. Не ручаюсь, что онъ любилъ ее, но что онъ таскалъ ее за собою всю жизнь — это вѣрно.

Вопросовъ я наставилъ много, но есть одинъ самый важный, который, замѣчу, я не осмѣлился прямо задать моей матери, несмотря на то, что такъ близко сошелся съ нею прошлаго года и, сверхъ того, какъ грубый и неблагодарный щенокъ, считающій, что *передъ нимъ виноваты,* не церемонился съ нею вовсе. Вопросъ слѣдующій: какъ она-то могла, она сама, уже бывшая полгода въ бракѣ, да еще придавленная всѣми понятіями о законности брака, придавленная какъ безсильная муха, она, уважавшая своего Макара Ивановича не меньше, чѣмъ какого-то бога, какъ она-то могла, въ какія-нибудь двѣ недѣли, дойти до такого грѣха? Вѣдь не развратная же женщина была моя мать? Напротивъ, скажу теперь впередъ, что быть болѣе чистой душой, и такъ потомъ всю жизнь, даже трудно себѣ и представить. Объяснить развѣ можно тѣмъ, что сдѣлала она не помня себя, т. е. не въ томъ смыслѣ, какъ увѣряютъ теперь адвокаты про своихъ убійцъ и воровъ, а подъ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое, при извѣстномъ простодушіи жертвы, овладѣваетъ фатально и трагически. Почемъ знать, можетъ быть, она полюбила до смерти... фасонъ его платья, парижскій проборъ волосъ, его французскій выговоръ, именно французскій, въ которомъ она не понимала ни звука, тотъ романсъ, который онъ спѣлъ за фортепьяно, полюбила нѣчто никогда невиданное и неслыханное (а онъ былъ очень красивъ собою), и ужъ заодно полюбила прямо до изнеможенія, всего его, съ

фасонами и романсами. Я слышалъ, что съ дворовыми дѣвушками это иногда случалось во времена крѣпостного права, да еще съ самыми честными. Я это понимаю, и подлецъ тотъ, который объяснитъ это лишь однимъ только крѣпостнымъ правомъ и «приниженностью!». Итакъ, могъ же, стало быть, этотъ молодой человѣкъ имѣть въ себѣ столько самой прямой и обольстительной силы, чтобъ привлечь такое чистое до тѣхъ поръ существо, и, главное, такое совершенно разнородное съ собою существо, совершенно изъ другого міра и изъ другой земли, и на такую явную гибель? Что на гибель — это-то и мать моя, надѣюсь, понимала всю жизнь; только развѣ когда шла; то не думала о гибели вовсе; но такъ всегда у этихъ «беззащитныхъ»: и знаютъ, что гибель, а лѣзутъ.

Согрѣшивъ, они тотчасъ покаялись. Онъ съ остроуміемъ разсказывалъ мнѣ, что рыдалъ на плечѣ Макара Ивановича, котораго нарочно призвалъ для сего случая въ кабинетъ, а она — она въ то время лежала гдѣ-то въ забытьѣ, въ своей дворовой клѣтушкѣ...

VI.

5868

Но довольно о вопросахъ и скандальныхъ подробностяхъ. Версиловъ, выкупивъ мою мать у Макара Иванова, въ скорости уѣхалъ и съ тѣхъ поръ, какъ я уже и прописалъ выше, сталъ ее таскать за собою почти повсюду, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отлучался подолгу; тогда оставлялъ большею частью на попеченіи тетушки, т. е. Татьяны Павловны Прутковой, которая всегда откуда-то въ такихъ случаяхъ подвертывалась. Живали они и въ Москвѣ, живали по разнымъ другимъ де-

ревнямъ и городамъ, даже за границей и, наконецъ, въ Петербургѣ. Обо всемъ этомъ послѣ, или не стоитъ. Скажу лишь, что годъ спустя послѣ Макара Ивановича явился на свѣтъ я, затѣмъ еще черезъ годъ моя сестра, а затѣмъ уже лѣтъ десять или одиннадцать спустя — болѣзненный мальчикъ, младшій братъ мой, умершій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ мучительными родами этого ребенка кончилась красота моей матери, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказали: она быстро стала старѣть и хилѣть.

Но съ Макаромъ Ивановичемъ сношенія все-таки никогда не прекращались. Гдѣ бы Версиловы ни были, жили ли по нѣскольку лѣтъ на мѣстѣ или переѣзжали, Макаръ Ивановичъ непремѣнно увѣдомлялъ о себѣ «семейство». Образовались какія-то странныя отношенія, отчасти торжественныя и почти серьезныя. Въ господскомъ быту къ такимъ отношеніямъ непремѣнно примѣшалось бы нѣчто комическое, я это знаю; но тутъ этого не вышло. Письма присылались въ годъ по два раза, не болѣе и не менѣе, и были чрезвычайно одно на другое похожія. Я ихъ видѣлъ; въ нихъ мало чего-нибудь личнаго; напротивъ, по возможности одни только торжественныя извѣщенія о самыхъ общихъ событіяхъ и о самыхъ общихъ чувствахъ, если такъ можно выразиться о чувствахъ: извѣщенія прежде всего о своемъ здоровьѣ, потомъ спросы о здоровьѣ, затѣмъ пожеланія, торжественные поклоны и благословенія — и все. Именно въ этой общности и безличности и полагается, кажется, вся порядочность тона и все высшее знаніе обращенія въ этой средѣ. «Достолюбезной и почтенной супругѣ нашей Софьѣ Андреевнѣ посылаю нашъ нижайшій

поклонъ» . . . «Любезнымъ дѣткамъ нашимъ посылаю родительское благословеніе наше вовѣки нерушимое». Дѣтки всѣ прописывались поименно, по мѣрѣ ихъ накопленія, и я тутъ же. При этомъ замѣчу, что Макаръ Ивановичъ былъ настолько остроуменъ, что никогда не прописывалъ «его высокородія достопочтеннѣйшаго господина Андрея Петровича» своимъ «благодѣтелемъ»; хотя и прописывалъ неуклонно въ каждомъ письмѣ свой всенижайшій поклонъ, испрашивая у него милости, а на самого его благословеніе Божіе. Отвѣты Макару Ивановичу посылались моею матерью въ скорости и всегда писались въ такомъ же точно родѣ. Версиловъ, разумѣется, въ перепискѣ не участвовалъ. Писалъ Макаръ Ивановичъ изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ городовъ и монастырей, въ которыхъ подолгу иногда проживалъ. Онъ сталъ такъ называемымъ странникомъ. Никогда ни о чемъ не просилъ; за то разъ года въ три непремѣнно являлся домой на побывку и останавливался прямо у матери, которая, всегда такъ приходилось, имѣла свою квартиру, особую отъ квартиры Версилова. Объ этомъ мнѣ придется послѣ сказать, но здѣсь лишь замѣчу, что Макаръ Ивановичъ не разваливался въ гостиной на диванахъ, а скромно помѣщался гдѣ-нибудь за перегородкой. Проживалъ недолго, дней пять, недѣлю.

Я забылъ сказать, что онъ ужасно любилъ и уважалъ свою фамилію «Долгорукій». Разумѣется, это — смѣшная глупость. Всего глупѣе то, что ему нравилась его фамилія именно потому, что есть князья Долгорукіе. Странное понятіе, совершенно вверхъ ногами!

Если я и сказалъ, что все семейство всегда было

въ сборѣ, то, кромѣ меня, разумѣется. Я былъ какъ выброшенный и чуть не съ самаго рожденія помѣщенъ въ чужихъ людяхъ. Но тутъ не было никакого особеннаго намѣренія, а просто какъ-то такъ почему-то вышло. Родивъ меня, мать была еще молода и хороша, а, стало быть, нужна ему, а крикунъ ребенокъ, разумѣется, былъ всему помѣхою, особенно въ путешествіяхъ. Вотъ почему и случилось, что до двадцатаго года я почти не видалъ моей матери, кромѣ двухъ, трехъ случаевъ мелькомъ. Произошло не отъ чувствъ матери, а отъ высокомѣрія къ людямъ Версилова.

VII.

Теперь совсѣмъ о другомъ.

Мѣсяцъ назадъ, т. е. за мѣсяцъ до девятнадцатаго сентября, я, въ Москвѣ, порѣшилъ отказаться отъ нихъ всѣхъ и уйти въ свою идею уже окончательно. Я такъ и прописываю это слово: «уйти въ свою идею», потому что это выраженіе можетъ обозначить почти всю мою главную мысль — то самое, для чего я живу на свѣтѣ. Что это за «своя идея», объ этомъ слишкомъ много будетъ потомъ. Въ уединеніи мечтательной и многолѣтней моей московской жизни она создалась у меня еще съ шестого класса гимназіи, и съ тѣхъ поръ, можетъ быть, ни на мигъ не оставляла меня. Она поглотила всю мою жизнь. Я и до нея жилъ въ мечтахъ, жилъ съ самаго дѣтства въ мечтательномъ царствѣ извѣстнаго оттѣнка; но съ появленіемъ этой главной и все поглотившей во мнѣ идеи, мечты мои скрѣпились и разомъ отлились въ извѣстную форму; изъ глупыхъ сдѣлались разумными. Гимназія

мечтамъ не мѣшала; не помѣшала и идеѣ. Прибавлю, однако, что я кончилъ гимназическій курсъ въ послѣднемъ году плохо, тогда какъ до седьмого класса всегда былъ изъ первыхъ, а случилось это вслѣдствіе той же идеи, вслѣдствіе вывода, можетъ быть, ложнаго, который я изъ нея вывелъ. Такимъ образомъ, не гимназія помѣшала идеѣ, а идея помѣшала гимназіи, помѣшала и университету. Кончивъ гимназію, я тотчасъ же вознамѣрился не только порвать со всѣмъ радикально, но если надо, то со всѣмъ даже міромъ, несмотря на то, что мнѣ былъ тогда всего только двадцатый годъ. Я написалъ, кому слѣдуетъ, черезъ кого слѣдуетъ въ Петербургъ, чтобы меня окончательно оставили въ покоѣ, денегъ на содержаніе мое больше не присылали и, если возможно, чтобъ забыли меня вовсе (т. е., разумѣется, въ случаѣ, если меня сколько-нибудь помнили), и, наконецъ, — что въ университетъ я «ни за что» не поступлю. Дилемма стояла передо мной неотразимая: или университетъ и дальнѣйшее образованіе, или отдалить немедленное приложеніе «идеи» къ дѣлу еще на четыре года; я безтрепетно сталъ за идею, ибо былъ математически убѣжденъ. Версиловъ, отецъ мой, котораго я видѣлъ всего только разъ въ моей жизни, на мигъ, когда мнѣ было всего десять лѣтъ (и который въ одинъ этотъ мигъ успѣлъ поразить меня), — Версиловъ, въ отвѣтъ на мое письмо, не ему, впрочемъ, посланное, самъ вызвалъ меня въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ, обѣщая частное мѣсто. Этотъ вызовъ человѣка, сухого и гордаго, ко мнѣ высокомѣрнаго и небрежнаго и который до сихъ поръ, родивъ меня и бросивъ въ люди, не только не зналъ меня вовсе, но даже въ этомъ никогда не

раскаивался (кто знаетъ, можетъ быть, о самомъ существованіи моемъ имѣлъ понятіе смутное и неточное, такъ какъ оказалось потомъ, что и деньги не онъ платилъ за содержаніе мое въ Москвѣ, а другіе), — вызовъ этого человѣка, говорю я, такъ вдругъ обо мнѣ вспомнившаго и удостоившаго собственноручнымъ письмомъ, — этотъ вызовъ, прельстивъ меня, рѣшилъ мою участь. Странно, мнѣ, между прочимъ, понравилось въ его письмецѣ (одна маленькая страничка малаго формата), что онъ ни слова не упомянулъ объ университетѣ, не просилъ меня перемѣнить рѣшеніе, не укорялъ, что не хочу учиться, — словомъ, не выставлялъ никакихъ родительскихъ финтифлюшекъ въ этомъ родѣ, какъ это бываетъ по обыкновенію, а между тѣмъ это-то и было худо съ его стороны въ томъ смыслѣ, что еще пуще обозначало его ко мнѣ небрежность. Я рѣшился ѣхать еще и потому, что это вовсе не мѣшало главной мечтѣ. «Посмотрю, что будетъ», разсуждалъ я: — «во всякомъ случаѣ, я связываюсь съ ними только на время, можетъ быть, на самое малое. Но чуть увижу, что этотъ шагъ, хотя бы и условный и малый, все-таки отдалитъ меня отъ *главнаго,* то тотчасъ же съ ними порву, брошу все и уйду въ свою скорлупу». Именно въ скорлупу! «Спрячусь въ нее, какъ черепаха»; сравненіе это очень мнѣ нравилось. «Я буду не одинъ», продолжалъ я раскидывать, ходя какъ угорѣлый всѣ эти послѣдніе дни въ Москвѣ, — «никогда теперь уже не буду одинъ, какъ въ столько ужасныхъ лѣтъ до сихъ поръ: со мной будетъ моя идея, которой я никогда не измѣню, даже и въ томъ случаѣ, если бъ они мнѣ всѣ тамъ понравились, и дали мнѣ счастье, и я прожилъ бы съ ними хоть

десять лѣтъ!» Вотъ это-то впечатлѣніе, замѣчу впередъ, вотъ именно эта-то двойственность плановъ и цѣлей моихъ, опредѣлившихся еще въ Москвѣ, и которая не оставляла меня ни на одинъ мигъ въ Петербургѣ (ибо не знаю, былъ ли такой день въ Петербургѣ, который бы я не ставилъ впереди моимъ окончательнымъ срокомъ, чтобы порвать съ ними и удалиться) — эта двойственность, говорю я, и была, кажется, одною изъ главнѣйшихъ причинъ многихъ моихъ неосторожностей, надѣланныхъ въ году, многихъ мерзостей, многихъ даже низостей, и ужъ, разумѣется, глупостей.

Конечно, у меня вдругъ являлся отецъ, котораго никогда прежде не было. Эта мысль пьянила меня и при сборахъ въ Москвѣ, и въ вагонѣ. Что отецъ — это бы еще ничего, и нѣжностей я не любилъ, но человѣкъ этотъ меня знать не хотѣлъ и унизилъ, тогда какъ я мечталъ о немъ всѣ эти годы въ засосъ (если можно такъ о мечтѣ выразиться). Каждая мечта моя, съ самаго дѣтства, отзывалась имъ: витала около него, сводилась на него въ окончательномъ результатѣ. Я не знаю, ненавидѣлъ или любилъ я его, но онъ наполнялъ собою все мое будущее, всѣ расчеты мои на жизнь, — это случилось само собою, это шло вмѣстѣ съ ростомъ.

Повліяло на мой отъѣздъ изъ Москвы и еще одно могущественное обстоятельство, одинъ соблазнъ, отъ котораго уже и тогда, еще за три мѣсяца предъ выѣздомъ (стало быть, когда и помину не было о Петербургѣ), у меня уже поднималось и билось сердце! Меня тянуло въ этотъ неизвѣстный океанъ еще и потому, что я прямо могъ войти въ него властелиномъ и господиномъ даже чужихъ судебъ, да еще чьихъ! Но великодушныя, а не деспо-

тическія чувства кипѣли во мнѣ, — предувѣдомляю заранѣе, чтобъ не вышло ошибки изъ словъ моихъ. Къ тому же Версиловъ могъ думать (если только удостаивалъ обо мнѣ думать), что вотъ ѣдетъ маленькій мальчикъ, отставной гимназистъ, подростокъ, и удивляется на весь свѣтъ. А я, межъ тѣмъ, уже зналъ всю его подноготную и имѣлъ на себѣ важнѣйшій документъ, за который (теперь ужъ я знаю это навѣрно) — онъ отдалъ бы нѣсколько лѣтъ своей жизни, если бъ я открылъ ему тогда тайну. Впрочемъ, я замѣчаю, что наставилъ загадокъ. Безъ фактовъ чувствъ не опишешь. Къ тому же обо всемъ этомъ слишкомъ довольно будетъ на своемъ мѣстѣ, затѣмъ и перо взялъ. А такъ писать — похоже на бредъ или облако.

VIII.

Наконецъ, чтобы перейти къ девятнадцатому числу окончательно, скажу пока вкратцѣ и, такъ сказать, мимолетомъ, что я засталъ ихъ всѣхъ, т. е. Версилова, мать и сестру мою (послѣднюю я увидалъ въ первый разъ въ жизни), при тяжелыхъ обстоятельствахъ, почти въ нищетѣ или наканунѣ нищеты. Объ этомъ я узналъ ужъ и въ Москвѣ, но все же не предполагалъ того, что увидѣлъ. Я съ самаго дѣтства привыкъ воображать себѣ этого человѣка, этого «будущаго отца моего» почти въ какомъ-то сіяніи и не могъ представить себѣ иначе, какъ на первомъ мѣстѣ вездѣ. Никогда Версиловъ не жилъ съ моею матерью на одной квартирѣ, а всегда нанималъ ей особенную: конечно, дѣлалъ это изъ подлѣйшихъ ихнихъ «приличій». Но тутъ всѣ жили вмѣстѣ, въ одномъ деревянномъ флигелѣ, въ

переулкѣ, въ Семеновскомъ полку. Всѣ вещи уже были заложены, такъ что я даже отдалъ матери, таинственно отъ Версилова, мои таинственные шестьдесятъ рублей. Именно *таинственные* потому, что были накоплены изъ карманныхъ денегъ моихъ, которыхъ отпускалось мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ; копленіе же началось съ перваго дня моей «идеи», а потому Версиловъ не долженъ былъ знать объ этихъ деньгахъ ни слова. Этого я трепеталъ.

Эта помощь оказалась лишь каплей. Мать работала, сестра тоже брала шитье; Версиловъ жилъ праздно, капризился и продолжалъ жить со множествомъ прежнихъ довольно дорогихъ привычекъ. Онъ брюзжалъ ужасно, особенно за обѣдомъ, и всѣ пріемы его были совершенно деспотическіе. Но мать, сестра, Татьяна Павловна и все семейство покойнаго Андроникова (одного мѣсяца три передъ тѣмъ умершаго начальника отдѣленія и съ тѣмъ вмѣстѣ заправлявшаго дѣлами Версилова), состоявшее изъ безчисленныхъ женщинъ, благоговѣли передъ нимъ, какъ передъ фетишемъ. Я не могъ представить себѣ этого. Замѣчу, что девять лѣтъ назадъ онъ былъ несравненно изящнѣе. Я сказалъ уже, что онъ остался въ мечтахъ моихъ въ какомъ-то сіяніи, а потому я не могъ вообразить, какъ можно было такъ постарѣть и истереться всего только въ девять какихъ-нибудь лѣтъ съ тѣхъ поръ: мнѣ тотчасъ же стало грустно, жалко, стыдно. Взглядъ на него былъ однимъ изъ тяжелѣйшихъ моихъ первыхъ впечатлѣній по пріѣздѣ. Впрочемъ, онъ былъ еще вовсе не старикъ, ему было всего сорокъ пять лѣтъ; вглядываясь же дальше, я нашелъ въ красотѣ его даже что-то болѣе поражаю-

щее, чѣмъ то, что уцѣлѣло въ моемъ воспоминаніи. Меньше тогдашняго блеску, менѣе внѣшности, даже изящнаго, но жизнь какъ бы оттиснула на этомъ лицѣ нѣчто гораздо болѣе любопытное прежняго.

А, между тѣмъ, нищета была лишь десятой или двадцатой долей въ его неудачахъ, и я слишкомъ зналъ объ этомъ. Кромѣ нищеты, стояло нѣчто безмѣрно серьезнѣйшее, — не говоря уже о томъ, что все еще была надежда выиграть процессъ о наслѣдствѣ, затѣянный уже годъ у Версилова съ князьями Сокольскими, и Версиловъ могъ получить въ самомъ ближайшемъ будущемъ имѣніе, цѣнностью въ семьдесятъ, а, можетъ, и нѣсколько болѣе тысячъ. Я сказалъ уже выше, что этотъ Версиловъ прожилъ въ свою жизнь три наслѣдства, и вотъ его опять выручало наслѣдство! Дѣло рѣшалось на судѣ въ самый ближайшій срокъ. Я съ тѣмъ и пріѣхалъ. Правда, подъ надежду денегъ никто не давалъ, занять негдѣ было, и пока терпѣли.

Но Версиловъ и не ходилъ ни къ кому, хотя иногда уходилъ на весь день. Уже слишкомъ годъ назадъ какъ онъ *выгнанъ* изъ общества. Исторія эта, несмотря на всѣ старанія мои, оставалась для меня въ главнѣйшемъ невыясненною, несмотря на цѣлый мѣсяцъ жизни моей въ Петербургѣ. Виновенъ или не виновенъ Версиловъ — вотъ что для меня было важно, вотъ для чего я пріѣхалъ! Отвернулись отъ него всѣ, между прочимъ и всѣ вліятельные знатные люди, съ которыми онъ особенно умѣлъ во всю жизнь поддерживать связи, вслѣдствіе слуховъ объ одномъ чрезвычайно низкомъ, и — что хуже всего, въ глазахъ «свѣта» — скандаль-

номъ поступкѣ, будто бы совершенномъ имъ слишкомъ годъ назадъ въ Германіи, и даже о пощечинѣ, полученной тогда же слишкомъ гласно, именно отъ одного изъ князей Сокольскихъ, и на которую онъ не отвѣтилъ вызовомъ. Даже дѣти его (законные), сынъ и дочь, отъ него отвернулись и жили отдѣльно. Правда, и сынъ и дочь витали въ самомъ высшемъ кругу, чрезъ Фанаріотовыхъ и стараго князя Сокольскаго (бывшаго друга Версилова). Впрочемъ, приглядываясь къ нему во весь этотъ мѣсяцъ, я видѣлъ высокомѣрнаго человѣка, котораго не общество исключило изъ своего круга, а который скорѣе самъ прогналъ общество отъ себя, — до того онъ смотрѣлъ независимо. Но имѣлъ ли онъ право смотрѣть такимъ образомъ — вотъ что меня волновало! Я непремѣнно долженъ узнать всю правду въ самый ближайшій срокъ, ибо пріѣхалъ — судить этого человѣка. Свои силы я еще таилъ отъ него, но мнѣ надо было или признать его, или оттолкнуть отъ себя вовсе. А послѣднее мнѣ было бы слишкомъ тяжело, и я мучился. Сдѣлаю, наконецъ, полное признаніе: этотъ человѣкъ былъ мнѣ дорогъ!

А пока, я жилъ съ ними на одной квартирѣ, работалъ и едва удерживался отъ грубостей. Даже и не удерживался. Проживъ уже мѣсяцъ, я съ каждымъ днемъ убѣждался, что за окончательными разъясненіями ни за что не могъ обратиться къ нему. Гордый человѣкъ прямо сталъ передо мной загадкой, оскорбившей меня до глубины. Онъ былъ со мною даже милъ и шутилъ, но я скорѣе хотѣлъ ссоры, чѣмъ такихъ шутокъ. Всѣ разговоры мои съ нимъ носили всегда какую-то въ себѣ двусмысленность, то есть попросту, какую-то странную

насмѣшку съ его стороны. Онъ съ самаго начала встрѣтилъ меня изъ Москвы не серьезно. Я никакъ не могъ понять, для чего онъ это сдѣлалъ. Правда, онъ достигъ того, что остался передъ мною непроницаемъ; но самъ я не унизился бы до просьбъ о серьезности со мной съ его стороны. Къ тому же, у него были какіе-то удивительные и неотразимые пріемы, съ которыми я не зналъ, что дѣлать. Короче, со мной онъ обращался какъ съ самымъ зеленымъ подросткомъ, — чего я почти не могъ перенести, хотя и зналъ, что такъ будетъ. Вслѣдствіе того, я самъ пересталъ говорить серьезно и ждалъ, даже почти совсѣмъ пересталъ говорить. Ждалъ я одного лица, съ пріѣздомъ котораго въ Петербургъ могъ окончательно узнать истину; въ этомъ была моя послѣдняя надежда. Во всякомъ случаѣ, приготовился порвать окончательно и уже принялъ всѣ мѣры. Мать мнѣ жаль было, но . . . «или онъ, или я» — вотъ что я хотѣлъ предложить ей и сестрѣ моей. Даже день у меня былъ назначенъ; а пока я ходилъ на службу.

Глава вторая.

I.

Въ это девятнадцатое число я долженъ былъ тоже получить мое первое жалованье за первый мѣсяцъ моей петербургской службы на моемъ «частномъ» мѣстѣ. Объ мѣстѣ этомъ они меня и не спрашивали, а просто отдали меня на него, кажется, въ самый первый день, какъ я пріѣхалъ. Это было очень грубо, и я почти обязанъ былъ протестовать. Это мѣсто оказалось въ домѣ у стараго князя Сокольскаго. Но протестовать тогда же — значило бы порвать съ ними сразу, что хоть вовсе не пугало меня, но вредило моимъ существеннымъ цѣлямъ, а потому я принялъ мѣсто, покамѣстъ, молча, молчаньемъ защитивъ мое достоинство. Поясню съ самаго начала, что этотъ князь Сокольскій, богачъ и тайный совѣтникъ, нисколько не состоялъ въ родствѣ съ тѣми московскими князьями Сокольскими (ничтожными бѣднякам уже нѣсколько поколѣній сряду), съ которыми Версиловъ велъ свою тяжбу. Они были только однофамильцы. Тѣмъ не менѣе, старый князь очень ими интересовался и особенно любилъ одного изъ этихъ князей, такъ сказать, ихъ старшаго въ родѣ — одного молодого офицера. Версиловъ еще недавно

имѣлъ огромное вліяніе на дѣла этого старика и былъ его другомъ, страннымъ другомъ, потому что этотъ бѣдный князь, какъ я замѣтилъ, ужасно боялся его, не только въ то время, какъ я поступилъ, но, кажется, и всегда во всю дружбу. Впрочемъ, они уже давно не видались; безчестный поступокъ, въ которомъ обвиняли Версилова, касался именно семейства князя; но подвернулась Татьяна Павловна, и чрезъ ея-то посредство я и помѣщенъ былъ къ старику, который желалъ «молодого человѣка» къ себѣ въ кабинетъ. При этомъ оказалось, что ему ужасно желалось тоже сдѣлать угодное Версилову, такъ сказать, первый шагъ къ нему, а Версиловъ *позволилъ*. Распорядился же старый князь въ отсутствіе своей дочери, вдовы-генеральши, которая навѣрно бы ему не позволила этого шагу. Объ этомъ послѣ, но замѣчу, что эта-то странность отношеній къ Версилову и поразила меня въ его пользу. Представлялось соображенію, что если глава оскорбленной семьи все еще продолжаетъ питать уваженіе къ Версилову, то, стало быть, нелѣпы или, по крайней мѣрѣ, двусмысленны и распущенные толки о подлости Версилова. Отчасти это-то обстоятельство и заставило меня не протестовать при поступленіи: поступя, я именно надѣялся все это провѣрить.

Эта Татьяна Павловна играла странную роль въ то время, какъ я засталъ ее въ Петербургѣ. Я почти забылъ о ней вовсе и ужъ никакъ не ожидалъ, что она съ такимъ значеніемъ. Она прежде встрѣчалась мнѣ раза три, четыре въ моей московской жизни, и являлась Богъ знаетъ откуда, по чьему-то порученію, всякій разъ, когда надо было меня гдѣ-нибудь устраивать, — при поступленіи въ пансіо-

нишко Тушара, или потомъ, черезъ два съ половиной года, при переводѣ меня въ гимназію и помѣщеніи въ квартирѣ незабвеннаго Николая Семеновича. Появившись, она проводила со мною весь тотъ день, ревизовала мое бѣлье, платье, разъѣзжала со мной на Кузнецкій и въ городъ, покупала мнѣ необходимыя вещи, устраивала, однимъ словомъ, все мое приданое до послѣдняго сундучка и перочиннаго ножика; при этомъ, все время шипѣла на меня, бранила меня, корила меня, экзаменовала меня, представляла мнѣ въ примѣръ другихъ фантастическихъ какихъ-то мальчиковъ, ея знакомыхъ и родственниковъ, которые будто бы всѣ были лучше меня, и, право, даже щипала меня, а толкала положительно, даже нѣсколько разъ, и больно. Устроивъ меня и водворивъ на мѣстѣ, она исчезала на нѣсколько лѣтъ безслѣдно. Вотъ она-то, тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, и появилась опять водворять меня. Это была сухенькая, маленькая фигурка, съ птичьимъ востренькимъ носикомъ и птичьими вострыми глазками. Версилову она служила какъ раба и преклонялась передъ нимъ какъ передъ папой, но по убѣжденію. Но скоро я съ удивленіемъ замѣтилъ, что ее рѣшительно всѣ и вездѣ уважали, и главное — рѣшительно вездѣ и всѣ знали. Старый князь Сокольскій относился къ ней съ необыкновеннымъ почтеніемъ; въ его семействѣ тоже; эти гордыя дѣти Версилова тоже; у Фанаріотовыхъ тоже, — а, между тѣмъ, она жила шитьемъ, промываніемъ какихъ-то кружевъ, брала изъ магазина работу. Мы съ нею съ перваго слова поссорились, потому что она тотчасъ же вздумала, какъ прежде, шесть лѣтъ тому, шипѣть на меня; съ тѣхъ поръ продолжали ссориться каждый день: но это не мѣ-

шало намъ иногда заговаривать, и, признаюсь, къ концу мѣсяца она мнѣ начала нравиться; я думаю, за независимость характера. Впрочемъ, я ее объ этомъ не увѣдомлялъ.

Я сейчасъ же понялъ, что меня опредѣлили на мѣсто къ этому больному старику затѣмъ только, чтобъ его «тѣшить», и что въ этомъ и вся служба. Естественно, это меня унизило, и я тотчасъ же принялъ было мѣры; но вскорѣ этотъ старый чудакъ произвелъ во мнѣ какое-то неожиданное впечатлѣніе, въ родѣ какъ бы жалости, и къ концу мѣсяца я какъ-то странно къ нему привязался, по крайней мѣрѣ, оставилъ намѣреніе грубить. Ему, впрочемъ, было не болѣе шестидесяти. Тутъ вышла цѣлая исторія. Года полтора назадъ, съ нимъ вдругъ случился припадокъ; онъ куда-то поѣхалъ и въ дорогѣ помѣшался, такъ что произошло нѣчто въ родѣ скандала, о которомъ въ Петербургѣ поговорили. Какъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ, его мигомъ увезли за границу, но мѣсяцевъ черезъ пять онъ вдругъ опять появился, и совершенно здоровый, хотя и оставилъ службу. Версиловъ увѣрялъ серьезно (и замѣтно горячо), что помѣшательства съ нимъ вовсе не было, а былъ лишь какой-то нервный припадокъ. Эту горячность Версилова я немедленно отмѣтилъ. Впрочемъ, замѣчу, что и самъ я почти раздѣлялъ его мнѣніе. Старикъ казался только развѣ ужъ черезчуръ иногда легкомысленнымъ, какъ-то не по лѣтамъ, чего прежде совсѣмъ, говорятъ, не было. Говорили, что прежде онъ давалъ какіе-то гдѣ-то совѣты и однажды какъ-то слишкомъ ужъ отличился въ одномъ возложенномъ на него порученіи. Зная его цѣлый мѣсяцъ, я никакъ бы не предположилъ его особенной силы быть со-

вѣтникомъ. Замѣчали за нимъ (хотя я и не замѣтилъ), что послѣ припадка въ немъ развилась какая-то особенная наклонность поскорѣе жениться и что будто бы онъ уже не разъ приступалъ къ этой идеѣ въ эти полтора года. Объ этомъ, будто бы, знали въ свѣтѣ и, кому слѣдуетъ, интересовались. Но такъ какъ это поползновеніе слишкомъ не соотвѣтствовало интересамъ нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ князя, то старика сторожили со всѣхъ сторонъ. Свое семейство у него было малое; онъ былъ вдовцомъ уже двадцать лѣтъ и имѣлъ лишь единственную дочь, ту вдову-генеральшу, которую теперь ждали изъ Москвы ежедневно, молодую особу, характера которой онъ несомнѣнно боялся. Но у него была бездна разныхъ отдаленныхъ родственниковъ, преимущественно по покойной его женѣ, которые всѣ были чуть не нищіе; кромѣ того, множество разныхъ его питомцевъ и имъ облагодѣтельствованныхъ питомицъ, которыя всѣ ожидали частички въ его завѣщаніи, а потому всѣ и помогали генеральшѣ въ надзорѣ за старикомъ. У него была, сверхъ того, одна странность, съ самаго молоду, не знаю только, смѣшная или нѣтъ: выдавать замужъ бѣдныхъ дѣвицъ. Онъ ихъ выдавалъ уже лѣтъ двадцать пять сряду — или отдаленныхъ родственницъ, или падчерицъ какихъ-нибудь двоюродныхъ братьевъ своей жены, или крестницъ, даже выдалъ дочку своего швейцара. Онъ сначала бралъ ихъ къ себѣ въ домъ еще маленькими дѣвочками, ростилъ ихъ съ гувернантками и француженками, потомъ обучалъ въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ конецъ выдавалъ съ приданымъ. Все это около него тѣснилось постоянно. Питомицы естественно въ замужествѣ народили еще дѣвочекъ; всѣ на-

родившіяся дѣвочки тоже норовили въ питомицы: вездѣ онъ долженъ былъ крестить, все это являлось поздравлять съ именинами, и все это ему было чрезвычайно пріятно.

Поступивъ къ нему, я тотчасъ замѣтилъ, что въ умѣ старика гнѣздилось одно тяжелое убѣжденіе — и этого никакъ нельзя было не замѣтить — что всѣ-де какъ-то странно стали смотрѣть на него въ свѣтѣ, что всѣ будто стали относиться къ нему не такъ, какъ прежде, къ здоровому; это впечатлѣніе не покидало его даже въ самыхъ веселыхъ свѣтскихъ собраніяхъ. Старикъ сталъ мнителенъ, сталъ замѣчать что-то у всѣхъ по глазамъ. Мысль, что его все еще подозрѣваютъ помѣшаннымъ, видимо его мучила; даже ко мнѣ онъ иногда приглядывался съ недовѣрчивостью. И если бы онъ узналъ, что кто-нибудь распространяетъ или утверждаетъ о немъ этотъ слухъ, то, кажется, этотъ незлобивѣйшій человѣкъ сталъ бы ему вѣчнымъ врагомъ. Вотъ это-то обстоятельство я и прошу замѣтить. Прибавлю, что это и рѣшило съ перваго дня, что я не грубилъ ему; даже радъ былъ, если приводилось его иногда развеселить или развлечь; не думаю, чтобъ признаніе это могло положить тѣнь на мое достоинство.

Большая часть его денегъ находилась въ оборотѣ. Онъ, уже послѣ болѣзни, вошелъ участникомъ въ одну большую акціонерную компанію, впрочемъ, очень солидную. И хоть дѣла вели другіе, но онъ тоже очень интересовался, посѣщалъ собранія акціонеровъ, выбранъ былъ въ члены-учредители, засѣдалъ въ совѣтахъ, говорилъ длинныя рѣчи, опровергалъ, шумѣлъ, и, очевидно, съ удовольствіемъ. Говорить рѣчи ему очень понравилось: по крайней

мѣрѣ, всѣ могли видѣть его умъ. И вообще, онъ ужасно какъ полюбилъ даже въ самой интимной частной жизни вставлять въ свой разговоръ особенно глубокомысленныя вещи или бонмо; я это слишкомъ понимаю. Въ домѣ, внизу, было устроено въ родѣ домашней конторы, и одинъ чиновникъ велъ дѣла, счеты и книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управлялъ домомъ. Этого чиновника, служившаго, кромѣ того, на казенномъ мѣстѣ, и одного было бы совершенно достаточно; но, по желанію самого князя, прибавили и меня, будто бы на помощь чиновнику; но я тотчасъ же былъ переведенъ въ кабинетъ, и часто, даже для виду, не имѣлъ предъ собою занятій, ни бумагъ, ни книгъ.

Я пишу теперь какъ давно отрезвившійся человѣкъ и во многомъ уже почти какъ посторонній; но какъ изобразить мнѣ тогдашнюю грусть мою (которую живо сейчасъ припомнилъ), засѣвшую въ сердцѣ, а главное — мое тогдашнее волненіе, доходившее до такого смутнаго и горячаго состоянія, что я даже не спалъ по ночамъ — отъ нетерпѣнія моего, отъ загадокъ, которыя я самъ себѣ наставилъ.

II.

Спрашивать денегъ — прегадкая исторія, даже жалованье, если чувствуешь гдѣ-то въ складкахъ совѣсти, что ихъ не совсѣмъ заслужилъ. Между тѣмъ, наканунѣ мать, шепчась съ сестрой, тихонько отъ Версилова («чтобы не огорчить Андрея Петровича»), намѣревалась снести въ закладъ изъ кіота образъ, почему-то слишкомъ ей дорогой. Служилъ я на пятидесяти рубляхъ въ мѣсяцъ, но совсѣмъ не зналъ, какъ я буду ихъ получать; опредѣляя меня

сюда, мнѣ ничего не сказали. Дня три назадъ, встрѣтившись внизу съ чиновникомъ, я освѣдомился у него: у кого здѣсь спрашиваютъ жалованье? Тотъ посмотрѣлъ съ улыбкой удивившагося человѣка (онъ меня не любилъ):

— А вы получаете жалованье?

Я думалъ, что вслѣдъ за моимъ отвѣтомъ онъ прибавитъ:

— За что же это-съ?

Но онъ только сухо отвѣтилъ, что «ничего не знаетъ», и уткнулся въ свою разлинованную книгу, въ которую съ какихъ-то бумажекъ вставлялъ какіе-то счеты.

Ему, впрочемъ, не безызвѣстно было, что я кое-что и дѣлалъ. Двѣ недѣли назадъ, я ровно четыре дня просидѣлъ надъ работой, которую онъ же мнѣ и передалъ: переписать съ черновой, а вышло почти пересочинить. Это была цѣлая орава «мыслей» князя, которыя онъ готовился подать въ комитетъ акціонеровъ. Надо было все это скомпоновать въ цѣлое и поддѣлать слогъ. Мы цѣлый день потомъ просидѣли надъ этой бумагой съ княземъ, и онъ очень горячо со мной спорилъ, однакоже, остался доволенъ; не знаю только, подалъ ли бумагу или нѣтъ? О двухъ, трехъ письмахъ, тоже дѣловыхъ, которыя я написалъ по его просьбѣ, я и не упоминаю.

Просить жалованья мнѣ и потому было досадно, что я уже положилъ отказаться отъ должности, предчувствуя, что принужденъ буду удалиться и отсюда, по неминуемымъ обстоятельствамъ. Проснувшись въ то утро и одѣваясь у себя наверху въ каморкѣ, я почувствовалъ, что у меня забилось сердце, и хоть я плевался, но, входя въ домъ князя,

я снова почувствовалъ то же волненіе: въ это утро должна была прибыть сюда та особа, женщина, отъ прибытія которой я ждалъ разъясненія всего, что меня мучило! Это именно была дочь князя, та генеральша Ахмакова, молодая вдова, о которой я уже говорилъ и которая была въ жестокой враждѣ съ Версиловымъ. Наконецъ, я написалъ это имя! Ее я, конечно, никогда не видалъ, да и представить не могъ, какъ буду съ ней говорить и буду ли; но мнѣ представлялось (можетъ быть, и на достаточныхъ основаніяхъ), что съ ея пріѣздомъ разсѣется и мракъ, окружавшій въ моихъ глазахъ Версилова. Твердымъ я оставаться не могъ: было ужасно досадно, что съ перваго же шагу я такъ малодушенъ и неловокъ; было ужасно любопытно, а, главное, противно, — цѣлыхъ три впечатлѣнія. Я помню весь тотъ день наизусть!

О вѣроятномъ прибытіи дочери мой князь еще не зналъ ничего и предполагалъ ея возвращеніе изъ Москвы развѣ черезъ недѣлю. Я же узналъ наканунѣ совершенно случайно: проговорилась при мнѣ моей матери Татьяна Павловна, получившая отъ генеральши письмо. Онѣ хоть и шептались и говорили отдаленными выраженіями, но я догадался. Разумѣется, не подслушивалъ: просто не могъ не слушать, когда увидѣлъ, что вдругъ, при извѣстіи о пріѣздѣ этой женщины, такъ взволновалась мать. Версилова дома не было.

Старику я не хотѣлъ передавать, потому что не могъ не замѣтить во весь этотъ срокъ, какъ онъ трусить ея пріѣзда. Онъ даже, дня три тому назадъ, проговорился, хотя робко и отдаленно, что боится съ ея пріѣздомъ за меня, т. е. что за меня ему будетъ тàска. Я, однако, долженъ прибавить,

что въ отношеніяхъ семейныхъ онъ все-таки сохранялъ свою независимость и главенство, особенно въ распоряженіи деньгами. Я сперва заключилъ о немъ, что онъ — совсѣмъ баба; но потомъ долженъ былъ перезаключить въ томъ смыслѣ, что если и баба, то все-таки оставалось въ немъ какое-то иногда упрямство, если не настоящее мужество. Находили минуты, въ которыя съ характеромъ его — повидимому, трусливымъ и поддающимся — почти ничего нельзя было сдѣлать. Мнѣ это Версиловъ объяснилъ потомъ подробнѣе. Упоминаю теперь съ любопытствомъ, что мы съ нимъ почти никогда и не говорили о генеральшѣ, т. е. какъ бы избѣгали говорить: избѣгалъ особенно я, а онъ, въ свою очередь, избѣгалъ говорить о Версиловѣ, и я прямо догадался, что онъ не будетъ мнѣ отвѣчать, если я задамъ который-нибудь изъ щекотливыхъ вопросовъ, меня такъ интересовавшихъ.

Если же захотятъ узнать, объ чемъ мы весь этотъ мѣсяцъ съ нимъ проговорили, то отвѣчу, что, въ сущности, обо всемъ на свѣтѣ, но все о странныхъ какихъ-то вещахъ. Мнѣ очень нравилось чрезвычайное простодушіе, съ которымъ онъ ко мнѣ относился. Иногда я съ чрезвычайнымъ недоумѣніемъ всматривался въ этого человѣка и задавалъ себѣ вопросъ: «Гдѣ же это онъ прежде засѣдалъ? Да его какъ разъ бы въ нашу гимназію, да еще въ четвертый классъ, — и премилый вышелъ бы товарищъ». Удивлялся я тоже не разъ и его лицу: оно было на видъ чрезвычайно серьезное (и почти красивое), сухое; густые, сѣдые вьющіеся волосы, открытые глаза; да и весь онъ былъ сухощавъ, хорошаго роста; но лицо его имѣло какое-то непріятное, почти неприличное свойство вдругъ пе-

ремѣняться изъ необыкновенно серьезнаго на слишкомъ ужъ игривое, такъ что въ первый разъ видѣвшій никакъ бы не ожидалъ этого. Я говорилъ объ этомъ Версилову, который съ любопытствомъ меня выслушалъ; кажется, онъ не ожидалъ, что я въ состояніи дѣлать такія замѣчанія, замѣтилъ вскользь, что это явилось у князя уже послѣ болѣзни и развѣ въ самое только послѣднее время.

Преимущественно мы говорили о двухъ отвлеченныхъ предметахъ, — о Богѣ и бытіи Его, т. е. существуетъ Онъ или нѣтъ, — и объ женщинахъ. Князь былъ очень религіозенъ и чувствителенъ. Въ кабинетѣ его висѣлъ огромный кіотъ съ лампадкой. Но вдругъ на него находило — и онъ вдругъ начиналъ сомнѣваться въ бытіи Божіемъ и говорилъ удивительныя вещи, явно вызывая меня на отвѣтъ. Къ идеѣ этой я былъ довольно равнодушенъ, говоря вообще, но все-таки мы очень завлекались оба и всегда искренно. Вообще всѣ эти разговоры даже и теперь вспоминаю съ пріятностью. Но всего милѣе ему было поболтать о женщинахъ, и такъ какъ я, по нелюбви моей къ разговорамъ на эту тему, не могъ быть хорошимъ собесѣдникомъ, то онъ иногда даже огорчался.

Онъ какъ разъ заговорилъ въ этомъ родѣ, только что я пришелъ въ это утро. Я засталъ его въ настроеніи игривомъ, а вчера оставилъ отчего-то въ чрезвычайной грусти. Между тѣмъ, мнѣ надо было непремѣнно окончить сегодня же объ жалованьѣ, — до пріѣзда нѣкоторыхъ лицъ. Я расчитывалъ, что насъ сегодня непремѣнно *прервутъ* (не даромъ же билось сердце), — и тогда, можетъ, я и не рѣшусь заговорить объ деньгахъ. Но такъ какъ о деньгахъ не заговаривалось, то я естественно разсердился на

мою глупость, и, какъ теперь помню, въ досадѣ на какой-то слишкомъ ужъ веселый вопросъ его, изложилъ ему мои взгляды на женщинъ залпомъ и съ чрезвычайнымъ азартомъ. А изъ того вышло, что онъ еще больше увлекся на мою же шею.

III.

— Я не люблю женщинъ за то, что онѣ грубы, за то, что неловки, за то, что онѣ не самостоятельны, и за то, что носятъ неприличный костюмъ! — безсвязно заключилъ я мою длинную тираду.

— Голубчикъ, пощади! — вскричалъ онъ, ужасно развеселившись, что еще пуще обозлило меня.

Я уступчивъ и мелоченъ только въ мелочахъ, но въ главномъ не уступлю никогда. Въ мелочахъ же, въ какихъ-нибудь свѣтскихъ пріемахъ, со мной Богъ знаетъ что можно сдѣлать, и я всегда проклинаю въ себѣ эту черту. Изъ какого-то смердящаго добродушія, я иногда бывалъ готовъ поддакивать даже какому-нибудь свѣтскому фату, единственно обольщенный его вѣжливостью, или ввязывался въ споръ съ дуракомъ, что всего непростительнѣе. Все это отъ невыдержки и отъ того, что выросъ въ углу, но завтра опять то же самое. Вотъ почему меня принимали иногда чуть не за шестнадцатилѣтняго. Но вмѣсто пріобрѣтенія выдержки я и теперь предпочитаю закупориться еще больше въ уголъ, хотя бы въ самомъ мизантропическомъ видѣ: «Пусть я неловокъ, но — прощайте!» Я это говорю серьезно и навсегда. Впрочемъ, вовсе не по поводу князя это пишу, и даже не по поводу тогдашняго разговора.

— Я вовсе не для веселости вашей говорю, — почти закричалъ я на него, — я просто высказываю убѣжденіе.

— Но какъ же это женщины грубы и одѣты неприлично? Это ново.

— Грубы. Подите въ театръ, подите на гулянье. Всякій изъ мужчинъ знаетъ правую сторону, сойдутся и разойдутся, онъ вправо и я вправо. Женщина, то есть дама — я объ дамахъ говорю — такъ и претъ на васъ прямо, даже не замѣчая васъ, точно вы ужъ такъ непремѣнно и обязаны отскочить и уступить дорогу. Я готовъ уступить, какъ созданію слабѣйшему, но почему тутъ право, почему она такъ увѣрена, что я это обязанъ, — вотъ что оскорбительно. Я всегда плевался встрѣчаясь. И послѣ того кричатъ, что онѣ принижены, и требуютъ равенства; какое тутъ равенство, когда она меня топчетъ или напихаетъ мнѣ въ ротъ песку!

— Песку!

— Да; потому что онѣ неприлично одѣты — это только развратный не замѣтитъ. Въ судахъ запираютъ же двери, когда дѣло идетъ о неприличностяхъ: зачѣмъ же позволяютъ на улицахъ, гдѣ еще больше людей? Онѣ сзади себѣ открыто фруфру подкладываютъ, чтобы показать, что бельфамъ; открыто! Я вѣдь не могу не замѣтить, и юноша тоже замѣтитъ, и ребенокъ, начинающій мальчикъ, тоже замѣтитъ; это подло. Пусть любуются старые развратники и бѣгутъ, высуня языкъ, но есть чистая молодежь, которую надо беречь. Остается плеваться. Идетъ по бульвару, а сзади пуститъ шлейфъ въ полтора аршина и пыль мететъ; каково идти сзади: или бѣги обгоняй, или отскакивай въ сторону, не то и въ носъ, и въ ротъ она вамъ пять

фунтовъ песку напихаетъ. Къ тому же, это шелкъ, она его треплетъ по камню три версты, изъ одной только моды, а мужъ пятьсотъ рублей въ сенатѣ въ годъ получаетъ: вотъ гдѣ взятки-то сидятъ! Я всегда плевался, вслухъ плевался и бранился.

Хоть я и выписываю этотъ разговоръ нѣсколько въ юморѣ и съ тогдашнею характерностью, но мысли эти и теперь мои.

— И сходило съ рукъ? — полюбопытствовалъ князь.

— Я плюну и отойду. Разумѣется, почувствуетъ, а виду не покажетъ, претъ величественно, не повернувъ головы. А побранился я совершенно серьезно всего одинъ разъ съ какими-то двумя, обѣ съ хвостами, на бульварѣ, — разумѣется, не скверными словами, а только вслухъ замѣтилъ, что хвостъ оскорбителенъ.

— Такъ и выразился?

— Конечно. Во-первыхъ, она попираетъ условія общества, а, во-вторыхъ, пылитъ, а бульваръ для всѣхъ; я иду, другой идетъ, третій, Ѳедоръ, Иванъ, все равно. Вотъ это я и высказалъ. И вообще, я не люблю женскую походку, если сзади смотрѣть; это тоже высказалъ, но намекомъ.

— Другъ мой, но вѣдь ты можешь попасть въ серьезную исторію: онѣ могли стащить тебя къ мировому!

— Ничего не могли. Не на что было жаловаться: идетъ человѣкъ подлѣ и разговариваетъ самъ съ собой. Всякій человѣкъ имѣетъ право выражать свое убѣжденіе на воздухъ. Я говорилъ отвлеченно, къ нимъ не обращался. Онѣ привязались сами: онѣ стали браниться, онѣ гораздо сквернѣе бранились, чѣмъ я: и молокососъ, и безъ ку-

шанья оставить надо, и нигилистъ, и городовому отдадутъ, и что я потому привязался, что онѣ однѣ и слабыя женщины, а былъ бы съ ними мужчина, такъ я бы сейчасъ хвостъ поджалъ. Я хладнокровно объявилъ, чтобы онѣ перестали ко мнѣ приставать, а я перейду на другую сторону. «А чтобы доказать имъ, что я не боюсь ихъ мужчинъ и готовъ принять вызовъ, то буду идти за ними въ двадцати шагахъ до самаго ихъ дома, затѣмъ стану передъ домомъ и буду ждать ихъ мужчинъ». Такъ и сдѣлалъ.

— Неужто?

— Конечно, глупость, но я былъ разгоряченъ. Онѣ протащили меня версты три слишкомъ, по жарѣ, до институтовъ, вошли въ деревянный одноэтажный домъ, — я долженъ сознаться, весьма приличный, — а въ окна видно было въ домѣ много цвѣтовъ, двѣ канарейки, три шавки и эстампы въ рамкахъ. Я простоялъ среди улицы передъ домомъ съ полчаса. Онѣ выглянули раза три украдкой, а потомъ опустили всѣ шторы. Наконецъ, изъ калитки вышелъ какой-то чиновникъ пожилой; судя по виду, спалъ, и его нарочно разбудили; не то что въ халатѣ, а такъ, въ чемъ-то очень домашнемъ; сталъ у калитки, заложилъ руки назадъ и началъ смотрѣть на меня, я — на него. Потомъ отведетъ глаза, потомъ опять посмотритъ и вдругъ сталъ мнѣ улыбаться. Я повернулся и ушелъ.

— Другъ мой, это что-то Шиллеровское! Я всегда удивлялся: ты краснощекій, съ лица твоего прыщетъ здоровьемъ и — такое, можно сказать, отвращеніе отъ женщинъ! Какъ можно, чтобы женщина не производила въ твои лѣта извѣстнаго впечатлѣнія? Мнѣ, mon cher, еще одиннадцатилѣт-

нему, гувернеръ замѣчалъ, что я слишкомъ засматриваюсь въ Лѣтнемъ Саду на статуи.

— Вамъ ужасно хочется, чтобъ я сходилъ къ какой-нибудь здѣшней Жозефинѣ и пришелъ вамъ донести. Не за чѣмъ; я и самъ еще тринадцати лѣтъ видѣлъ женскую наготу, всю; съ тѣхъ поръ и почувствовалъ омерзѣніе.

— Серьезно? Но, cher enfant, отъ красивой свѣжей женщины яблокомъ пахнетъ, какое жъ тутъ омерзѣніе!

— У меня былъ въ прежнемъ пансіонишкѣ, у Тушара, еще до гимназіи, одинъ товарищъ, Ламбертъ. Онъ все меня билъ, потому что былъ больше чѣмъ тремя годами старше, а я ему служилъ и сапоги снималъ. Когда онъ ѣздилъ на конфирмацію, то къ нему пріѣхалъ аббатъ Риго поздравить съ первымъ причастіемъ, и оба кинулись въ слезахъ другъ къ другу на шею, и аббатъ Риго сталъ его ужасно прижимать къ своей груди, съ разными жестами. Я тоже плакалъ и очень завидовалъ. Когда у него умеръ отецъ, онъ вышелъ, и я два года его не видалъ, а черезъ два года встрѣтилъ на улицѣ. Онъ сказалъ, что ко мнѣ придетъ. Я уже былъ въ гимназіи и жилъ у Николая Семеновича. Онъ пришелъ поутру, показалъ мнѣ пятьсотъ рублей и велѣлъ съ собой ѣхать. Хоть онъ и билъ меня два года назадъ, а всегда во мнѣ нуждался, не для однихъ сапогъ; онъ все мнѣ пересказывалъ. Онъ сказалъ, что деньги утащилъ сегодня у матери изъ шкатулки, поддѣлавъ ключъ, потому что деньги отъ отца всѣ его, по закону, и что она не смѣетъ не давать, а что вчера къ нему приходилъ аббатъ Риго увѣщевать — вошелъ, сталъ надъ нимъ и сталъ хныкать, изображать ужасъ и поднимать руки къ

небу, «а я вынулъ ножъ и сказалъ, что я его зарѣжу» (онъ выговаривалъ: загхэжу). Мы поѣхали на Кузнецкій. Дорогой онъ мнѣ сообщилъ, что его мать въ сношеніяхъ съ аббатомъ Риго, и что онъ это замѣтилъ, и что онъ на все плюетъ, и что все, что они говорятъ про причастіе — вздоръ. Онъ еще много говорилъ, а я боялся. На Кузнецкомъ онъ купилъ двухствольное ружье, ягдташъ, готовыхъ патроновъ, манежный хлыстъ и потомъ еще фунтъ конфетъ. Мы поѣхали за городъ стрѣлять и дорогою встрѣтили птицелова съ клѣтками; Ламбертъ купилъ у него канарейку. Въ рощѣ онъ канарейку выпустилъ, такъ какъ она не можетъ далеко улетѣть послѣ клѣтки, и сталъ стрѣлять въ нее, но не попалъ. Онъ въ первый разъ стрѣлялъ въ жизни, а ружье давно хотѣлъ купить, еще у Тушара, и мы давно уже о ружьѣ мечтали. Онъ точно захлебывался. Волосы у него были черные ужасно, лицо бѣлое и румяное, какъ на маскѣ, носъ длинный съ горбомъ, какъ у французовъ, зубы бѣлые, глаза черные. Онъ привязалъ канарейку ниткой къ сучку, и изъ двухъ стволовъ, въ упоръ, на вершокъ разстоянія, далъ по ней два залпа, и она разлетѣлась на сто перышковъ. Потомъ мы воротились, заѣхали въ гостиницу, взяли номеръ, стали ѣсть и пить шампанское; пришла дама... Я, помню, былъ очень пораженъ тѣмъ, какъ пышно она была одѣта, въ зеленомъ шелковомъ платьѣ. Тутъ я все это и увидѣлъ... про что вамъ говорилъ... Потомъ, когда мы стали опять пить, онъ сталъ ее дразнить и ругать; она сидѣла безъ платья; онъ отнялъ платье, и когда она стала браниться и просить платье, чтобъ одѣться, онъ началъ ее изо всей силы хлестать по голымъ плечамъ хлыстомъ.

Я всталъ, схватилъ его за волосы и такъ ловко, что съ одного раза бросилъ на полъ. Онъ схватилъ вилку и ткнулъ меня въ ляжку. Тутъ на крикъ вбѣжали люди, а я успѣлъ убѣжать. Съ тѣхъ поръ мнѣ мерзко вспомнить о наготѣ; повѣрьте, была красавица.

По мѣрѣ какъ я говорилъ, у князя измѣнялось лицо съ игриваго на очень грустное.

— Mon pauvre enfant! Я всегда былъ убѣжденъ, что въ твоемъ дѣтствѣ было очень много несчастныхъ дней.

— Не безпокойтесь, пожалуйста.

— Но ты былъ одинъ, ты самъ говорилъ мнѣ, и хоть бы этотъ Lambert; ты это такъ очертилъ: эта канарейка, эта конфирмація со слезами на груди и потомъ, черезъ какой-нибудь годъ, онъ о своей матери съ аббатомъ... О, mon cher, этотъ дѣтскій вопросъ въ наше время просто страшенъ: покамѣстъ эти золотыя головки, съ кудрями и съ невинностью, въ первомъ дѣтствѣ, порхаютъ передъ тобой и смотрятъ на тебя съ ихъ свѣтлымъ смѣхомъ и свѣтлыми глазками, — то точно ангелы Божіи или прелестныя птички; а потомъ... а потомъ случается, что лучше бы они и не выростали совсѣмъ!

— Какой вы, князь, разслабленный! И точно у васъ у самихъ дѣти. Вѣдь у васъ нѣтъ дѣтей и никогда не будетъ?

— Tiens! — мгновенно измѣнилось все лицо его, — какъ разъ Александра Петровна, — третьяго дня, хе-хе! — Александра Петровна Синицкая, — ты, кажется, ее долженъ былъ здѣсь встрѣтить недѣли три тому, — представь, она третьяго дня, вдругъ мнѣ, на мое веселое замѣчаніе, что если я теперь женюсь, то, по крайней мѣрѣ, могу быть

спокоенъ, что не будетъ дѣтей, — вдругъ она мнѣ и даже съ этакою злостью: «Напротивъ, у васъ-то и будутъ: у такихъ-то, какъ вы, и бываютъ *непремѣнно,* съ перваго даже года пойдутъ, увидите». Хе-хе! И всѣ почему-то вообразили, что я вдругъ женюсь; но хоть и злобно сказано, а согласитесь — остроумно.

— Отроумно, да обидно.

— Ну, cher enfant, не отъ всякаго можно обидѣться. Я цѣню больше всего въ людяхъ остроуміе, которое видимо исчезаетъ, а что тамъ Александра Петровна скажетъ — развѣ можетъ считаться?

— Какъ, какъ вы сказали? — привязался я, — не отъ всякаго можно . . . именно такъ! Не всякій стоитъ, чтобы на него обращать вниманіе — превосходное правило! Именно я въ немъ нуждаюсь. Я это запишу. Вы, князь, говорите иногда премилыя вещи.

Онъ весь и просіялъ.

— N'est-ce pas? Cher enfant, истинное остроуміе исчезаетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ пуще. Eh mais . . . C'est mois qui connait les femmes! Повѣрь, жизнь всякой женщины, что бы она тамъ ни проповѣдывала, это — вѣчное исканіе кому бы подчиниться . . . такъ сказать, жажда подчиниться. И замѣть себѣ — безъ единаго исключенія.

— Совершенно вѣрно, великолѣпно! — вскричалъ я въ восхищеніи. Въ другое время мы бы тотчасъ пустились въ философскія размышленія на эту тему, на цѣлый часъ, но вдругъ меня какъ будто что-то укусило, и я весь покраснѣлъ. Мнѣ представилось, что я, похвалами его бонмо, подлещаюсь къ нему передъ деньгами и что онъ непремѣнно это подумаетъ, когда я начну просить. Я нарочно упоминаю теперь объ этомъ.

— Князь, я васъ покорнѣйше прошу выдать мнѣ сейчасъ же должныя мнѣ вами пятьдесятъ рублей за этотъ мѣсяцъ, — выпалилъ я залпомъ и раздражительно до грубости.

Помню (такъ какъ я помню все это утро до мелочи), что между нами произошла тогда прегадкая, по своей реальной правдѣ, сцена. Онъ меня сперва не понялъ, долго смотрѣлъ и не понималъ, про какія это деньги я говорю. Естественно, что онъ и не воображалъ, что я получаю жалованье — да и за что? Правда, онъ сталъ увѣрять потомъ, что забылъ и, когда догадался, мигомъ сталъ вынимать пятьдесятъ рублей, но заторопился и даже закраснѣлся. Видя въ чемъ дѣло, я всталъ и рѣзко заявилъ, что не могу теперь принять деньги, что мнѣ сообщили о жалованьѣ, очевидно, ошибочно или обманомъ, чтобъ я не отказался отъ мѣста, и что слишкомъ теперь понимаю, что мнѣ не за что получать, потому что никакой службы не было. Князь испугался и сталъ увѣрять, что я ужасно много служилъ, что я буду еще больше служить и что пятьдесятъ рублей такъ ничтожно, что онъ мнѣ, напротивъ, еще прибавитъ, потому что онъ обязанъ, и что онъ самъ рядился съ Татьяной Павловной, но «непростительно все позабылъ». Я вспыхнулъ и окончательно объявилъ, что мнѣ низко получать жалованье за скандальные разсказы о томъ, какъ я провожалъ два хвоста къ институтамъ, что я не потѣшать его нанялся, а заниматься дѣломъ, а когда дѣла нѣтъ, то надо покончить и т. д., и т. д. Я и представить не могъ, чтобы можно было такъ испугаться, какъ онъ, послѣ этихъ словъ моихъ. Разумѣется, покончили тѣмъ, что я пересталъ возражать, а онъ всучилъ-таки мнѣ пятьдесятъ руб-

лей: до сихъ поръ вспоминаю съ краской въ лицѣ, что ихъ принялъ! На свѣтѣ всегда подлостью оканчивается, и, что хуже всего, онъ тогда сумѣлъ-таки почти доказать мнѣ, что я заслужилъ неоспоримо, а я имѣлъ глупость повѣрить, и при томъ какъ-то рѣшительно невозможно было не взять.

— Cher, cher enfant! — восклицалъ онъ, цѣлуя меня и обнимая (признаюсь, я самъ было заплакалъ чертъ знаетъ съ чего, хоть мигомъ воздержался, и даже теперь, какъ пишу, у меня краска въ лицѣ; — милый другъ, ты мнѣ теперь какъ родной; ты мнѣ въ этотъ мѣсяцъ сталъ какъ кусокъ моего собственнаго сердца! Въ «свѣтѣ» только «свѣтъ» и больше ничего. Катерина Николаевна (дочь его) блестящая женщина, и я горжусь, но она часто, очень-очень, милый мой, часто меня обижаетъ.... Ну, а эти дѣвочки (elles sont charmantes) и ихъ матери, которыя пріѣзжаютъ въ именины, — такъ вѣдь онѣ только свою канву привозятъ, а сами ничего не умѣютъ сказать. У меня на шестьдесятъ подушекъ ихъ канвы накоплено, все собаки да олени. Я ихъ очень люблю, но съ тобой я почти какъ съ роднымъ, — и не сыномъ, а братомъ, и особенно люблю, когда ты возражаешь: ты литературенъ, ты читалъ, ты умѣешь восхищаться...

— Я ничего не читалъ и совсѣмъ не литературенъ. Я читалъ, что попадется, а послѣдніе два года совсѣмъ ничего не читалъ и не буду читать.

— Почему не будешь?

— У меня другія цѣли.

— Cher... жаль, если въ концѣ жизни скажешь себѣ, какъ и я: Je sais tout, mais je ne sais rien de bon. Я рѣшительно не знаю, для чего я

жилъ на свѣтѣ! Но... я тебѣ столько обязанъ... и я даже хотѣлъ...

Онъ какъ-то вдругъ оборвалъ, раскисъ и задумался. Послѣ потрясеній (а потрясенія съ нимъ могли случиться поминутно, Богъ знаетъ съ чего) онъ, обыкновенно, на нѣкоторое время какъ бы терялъ здравость разсудка и переставалъ управлять собой; впрочемъ, скоро и поправлялся, такъ что все это было не вредно. Мы просидѣли съ минуту. Нижняя губа его, очень полная, совсѣмъ отвисла... всего болѣе удивило меня, что онъ вдругъ упомянулъ про свою дочь, да еще съ такою откровенностью. Конечно, я приписалъ разстройству.

— Cher enfant, ты вѣдь не сердишься на меня за то, что я тебѣ *ты* говорю, не правда ли? — вырвалось у него вдругъ.

— Нисколько. Признаюсь, сначала, съ первыхъ разовъ, я былъ нѣсколько обиженъ и хотѣлъ вамъ самимъ сказать *ты*, но увидалъ, что глупо, потому что не для того же, чтобъ унизить меня, вы мнѣ *ты* говорите?

Онъ уже не слушалъ и забылъ свой вопросъ.

— Ну, что *отецъ*? — поднялъ онъ вдругъ на меня задумчивый взглядъ.

Я такъ и вздрогнулъ. Во-первыхъ, онъ Версилова обозначилъ моимъ *отцомъ*, — чего бы онъ себѣ никогда со мной не позволилъ, а во-вторыхъ, заговорилъ о Версиловѣ, чего никогда не случалось.

— Сидитъ безъ денегъ и хандритъ, — отвѣтилъ я кратко, но самъ сгорая отъ любопытства.

— Да, насчетъ денегъ. У него сегодня въ окружномъ судѣ рѣшается ихъ дѣло, и я жду князя Сережу, съ чѣмъ-то онъ придетъ. Обѣщался прямо

изъ суда ко мнѣ. Вся ихъ судьба; тутъ шестьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ. Конечно, я всегда желалъ добра и Андрею Петровичу (т. е. Версилову), и, кажется, онъ останется побѣдителемъ, а князья ни при чемъ. Законъ!

— Сегодня въ судѣ? — воскликнулъ я, пораженный.

Мысль, что Версиловъ даже и это пренебрегъ мнѣ сообщить, чрезвычайно поразила меня. «Стало быть, не сказалъ и матери, можетъ, никому», представилось мнѣ тотчасъ же, — «вотъ характеръ!»

— А развѣ князь Сокольскій въ Петербургѣ? — поразила меня вдругъ другая мысль.

— Со вчерашняго дня. Прямо изъ Берлина, нарочно къ этому дню.

Тоже чрезвычайно важное для меня извѣстіе. «И онъ придетъ сегодня сюда, этотъ человѣкъ, который далъ *ему* пощечину!»

— Ну, и что жъ, — измѣнилось вдругъ все лицо князя, — проповѣдуетъ Бога попрежнему и, и... пожалуй, опять по дѣвочкамъ, по неоперившимся дѣвочкамъ? Хе-хе! Тутъ и теперь презабавный наклевывается одинъ анекдотъ... Хе-хе!

— Кто проповѣдуетъ? Кто по дѣвочкамъ?

— Андрей Петровичъ! Вѣришь ли, онъ тогда присталъ ко всѣмъ намъ, какъ листъ: что, дескать, ѣдимъ, объ чемъ мыслимъ? — То есть почти такъ. Пугалъ и очищалъ: «Если ты религіозенъ, то какъ же ты не идешь въ монахи?» Почти это и требовалъ. Mais quelle idée! Если и правильно, то не слишкомъ ли строго? Особенно меня любилъ страшнымъ судомъ пугать, меня изъ всѣхъ.

— Ничего этого я не замѣтилъ, вотъ ужъ мѣ-

сяцъ съ нимъ живу, — отвѣчалъ я, вслушиваясь съ нетерпѣніемъ. Мнѣ ужасно было досадно, что онъ не оправился и мямлилъ такъ безсвязно.

— Это онъ только не говоритъ теперь, а повѣрь, что такъ. Человѣкъ остроумный и глубоко ученый; но правильный ли это умъ? Это все послѣ трехъ лѣтъ его за границей съ нимъ произошло. И, признаюсь, меня очень потрясъ... и всѣхъ потрясалъ... Cher enfant, j'aime le bon Dieu... Я вѣрую, вѣрую сколько могу, но — я рѣшительно вышелъ тогда изъ себя. Положимъ, что я употребилъ тогда пріемъ легкомысленный, но я это сдѣлалъ нарочно, въ досадѣ, — и къ тому же сущность моего возраженія была такъ же серьезна, какъ была и съ начала міра: «Если высшее существо», говорю ему, «есть и существуетъ *персонально,* а не въ видѣ разлитаго тамъ духа какого-то по творенію, въ видѣ жидкости, что ли (потому что это еще труднѣе понять), — то гдѣ же Онъ живетъ? Другъ мой, c'était bête, безъ сомнѣнія, но вѣдь и всѣ возраженія на это же сводятся. Un domicile — это важное дѣло. Ужасно разсердился. Онъ тамъ въ католичество перешелъ.

— Объ этой идеѣ я тоже слышалъ. Навѣрно вздоръ.

— Увѣряю тебя всѣмъ, что есть свято. Вглядись въ него... Впрочемъ, ты говоришь, что онъ измѣнился. Ну, а въ то время, какъ онъ насъ всѣхъ тогда измучилъ! Вѣришь ли, онъ держалъ себя такъ, какъ будто святой и его мощи явятся. Онъ у насъ отчета въ поведеніи требовалъ, клянусь тебѣ! Мощи! En voilà un autre! Ну, пусть тамъ монахъ или пустынникъ, — а тутъ человѣкъ ходитъ во фракѣ, ну, и тамъ все... и вдругъ его

мощи! Странное желаніе для свѣтскаго человѣка и, признаюсь, странный вкусъ. Я тамъ ничего не говорю: конечно, все это святыня, и все можетъ случиться... Къ тому же, все это de l'inconnu, но свѣтскому человѣку даже и неприлично. Если бы какъ-нибудь случилось со мной, или тамъ мнѣ предложили, то, клянусь, я бы отклонилъ. Ну, я, вдругъ, сегодня обѣдаю въ клубѣ и вдругъ потомъ — *являюсь!* Да я насмѣшу! Все это я ему тогда же и изложилъ... Онъ вериги носилъ.

Я покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Вы сами видѣли вериги?

— Я самъ не видалъ, но...

— Такъ объявляю же вамъ, что все это — ложь, сплетеніе гнусныхъ козней и клевета враговъ, то есть одного врага, одного главнѣйшаго и безчеловѣчнаго, потому что у него одинъ только врагъ и есть: это — ваша дочь!

Князь вспыхнулъ въ свою очередь.

— Mon cher, я прошу тебя и настаиваю, чтобъ отнынѣ никогда впредь при мнѣ не упоминать рядомъ съ этой гнусной исторіей имя моей дочери.

Я приподнялся. Онъ былъ внѣ себя; подбородокъ его дрожалъ.

— Cette histoire infême!.. Я ей не вѣрилъ, я не хотѣлъ никогда вѣрить, но... мнѣ говорятъ: вѣрь, вѣрь, я...

Тутъ вдругъ вошелъ лакей и возвѣстилъ визитъ; я опустился опять на мой стулъ.

IV.

Вошли двѣ дамы, обѣ дѣвицы, одна — падчерица одного двоюроднаго брата покойной жены князя,

или что-то въ этомъ родѣ, воспитанница его, которой онъ уже выдѣлилъ приданое и которая (замѣчу для будущаго) и сама была съ деньгами; вторая — Анна Андреевна Версилова, дочь Версилова, старше меня тремя годами, жившая съ своимъ братомъ у Фанаріотовой, и которую я видѣлъ до этого времени всего только разъ въ моей жизни, мелькомъ на улицѣ, хотя съ братомъ ея, тоже мелькомъ, уже имѣлъ въ Москвѣ стычку (очень можетъ быть, и упомяну объ этой стычкѣ впослѣдствіи, если мѣсто будетъ, потому что, въ сущности, не стоитъ). Эта Анна Андреевна была съ дѣтства своего особенною фавориткой князя (знакомство Версилова съ княземъ началось ужасно давно). Я былъ такъ смущенъ только что происшедшимъ, что, при входѣ ихъ, даже не всталъ, хотя князь всталъ имъ навстрѣчу; а потомъ подумалъ, что ужъ стыдно вставать, и остался на мѣстѣ. Главное, я былъ сбитъ тѣмъ, что князь такъ закричалъ на меня три минуты назадъ, и все еще не зналъ: уходить мнѣ или нѣтъ. Но старикъ мой уже все забылъ совсѣмъ, по своему обыкновенію, и весь пріятно оживился при видѣ дѣвицъ. Онъ даже, съ быстро перемѣнившейся физіономіей и какъ-то таинственно подмигивая, успѣлъ прошептать мнѣ наскоро предъ самымъ ихъ входомъ:

— Вглядись въ Олимпіаду, гляди пристальнѣе, пристальнѣе... потомъ разскажу...

Я глядѣлъ на нее довольно пристально и ничего особеннаго не находилъ: не такъ высокаго роста дѣвица, полная и съ чрезвычайно румяными щеками. Лицо, впрочемъ, довольно пріятное, изъ нравящихся матеріалистамъ. Можетъ быть, выраженіе доброты, но со складкой. Особенной интелекціей

не могла блистать, но только въ высшемъ смыслѣ, потому что хитрость была видна по глазамъ. Лѣтъ не болѣе девятнадцати. Однимъ словомъ, ничего замѣчательнаго. У насъ въ гимназіи сказали бы: подушка. (Если я описываю въ такой подробности, то единственно для того, что понадобится въ будущемъ.)

Впрочемъ и все, что описывалъ до сихъ поръ, повидимому, съ такой ненужной подробностью, -- все это ведетъ въ будущее и тамъ понадобится. Въ своемъ мѣстѣ все отзовется; избѣжать не умѣлъ; а если скучно, то прошу не читать.

Совсѣмъ другая особа была дочь Версилова. Высокая, немного даже худощавая; продолговатое и замѣчательно блѣдное лицо, но волосы черные, пышные; глаза темные, большіе, взглядъ глубокій; малыя и алыя губы, свѣжій ротъ. Первая женщина, которая не внушала мнѣ омерзѣнія походкой; впрочемъ, она была тонка и сухощава. Выраженіе лица не совсѣмъ доброе но важное; двадцать два года. Почти ни одной наружной черты сходства съ Версиловымъ, а между тѣмъ, какимъ-то чудомъ, необыкновенное сходство съ нимъ въ выраженіи физіономіи. Не знаю, хороша ли она собой; тутъ какъ на вкусъ. Обѣ были одѣты очень скромно, такъ что не стоитъ описывать. Я ждалъ, что буду тотчасъ обиженъ какимъ-нибудь взглядомъ Версиловой или жестомъ, и приготовился; обидѣлъ же меня ея братъ въ Москвѣ, съ перваго же нашего столкновенія въ жизни. Она меня не могла знать въ лицо, но, конечно, слышала, что я хожу къ князю. Все, что предполагалъ или дѣлалъ князь во всей этой кучѣ его родныхъ и «ожидающихъ» тотчасъ же возбуждало интересъ и являлось собы-

тіемъ, — тѣмъ болѣе его внезапное пристрастіе ко мнѣ. Мнѣ положительно было извѣстно, что князь очень интересовался судьбой Анны Андреевны и искалъ ей жениха. Но для Версиловой было труднѣе найти жениха, чѣмъ тѣмъ, которыя вышивали по канвѣ.

И вотъ, противъ всѣхъ ожиданій, Версилова, пожавъ князю руку и обмѣнявшись съ нимъ какими-то веселыми свѣтскими словечками, необыкновенно любопытно посмотрѣла на меня и, видя, что я на нее тоже смотрю, вдругъ мнѣ съ улыбкою поклонилась. Правда, она только что вошла и поклонилась, какъ вошедшая, но улыбка была до того добрая, что видимо была преднамѣренная. И помню, я испыталъ необыкновенно пріятное ощущеніе.

— А это . . . а это — мой милый и юный другъ Аркадій Андреевичъ Дол . . . — пролепеталъ князь, замѣтивъ, что она мнѣ поклонилась, а я все сижу, — и вдругъ осѣкся: можетъ сконфузился, что меня съ ней знакомитъ (то есть, въ сущности, брата съ сестрой). Подушка тоже мнѣ поклонилась; но я вдругъ преглупо вскипѣлъ и вскочилъ съ мѣста: приливъ выдѣланной гордости, совершенно безсмысленной; все отъ самолюбія.

— Извините, князь, я — не Аркадій Андреевичъ, а Аркадій Макаровичъ, — рѣзко отрѣзалъ я, совсѣмъ уже забывъ, что нужно бы отвѣтить дамамъ поклономъ. Чертъ бы взялъ эту неблагопристойную минуту!

— Mais tiens! — вскричалъ было князь, ударивъ себя пальцемъ по лбу.

— Гдѣ вы учились? — раздался надо мной глупенькій и протяжный вопросъ прямо подошедшей ко мнѣ подушки.

— Въ Москвѣ-съ, въ гимназіи.

— А! Я слышала. Что, тамъ хорошо учатъ?

— Очень хорошо.

Я все стоялъ, а говорилъ точно солдатъ на рапортѣ.

Вопросы этой дѣвицы, безспорно, были ненаходчивы, но, однакожъ, она-таки нашлась, чѣмъ замять мою глупую выходку и облегчить смущеніе князя, который ужъ тѣмъ временемъ слушалъ съ веселой улыбкою какое-то веселое нашептыванье ему на ухо Версиловой, — видимо, не обо мнѣ. Но вопросъ: зачѣмъ же эта дѣвица, совсѣмъ мнѣ не знакомая, выискалась заминать мою глупую выходку и все прочее? Вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно было и представить себѣ, что она обращалась ко мнѣ только такъ: тутъ было намѣреніе. Смотрѣла она на меня слишкомъ любопытно, точно ей хотѣлось, чтобъ и я ее тоже очень замѣтилъ, какъ можно больше. Все это я уже послѣ сообразилъ и — не ошибся.

— Какъ, развѣ сегодня? — вскричалъ вдругъ князь, срываясь съ мѣста.

— Такъ вы не знали? — удивилась Версилова: — Olympe! Князь не зналъ, что Катерина Николаевна сегодня будетъ. Мы къ ней и ѣхали, мы думали, она уже съ утреннимъ поѣздомъ и давно дома. Сейчасъ только съѣхались у крыльца: она прямо съ дороги и сказала намъ пройти къ вамъ, а сама сейчасъ придетъ... Да вотъ и она!

Отворилась боковая дверь и — *та женщина появилась!*

Я уже зналъ ея лицо по удивительному портрету, висѣвшему въ кабинетѣ князя; я изучалъ этотъ портретъ весь этотъ мѣсяцъ. При ней же я провелъ

въ кабинетѣ минуты три и ни на одну секунду не отрывалъ глазъ отъ ея лица. Но если бъ я не зналъ портрета и послѣ этихъ трехъ минутъ спросили меня: «какая она?» — я бы ничего не отвѣтилъ, потому что все у меня заволоклось.

Я только помню изъ этихъ трехъ минутъ какую-то дѣйствительно прекрасную женщину, которую князь цѣловалъ и крестилъ рукой и которая вдругъ быстро стала глядѣть, — такъ-таки прямо только что вошла — на меня. Я ясно разслышалъ, какъ князь, очевидно, показавъ на меня, пробормоталъ что-то, съ маленькимъ какимъ-то смѣхомъ, про новаго секретаря и произнесъ мою фамилію. Она какъ-то вздернула лицо, скверно на меня посмотрѣла и такъ нахально улыбнулась, что я вдругъ шагнулъ, подошелъ къ князю и пробормоталъ, ужасно дрожа, не доканчивая ни одного слова, кажется, стуча зубами:

— Съ тѣхъ поръ я... мнѣ теперь свои дѣла... Я иду.

И я повернулся и вышелъ. Мнѣ никто не сказалъ ни слова, даже князь; всѣ только глядѣли. Князь мнѣ передалъ потомъ, что я такъ поблѣднѣлъ, что онъ «просто струсилъ».

Да нужды нѣтъ!

Глава третья.

— —

I.

Именно нужды не было: высшее соображенiе поглощало всѣ мелочи, и одно могущественное чувство удовлетворяло меня за все. Я вышелъ въ какомъ-то восхищенiи. Ступивъ на улицу, я готовъ былъ запѣть. Какъ нарочно, было прелестное утро, солнце, прохожiе, шумъ, движенiе, радость, толпа. — Что, неужели не обидѣла меня эта женщина? Отъ кого бы перенесъ я такой взглядъ и такую нахальную улыбку безъ немедленнаго протеста, хотя бы глупѣйшаго, — это все равно, — съ моей стороны? Замѣтьте, она ужъ и ѣхала съ тѣмъ, чтобъ меня поскорѣй оскорбить, еще никогда не видавъ: въ глазахъ ея я былъ «подсыльный отъ Версилова», а она была убѣждена и тогда, и долго спустя, что Версиловъ держитъ въ рукахъ всю судьбу ея и имѣетъ средства тотчасъ же погубить ее, если захочетъ, посредствомъ одного документа; подозрѣвала, по крайней мѣрѣ, это. Тутъ была дуэль на смерть.. И вотъ — оскорбленъ я не былъ! Оскорбленiе было, но я его не почувствовалъ! Куда! Я даже былъ радъ; прiѣхавъ ненавидѣть, я даже чувствовалъ, что начинаю любить ее. «Я не знаю, можетъ ли паукъ ненавидѣть ту муху, которую на-

мѣтилъ и ловитъ? Миленькая мушка! Мнѣ кажется, жертву любятъ: по крайней мѣрѣ, можно любить. Я же вотъ люблю моего врага: мнѣ, напримѣръ, ужасно нравится, что она такъ прекрасна. Мнѣ ужасно нравится, сударыня, что вы такъ надменны и величественны: были бы посмирнѣе, не было бы такого удовольствія. Вы плюнули на меня, а я торжествую; если бы вы, въ самомъ дѣлѣ, плюнули мнѣ въ лицо настоящимъ плевкомъ, то, право, я, можетъ быть, не расердился бы, потому что вы — моя жертва, *моя,* а не *его.* Какъ обаятельна эта мысль! Нѣтъ, тайное сознаніе могущества нестерпимо пріятнѣе явнаго господства. Если бъ я былъ стомилліонный богачъ, я бы, кажется, находилъ удовольствіе именно ходить въ самомъ старенькомъ платьѣ, и чтобъ меня принимали за человѣка самаго мизернаго, чуть не просящаго на бѣдность, толкали и презирали меня: съ меня было бы довольно одного сознанія».

Вотъ какъ бы я перевелъ тогдашнія мысли и радость мою, и многое изъ того, что я чувствовалъ. Прибавлю только, что здѣсь, въ сейчасъ написанномъ, вышло легкомысленнѣе: на дѣлѣ я былъ глубже и стыдливѣе. Можетъ, я и теперь про себя стыдливѣе, чѣмъ въ словахъ и дѣлахъ моихъ; дай-то Богъ!

Можетъ, я очень худо сдѣлалъ, что сѣлъ писать: внутри безмѣрно больше остается, чѣмъ то, что выходитъ въ словахъ. Ваша мысль, хотя бы и дурная, пока при васъ, — всегда глубже, а на словахъ — смѣшнѣе и безчестнѣе. Версиловъ мнѣ сказалъ, что совсѣмъ обратно тому бываетъ только у скверныхъ людей. Тѣ только лгутъ, имъ легко; а я стараюсь писать всю правду — это ужасно трудно!

II.

Въ это девятнадцатое число я сдѣлалъ еще одинъ «шагъ».

Въ первый разъ съ пріѣзда у меня очутились въ карманѣ деньги, потому что накопленные въ два года мои шестьдесятъ рублей я отдалъ матери, о чемъ и упомянулъ выше; но уже нѣсколько дней назадъ, я положилъ, въ день полученія жалованья, сдѣлать «пробу», о которой давно мечталъ. Еще вчера я вырѣзалъ изъ газеты адресъ — объявленіе «Судебнаго Пристава при С.-Петербургскомъ Мировомъ съѣздѣ» и проч., и проч. о томъ, что девятнадцатаго сего сентября, въ двѣнадцать часовъ утра, Казанской части, такого-то участка и т. д., и т. д., въ домѣ № такой-то, будетъ продаваться движимое имущество г-жи Лебрехтъ», и что «опись, оцѣнку и продаваемое имущество можно разсмотрѣть въ день продажи» и т. д., и т. д.

Былъ второй часъ въ началѣ. Я поспѣшилъ по адресу пѣшкомъ. Вотъ уже третій годъ какъ я не беру извозчиковъ, — такое далъ слово (иначе не скопилъ бы шестидесяти рублей). Я никогда не ходилъ на аукціоны, я еще не позволялъ себѣ этого; и хоть теперешній «шагъ» мой былъ только *примѣрный,* но и къ этому шагу я положилъ прибѣгнуть лишь тогда, когда кончу съ гимназіей, когда порву со всѣми, когда забьюсь въ скорлупу и стану совершенно свободенъ. Правда, я далеко былъ не въ «скорлупѣ» и далеко еще не былъ свободенъ; но вѣдь и шагъ я положилъ сдѣлать лишь въ видѣ пробы, — такъ только, чтобъ посмотрѣть, почти какъ бы помечтать, а потомъ ужъ не приходить, можетъ, долго, до самаго того времени, когда

начнется серьезно. Для всѣхъ это былъ только маленькій, глупенькій аукціонъ, а для меня — то первое бревно того корабля, на которомъ Колумбъ поѣхалъ открывать Америку. Вотъ мои тогдашнія чувства.

Прибывъ на мѣсто, я прошелъ въ углубленіе двора, обозначеннаго въ объявленіи дома, и вошелъ въ квартиру г-жи Лебрехтъ. Квартира состояла изъ прихожей и четырехъ небольшихъ, невысокихъ комнатъ. Въ первой комнатѣ изъ прихожей стояла толпа, человѣкъ даже до тридцати; изъ нихъ на половину торгующихся, а другіе, по виду ихъ, были или любопытные, или любители, или подосланные отъ Лебрехтъ; были и купцы, и жиды, зарившіеся на золотыя вещи, и нѣсколько человѣкъ изъ одѣтыхъ «чисто». Даже физіономіи иныхъ изъ этихъ господъ врѣзались въ моей памяти. Въ комнатѣ направо, въ открытыхъ дверяхъ, какъ разъ между дверцами, вдвинутъ былъ столъ, такъ что въ ту комнату войти было нельзя: тамъ лежали описанныя и продаваемыя вещи. Налѣво была другая комната, но двери въ нее были притворены, хотя и отпирались поминутно на маленькую щелку, въ которую, видно было, кто-то выглядывалъ — должно быть, изъ многочисленнаго семейства г-жи Лебрехтъ, которой, естественно, въ то время было очень стыдно. За столомъ между дверями, лицомъ къ публикѣ, сидѣлъ на стулѣ г. судебный приставъ, при знакѣ, и производилъ распродажу вещей. Я засталъ уже дѣло почти въ половинѣ; какъ вошелъ — протѣснился къ самому столу. Продавались бронзовые подсвѣчники. Я сталъ глядѣть.

Я глядѣлъ и тотчасъ же сталъ думать: что же я могу тутъ купить? И куда сейчасъ дѣну бронзовые

подсвѣчники, и будетъ ли достигнута цѣль, и такъ ли дѣло дѣлается, и удастся ли мой расчетъ? И не дѣтскій ли былъ мой расчетъ? Все это я думалъ и ждалъ. Ощущеніе было въ родѣ какъ передъ игорнымъ столомъ въ тотъ моментъ, когда вы еще не поставили карту, но подошли съ тѣмъ, что хотите поставить: «захочу поставлю, захочу уйду — моя воля». Сердце тутъ еще не бьется, но какъ-то слегка замираетъ и вздрагиваетъ, — ощущеніе не безъ пріятности. Но нерѣшимость быстро начинаетъ тяготить васъ, и вы какъ-то слѣпнете: протягиваете руку, берете карту, но машинально, почти противъ воли, какъ будто вашу руку направляетъ другой; наконецъ, вы рѣшились и ставите, — тутъ ужъ ощущеніе совсѣмъ иное, огромное. Я не про аукціонъ пишу, я только про себя пишу: у кого же другого можетъ биться сердце на аукціонѣ?

Были — что горячились, были — что молчали и выжидали, были — что купили и раскаивались. Я даже совсѣмъ не сожалѣлъ одного господина, который ошибкою, не разслышавъ, купилъ мельхіоровый молочникъ вмѣсто серебрянаго, вмѣсто двухъ рублей за пять, даже очень мнѣ весело стало. Приставъ варьировалъ вещи: послѣ подсвѣчниковъ явились серьги, послѣ серегъ шитая сафьяная подушка, за ней шкатулка, — должно быть, для разнообразія, или соображаясь съ требованіями торгующихся. Я не выстоялъ и десяти минутъ, подвинулся было къ подушкѣ, потомъ къ шкатулкѣ, но въ рѣшительную минуту каждый разъ осѣкался: предметы эти казались мнѣ совсѣмъ невозможными. Наконецъ, въ рукахъ пристава очутился альбомъ.

«Домашній альбомъ, въ красномъ сафьянѣ, по-

держанный, съ рисунками акварелью и тушью, въ футлярѣ изъ рѣзной слоновой кости съ серебряными застежками — цѣна два рубля!»

Я подступилъ: вещь на видъ изящная, но въ костяной рѣзьбѣ, въ одномъ мѣстѣ, былъ изъянъ. Я только одинъ и подошелъ смотрѣть, всѣ молчали; конкуррентовъ не было. Я бы могъ отстегнуть застежки и вынуть альбомъ изъ футляра, чтобъ осмотрѣть вещь, но правомъ моимъ не воспользовался, и только махнулъ дрожащей рукой: «дескать, все равно».

— Два рубля пять копеекъ, — сказалъ я, кажется стуча зубами.

Осталось за мной. Я тотчасъ вынулъ деньги, заплатилъ, схватилъ альбомъ и ушелъ въ уголъ комнаты; тамъ вынулъ его изъ футляра и лихорадочно, наскоро, сталъ разглядывать: не считая футляра, это была самая дрянная вещь въ мірѣ, — альбомчикъ въ размѣръ листа почтовой бумаги малаго формата, тоненькій, съ золотымъ истершимся обрѣзомъ, — точь-въ-точь такой, какъ заводились въ старину у только что вышедшихъ изъ института дѣвицъ. Тушью и красками нарисованы были храмы на горѣ, Амуры, прудъ съ плавающими лебедями; были стишки:

„Я въ путь далекій отправляюсь,
„Съ Москвой надолго разстаюсь,
„Надолго съ милыми прощаюсь
„И въ Крымъ на почтовыхъ несусь.

(Уцѣлѣли-таки въ моей памяти!) Я рѣшилъ, что «провалился»; если кому чего не надо, такъ именно этого.

«Ничего, — рѣшилъ я: — первую карту непремѣнно проигрываютъ; даже примѣта хорошая».

Мнѣ рѣшительно было весело.

— Ахъ, опоздалъ; у васъ? Вы пріобрѣли? — вдругъ раздался подлѣ меня голосъ господина въ синемъ пальто, виднаго собой и хорошо одѣтаго. Онъ опоздалъ.

— Я опоздалъ. Ахъ, какъ жаль! За сколько?

— Два рубля пять копеекъ.

— Ахъ, какъ жаль! А вы бы уступили?

— Выйдемте, — шепнулъ я ему, замирая.

Мы вышли на лѣстницу.

— Я уступлю вамъ за десять рублей, — сказалъ я, чувствуя холодъ въ спинѣ.

— Десять рублей! Помилуйте, что вы!

— Какъ хотите.

Онъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза; я былъ одѣтъ хорошо: совсѣмъ не похожъ былъ на жида или перекупщика.

— Помилосердуйте, да вѣдь это — дрянной старый альбомъ, кому онъ нуженъ? Футляръ, въ сущности, вѣдь ничего не стоитъ, вѣдь вы же не продадите никому?

— Вы же покупаете.

— Да вѣдь я по особому случаю, я только вчера узналъ: вѣдь этакій я только одинъ и есть! Помилуйте, что вы!

— Я бы долженъ былъ спросить двадцать пять рублей; но такъ какъ тутъ все-таки рискъ, что вы отступитесь, то я спросилъ только десять для вѣрности. Не спущу ни копейки.

Я повернулся и пошелъ.

— Да возьмите четыре рубля, — нагналъ онъ меня уже на дворѣ: — ну, пять.

Я молчалъ и шагалъ.

— На-те, берите! — Онъ вынулъ десять рублей, я отдалъ альбомъ.

— А согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять — а?

— Почему нечестно? Рынокъ!

— Какой тутъ рынокъ? (Онъ сердился.)

— Гдѣ спросъ, тамъ и рынокъ; не спроси вы,— за сорокъ копеекъ не продалъ бы.

Я хоть не заливался хохотомъ и былъ серьезенъ, но хохоталъ внутри, — хохоталъ не то что отъ восторга, а самъ не знаю отчего, немного задыхался.

— Слушайте, — пробормоталъ я совершенно неудержимо, но дружески и ужасно любя его: — слушайте: когда Джемсъ Ротшильдъ, покойникъ, парижскій, вотъ что тысячу семьсотъ милліоновъ франковъ оставилъ (онъ кивнулъ головой), еще въ молодости, когда случайно узналъ, за нѣсколько часовъ раньше всѣхъ, объ убійствѣ герцога Беррійскаго, то тотчасъ поскорѣе далъ знать кому слѣдуетъ, и одной только этой штукой, въ одинъ мигъ, нажилъ нѣсколько милліоновъ, — вотъ какъ люди дѣлаютъ!

— Такъ вы Ротшильдъ, что ли? — крикнулъ онъ мнѣ съ негодованіемъ, какъ дураку.

Я быстро вышелъ изъ дому. Одинъ шагъ — и семь рублей девяносто пять копеекъ нажилъ! Шагъ былъ безсмысленный, дѣтская игра, я согласенъ, но онъ все-таки совпадалъ съ моею мыслью и не могъ не взволновать меня чрезвычайно глубоко... Впрочемъ, нечего чувства описывать. Десятирублевая была въ жилетномъ карманѣ, я просунулъ два пальца пощупать — и такъ и шелъ, не вынимая руки. Отойдя шаговъ сто по улицѣ, я вынулъ ее

посмотрѣть, посмотрѣлъ и хотѣлъ поцѣловать. У подъѣзда дома вдругъ прогремѣла карета: швейцаръ отворилъ дверь, и изъ дому вышла садиться въ карету дама, пышная, молодая, красивая, богатая, въ шелку и бархатѣ: съ двухъаршинными хвостомъ. Вдругъ хорошенькій маленькій портфельчикъ выскочилъ у ней изъ руки и упалъ на землю; она сѣла; лакей нагнулся поднять вещицу, но я быстро подскочилъ, поднялъ и вручилъ дамѣ, приподнявъ шляпу. (Шляпа цилиндръ, я былъ одѣтъ, какъ молодой человѣкъ, недурно.) Дама сдержанно, но съ пріятнѣйшей улыбкой проговорила мнѣ: «Merci, мсье!» Карета загремѣла. Я поцѣловалъ десятирублевую.

III.

Мнѣ въ этотъ же день надо было видѣть Ефима Звѣрева, одного изъ прежнихъ товарищей по гимназіи, бросившаго гимназію и поступившаго въ Петербургѣ въ одно спеціальное высшее училище. Самъ онъ не стоитъ описанія, и собственно въ дружескихъ отношеніяхъ я съ нимъ не былъ; но въ Петербургѣ его отыскалъ; онъ могъ (по разнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить тоже не стоитъ) тотчасъ же сообщить мнѣ адресъ одного Крафта, чрезвычайно нужнаго мнѣ человѣка, только что тотъ вернется изъ Вильно. Звѣревъ ждалъ его именно сегодня или завтра, о чемъ третьяго дня далъ мнѣ знать. Идти надо было на Петербургскую Сторону, но усталости я не чувствовалъ.

Звѣрева (ему тоже было лѣтъ девятнадцать) я засталъ на дворѣ дома его тетки, у которой онъ временно проживалъ. Онъ только что пообѣдалъ и ходилъ по двору на ходуляхъ; тотчасъ же сооб-

щилъ мнѣ, что Крафтъ пріѣхалъ еще вчера и остановился на прежней квартирѣ, тутъ же на Петербургской, и что онъ самъ желаетъ какъ можно скорѣе меня видѣть, чтобы немедленно сообщить нѣчто нужное.

— Куда-то ѣдетъ опять, — прибавилъ Ефимъ.

Такъ какъ видѣть Крафта въ настоящихъ обстоятельствахъ для меня было капитально важно, то я и попросилъ Ефима тотчасъ же свести меня къ нему на квартиру, которая, оказалось, была въ двухъ шагахъ, гдѣ-то въ переулкѣ. Но Звѣревъ объявилъ, что часъ тому ужъ его встрѣтилъ и что онъ прошелъ къ Дергачеву.

— Да пойдемъ къ Дергачеву, что ты все отнѣкиваешься; трусишь?

Дѣйствительно, Крафтъ могъ засидѣться у Дергачева, и тогда гдѣ же мнѣ его ждать? Къ Дергачеву я не трусилъ, но идти не хотѣлъ, несмотря на то, что Ефимъ тащилъ меня туда уже третій разъ. И при этомъ «трусишь» всегда произносилъ съ прескверной улыбкой на мой счетъ. Тутъ была не трусость, объявляю заранѣе, а если я боялся, то совсѣмъ другого. На этотъ разъ пойти рѣшился; это тоже было въ двухъ шагахъ. Дорогой я спросилъ Ефима, все ли еще онъ держитъ намѣреніе бѣжать въ Америку?

— Можетъ и подожду еще, — отвѣтилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

Я его не такъ любилъ, даже не любилъ вовсе. Онъ былъ очень бѣлъ волосами, съ полнымъ, слишкомъ бѣлымъ лицомъ, даже неприлично бѣлымъ, до дѣтскости, а ростомъ даже выше меня, но принять его можно было не иначе какъ за семнадцатилѣтняго. Говорить съ нимъ было не о чемъ.

— Да что жъ, тамъ? Неужто всегда толпа? — справился я для основательности.

— Да чего ты все трусишь? — опять засмѣялся онъ.

— Убирайся къ черту, — разсердился я.

— Вовсе не толпа. Приходятъ только знакомые, и ужъ все свои, будь покоенъ.

— Да чертъ ли мнѣ за дѣло, свои или не свои! Я вотъ развѣ тамъ свой? Почему они во мнѣ могутъ быть увѣрены?

— Я тебя привелъ и довольно. О тебѣ даже слышали. Крафтъ тоже можетъ о тебѣ заявить.

— Слушай, будетъ тамъ Васинъ?

— Не знаю.

— Если будетъ, какъ только войдемъ, толкни меня и укажи Васина; только что войдемъ, слышишь?

Объ Васинѣ я уже довольно слышалъ и давно интересовался.

Дергачевъ жилъ въ маленькомъ флигелѣ, на дворѣ деревяннаго дома одной купчихи, но зато флигель занималъ весь. Всего было чистыхъ три комнаты. Во всѣхъ четырехъ окнахъ были спущены шторы. Это былъ техникъ и имѣлъ въ Петербургѣ занятіе; я слышалъ мелькомъ, что ему выходило одно выгодное частное мѣсто въ губерніи, и что онъ уже отправляется.

Только что мы вошли въ крошечную прихожую, какъ послышались голоса: кажется, горячо спорили и кто-то кричалъ: «Quae medicamenta non sanant — ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat!».

Я, дѣйствительно, былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ. Конечно, я не привыкъ къ обществу,

даже къ какому бы ни было. Въ гимназіи я съ товарищами былъ на ты, но ни съ кѣмъ почти не былъ товарищемъ; я сдѣлалъ себѣ уголокъ и жилъ въ углу. Но не это смущало меня. На всякій случай, я далъ себѣ слово не входить въ споры и говорить только самое необходимое, такъ чтобъ никто не могъ обо мнѣ ничего заключить; главное — не спорить.

Въ комнатѣ, даже слишкомъ небольшой, было человѣкъ семь, а съ дамами человѣкъ десять. Дергачеву было двадцать пять лѣтъ, и онъ былъ женатъ. У жены была сестра и еще родственница; онѣ тоже жили у Дергачева. Комната была меблирована кое-какъ, впрочемъ, достаточно, и даже было чисто. На стѣнѣ висѣлъ литографированный портретъ, но очень дешевый, а въ углу образъ безъ ризы, но съ горѣвшей лампадкой. Дергачевъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку и попросилъ садиться.

— Садитесь, здѣсь всѣ свои.

— Сдѣлайте одолженіе, — прибавила тотчасъ же довольно миловидная молоденькая женщина, очень скромно одѣтая, и, слегка поклонившись мнѣ, тотчасъ же вышла. Это была жена его и, кажется, по виду она тоже спорила, а ушла теперь кормить ребенка. Но въ комнатѣ оставались еще двѣ дамы: — одна очень небольшого роста, лѣтъ двадцати, въ черномъ платьицѣ и тоже не изъ дурныхъ, а другая лѣтъ тридцати, сухая и востроглазая. Онѣ сидѣли, очень слушали, но въ разговоръ не вступали.

Что же касается до мужчинъ, то всѣ были на ногахъ, а сидѣли только, кромѣ меня, Крафтъ и Васинъ; ихъ указалъ мнѣ тотчасъ же Ефимъ, потому что я и Крафта видѣлъ теперь въ первый разъ

въ жизни. Я всталъ съ мѣста и подошелъ съ нимъ познакомиться. Крафтово лицо я никогда не забуду: никакой особенной красоты, но что-то какъ бы ужъ слишкомъ незлобивое и деликатное, хотя собственное достоинство такъ и выставлялось во всемъ. Двадцати шести лѣтъ, довольно сухощавъ, росту выше средняго, бѣлокуръ, лицо серьезное, но мягкое; что-то во всемъ въ немъ было такое тихое. А, между тѣмъ, спросите, — я бы не промѣнялъ моего, можетъ быть, даже очень пошлаго лица на его лицо, которое казалось мнѣ такъ привлекательнымъ. Что-то было такое въ его лицѣ, чего бы я не захотѣлъ въ свое, что-то такое слишкомъ ужъ спокойное въ нравственномъ смыслѣ, что-то въ родѣ какой-то тайной, себѣ невѣдомой гордости. Впрочемъ, такъ буквально судить я тогда, вѣроятно, не могъ; это мнѣ теперь кажется, что я тогда такъ судилъ, то есть ужъ послѣ событія.

— Очень радъ, что вы пришли, — сказалъ Крафтъ. — У меня есть одно письмо, до васъ относящееся. Мы здѣсь посидимъ, а потомъ пойдемъ ко мнѣ.

Дергачевъ былъ средняго роста, широкоплечъ, сильный брюнетъ съ большой бородой; во взглядѣ его видна была смѣтливость и во всемъ сдержанность, нѣкоторая безпрерывная осторожность; хоть онъ больше молчалъ, но, очевидно, управлялъ разговоромъ. Физіономія Васина не очень поразила меня, хоть я слышалъ о немъ какъ о чрезвычайно умномъ: бѣлокурый, съ свѣтлосѣрыми большими глазами, лицо очень открытое, но въ то же время въ немъ что-то было какъ бы излишне твердое; предчувствовалось мало сообщительности, но взглядъ рѣшительно умный, умнѣе Дергачевскаго,

глубже, — умнѣе всѣхъ въ комнатѣ; впрочемъ, можетъ быть, я теперь все преувеличиваю. Изъ остальныхъ я припоминаю всего только два лица изъ всей этой молодежи: одного высокаго, смуглаго человѣка, съ черными бакенами, много говорившаго, лѣтъ двадцати семи, какого-то учителя или въ родѣ того, и еще молодого парня моихъ лѣтъ, въ русской поддевкѣ, — лицо со складкой, молчаливое, изъ прислушивающихся. Онъ и оказался потомъ изъ крестьянъ.

— Нѣтъ, это не такъ надо ставить, — началъ, очевидно, возобновляя давешній споръ, учитель съ черными бакенами, горячившійся больше всѣхъ: — про математическія доказательства я ничего не говорю, но эта идея, которой я готовъ вѣрить и безъ математическихъ доказательствъ . . .

— Подожди, Тихоміровъ, — громко перебилъ Дергачевъ: — вошедшіе не понимаютъ. Это, видите ли, — вдругъ обратился онъ ко мнѣ одному (и признаюсь, если онъ имѣлъ намѣреніе объэкзаменовать во мнѣ новичка или заставить меня говорить, то пріемъ былъ очень ловкій съ его стороны; я тотчасъ же почувствовалъ и приготовился):—это, видите ли, вотъ г. Крафтъ, довольно уже намъ всѣмъ извѣстный и характеромъ, и солидностью убѣжденій. Онъ вслѣдствіе весьма обыкновеннаго факта пришелъ къ весьма необыкновенному заключенію, которымъ всѣхъ удивилъ. Онъ вывелъ, что русскій народъ второстепенный . . .

— Третьестепенный, — крикнулъ кто-то.

— . . . второстепенный, которому предназначено послужить матеріаломъ для болѣе благороднаго племени, а не имѣть своей самостоятельной роли въ судьбахъ человѣчества. Въ виду этого, можетъ

быть, и справедливаго своего вывода, г-нъ Крафтъ пришелъ къ заключенію, что всякая дальнѣйшая дѣятельность всякаго русскаго человѣка должна быть этой идеей парализована, такъ сказать, у всѣхъ должны опуститься руки и . . .

— Позволь, Дергачевъ, это не такъ надо ставить, — опять подхватилъ съ нетерпѣніемъ Тихоміровъ (Дергачевъ тотчасъ же уступилъ). — Въ виду того, что Крафтъ сдѣлалъ серьезныя изученія, вывелъ выводы на основаніи физіологіи, которые признаетъ математическими, и убилъ, можетъ быть, года два на свою идею (которую я бы принялъ преспокойно a priori), въ виду этого, т. е. въ виду тревогъ и серьезности Крафта, это дѣло представляется въ видѣ феномена. Изъ всего выходитъ вопросъ, который Крафтъ понимать не можетъ, и вотъ этимъ и надо заняться, т. е. непониманіемъ Крафта, потому что это феноменъ. Надо разрѣшить, принадлежитъ ли этотъ феноменъ клиникѣ, какъ единичный случай, или есть свойство, которое можетъ нормально повторяться въ другихъ; это интересно въ видахъ уже общаго дѣла. Про Россію я Крафту повѣрю, и даже скажу, что, пожалуй, и радъ; если бъ эта идея была всѣми усвоена, то развязала бы руки и освободила многихъ отъ патріотическаго предразсудка . . .

— Я не изъ патріотизма, — сказалъ Крафтъ какъ бы съ какой-то натугой. Всѣ эти дебаты были, кажется, ему непріятны.

— Патріотизмъ или нѣтъ, это можно оставить въ сторонѣ, — промолвилъ Васинъ, очень молчавшій.

— Но чѣмъ, скажите, выводъ Крафта могъ бы ослабить стремленіе къ общечеловѣческому дѣлу? —

кричалъ учитель (онъ одинъ только кричалъ, всѣ остальные говорили тихо). — Пусть Россія осуждена на второстепенность; но можно работать и не для одной Россіи. И, кромѣ того, какъ же Крафтъ можетъ быть патріотомъ, если онъ уже пересталъ въ Россію вѣрить?

— Къ тому же нѣмецъ, — послышался опять голосъ.

— Я — русскій, — сказалъ Крафтъ.

— Это — вопросъ, не относящійся прямо къ дѣлу, — замѣтилъ Дергачевъ перебившему.

— Выйдите изъ узкости вашей идеи, — не слушалъ ничего Тихоміровъ. — Если Россія — только матеріалъ для болѣе благородныхъ племенъ, то почему же ей и не послужить такимъ матеріаломъ? Это — роль довольно еще благовидная. Почему не успокоиться на этой идеѣ въ виду расширенія задачи. Человѣчество наканунѣ своего перерожденія, которое уже началось. Предстоящую задачу отрицаютъ только слѣпые. Оставьте Россію, если вы въ ней разувѣрились, и работайте для будущаго,— для будущаго, еще неизвѣстнаго народа, но который составится изъ всего человѣчества, безъ разбора племенъ. И безъ того Россія умерла бы когда-нибудь; народы, даже самые даровитые, живутъ всего по полторы, много по двѣ тысячи лѣтъ; не все ли тутъ равно двѣ тысячи или двѣсти лѣтъ? Римляне не прожили и полутора тысячъ лѣтъ въ живомъ видѣ и обратились тоже въ матеріалъ. Ихъ давно нѣтъ, но они оставили идею, и она вошла элементомъ дальнѣйшаго въ судьбы человѣчества. Какъ же можно сказать человѣку, что нечего дѣлать? Я представить не могу положенія, чтобъ когда-нибудь было чечего дѣлать! Дѣлайте для человѣ-

чества и объ остальномъ не заботьтесь. Дѣла такъ много, что не достанетъ жизни, если внимательно оглянуться.

— Надо жить по закону природы и правды, — проговорила изъ-за двери г-жа Дергачева. Дверь была капельку пріотворена, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, съ прикрытой грудью, и горячо прислушивалась.

Крафтъ слушалъ, слегка улыбаясь, и произнесъ, наконецъ, какъ бы съ нѣсколько измученнымъ видомъ, впрочемъ, съ сильною искренностью:

— Я не понимаю, какъ можно, будучи подъ вліяніемъ какой-нибудь господствующей мысли, которой подчиняются вашъ умъ и сердце вполнѣ, жить еще чѣмъ-нибудь, что̀ внѣ этой мысли?

— Но если вамъ сказано логически, математически, что вашъ выводъ ошибоченъ, что вся мысль ошибочна, что вы не имѣете ни малѣйшаго права исключать себя изъ всеобщей полезной дѣятельности изъ-за только, что Россія — предназначенная второстепенность; если вамъ указано, что вмѣсто узкаго горизонта вамъ открывается безконечность, что вмѣсто узкой идеи патріотизма . . .

— Э! — тихо махнулъ рукой Крафтъ, — я вѣдь сказалъ вамъ, что тутъ не патріотизмъ.

— Тутъ, очевидно, недоумѣніе, — ввязался вдругъ Васинъ. — Ошибка въ томъ, что у Крафта не одинъ логическій выводъ, а, такъ сказать, выводъ, обратившійся въ чувство. Не всѣ натуры одинаковы; у многихъ логическій выводъ обращается иногда въ сильнѣйшее чувство, которое захватываетъ все существо и которое очень трудно изгнать или передѣлать. Чтобъ вылѣчить такого человѣка, надо въ такомъ случаѣ измѣнить самое это

чувство, что возможно не иначе, какъ замѣнивъ его другимъ, равносильнымъ. Это всегда трудно, а во многихъ случаяхъ невозможно.

— Ошибка! — завопилъ спорщикъ: — логическій выводъ уже самъ по себѣ разлагаетъ предразсудки. Разумное убѣжденіе порождаетъ то же чувство. Мысль выходитъ изъ чувства и, въ свою очередь, водворяясь въ человѣкѣ, формулируетъ новое!

— Люди очень разнообразны: одни легко перемѣняютъ чувства, другіе тяжело, — отвѣтилъ Васинъ, какъ бы не желая продолжать споръ; но я былъ въ восхищеніи отъ его идеи.

— Это именно такъ, какъ вы сказали! — обратился я вдругъ къ нему, разбивая ледъ и начиная вдругъ говорить. — Именно надо вмѣсто чувства вставить другое, чтобы замѣнить. Въ Москвѣ, четыре года назадъ, одинъ генералъ . . . Видите, господа, я его не зналъ, но . . . Можетъ быть, онъ собственно и не могъ внушать самъ по себѣ уваженія . . . И при томъ самый фактъ могъ явиться неразумнымъ, но . . . Впрочемъ, у него, видите ли, умеръ ребенокъ, т. е. въ сущности двѣ дѣвочки, обѣ одна за другой, въ скарлатинѣ . . . Что жъ, онъ вдругъ такъ былъ убитъ, что все грустилъ, такъ грустилъ, что ходитъ и на него глядѣть нельзя — и кончилъ тѣмъ, что умеръ, почти послѣ полгода. Что онъ отъ этого умеръ, то это фактъ! Чѣмъ, стабыть, можно было его воскресить? Отвѣтъ: равносильнымъ чувствомъ! Надо было выкопать ему изъ могилы этихъ двухъ дѣвочекъ и дать ихъ — вотъ и все, т. е. въ этомъ родѣ. Онъ и умеръ. А между тѣмъ можно было бы представить ему прекрасные выводы: что жизнь скоропостижна, что всѣ смерт-

ны, представить изъ календаря статистику, сколько умираетъ отъ скарлатины дѣтей... Онъ былъ въ отставкѣ...

Я остановился задыхаясь и оглядываясь кругомъ.

— Это совсѣмъ не то, — проговорилъ кто-то.

— Приведенный вами фактъ хоть и не однороденъ съ даннымъ случаемъ, но все же похожъ и поясняетъ дѣло, — обратился ко мнѣ Васинъ.

IV.

Здѣсь я долженъ сознаться, почему я пришелъ въ восхищеніе отъ аргумента Васина насчетъ «идеи-чувства», а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознаться въ адскомъ стыдѣ. Да, я трусилъ идти къ Дергачеву, хотя и не отъ той причины, которую предполагалъ Ефимъ. Я трусилъ оттого, что еще въ Москвѣ ихъ боялся. Я зналъ, что они (т. е. одни или другіе въ этомъ родѣ — это все равно) — діалектики и, пожалуй, разобьютъ «мою идею». Я твердо былъ увѣренъ въ себѣ, что имъ идею мою не выдамъ и не скажу; но они (т. е. опять-таки они или въ родѣ ихъ) могли мнѣ сами сказать что-нибудь, отчего я бы самъ разочаровался въ моей идеѣ, даже и не заикаясь имъ про нее. Въ «моей идеѣ» были вопросы, мною неразрѣшенные, но я не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь разрѣшалъ ихъ, кромѣ меня. Въ послѣдніе два года я даже пересталъ книги читать, боясь наткнуться на какое-нибудь мѣсто не въ пользу «идеи», которое могло бы потрясти меня. И вдругъ Васинъ разомъ разрѣшаетъ задачу и успокаиваетъ меня въ высшемъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чего же я боялся, и что могли они мнѣ сдѣлать какой бы тамъ ни было діалектикой? Я, мо-

жетъ быть, одинъ тамъ и понялъ, что такое Васинъ говорилъ про «идею-чувство!». Мало опровергнуть прекрасную идею, надо замѣнить ее равносильнымъ прекраснымъ; не то я, не желая ни за что разставаться съ моимъ чувствомъ, опровергну въ моемъ сердцѣ опроверженіе, хотя бы насильно, что бы тамъ они ни сказали. А что они могли дать мнѣ взамѣнъ? И потому, я бы могъ быть храбрѣе, я былъ обязанъ быть мужественнѣе. Придя въ восхищеніе отъ Васина, я почувствовалъ стыдъ, а себя — недостойнымъ ребенкомъ!

Тутъ и еще вышелъ стыдъ. Не гаденькое чувство похвалиться моимъ умомъ заставило меня у нихъ разбить ледъ и заговорить, но и желаніе «прыгнуть на шею». Это желаніе прыгнуть на шею, чтобъ признали меня за хорошаго и начали меня обнимать или въ родѣ этого (словомъ, свинство), я считаю въ себѣ самымъ мерзкимъ изъ всѣхъ моихъ стыдовъ и подозрѣвалъ его въ себѣ еще очень давно, и именно отъ угла, въ которомъ продержалъ себя столько лѣтъ, хотя не раскаиваюсь. Я зналъ, что мнѣ надо держать себя въ людяхъ мрачнѣе. Меня утѣшало, послѣ всякаго такого позора, лишь то, что все-таки «идея» при мнѣ, въ прежней тайнѣ, и что я ея имъ не выдалъ. Съ замираніемъ представлялъ я себѣ иногда, что когда выскажу кому-нибудь мою идею, то тогда у меня вдругъ ничего не останется, такъ что я стану похожъ на всѣхъ, а, можетъ быть, и идею брошу; а потому берегъ и хранилъ ее и трепеталъ болтовни. И вотъ, у Дергачева, съ перваго почти столкновенія не выдержалъ: ничего не выдалъ, конечно, но болталъ непозволительно; вышелъ позоръ. Воспоминаніе скверное! Нѣтъ, мнѣ нельзя жить съ людьми; я и

теперь это думаю; на сорокъ лѣтъ впередъ говорю. Моя идея — уголъ.

V.

Только что Васинъ меня похвалилъ, мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось говорить.

— По-моему, всякій имѣетъ право имѣть свои чувства... если по убѣжденію... съ тѣмъ, чтобъ ужъ никто его не укорялъ за нихъ, — обратился я къ Васину. Хоть я проговорилъ и бойко, но точно не я, а во рту точно чужой языкъ шевелился.

— Бу-удто-съ? — тотчасъ же подхватилъ и протянулъ съ ироніей тотъ самый голосъ, который перебилъ Дергачева и крикнулъ Крафту, что онъ нѣмецъ. Считая его полнымъ ничтожествомъ, я обратился къ учителю, какъ будто онъ крикнулъ мнѣ:

— Мое убѣжденіе, что я никого не смѣю судить, — дрожалъ я, уже зная, что полечу.

— Зачѣмъ же такъ секретно? — раздался опять голосъ ничтожества.

— У всякаго свои идея, — смотрѣлъ я въ упоръ на учителя, который, напротивъ, молчалъ и разсматривалъ меня съ улыбкой.

— У васъ? — крикнуло ничтожество.

— Долго разсказывать... А отчасти моя идея именно въ томъ, чтобъ оставили меня въ покоѣ. Пока у меня есть два рубля, я хочу одинъ ни отъ кого не зависѣть (не безпокойтесь, я знаю возраженія) и ничего не дѣлать, — даже для того великаго будущаго человѣчества, работать на котораго приглашали г-на Крафта. Личная свобода, т. е. моя собственная-съ, на первомъ планѣ, а дальше знать не хочу.

Ошибка въ томъ, что я разсердился.

— То есть проповѣдуете спокойствіе сытой коровы?

— Пусть. Отъ коровы не оскорбляются. Я никому ничего не долженъ, я плачу обществу деньги въ видѣ фискальныхъ поборовъ за то, чтобъ меня не обокрали, не прибили и не убили, а больше никто ничего съ меня требовать не смѣетъ. Я, можетъ быть, лично и другихъ идей, и захочу служить человѣчеству, и буду, и, можетъ быть, въ десять разъ больше буду, чѣмъ всѣ проповѣдники; но только я хочу, чтобы съ меня этого никто *не смѣлъ требовать,* заставить меня, какъ г-на Крафта; моя полная свобода, если я даже и пальца не подыму. А бѣгать да вѣшаться всѣмъ на шею отъ любви къ человѣчеству, да сгорать слезами умиленія — это только мода. Да зачѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ и которое, въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія (время тутъ ничего не значитъ), когда земля обратится, въ свою очередь, въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней, т. е. безсмысленнѣе чего нельзя себѣ и представить! Вотъ ваше ученіе! Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ, тѣмъ болѣе если все продолжается одну минуту.

— Б-ба! — крикнулъ голосъ. Я выпалилъ все это нервно и злобно, порвавъ всѣ веревки. Я зналъ, что лечу въ яму, но я торопился, боясь возраженій. Я слишкомъ чувствовалъ, что сыплю, какъ сквозь рѣшето, безсвязно и черезъ десять мыслей въ одни-

надцатую, но я торопился ихъ убѣдить и перепобѣдить. Это такъ было для меня важно! Я три года готовился! Но замѣчательно, что они вдругъ замолчали, ровно ничего не говорили, а всѣ слушали. Я все продолжалъ обращаться къ учителю.

– Именно-съ. Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: «Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ?». Видите ли-съ, есть три рода подлецовъ на свѣтѣ: подлецы наивные, т. е. убѣжденные, что ихъ подлость есть высочайшее благородство, подлецы стыдящіеся, — т. е. стыдящіеся собственной подлости, но при непремѣнномъ намѣреніи все-таки ее докончить, и, наконецъ, просто подлецы, чистокровные подлецы. Позвольте-съ: у меня былъ товарищъ Ламбертъ, который говорилъ мнѣ еще шестнадцати лѣтъ, что когда онъ будетъ богатъ, то самое большое наслажденіе его будетъ кормить хлѣбомъ и мясомъ собакъ, когда дѣти бѣдныхъ будутъ умирать съ голоду, а когда имъ топить будетъ нечѣмъ, то онъ купитъ цѣый дровяной дворъ, сложитъ въ полѣ и вытопитъ поле, а бѣднымъ ни полѣна не дастъ. Вотъ его чувства! Скажите, что я отвѣчу этому чистокровному подлецу на вопросъ: «почему онъ непремѣнно долженъ быть благороднымъ?». И особенно теперь, въ наше время, которое вы такъ передѣлали, потому что хуже того, что теперь — никогда не бывало. Въ нашемъ обществѣ совсѣмъ неясно, господа. Вѣдь вы Бога отрицаете, подвигъ отрицаете, какая же косность, глухая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе? Вы говорите: «разумное отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода»;

а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными, всѣ эти казармы, фаланги? Да чертъ мнѣ въ нихъ, и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу! Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду: оно веселѣе. Что мнѣ за дѣло о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ этимъ вашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу, — ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливѣйшимъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились!

— Превосходное желаніе!

— Впрочемъ, я всегда готовъ вмѣстѣ.

— Еще лучше! (это все тотъ голосъ).

Остальные всѣ продолжали молчать, всѣ глядѣли и меня разглядывали; но, мало-по-малу, съ разныхъ концовъ комнаты началось хихиканье, еще тихое, но всѣ хихикали мнѣ прямо въ глаза. Васинъ и Крафтъ только не хихикали. Съ черными бакенами тоже ухмылялся; онъ въ упоръ смотрѣлъ на меня и слушалъ.

— Господа, — дрожалъ я весь, — я мою идею вамъ не скажу ни за что, но я васъ, напротивъ, съ вашей же точки спрошу, — не думайте, что съ моей, потому что я, можетъ быть, въ тысячу разъ больше люблю человѣчество, чѣмъ вы всѣ, вмѣстѣ взятые! Скажите, — и вы ужъ теперь непремѣнно должны отвѣтить, вы обязаны, потому что смѣетесь,—скажите: чѣмъ прельстите вы меня, чтобъ я шелъ за вами? Скажите, чѣмъ докажете вы мнѣ, что у васъ будетъ лучше? Куда вы дѣнете протестъ моей личности въ вашей казармѣ? Я давно, господа, желалъ съ вами встрѣтиться! У васъ будетъ казарма, общія квартиры, stricte nécessaire, атеизмъ

и общія жены безъ дѣтей, — вотъ вашъ финалъ, вѣдь я знаю-съ. И за все за это, за ту маленькую часть срединной выгоды, которую мнѣ обезпечитъ ваша разумность, за кусокъ и тепло вы берете взамѣнъ всю мою личность! Позвольте-съ: у меня тамъ жену уведутъ; уймете ли вы мою личность, чтобъ я не размозжилъ противнику голову? Вы скажете, что я тогда и самъ поумнѣю; но жена-то что скажетъ о такомъ разумномъ мужѣ, если сколько-нибудь себя уважаетъ? Вѣдь это неестественно-съ; постыдитесь!

— А вы по женской части — спеціалистъ? — раздался съ злорадствомъ голосъ ничтожества.

Одно мгновеніе у меня была мысль броситься и начать его тузить кулаками. Это былъ невысокаго роста, рыжеватый и весноватый . . . да, впрочемъ, чертъ бы взялъ его наружность!

— Успокойтесь, я еще никогда не зналъ женщины, — отрѣзалъ я, въ первый разъ къ нему повертываясь.

— Драгоцѣнное сообщеніе, которое могло бы быть сдѣлано вѣжливѣе, въ виду дамъ!

Но всѣ вдругъ густо зашевелились; всѣ стали разбирать шляпы и хотѣли идти, — конечно, не изъ-за меня, а имъ пришло время; но это молчаливое отношеніе ко мнѣ раздавило меня стыдомъ. Я тоже вскочилъ.

— Позвольте, однако, узнать вашу фамилію: вы все смотрѣли на меня? — ступилъ вдругъ ко мнѣ учитель съ подлѣйшей улыбкой.

— Долгорукій.

— Князь Долгорукій?

— Нѣтъ, просто Долгорукій, сынъ бывшаго крѣпостного Макара Долгорукаго и незаконный

сынъ моего бывшаго барина г-на Версилова. — Не безпокойтесь, господа: я вовсе не для того, чтобы вы сейчасъ же бросились ко мнѣ за это на шею и чтобы вы всѣ завыли, какъ телята, отъ умиленія!

Громкій и самый безцеремонный залпъ хохота раздался разомъ, такъ что заснувшій за дверью ребенокъ проснулся и запищалъ. Я трепеталъ отъ ярости. Всѣ они жали руку Дергачеву и выходили, не обращая на меня никакого вниманія.

— Пойдемте, — толкнулъ меня Крафтъ.

Я подошелъ къ Дергачеву, изо всѣхъ силъ сжалъ ему руку и потрясъ ее нѣсколько разъ тоже изо всей силы.

— Извините, что васъ все обижалъ Кудрюмовъ (это рыжеватый), — сказалъ мнѣ Дергачевъ.

Я пошелъ за Крафтомъ. Я ничего не стыдился.

VI.

Конечно, между мной теперешнимъ и мной тогдашнимъ — безконечная разница.

Продолжая «ничего не стыдиться», я еще на лѣсенкѣ нагналъ Васина, отставъ отъ Крафта, какъ отъ второстепенности, и съ самымъ натуральнымъ видомъ, точно ничего не случилось, спросилъ:

— Вы, кажется, изволите знать моего отца, т. е. я хочу сказать Версилова?

— Я собственно незнакомъ, — тотчасъ отвѣтилъ Васинъ (и безъ малѣйшей той обидной утонченной вѣжливости, которую берутъ на себя люди деликатные, говоря съ тотчасъ же осрамившимся): — но я нѣсколько его знаю: встрѣчался и слушалъ его.

— Коли слушали, такъ, конечно, знаете, пото-

му что вы — вы! Какъ вы о немъ думаете? Простите за скорый вопросъ, но мнѣ нужно. Именно какъ *вы* бы думали, собственно ваше мнѣніе необходимо.

Вы съ меня много спрашиваете. Мнѣ кажется, этотъ человѣкъ способенъ задать себѣ огромныя требованія и, можетъ быть, ихъ выполнить, — но отчета никому не отдающій.

— Это вѣрно, это очень вѣрно, это — очень гордый человѣкъ! Но чистый ли это человѣкъ? Послушайте, что вы думаете о его католичествѣ? Впрочемъ, я забылъ, что вы, можетъ быть, не знаете . . .

Если бъ я не былъ такъ взволнованъ, ужъ разумѣется, я бы не стрѣлялъ такими вопросами, и такъ зря, въ человѣка, съ которымъ никогда не говорилъ, а только о немъ слышалъ. Меня удивляло, что Васинъ какъ бы не замѣчалъ моего сумасшествія!

— Я слышалъ что-то и объ этомъ, но не знаю, насколько это могло бы быть вѣрно, — попрежнему спокойно и ровно отвѣтилъ онъ.

— Ничуть! Это про него неправду! Неужели вы думаете, что онъ можетъ вѣрить въ Бога?

— Это — очень гордый человѣкъ, какъ вы сейчасъ сами сказали, а многіе изъ очень гордыхъ людей любятъ вѣрить въ бога, особенно нѣсколько презирающіе людей. У многихъ сильныхъ людей есть, кажется, натуральная какая-то потребность — найти кого-нибудь или что-нибудь, передъ чѣмъ преклониться. Сильному человѣку иногда очень трудно переносить свою силу.

— Послушайте, это должно быть ужасно вѣрно! — вскричалъ я опять, — только я бы желалъ понять . . .

— Тутъ причина ясная: они выбираютъ Бога, чтобъ не преклоняться передъ людьми; — разумѣется, сами не вѣдая, какъ это въ нихъ дѣлается; преклониться предъ Богомъ не такъ обидно. Изъ нихъ выходятъ чрезвычайно горячо вѣрующіе, вѣрнѣе сказать, горячо желающіе вѣрить; но желанія они принимаютъ за самую вѣру. Изъ этакихъ особенно часто бываютъ подъ конецъ разочаровывающіеся. Про г. Версилова я думаю, что въ немъ есть и чрезвычайно искреннія черты характера. И вообще онъ меня заинтересовалъ.

— Васинъ! — вскричалъ я, — вы меня радуете! Я не уму вашему удивляюсь, я удивляюсь тому, какъ можете вы, человѣкъ столь чистый и такъ безмѣрно надо мной стоящій, — какъ можете вы со мной идти и говорить такъ просто и вѣжливо, какъ будто ничего не случилось!

Васинъ улыбнулся.

— Вы ужъ слишкомъ меня хвалите, а случилось тамъ только то, что вы слишкомъ любите отвлеченные разговоры. Вы, вѣроятно, очень долго передъ этимъ молчали.

— Я три года молчалъ, я три года говорить готовился... Дуракомъ я вамъ, разумѣется, показаться не могъ, потому что вы сами чрезвычайно умны, хотя глупѣе меня вести себя невозможно, но подлецомъ!

— Подлецомъ?

— Да, несомнѣнно! Скажите, не презираете вы меня втайнѣ за то, что я сказалъ, что я незаконнорожденный Версилова... и похвалился, что сынъ двороваго?

— Вы слишкомъ себя мучите. Если находите, что сказали дурно, то стоитъ только не говорить

въ другой разъ: вамъ еще пятьдесятъ лѣтъ впереди.

— О, я знаю, что мнѣ надо быть очень молчаливымъ съ людьми; я сейчасъ это имъ сказалъ, и вотъ я и вамъ вѣшаюсь! Но вѣдь есть разница, есть? Если вы поняли эту разницу, если способны были понять, то я благословляю эту минуту.

Васинъ опять улыбнулся.

— Приходите ко мнѣ, если захотите, — сказалъ онъ. — Я имѣю теперь работу и занятъ, но вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе.

— Я заключилъ объ васъ давеча, по физіономіи, что вы излишне тверды и несообщительны.

— Это очень можетъ быть вѣрно. Я зналъ вашу сестру, Лизавету Макаровну, прошлаго года, въ Лугѣ... Крафтъ остановился и, кажется, васъ ждетъ; ему поворачивать.

Я крѣпко пожалъ руку Васина и добѣжалъ до Крафта, который все шелъ впереди, пока я говорилъ съ Васинымъ. Мы молча дошли до его квартиры; я не хотѣлъ еще и не могъ говорить съ нимъ. Въ характерѣ Крафта одною изъ сильнѣйшихъ чертъ — была деликатность.

Глава четвертая.

I.

Крафтъ прежде гдѣ-то служилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помогалъ покойному Андроникову (за вознагражденіе отъ него) въ веденіи иныхъ частныхъ дѣлъ, которыми тотъ постоянно занимался сверхъ своей службы. Для меня важно было уже то, что Крафту, вслѣдствіе особенной близости его съ Андрониковымъ, могло быть многое извѣстно изъ того, что такъ интересовало меня. Но я зналъ отъ Марьи Ивановны, жены Николая Семеновича, у котораго я прожилъ столько лѣтъ, когда ходилъ въ гимназію, — и которая была родной племянницей, воспитанницей и любимицей Андроникова, что Крафту даже «поручено» передать мнѣ нѣчто. Я уже ждалъ его цѣлый мѣсяцъ.

Онъ жилъ въ маленькой квартирѣ, въ двѣ комнаты, совершеннымъ особнякомъ, а въ настоящую минуту, только что воротившись, былъ даже и безъ прислуги. Чемоданъ былъ хоть и раскрытъ, но не убранъ; вещи валялись на стульяхъ, а на столѣ, передъ диваномъ, разложены были: саквояжъ, дорожная шкатулка, револьверъ и проч. Войдя, Крафтъ былъ въ чрезвычайной задумчивости, какъ бы забывъ обо мнѣ вовсе; онъ, можетъ быть, и не замѣ-

тилъ, что я съ нимъ не разговаривалъ дорогой. Онъ тотчасъ же что-то принялся искать, но, взглянувъ мимоходомъ въ зеркало, остановился и цѣлую минуту пристально разсматривалъ свое лицо. Я хоть и замѣтилъ эту особенность (а потомъ слишкомъ все припомнилъ), но я былъ грустенъ и очень смущенъ. Я былъ не въ силахъ сосредоточиться. Одно мгновеніе мнѣ вдругъ захотѣлось взять и уйти и такъ оставить всѣ дѣла навсегда. Да и что такое были всѣ эти дѣла въ сущности? Не одной ли напускной на себя заботой? Я приходилъ въ отчаяніе, что трачу много энергіи, можетъ быть, на недостойные пустяки изъ одной чувствительности, тогда какъ самъ имѣю передъ собой энергическую задачу. А между тѣмъ, неспособность моя къ серьезному дѣлу, очевидно, обозначалась въ виду того, что случилось у Дергачева.

— Крафтъ, вы къ нимъ и еще пойдете? — вдругъ спросилъ я его. Онъ медленно обернулся ко мнѣ, какъ бы плохо понимая меня. Я сѣлъ на стулъ.

— Простите ихъ! — сказалъ вдругъ Крафтъ.

Мнѣ, конечно, показалось, что это насмѣшка; но, взглянувъ пристально, я увидалъ въ лицѣ его такое странное и даже удивительное простодушіе, что мнѣ даже самому удивительно стало, какъ это онъ такъ серьезно попросилъ меня ихъ «простить». Онъ поставилъ стулъ и сѣлъ подлѣ меня.

— Я самъ знаю, что я, можетъ быть, сбродъ всѣхъ самолюбій и больше ничего, — началъ я, — но не прошу прощенія.

— Да и совсѣмъ не у кого, — проговорилъ онъ тихо и серьезно. Онъ все время говорилъ тихо и очень медленно.

— Пусть я буду виноватъ передъ собой... Я люблю быть виновнымъ передъ собой... Крафтъ, простите, что я у васъ вру. Скажите, неужели вы тоже въ этомъ кружкѣ? Я вотъ объ чемъ хотѣлъ спросить.

— Они не глупѣе другихъ и не умнѣе; они — помѣшанные, какъ всѣ.

— Развѣ всѣ — помѣшанные? — повернулся я къ нему съ невольнымъ любопытствомъ.

— Изъ людей получше теперь всѣ — помѣшанные. Сильно кутитъ одна середина и бездарность... Впрочемъ, это все не стоитъ.

Говоря, онъ смотрѣлъ какъ-то въ воздухъ, начиналъ фразы и обрывалъ ихъ. Особенно поражало какое-то унынiе въ его голосѣ.

— Неужели и Васинъ съ ними? Въ Васинѣ умъ, въ Васинѣ — нравственная идея! — вскричалъ я.

— Нравственныхъ идей теперь совсѣмъ нѣтъ; вдругъ ни одной не оказалось, и, главное, съ такимъ видомъ, что какъ будто ихъ никогда и не было.

— Прежде не было?

— Лучше оставимъ это, — проговорилъ онъ съ явнымъ утомленiемъ.

Меня тронула его горестная серьезность. Устыдясь своего эгоизма, я сталъ входить въ его тонъ.

— Нынѣшнее время, — началъ онъ самъ, помолчавъ минуты двѣ и все смотря куда-то въ воздухъ, — нынѣшнее время — это время золотой средины и безчувствiя, страсти къ невѣжеству, лѣни, неспособности къ дѣлу и потребности всего готоваго. Никто не задумывается; рѣдко кто выжилъ бы себѣ идею.

Онъ опять оборвалъ и помолчалъ немного; я слушалъ.

— Нынче безлѣсятъ Россію, истощаютъ въ ней почву, обращаютъ въ степь и приготовляютъ ее для калмыковъ. Явись человѣкъ съ надеждой и посади дерево — всѣ засмѣются: «развѣ ты до него доживешь?» Съ другой стороны, желающіе добра толкуютъ о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ. Скрѣпляющая идея совсѣмъ пропала. Всѣ точно на постояломъ дворѣ и завтра собираются вонъ изъ Россіи, всѣ живутъ только бы съ нихъ достало . . .

— Позвольте, Крафтъ, вы сказали: «заботятся о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ». Ну, а ваше отчаяніе . . . про участь Россіи . . . развѣ это — не въ томъ же родѣ забота?

— Это . . . это — самый насущный вопросъ, который только есть! — раздражительно проговорилъ онъ и быстро всталъ съ мѣста.

— Ахъ, да! Я и забылъ! — сказалъ онъ вдругъ совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, съ недоумѣніемъ смотря на меня, — я васъ зазвалъ по дѣлу и между тѣмъ . . . Ради Бога извините.

Онъ точно вдругъ опомнился отъ какого-то сна, почти сконфузился; взялъ изъ портфеля, лежавшаго на столѣ, письмо и подалъ мнѣ.

— Вотъ что я имѣю вамъ передать. Это — документъ, имѣющій нѣкоторую важность, — началъ онъ со вниманіемъ и съ самымъ дѣловымъ видомъ. Меня, еще долго спустя, поражала потомъ при воспоминаніи эта способность его (въ такіе для него часы!) съ такимъ сердечнымъ вниманіемъ отнестись къ чужому дѣлу, такъ спокойно и твердо разсказать его.

— Это — письмо того самаго Столбѣева, по смерти котораго изъ-за завѣщанія его возникло дѣло Версилова съ князьями Сокольскими. Дѣло

это теперь рѣшается въ судѣ и рѣшится навѣрно въ пользу Версилова; за него законъ. Между тѣмъ, въ письмѣ этомъ, частномъ, писанномъ два года назадъ, завѣщатель самъ излагаетъ настоящую свою волю или, вѣрнѣе, желаніе, излагаетъ скорѣе въ пользу князей, чѣмъ Версилова. По крайней мѣрѣ, тѣ пункты, на которые опираются князья Сокольскіе, оспаривая завѣщаніе, получаютъ сильную поддержку въ этомъ письмѣ. Противники Версилова много бы дали за этотъ документъ, не имѣющій, впрочемъ, рѣшительнаго юридическаго значенія. Алексѣй Никаноровичъ (Андрониковъ), занимавшійся дѣломъ Версилова, сохранялъ это письмо у себя и, незадолго до своей смерти, передалъ его мнѣ съ порученіемъ «приберечь», — можетъ быть, боялся за свои бумаги, предчувствуя смерть. Не желаю судить теперь о намѣреніяхъ Алексѣя Никаноровича въ этомъ случаѣ и, признаюсь, по смерти его, я находился въ нѣкоторой тягостной нерѣшимости, что мнѣ дѣлать съ этимъ документомъ, особенно въ виду близкаго рѣшенія этого дѣла въ судѣ? Но Марья Ивановна, которой Алексѣй Никаноровичъ, кажется, очень много повѣрялъ при жизни, вывела меня изъ затрудненія: она написала мнѣ, три недѣли назадъ, рѣшительно, чтобъ я передалъ документъ именно вамъ, и что это, *кажется* (ея выраженіе), совпадало бы и съ волей Андроникова. И такъ вотъ документъ, и я очень радъ, что могу его, наконецъ, передать.

— Послушайте, — сказалъ я, озадаченный такою неожиданною новостью, — что же я буду теперь съ этимъ письмомъ дѣлать? Какъ мнѣ поступить?

— Это ужъ въ вашей волѣ.

— Невозможно, я ужасно несвободенъ, согласитесь сами! Версиловъ такъ ждалъ этого наслѣдства . . . и, знаете, онъ погибнетъ безъ этой помощи, — и вдругъ существуетъ такой документъ!

— Онъ существуетъ только здѣсь, въ комнатѣ.

— Неужели такъ? — посмотрѣлъ я на него внимательно.

Если вы въ этомъ случаѣ сами не находите, какъ поступить, то что же я могу вамъ присовѣтовать?

— Но передать князю Сокольскому я тоже не могу: я убью всѣ надежды Версилова, и, кромѣ того, выйду передъ нимъ измѣнникомъ . . . Съ другой стороны, передавъ Версилову, я ввергну невинныхъ въ нищету, а Версилова все-таки ставлю въ безвыходное положеніе: или отказаться отъ наслѣдства, или стать воромъ.

— Вы слишкомъ преувеличиваете значеніе дѣла.

— Скажите одно: имѣетъ ли этотъ документъ характеръ рѣшительный, окончательный?

— Нѣтъ, не имѣетъ. Я небольшой юристъ. Адвокатъ противной стороны, разумѣется, зналъ бы, какъ этимъ документомъ воспользоваться, и извлекъ бы изъ него всю пользу; но Алексѣй Никаноровичъ находилъ положительно, что это письмо, будучи предъявлено, не имѣло бы большого юридическаго значенія, такъ что дѣло Версилова могло бы быть все-таки выиграно. Скорѣе же этотъ документъ представляетъ, такъ сказать, дѣло совѣсти . . .

— Да вотъ это-то и важнѣе всего, — перебилъ я, — именно потому-то Версиловъ и будетъ въ безвыходномъ положеніи.

— Онъ, однако, можетъ уничтожить доку-

ментъ, и тогда, напротивъ, избавитъ себя уже отъ всякой опасности.

— Имѣете вы особыя основанія такъ полагать о немъ, Крафтъ? Вотъ что я хочу знать: для того-то я и у васъ!

— Я думаю, что всякій на его мѣстѣ такъ бы поступилъ.

— И вы сами такъ поступили бы?

— Я не получаю наслѣдства и потому про себя не знаю.

— Ну, хорошо, — сказалъ я, сунувъ письмо въ карманъ. — Это дѣло пока теперь кончено. Крафтъ, послушайте. Марья Ивановна, которая, увѣряю васъ, многое мнѣ открыла, сказала мнѣ, что вы, и только одинъ вы, могли бы передать истину о случившемся въ Эмсѣ, полтора года назадъ, у Версилова съ Ахмаковыми. Я васъ ждалъ, какъ солнца, которое все у меня освѣтитъ. Вы не знаете моего положенія, Крафтъ. Умоляю васъ сказать мнѣ всю правду. Я именно хочу знать, какой *онъ* человѣкъ, а теперь — теперь больше, чѣмъ когда-нибудь это надо!

— Я удивляюсь, какъ Марья Ивановна вамъ не передала всего сама; она могла обо всемъ слышать отъ покойнаго Андроникова и, разумѣется, слышала, и знаетъ, можетъ быть, больше меня.

— Андрониковъ самъ въ этомъ дѣлѣ путается, такъ именно говоритъ Марья Ивановна. Этого дѣла, кажется, никто не можетъ распутать. Тутъ чертъ ногу переломитъ! Я же знаю, что вы тогда сами были въ Эмсѣ . . .

— Я всего не засталъ, но что знаю, пожалуй, разскажу охотно, только удовлетворю ли васъ?

II.

Не привожу дословнаго разсказа, а приведу лишь вкратцѣ сущность.

Полтора года назадъ, Версиловъ, ставъ черезъ стараго князя Сокольскаго другомъ дома Ахмаковыхъ (всѣ тогда находились за границей, въ Эмсѣ), произвелъ сильное впечатлѣніе, во-первыхъ, на самого Ахмакова, генерала и еще не стараго человѣка, но проигравшаго все богатое приданое своей жены, Катерины Николаевны, въ три года супружества, въ карты и отъ невоздержной жизни уже имѣвшаго ударъ. Онъ отъ него очнулся и поправлялся за границей, а въ Эмсѣ проживалъ для своей дочери, отъ перваго своего брака. Это была болѣзненная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, страдавшая разстройствомъ груди и, говорятъ, чрезвычайной красоты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фантастичности. Приданаго у ней не было; надѣялись, по обыкновенію, на стараго князя. Катерина Николаевна была, говорятъ, доброй мачехой. Но дѣвушка почему-то особенно привязалась къ Версилову. Онъ проповѣдывалъ тогда «что-то страстное», по выраженію Крафта, какую-то новую жизнь, «былъ въ религіозномъ настроеніи высшаго смысла» — по странному, а, можетъ быть, и насмѣшливому выраженію Андроникова, которое мнѣ было передано. Но замѣчательно, что его скоро всѣ не взлюбили. Генералъ даже боялся его; Крафтъ совершенно не отрицаетъ слуха, что Версиловъ успѣлъ утвердить въ умѣ больного мужа, что Катерина Николаевна неравнодушна къ молодому князю Сокольскому (отлучившемуся тогда изъ Эмса въ Парижъ). Сдѣлалъ же это не прямо, а «по обыкновенію своему» — навѣтами,

наведеніями и всякими извилинами, «на что онъ великій мастеръ», выразился Крафтъ. Вообще же скажу, что Крафтъ считалъ его и желалъ считать скорѣе плутомъ и врожденнымъ интриганомъ, чѣмъ человѣкомъ, дѣйствительно проникнутымъ чѣмъ-то высшимъ, или хоть оригинальнымъ. Я же зналъ и помимо Крафта, что Версиловъ, имѣвъ сперва чрезвычайное вліяніе на Катерину Николаевну, мало-по-малу дошелъ съ нею до разрыва. Въ чемъ тутъ состояла вся эта игра, я и отъ Крафта не могъ добиться, но о взаимной ненависти, возникшей между обоими, послѣ ихъ дружбы, всѣ подтверждали. Затѣмъ произошло одно странное обстоятельство: болѣзненная падчерица Катерины Николаевны, повидимому, влюбилась въ Версилова, или чѣмъ-то въ немъ поразилась, или воспламенилась его рѣчью, или ужъ я этого ничего не знаю; но извѣстно, что Версиловъ одно время всѣ почти дни проводилъ около этой дѣвушки. Кончилось тѣмъ, что дѣвица объявила вдругъ отцу, что желаетъ за Версилова замужъ. Что это случилось дѣйствительно, — это всѣ подтверждаютъ, и Крафтъ, и Андрониковъ, и Марья Ивановна, и даже однажды проговорилась объ этомъ при мнѣ Татьяна Павловна. Утверждали тоже, что Версиловъ не только самъ желалъ, но даже и настаивалъ на бракѣ съ дѣвушкой, и что соглашеніе этихъ двухъ неоднородныхъ существъ, стараго съ малымъ, было обоюдное. Но отца эта мысль испугала; онъ, по мѣрѣ отвращенія отъ Катерины Николаевны, которую прежде очень любилъ, сталъ чуть не боготворить свою дочь, особенно послѣ удара. Но самой ожесточенной противницей возможности такого брака явилась сама Катерина Николаевна. Произошло чрезвычайно много ка

кихъ-то секретныхъ, чрезвычайно непріятныхъ семейныхъ столкновеній, споровъ, огорченій, однимъ словомъ, всякихъ гадостей. Отецъ началъ, наконецъ, поддаваться, видя упорство влюбленной и «фанатизированной» Версиловымъ дочери — выраженіе Крафта. Но Катерина Николаевна продолжала возставать съ неумолимой ненавистью. И вотъ здѣсь-то и начинается путаница, которую никто не понимаетъ. Вотъ, однако, прямая догадка Крафта на основаніи данныхъ, но все-таки лишь догадка.

Версиловъ будто бы успѣлъ внушить *по-своему,* тонко и неотразимо, молодой особѣ, что Катерина Николаевна оттого не соглашается, что влюблена въ него сама и уже давно мучитъ его ревностью, преслѣдуетъ его, интригуетъ, объяснилась уже ему, и теперь готова сжечь его за то, что онъ полюбилъ другую; однимъ словомъ, что-то въ этомъ родѣ. Сквернѣе всего тутъ то, что онъ будто бы «намекнулъ» объ этомъ отцу, мужу «невѣрной» жены, объясняя, что князь былъ только развлеченіемъ. Разумѣется, въ семействѣ начался цѣлый адъ. По инымъ варіантамъ, Катерина Николаевна ужасно любила свою падчерицу, и теперь, оклеветанная передъ нею, была въ отчаяніи, не говоря уже объ отношеніяхъ къ больному мужу. И что же, рядомъ съ этимъ существуетъ другой варіантъ, которому, къ печали моей, вполнѣ вѣрилъ и Крафтъ, и которому — я и самъ вѣрилъ (обо всемъ этомъ я уже слышалъ). Утверждали (Андрониковъ, говорятъ, слышалъ отъ самой Катерины Николаевны), что, напротивъ, Версиловъ, прежде еще, т. е. до начала чувствъ молодой дѣвицы, предлагалъ свою любовь Катеринѣ Николаевнѣ; что та, бывшая его другомъ, даже экзальтированная имъ нѣкоторое время, но

постоянно ему не вѣрившая и противорѣчившая, встрѣтила это объясненіе Версилова съ чрезвычайною ненавистью и ядовито осмѣяла его. Выгнала же его формально отъ себя за то, что тотъ предложилъ ей прямо стать его женой въ виду близкаго, предполагаемаго второго удара мужа. Такимъ образомъ, Катерина Николаевна должна была почувствовать особенную ненависть къ Версилову, когда увидѣла потомъ, что онъ такъ открыто ищетъ уже руки ея падчерицы. Марья Ивановна, передавая все это мнѣ въ Москвѣ, вѣрила и тому, и другому варіанту, т. е. всему вмѣстѣ: она именно утверждала, что все это могло произойти совмѣстно, что это въ родѣ la haine dans l'amour, оскорбленной любовной гордости съ обѣихъ сторонъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ, что-то въ родѣ какой-то тончайшей романтической путаницы, недостойной всякаго серьезнаго и здравомыслящаго человѣка и, вдобавокъ, съ подлостью. Но Марья Ивановна была и сама нашпигована романами съ дѣтства и читала ихъ день и ночь, несмотря на прекрасный характеръ. Въ результатѣ выставлялась очевидная подлость Версилова, ложь и интрига, что-то черное и гадкое, тѣмъ болѣе, что кончилось, дѣйствительно, трагически: бѣдная, воспламененная дѣвушка отравилась, говорятъ, фосфорными спичками; впрочемъ, я даже и теперь не знаю, вѣренъ ли этотъ послѣдній слухъ; по крайней мѣрѣ, его всѣми силами постарались замять. Дѣвица была больна всего двѣ недѣли и умерла. Спички остались, такимъ образомъ, подъ сомнѣніемъ, но Крафтъ и имъ твердо вѣрилъ. Затѣмъ умеръ въ скорости и отецъ дѣвицы, говорятъ, отъ горести, которая и вызвала второй ударъ, однако, не раньше, какъ черезъ три мѣ-

сяца. Но послѣ похоронъ дѣвицы, молодой князь Сокольскій, возвратившійся изъ Парижа въ Эмсъ, далъ Версилову пощечину публично въ саду и тотъ не отвѣтилъ вызовомъ; напротивъ, на другой же день явился на Променадѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Тутъ-то всѣ отъ него и отвернулись, въ Петербургѣ тоже. Версиловъ хоть и продолжалъ нѣкоторое знакомство, но совсѣмъ въ другомъ кругу. Изъ свѣтскаго его знакомства всѣ его обвиняли, хотя, впрочемъ, мало кто зналъ обо всѣхъ подробностяхъ; знали только нѣчто о романтической смерти молодой особы и о пощечинѣ. По возможности полныя свѣдѣнія имѣли только два-три лица; болѣе всѣхъ зналъ покойный Андрониковъ, имѣя уже давно дѣловыя сношенія съ Ахмаковыми и особенно съ Катериной Николаевной по одному случаю. Но онъ хранилъ всѣ эти секреты даже отъ семейства своего, а открылъ лишь нѣчто Крафту и Марьѣ Ивановнѣ, да и это вслѣдствіе необходимости.

— Главное, тутъ теперь одинъ документъ, — заключилъ Крафтъ, — котораго чрезвычайно боится госпожа Ахмакова.

И вотъ что онъ сообщилъ и объ этомъ:

Катерина Николаевна имѣла неосторожность, когда старый князь, отецъ ея, за границей сталъ уже выздоравливать отъ своего припадка, написать Андроникову въ большомъ секретѣ (Катерина Николаевна довѣряла ему вполнѣ) чрезвычайно компрометирующее письмо. Въ то время, въ выздоравливавшемъ князѣ, дѣйствительно, говорятъ, обнаружилась склонность тратить и чуть не бросать свои деньги на вѣтеръ: за границей онъ сталъ покупать совершенно ненужныя, но цѣнныя вещи, картины, вазы, — дарить и жертвовать на Богъ знаетъ что̀,

большими купцами, даже на разныя таможнія учрежденія; у одного русскаго свѣтскаго мота чуть не купилъ, за огромную сумму, заглазно, разоренное и обремененное тяжбами имѣніе; наконецъ, дѣйствительно, будто бы началъ мечтать о бракѣ. И вотъ, въ виду всего этого, Катерина Николаевна, не отходившая отъ отца во время его болѣзни, и послала Андроникову, какъ юристу и «старому другу», запросъ: «возможно ли будетъ, по законамъ, объявить князя въ опекѣ или въ родѣ неправоспособнаго; а если такъ, то какъ удобнѣе это сдѣлать безъ скандала, чтобъ никто не могъ обвинить, и чтобъ пощадить при этомъ чувства отца и т. д., и т. д.». Андрониковъ, говорятъ, тогда же вразумилъ ее и отсовѣтовалъ; а впослѣдствіи, когда князь выздоровѣлъ совсѣмъ, то и нельзя уже было воротиться къ этой идеѣ; но письмо у Андроникова осталось. И вотъ онъ умираетъ; Катерина Николаевна тотчасъ вспомнила про письмо: если бы оно обнаружилось въ бумагахъ покойнаго и попало въ руки стараго князя, то тотъ, несомнѣнно, прогналъ бы ее навсегда, лишилъ наслѣдства и не далъ бы ей ни копейки при жизни. Мысль, что родная дочь не вѣритъ въ его умъ и даже хотѣла объявить его сумасшедшимъ, обратила бы этого агнца въ звѣря. Она же, овдовѣвъ, осталась, по милости игрока-мужа, безъ всякихъ средствъ, и на одного только отца и разсчитывала: она вполнѣ надѣялась получить отъ него новое приданое, столь же богатое, какъ и первое.

Крафтъ объ участи этого письма зналъ очень мало, но замѣтилъ, что Андрониковъ «никогда не рвалъ нужныхъ бумагъ» и, кромѣ того, былъ человѣкъ хоть и широкаго ума, но и «широкой со-

вѣсти». (Я даже подивился тогда такой чрезвычайной самостоятельности взгляда Крафта, столь любившаго и уважавшаго Андроникова.) Но Крафтъ имѣлъ все-таки увѣренность, что компрометирующій документъ будто бы попался въ руки Версилова черезъ близость того со вдовой и съ дочерьми Андроникова; уже извѣстно было, что онѣ тотчасъ же и обязательно предоставили Версилову всѣ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. Зналъ онъ тоже, что и Катеринѣ Николаевнѣ уже извѣстно, что письмо у Версилова и что она этого-то и боится, думая, что Версиловъ тотчасъ пойдетъ съ письмомъ къ старому князю — что, возвратясь изъ-за границы, она уже искала письмо въ Петербургѣ, была у Андрониковыхъ и теперь продолжаетъ искать, такъ какъ все-таки у нея оставалась надежда, что письмо, можетъ быть, не у Версилова, и, въ заключеніе, что она и въ Москву ѣздила единственно съ этою же цѣлью и умоляла тамъ Марью Ивановну поискать въ тѣхъ бумагахъ, которыя сохранялись у ней. О существованіи Марьи Ивановны и объ ея отношеніяхъ къ покойному Андроникову она провѣдала весьма недавно, уже возвратясь въ Петербургъ.

— Вы думаете, она не нашла у Марьи Ивановны? — спросилъ я, имѣя свою мысль.

— Если Марья Ивановна не открыла ничего даже вамъ, то, можетъ быть, у ней и нѣтъ ничего.

— Значитъ, вы полагаете, что документъ у Версилова?

— Вѣроятнѣе всего, что да. Впрочемъ, не знаю, все можетъ быть, — промолвилъ онъ съ видимымъ утомленіемъ.

Я пересталъ разспрашивать, да и къ чему? Все

главное для меня прояснилось, несмотря на всю эту недостойную путаницу; все, чего я боялся — подтвердилось.

— Все это какъ сонъ и бредъ, — сказалъ я въ глубокой грусти и взялся за шляпу.

— Вамъ очень дорогъ этотъ человѣкъ? — спросилъ Крафтъ, съ видимымъ и большимъ участіемъ, которое я прочелъ на его лицѣ въ ту минуту.

— Я такъ и предчувствовалъ, — сказалъ я, — что отъ васъ все-таки не узнаю вполнѣ. Остается одна надежда на Ахмакову. На нее-то я и надѣялся. Можетъ быть, пойду къ ней, а можетъ быть, нѣтъ.

Крафтъ посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Прощайте, Крафтъ! Зачѣмъ лѣзть къ людямъ, которые васъ не хотятъ? Не лучше ли все порвать — а?

— А потомъ куда? — спросилъ онъ какъ-то сурово и смотря въ землю.

— Къ себѣ, къ себѣ! Все порвать и уйти къ себѣ!

— Въ Америку?

— Въ Америку! Къ себѣ, къ одному себѣ! Вотъ въ чемъ вся «моя идея», Крафтъ! — сказалъ я восторженно.

Онъ какъ-то любопытно посмотрѣлъ на меня.

— А у васъ есть это мѣсто: «къ себѣ»?

— Есть. До свиданія, Крафтъ; благодарю васъ и жалѣю, что васъ утрудилъ! Я бы, на вашемъ мѣстѣ, когда у самого такая Россія въ головѣ, всѣхъ бы къ черту отправлялъ: убирайтесь, интригуйте, грызитесь про себя — мнѣ какое дѣло.

— Посидите еще, — сказалъ онъ вдругъ, уже проводивъ меня до входной двери.

Я немного удивился, воротился и опять сѣлъ. Крафтъ сѣлъ напротивъ. Мы обмѣнялись какими-то улыбками — все это я какъ теперь вижу. Очень помню, что мнѣ было какъ-то удивительно на него.

— Мнѣ въ васъ нравится, Крафтъ, то, что вы — такой вѣжливый человѣкъ, — сказалъ я вдругъ.

— Да?

— Я потому, что самъ рѣдко умѣю быть вѣжливымъ, хоть и хочу умѣть... А что жъ, можетъ, и лучше, что оскорбляютъ люди: по крайней мѣрѣ, избавляютъ отъ несчастія любить ихъ.

— Какой вы часъ во дню больше любите? — спросилъ онъ, очевидно, меня не слушая.

— Часъ? Не знаю. Я закатъ не люблю.

— Да? — произнесъ онъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, но тотчасъ опять задумался.

— Вы куда-то опять уѣзжаете?

— Да . . . уѣзжаю.

— Скоро?

— Скоро.

— Неужели, чтобъ доѣхать до Вильно, револьверъ нуженъ? — спросилъ я вовсе безъ малѣйшей задней мысли: и мысли даже не было! Такъ спросилъ, потому что мелькнулъ револьверъ, а я тяготился о чемъ говорить.

Онъ обернулся и посмотрѣлъ на револьверъ пристально.

— Нѣтъ, это я такъ, по привычкѣ.

— Если бъ у меня былъ револьверъ, я бы пряталъ его куда-нибудь подъ замокъ. Знаете, ей Богу, соблазнительно! Я, можетъ быть, и не вѣрю въ эпидемію самоубійствъ, но если торчитъ вотъ это передъ глазами — право, есть минуты, что и соблазнитъ.

— Не говорите объ этомъ, — сказалъ онъ и вдругъ всталъ со стула.

— Я не про себя, — прибавилъ я, тоже вставая: — я не употреблю. Мнѣ хоть три жизни дайте, — мнѣ и тѣхъ будетъ мало.

— Живите больше, — какъ бы вырвалось у него.

Онъ разсѣянно улыбался и, странно, прямо пошелъ въ переднюю, точно выводя меня самъ, разумѣется, не замѣчая, что дѣлаетъ.

— Желаю вамъ всякой удачи, Крафтъ, — сказалъ я, уже выходя на лѣстницу.

— Это пожалуй, — твердо отвѣчалъ онъ.

— До свиданія!

— И это пожалуй.

Я помню его послѣдній на меня взглядъ.

III.

Итакъ, вотъ человѣкъ, по которомъ столько лѣтъ билось мое сердце! И чего я ждалъ отъ Крафта, какихъ это новыхъ сообщеній?

Выйдя отъ Крафта, я сильно захотѣлъ ѣсть; наступалъ уже вечеръ, а я не обѣдалъ. Я вошелъ, тутъ же на Петербургской, на Большомъ проспектѣ, въ одинъ мелкій трактиръ, съ тѣмъ, чтобъ истратить копеекъ двадцать и не болѣе двадцати пяти — болѣе я бы тогда ни за что себѣ не позволилъ. Я взялъ себѣ супу и, помню, съѣвъ его, сѣлъ глядѣть въ окно; въ комнатѣ было много народу, пахло пригорѣлымъ масломъ, трактирными салфетками и табакомъ. Гадко было. Надъ головой моей тюкалъ носомъ о дно своей клѣтки безголосый соловей, мрачный и задумчивый. Въ сосѣдней билліардной

шумѣли, но я сидѣлъ и сильно думалъ. Закатъ солнца (почему Крафтъ удивился, что я не люблю заката?) навелъ на меня какія-то новыя и неожиданныя ощущенія, совсѣмъ не къ мѣсту. Мнѣ все мерещился тихій взглядъ моей матери, ея милые глаза, которые вотъ уже весь мѣсяцъ такъ робко ко мнѣ приглядывались. Въ послѣднее время я дома очень грубилъ, ей преимущественно; желалъ грубить Версилову, но не смѣя ему, по подлому обычаю моему, мучилъ ее. Даже совсѣмъ запугалъ: часто она такимъ умоляющимъ взглядомъ смотрѣла на меня при входѣ Андрея Петровича, боясь съ моей стороны какой-нибудь выходки... Очень странно было то, что я теперь, въ трактирѣ, въ первый разъ сообразилъ, что Версиловъ мнѣ говоритъ *ты*, а она — *вы*. Удивлялся я тому и прежде, и не въ ея пользу, а тутъ какъ-то особенно сообразилъ — и все странныя мысли, одна за другой, текли въ голову. Я долго просидѣлъ на мѣстѣ, до самыхъ полныхъ сумерекъ. Думалъ и объ сестрѣ...

Минута для меня роковая. Во что бы ни стало, надо было рѣшиться! Неужели я не способенъ рѣшиться? Что̀ труднаго въ томъ, чтобъ порвать, если къ тому же и сами не хотятъ меня? Мать и сестра? Но ихъ-то я ни въ какомъ случаѣ не оставлю, — какъ бы ни обернулось дѣло.

Это правда, что появленіе этого человѣка въ жизни моей, т. е. на мигъ, еще въ первомъ дѣтствѣ, было тѣмъ фатальнымъ толчкомъ, съ котораго началось мое сознаніе. Не встрѣться онъ мнѣ тогда, — мой умъ, мой складъ мыслей, моя судьба навѣрно была бы иная, несмотря даже на предопредѣленный мнѣ судьбою характеръ, котораго я бы всетаки не избѣгнулъ.

Но вѣдь оказывается, что этотъ человѣкъ — лишь мечта моя, мечта съ дѣтскихъ лѣтъ. Это я самъ его такимъ выдумалъ, а на дѣлѣ оказался другой, упавшій столь ниже моей фантазіи. Я пріѣхалъ къ человѣку чистому, а не къ этому. И къ чему я влюбился въ него, разъ навсегда, въ ту маленькую минутку, какъ увидѣлъ его когда-то, бывши ребенкомъ? Это «навсегда» должно исчезнуть. Я когда-нибудь, если мѣсто найдется, опишу эту первую встрѣчу нашу: это пустѣйшій анекдотъ, изъ котораго ровно ничего не выходитъ. Но у меня вышла цѣлая пирамида. Я началъ эту пирамиду еще подъ дѣтскимъ одѣяломъ, когда, засыпая, могъ плакать и мечтать — о чемъ? — самъ не знаю. О томъ, что меня оставили? О томъ, что меня мучатъ? Но мучили меня лишь немножко, всего только два года, въ пансіонѣ Тушара, въ который онъ меня тогда сунулъ и уѣхалъ навсегда. Потомъ меня никто не мучилъ; даже, напротивъ, я самъ гордо смотрѣлъ на товарищей. Да и терпѣть я не могу этого ноющаго по себѣ сиротства! Ничего нѣтъ омерзительнѣе роли, когда сироты, незаконнорожденные, всѣ эти выброшенные и вообще вся эта дрянь, къ которымъ я нисколько вотъ-таки не имѣю жалости, вдругъ торжественно воздвигаются передъ публикой и начинаютъ жалобно, но наставительно завывать: «Вотъ, дескать, какъ поступали съ нами!» Я бы сѣкъ этихъ сиротъ. Никто-то не пойметъ изъ этой гнусной казенщины, что въ десять разъ ему благороднѣе смолчать, а не выть и не *удостаивать* жаловаться. А коли начать удостаивать, то такъ тебѣ, сыну любви, и надо. Вотъ моя мысль!

Но не то смѣшно, когда я мечталъ прежде

«подъ одѣяломъ», а то, что и пріѣхалъ сюда для него же, опять-таки для этого выдуманнаго человѣка, почти забывъ мои главныя цѣли. Я ѣхалъ помочь ему сокрушить клевету, раздавить враговъ. Тотъ документъ, о которомъ говорилъ Крафтъ, то письмо этой женщины къ Андроникову, котораго такъ боится она, которое можетъ сокрушить ея участь и ввергнуть ее въ нищету, и которое она предполагаетъ у Версилова, — это письмо было не у Версилова, а у меня зашито въ моемъ боковомъ карманѣ! Я самъ и зашивалъ и никто во всемъ мірѣ еще не зналъ объ этомъ. То, что романическая Марья Ивановна, у которой документъ находился «на сохраненіи», нашла нужнымъ передать его мнѣ, и никому иному, то были лишь ея взглядъ и ея воля, и объяснять это я не обязанъ, можетъ быть, когда-нибудь къ слову и разскажу; но столь неожиданно вооруженный, я не могъ не соблазниться желаніемъ явиться въ Петербургъ. Конечно, я полагалъ помочь этому человѣку не иначе, какъ втайнѣ, не выставляясь и не горячась, не ожидая ни похвалъ, ни объятій его. И никогда, никогда бы я не *удостоилъ попрекнуть его чѣмъ-нибудь!* Да и вина ли въ томъ, что я влюбился въ него и создалъ изъ него фантастическій идеалъ? Да я даже, можетъ быть, вовсе и не любилъ его! Его оригинальный умъ, его любопытный характеръ, какія-то тамъ его интриги и приключенія, и то, что была при немъ моя мать—все это, казалось, уже не могло бы остановить меня; довольно было и того, что моя фантастическая кукла разибта и что я, можетъ быть, уже не могу любить его больше. Итакъ, что же останавливало меня, въ чемъ я завязъ?—вотъ вопросъ. Въ итогѣ выходило, что глупъ только я, болѣе никто.

Но требуя честности отъ другихъ, буду честенъ и самъ: я долженъ сознаться, что зашитый въ карманѣ документъ возбуждалъ во мнѣ не одно только страстное желаніе летѣть на помощь Версилову. Теперь для меня это ужъ слишкомъ ясно, я и тогда уже краснѣлъ отъ мысли. Мнѣ мерещилась женщина, гордое существо высшаго свѣта, съ которою я встрѣчусь лицомъ къ лицу; она будетъ презирать меня, смѣяться надо мной, какъ надъ мышью, даже и не подозрѣвая, что я властелинъ судьбы ея. Эта мысль пьянила меня еще въ Москвѣ, и особенно въ вагонѣ, когда я сюда ѣхалъ; я признался уже въ этомъ выше. Да, я ненавидѣлъ эту женщину, но уже любилъ ее, какъ мою жертву, и все это правда, все было дѣйствительно. Но ужъ это было такое дѣтство, котораго я даже и отъ такого, какъ я, не ожидалъ. Я описываю тогдашнія мои чувства, т. е. то, что мнѣ шло въ голову тогда, когда я сидѣлъ въ трактирѣ подъ соловьемъ и когда порѣшилъ въ тотъ же вечеръ разорвать съ ними неминуемо. Мысль о давешней встрѣчѣ съ этой женщиной залила вдругъ краской стыда мое лицо. Позорная встрѣча! Позорное и глупенькое впечатлѣньице и — главное — сильнѣе всего доказавшее мою неспособность къ дѣлу. Оно доказывало лишь то, думалъ я тогда, — что я не въ силахъ устоять даже и предъ глупѣйшими приманками, тогда какъ самъ же сказалъ сейчасъ Крафту, что у меня есть «свое мѣсто», есть свое дѣло, и что если бъ у меня было три жизни, то и тогда бы мнѣ было ихъ мало. Я гордо сказалъ это. То, что я бросилъ мою идею и затянулся въ дѣла Версилова — это еще можно было бы чѣмъ-нибудь извинить; но то, что я бросаюсь, какъ удивленный заяцъ, изъ стороны въ сто-

рону и затягиваюсь уже въ каждые пустяки, въ томъ, конечно, одна моя глупость. На какой лядъ дернуло меня идти къ Дергачеву и выскочить съ моими глупостями, давно зная за собой, что ничего не сумѣю разсказать умно и толково, и что мнѣ всего выгоднѣе молчать? И какой-нибудь Васинъ вразумляетъ меня тѣмъ, что у меня еще «пятьдесятъ лѣтъ жизни впереди» и, стало быть, тужить не о чемъ. Возраженіе его прекрасно, я согласенъ, и дѣлаетъ честь его безспорному уму; прекрасно уже тѣмъ, что самое простое, а самое простое понимается всегда лишь подъ конецъ, когда уже перепробовано все, что мудренѣй или глупѣй; но я зналъ это возраженіе и самъ раньше Васина; эту мысль я предчувствовалъ слишкомъ три года назадъ; даже мало того, въ ней-то и заключается отчасти «моя идея». — Вотъ что̀ я думалъ тогда въ трактирѣ.

Гадко мнѣ было, когда усталый и отъ ходьбы, и отъ мысли, добрался я вечеромъ, часу уже въ восьмомъ, въ Семеновскій полкъ. Совсѣмъ уже стемнѣло и погода перемѣнилась; было сухо, но подымался скверный, петербургскій вѣтеръ, язвительный и острый, мнѣ въ спину, и взвѣвалъ кругомъ пыль и песокъ. Сколько угрюмыхъ лицъ простонародья, торопливо возвращавшагося въ углы свои съ работы и промысловъ. У всякаго своя угрюмая забота на лицѣ и ни одной-то, можетъ быть, общей, всесоединяющей мысли въ этой толпѣ! Крафтъ правъ: всѣ врозь. Мнѣ встрѣтился маленькій мальчикъ, такой маленькій, что странно, какъ онъ могъ въ такой часъ очутиться одинъ на улицѣ; онъ, кажется, потерялъ дорогу; одна баба остановилась было на минуту его выслушать, но ничего не по-

няла, развела руками и пошла дальше, оставивъ его одного въ темнотѣ. Я подошелъ было, но онъ съ чего-то вдругъ меня испугался и побѣжалъ дальше. Подходя къ дому, я рѣшилъ, что я къ Васину никогда не пойду. Когда я всходилъ на лѣстницу, мнѣ ужасно захотѣлось застать нашихъ дома однѣхъ, безъ Версилова, чтобъ успѣть сказать до его прихода что-нибудь доброе матери или милой моей сестрѣ, которой я въ цѣлый мѣсяцъ не сказалъ почти ни одного слова. Такъ и случилось, что его не было дома . . .

IV.

А кстати: выводя въ «Запискахъ» это «новое лицо» на сцену (т. е. я говорю про Версилова), приведу вкратцѣ его формулярный списокъ, ничего, впрочемъ, не означающій. Я дѣлаю это, чтобы было понятнѣе читателю, и такъ какъ не предвижу, куда бы могъ приткнуть этотъ списокъ въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа.

Онъ учился въ университетѣ, но поступилъ въ гвардію въ кавалерійскій полкъ. Женился на Фанаріотовой и вышелъ въ отставку. Ѣздилъ за границу и, воротясь, жилъ въ Москвѣ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ. По смерти жены, прибылъ въ деревню; тутъ эпизодъ съ моей матерью. Потомъ долго жилъ гдѣ-то на югѣ. Въ войну съ Европой поступилъ опять въ военную службу, но въ Крымъ не попалъ и все время въ дѣлѣ не былъ. По окончаніи войны, выйдя въ отставку, ѣздилъ за границу и даже съ моею матерью, которую, впрочемъ, оставилъ въ Кенигсбергѣ. Бѣдная разсказывала иногда съ какимъ-то ужасомъ и качая головой, какъ она прожила тогда цѣлые полгода, одна-одинешенька,

съ маленькой дочерью, не зная языка, точно въ лѣсу, а подъ конецъ и безъ денегъ. Тогда пріѣхала за нею Татьяна Павловна и отвезла ее назадъ, куда-то въ Нижегородскую губернію. Потомъ Версиловъ вступилъ въ мировые посредники перваго призыва и, говорятъ, прекрасно исполнялъ свое дѣло; но вскорѣ кинулъ его, и въ Петербургѣ сталъ заниматься веденіемъ разныхъ частныхъ гражданскихъ исковъ. Андрониковъ всегда высоко ставилъ его способности, очень уважалъ его и говорилъ лишь, что не понимаетъ его характера. Потомъ Версиловъ и это бросилъ и опять уѣхалъ за границу и уже на долгій срокъ, на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ начались особенно близкія связи съ старикомъ княземъ Сокольскимъ. Во все это время денежныя средства его измѣнялись раза два-три радикально: то совсѣмъ впадалъ въ нищету, то опять вдругъ богатѣлъ и подымался.

А, впрочемъ, теперь, доведя мои записки именно до этого пункта, я рѣшаюсь разсказать и «мою идею». Опишу ее въ словахъ, въ первый разъ съ ея зарожденія. Я рѣшаюсь, такъ сказать, открыть ее читателю, и тоже для ясности дальнѣйшаго изложенія. Да и не только читатель, а и самъ я, сочинитель, начинаю путаться въ трудности объяснять шаги мои, не объяснивъ, что вело и наталкивало меня на нихъ. Этою «фигурою умолчанія» я, отъ неумѣнія моего, впалъ опять въ тѣ «красоты» романтиковъ, которыя самъ осмѣялъ выше. Входя въ дверь моего петербургскаго романа со всѣми позорными моими въ немъ приключеніями, я нахожу это предисловіе необходимымъ. Но не «красоты» соблазнили меня умолчать до сихъ поръ, а и сущность дѣла, то есть трудность дѣла; даже теперь,

когда уже прошло все прошедшее, я ощущаю непреодолимую трудность разсказать эту «мысль». Кромѣ того, я, безъ сомнѣнія, долженъ изложить ее въ ея тогдашней формѣ, т. е. какъ она сложилась и мыслилась у меня тогда, а не теперь, а это уже новая трудность. Разсказывать иныя вещи почти невозможно. Именно тѣ идеи, которыя всѣхъ проще, всѣхъ яснѣе, — именно тѣ-то и трудно понять. Если бъ Колумбъ передъ открытіемъ Америки сталъ разсказывать свою идею другимъ, я убѣжденъ, что его бы ужасно долго не поняли. Да и не понимали же. Говоря это, я вовсе не думаю равнять себя съ Колумбомъ, и если кто выведетъ это, тому будетъ стыдно и больше ничего.

Глава пятая.

I.

Моя идея, это — стать Ротшильдомъ. Я приглашаю читателя къ спокойствію и къ серьезности.

Я повторяю: моя идея, это — стать Ротшильдомъ, стать такъ же богатымъ, какъ Ротшильдъ; не просто богатымъ, а именно какъ Ротшильдъ. Для чего, зачѣмъ, какія я именно преслѣдую цѣли — объ этомъ будетъ послѣ. Сперва лишь докажу, что достиженіе моей цѣли обезпечено математически.

Дѣло очень простое, вся тайна въ двухъ словахъ: *упорство* и *непрерывность*.

— Слышали, скажутъ мнѣ, не новость. Всякій фатеръ въ Германіи повторяетъ это своимъ дѣтямъ, а, между тѣмъ, вашъ Ротшильдъ (т. е. покойный Джемсъ Ротшильдъ парижскій, я о немъ говорю) былъ всего только одинъ, а фатеровъ милліоны.

Я отвѣтилъ бы:

— Вы увѣряете, что слышали, а, между тѣмъ, вы ничего не слышали. Правда, въ одномъ и вы справедливы: если я сказалъ, что это дѣло «очень простое», то забылъ прибавить, что и самое трудное. Всѣ религіи и всѣ нравственности въ мірѣ сводятся на одно: «Надо любить добродѣтель и

убѣгать пороковъ». Чего бы, кажется, проще? Ну-тка сдѣлайте-ка что-нибудь добродѣтельное и убѣгите хоть одного изъ вашихъ пороковъ, попробуйте-ка — а? Такъ и тутъ.

Вотъ почему безчисленные ваши фатеры въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ могутъ повторять эти удивительныя два слова, составляющіе весь секретъ, а, между тѣмъ, Ротшильдъ остается одинъ. Значитъ: то да не то, и фатеры совсѣмъ не ту мысль повторяютъ.

Про упорство и непрерывность, безъ сомнѣнія, слышали и они: но для достиженія моей цѣли нужны не фатерское упорство и не фатерская непрерывность.

Ужъ одно слово, что онъ фатеръ, — я не объ нѣмцахъ однихъ говорю, — что у него семейство, онъ живетъ, какъ и всѣ, расходы, какъ и у всѣхъ, обязанности, какъ и у всѣхъ — тутъ Ротшильдомъ не сдѣлаешься, а станешь только умѣреннымъ человѣкомъ. Я же слишкомъ ясно понимаю, что, ставъ Ротшильдомъ или даже пожелавъ имъ стать, но не по-фатерски, а серьезно, — я уже тѣмъ самымъ разомъ выхожу изъ общества.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, я прочелъ въ газетахъ, что на Волгѣ, на одномъ изъ пароходовъ, умеръ одинъ нищій, ходившій въ отрепьѣ, просившій милостыню, всѣмъ тамъ извѣстный. У него, по смерти его, нашли зашитыми въ его рубищѣ до трехъ тысячъ кредитными билетами. На-дняхъ я опять читалъ про одного нищаго, изъ благородныхъ, ходившаго по трактирамъ и протягивавшаго тамъ руку. Его арестовали и нашли при немъ до пяти тысячъ рублей. Отсюда прямо два вывода: первый, *упорство* въ накопленіи, даже копеечными суммами, впослѣдствіи

даетъ громадные результаты (время тутъ ничего не значитъ), и второй — что самая нехитрая форма наживанія, но лишь *непрерывная* — обезпечена въ успѣхѣ математически.

Между тѣмъ, есть, можетъ быть, и очень довольно людей почтенныхъ, и воздержныхъ, но у которыхъ (какъ ни бьются они) нѣтъ ни трехъ, ни пяти тысячъ, и которымъ, однако, ужасно бы хотѣлось имѣть ихъ. Почему это такъ? Отвѣтъ ясный: потому что ни одинъ изъ нихъ, несмотря на все ихъ хотѣнье, все-таки не до такой степени *хочетъ,* чтобы, напримѣръ, если ужъ никакъ нельзя иначе нажить, то стать даже нищимъ, и не до такой степени упоренъ, чтобы, даже и ставъ нищимъ, не растратить первыхъ же полученныхъ копеекъ на лишній кусокъ себѣ или своему семейству. Между тѣмъ, при этомъ способѣ накопленія, т. е., при нищенствѣ, нужно питаться, чтобы скопить такія деньги, хлѣбомъ съ солью и болѣе ничѣмъ; по крайней мѣрѣ, я такъ понимаю. Такъ навѣрно дѣлали и вышеозначенные двое нищихъ, т. е. ѣли одинъ хлѣбъ, а жили чуть не подъ открытымъ небомъ. Сомнѣнія нѣтъ, что намѣренія стать Ротшильдомъ у нихъ не было: это были лишь Гарпагоны или Плюшкины въ чистѣйшемъ ихъ видѣ, не болѣе; но и при сознательномъ наживаніи уже въ совершенно другой формѣ, но съ цѣлью стать Ротшильдомъ, — потребуется не меньше хотѣнія и силы воли, чѣмъ у этихъ двухъ нищихъ. Фатеръ такой силы не окажетъ. На свѣтѣ силы многоразличны, силы воли и хотѣнія особенно. Есть температура кипѣнія воды и есть температура краснаго каленія желѣза.

Тутъ тотъ же монастырь, тѣ же подвиги схимничества. Тутъ чувство, а не идея. Для чего? За-

чѣмъ? Нравственно ли это, и не уродливо ли ходить въ дерюгѣ и ѣсть черный хлѣбъ всю жизнь, таская на себѣ такія деньжища? Эти вопросы потомъ, а теперь только о возможности достиженія цѣли.

Когда я выдумалъ «мою идею» (а въ красномъ-то каленьи она и состоитъ), — я сталъ себя пробовать: способенъ ли я на монастырь и на схимничество? Съ этою цѣлью, я цѣлый первый мѣсяцъ ѣлъ только одинъ хлѣбъ съ водой. Чернаго хлѣба выходило не болѣе двухъ съ половиною фунтовъ ежедневно. Чтобы исполнить это, я долженъ былъ обманывать умнаго Николая Семеновича и желавшую мнѣ добра Марію Ивановну. Я настоялъ на томъ, къ ея огорченію и къ нѣкоторому недоумѣнію деликатнѣйшаго Николая Семеновича, чтобы обѣдъ приносили въ мою комнату. Тамъ я просто истреблялъ его: супъ выливалъ въ окно въ крапиву, или въ одно другое мѣсто, говядину — или кидалъ въ окно собакѣ, или, завернувъ въ бумагу, клалъ въ карманъ и выносилъ потомъ вонъ, ну и все прочее. Такъ какъ хлѣба къ обѣду подавали гораздо менѣе двухъ съ половиной фунтовъ, то потихоньку хлѣбъ прикупалъ отъ себя. Я этотъ мѣсяцъ выдержалъ, можетъ быть, только нѣсколько разстроилъ желудокъ; но съ слѣдующаго мѣсяца я прибавилъ къ хлѣбу супъ, а утромъ и вечеромъ по стакану чаю — и увѣряю васъ, такъ провелъ годъ въ совершенномъ здоровьѣ и довольствѣ, а нравственно — въ упоеніи и въ непрерывномъ тайномъ восхищеніи. Я не только не жалѣлъ о кушаньяхъ, но былъ въ восторгѣ. По окончаніи года, убѣдившись, что я въ состояніи держать какой угодно постъ, я сталъ ѣсть, какъ и они, и пере-

шелъ обѣдать съ ними вмѣстѣ. Не удовлетворившись этой пробой, я сдѣлалъ и вторую: на карманные расходы мои, кромѣ содержанія, уплачиваемаго Николаю Семеновичу, мнѣ полагалось ежемѣсячно по пяти рублей. Я положилъ изъ нихъ тратить лишь половину. Это было очень трудное испытаніе, но черезъ два слишкомъ года, при пріѣздѣ въ Петербургъ, у меня въ карманѣ, кромѣ другихъ денегъ, было семьдесятъ рублей, накопленныхъ единственно изъ этого сбереженія. Результатъ двухъ этихъ опытовъ былъ для меня громадный: я узналъ положительно, что могу настолько хотѣть, что достигну моей цѣли, а въ этомъ, повторяю, вся «моя идея», дальнѣйшее — все пустяки.

II.

Однако, разсмотримъ и пустяки.

Я описалъ мои два опыта; въ Петербургѣ, какъ извѣстно уже, я сдѣлалъ третій — сходилъ на аукціонъ и, за одинъ ударъ, взялъ семь рублей девяносто пять копеекъ барыша. Конечно, это былъ не настоящій опытъ, а такъ лишь — игра, утѣха: захотѣлось выкрасть минутку изъ будущаго и попытать, какъ это я буду ходить и дѣйствовать. Вообще же, настоящій приступъ къ дѣлу у меня былъ отложенъ, еще съ самаго начала, въ Москвѣ, до тѣхъ поръ, пока я буду совершенно свободенъ; я слишкомъ понималъ, что мнѣ надо было хотя бы, напримѣръ, сперва кончить съ гимназіей. (Университетомъ, какъ уже извѣстно, я пожертвовалъ.) Безспорно, я ѣхалъ въ Петербургъ съ затаеннымъ гнѣвомъ: только что я сдалъ гимназію и сталъ въ первый разъ свободнымъ, я вдругъ увидѣлъ, что дѣ-

ла Версилова вновь отвлекутъ меня отъ начала дѣла на неизвѣстный срокъ! Но хоть и съ гнѣвомъ, а я все-таки ѣхалъ совершенно спокойный за цѣль мою.

Правда, я не зналъ практики; но я три года сряду обдумывалъ и сомнѣній имѣть не могъ. Я воображалъ тысячу разъ, какъ я приступлю: я вдругъ очутываюсь, какъ съ неба спущенный, въ одной изъ двухъ столицъ нашихъ (я выбралъ для начала наши столицы, и именно Петербургъ, которому, по нѣкоторому разсчету, отдалъ преимущество), и такъ я спущенъ съ неба, но совершенно свободный, ни отъ кого не завишу, здоровъ и имѣю затаенныхъ въ карманѣ сто рублей для первоначальнаго оборотнаго капитала. Безъ ста рублей начинать невозможно, такъ какъ на слишкомъ уже долгій срокъ отдалился бы даже самый первый періодъ успѣха. Кромѣ ста рублей, у меня, какъ уже извѣстно, мужество, упорство, непрерывность, полнѣйшее уединеніе и тайна. Уединеніе — главное: я ужасно не любилъ, до самой послѣдней минуты, никакихъ сношеній и ассоціацій съ людьми; говоря вообще, начать «идею» я непремѣнно положилъ одинъ, это sine qua. Люди мнѣ тяжелы, и я былъ бы неспокоенъ духомъ, безпокойство вредило бы цѣли. Да и вообще до сихъ поръ, во всю жизнь, во всѣхъ мечтахъ моихъ о томъ, какъ я буду обращаться съ людьми — у меня всегда выходило очень умно; чуть же на дѣлѣ — всегда очень глупо. И признаюсь въ этомъ съ негодованіемъ и искренно, я всегда выдавалъ себя самъ словами и торопился, а потому и рѣшился сократить людей. Въ выигрышѣ — независимость, спокойствіе духа, ясность цѣли.

Несмотря на ужасныя петербургскія цѣны, я

опредѣлилъ разъ навсегда, что болѣе пятнадцати копеекъ на ѣду не истрачу, и зналъ, что слово сдержу. Этотъ вопросъ объ ѣдѣ я обдумывалъ долго и обстоятельно; я положилъ, напримѣръ, иногда по два дня сряду ѣсть одинъ хлѣбъ съ солью, но съ тѣмъ, чтобы на третій день истратить сбереженія, сдѣланныя въ два дня; мнѣ казалось, что это будетъ выгоднѣе для здоровья, чѣмъ вѣчный ровный постъ на минимумѣ въ пятнадцать копеекъ. Затѣмъ, для житья моего мнѣ нуженъ былъ уголъ, уголъ буквально, единственно, чтобы выспаться ночью или укрыться уже въ слишкомъ ненастный день. Жить я положилъ на улицѣ и за нужду я готовъ былъ ночевать въ ночлежныхъ пріютахъ, гдѣ, сверхъ ночлега, даютъ кусокъ хлѣба и стаканъ чаю. О, я слишкомъ сумѣлъ бы спрятать мои деньги, чтобы ихъ у меня въ углѣ или въ пріютѣ не украли и не подглядѣли бы даже, ручаюсь! «У меня-то украдутъ? Да я самъ боюсь у кого бъ не украсть» — слышалъ я разъ это веселое слово на улицѣ отъ одного проходимца. Конечно, я къ себѣ изъ него примѣняю лишь одну осторожность и хитрость, а воровать не намѣренъ. Мало того, еще въ Москвѣ, можетъ быть, съ самаго перваго дня «идеи» порѣшилъ, что ни закладчикомъ, ни процентщикомъ тоже не буду: на это есть жиды да тѣ изъ русскихъ, у кого ни ума, ни характера. Закладъ и процентъ — дѣло ординарности.

Что касается до одежи, то я положилъ имѣть два костюма: расхожій и порядочный. Разъ заведя, я былъ увѣренъ, что проношу долго; я два съ половиною года нарочно учился носить платье и открылъ даже секретъ: чтобы платье всегда было ново и не изнашивалось, надо чистить его щеткой

сколь возможно чаще, разъ по пяти и шести въ день. Щетки сукно не боится, говорю достовѣрно, а боится пыли и сору. Пыль — это тѣ же камни, если смотрѣть въ микроскопъ, а щетка какъ ни тверда, все та же почти шерсть. Равномѣрно выучился я сапоги носить: тайна въ томъ, что надо съ оглядкой ставить ногу всей подошвой разомъ, какъ можно рѣже сбиваясь на бокъ. Выучиться этому можно въ двѣ недѣли, далѣе уже пойдетъ безсознательно. Этимъ способомъ сапоги носятся, въ среднемъ выводѣ, на треть времени дольше. Опытъ двухъ лѣтъ.

Затѣмъ начиналась уже самая дѣятельность.

Я шелъ изъ такого соображенія: у меня сто рублей. Въ Петербургѣ же столько аукціоновъ, распродажъ, мелкихъ лавочекъ на толкучемъ и нуждающихся людей, что невозможно, купивъ вещь за столько-то, не продать ее нѣсколько дороже. За альбомъ я взялъ семь рублей девяносто пять копеекъ барыша на два рубля пять копеекъ затраченнаго капитала. Этотъ огромный барышъ взятъ былъ безъ риску: я по глазамъ видѣлъ, что покупщикъ не отступится. Разумѣется, я слишкомъ понимаю, что это только случай; но вѣдь такихъ-то случаевъ я и ищу, для того-то и порѣшилъ жить на улицѣ. Ну, пусть эти случаи даже слишкомъ рѣдки; все равно, главнымъ правиломъ будетъ у меня — не рисковать ничѣмъ, и второе — непремѣнно въ день сколько-нибудь нажить сверхъ минимума, истраченнаго на мое содержаніе для того, чтобы ни единаго дня не прерывалось накопленіе.

Мнѣ скажутъ: все это мечты, вы не знаете улицы, и васъ съ перваго шага надуютъ. Но я имѣю волю и характеръ, а уличная наука есть наука,

какъ всякая, она дается упорству, вниманію и способностямъ. Въ гимназіи я до самаго седьмого класса былъ изъ первыхъ, я былъ очень хорошъ въ математикѣ. Ну можно ли до такой кумирной степени превозносить опытъ и уличную науку, что-бы непремѣнно предсказывать неудачу! Это все-гда только тѣ говорятъ, которые никогда никакого опыта ни въ чемъ не дѣлали, никакой жизни не начинали и прозябали на готовомъ. «Одинъ расшибъ носъ, такъ непремѣнно и другой расшибетъ его». Нѣтъ, не расшибу. У меня характеръ, и при вниманіи я всему выучусь. Ну, есть ли возможность представить себѣ, что при безпрерывномъ упорствѣ, при безпрерывной зоркости взгляда и безпрерывномъ обдумываніи и разсчетѣ, при безпрерывной дѣятельности и бѣготнѣ, вы не дойдете, наконецъ, до знанія, какъ ежедневно нажить лишній двугривенный? Главное, я порѣшилъ никогда не бить на максимумъ барыша, а всегда быть спокойнымъ. Тамъ, дальше, уже наживъ тысячу и другую, я бы, конечно, и невольно вышелъ изъ факторства и уличнаго перекупства. Мнѣ, конечно, слишкомъ мало еще извѣстна биржа, акціи, банкирское дѣло и все прочее. Но, взамѣнъ того, мнѣ извѣстно, какъ пять моихъ пальцевъ, что всѣ эти биржи и банкирства я узнаю и изучу въ свое время, какъ никто другой, и что наука эта явится совершенно просто, потому только, что до этого дойдетъ дѣло. Ума что ли тутъ такъ много надо? Что̀ за Соломонова такая премудрость: былъ бы только характеръ; умѣнье, ловкость, знаніе придутъ сами собою. Только бы не переставалось хотѣть.

Главное, не рисковать, а это именно возможно

лишь при характерѣ. Еще недавно была при мнѣ уже, въ Петербургѣ, одна подписка на желѣзнодорожныя акціи; тѣ, которымъ удалось подписаться, нажили много. Нѣкоторое время акціи шли въ гору. И вотъ вдругъ, неуспѣвшій подписаться или жадный, видя акціи у меня въ рукахъ, предложилъ бы ихъ продать ему, за столько-то процентовъ преміи. Что жъ, я непремѣнно бы и тотчасъ же продалъ. Надо мной, конечно, стали смѣяться: дескать, подождали бы, въ десять бы разъ больше взяли. Такъ-съ, но моя премія вѣрнѣе уже тѣмъ, что въ карманѣ, а ваша-то еще летаетъ. Скажутъ, что этакъ много не наживешь; извините, тутъ-то и ваша ошибка, ошибка всѣхъ нашихъ Кокоревыхъ, Поляковыхъ, Губониныхъ. Узнайте истину: непрерывность и упорство въ наживаніи и, главное, въ накопленіи сильнѣе моментальныхъ выгодъ даже хотя бы и въ сто на сто процентовъ!

Незадолго до французской революціи явился въ Парижѣ нѣкто Лоу и затѣялъ одинъ, въ принципѣ, геніальный проектъ (который потомъ на дѣлѣ ужасно лопнулъ). Весь Парижъ взволновался; акціи Лоу покупались нарасхватъ, до давки. Въ домъ, въ которомъ была открыта подписка, сыпались деньги со всего Парижа, какъ изъ мѣшка; но и дома, наконецъ, не достало: публика толпилась на улицѣ — всѣхъ званій, состояній, возрастовъ буржуа, дворяне, дѣти ихъ, графини, маркизы, публичныя женщины — все сбилось въ одну яростную полусумасшедшую массу укушенныхъ бѣшеной собакой; чины, предразсудки породы и гордости, даже честь и доброе имя — все стопталось въ одной грязи; всѣмъ жертвовали (даже женщины), чтобы добыть нѣсколько акцій. Подписка пере-

шла, наконецъ, на улицу, но негдѣ было писать. Тутъ одному горбуну предложили уступить на время свой горбъ, въ видѣ стола, для подписки на немъ акцій. Горбунъ согласился — можно представить за какую цѣну! Нѣкоторое время спустя (очень малое), всѣ обанкротились, все лопнуло, вся идея полетѣла къ черту, и акціи потеряли всякую цѣну. Кто жъ выигралъ? Одинъ горбунъ, именно потому, что не бралъ акціи, а наличные луидоры. Ну-съ, я вотъ и есть тотъ самый горбунъ! У меня достало же силы не ѣсть и изъ копеекъ скопить семьдесятъ два рубля; достанетъ и настолько, чтобы и въ самомъ вихрѣ горячки, всѣхъ охватившей, удержаться и предпочесть вѣрныя деньги большимъ. Я мелоченъ лишь въ мелочахъ, но въ великомъ — нѣтъ. На малое терпѣніе у меня часто не доставало характера, даже и послѣ зарожденія «идеи», на большое всегда достанетъ. Когда мнѣ мать подавала утромъ, передъ тѣмъ, какъ мнѣ идти на службу, простылый кофе, я сердился и грубилъ ей, а, между тѣмъ, я былъ тотъ самый человѣкъ, который прожилъ весь мѣсяцъ только на хлѣбѣ и на водѣ.

Однимъ словомъ, не нажить, не выучиться какъ нажить — было бы неестественно. Неестественно тоже при безпрерывномъ и ровномъ накопленіи, при безпрерывной приглядкѣ и трезвости мысли, воздержанности, экономіи, при энергіи, все возрастающей, нестественно, повторяю я, не стать и милліонщикомъ. Чѣмъ нажилъ нищій свои деньги, какъ не фанатизмомъ характера и упорствомъ? Неужели я хуже нищаго? «А, наконецъ, пусть я не достигну ничего, пусть расчетъ не вѣренъ, пусть лопну и провалюсь, все равно — я иду. Иду по-

тому, что такъ хочу». Вотъ что̀ я говорилъ еще въ Москвѣ.

Мнѣ скажутъ, что тутъ нѣтъ никакой «идеи» и ровнешенько ничего новаго. А я скажу, и уже въ послѣднiй разъ, что тутъ безчисленно много идеи и безконечно много новаго.

О, я вѣдь предчувствовалъ, какъ тривiальны будутъ всѣ возраженiя и какъ тривiаленъ буду я самъ, излагая «идею»: ну, что̀ я высказалъ? Сотой доли не высказалъ; я чувствую, что вышло мелочно, грубо, поверхностно и даже какъ-то моложе моихъ лѣтъ.

III.

Остаются отвѣты на «зачѣмъ» и «почему», «нравственно или нѣтъ» пр., и пр., — на это я обѣщалъ отвѣтить.

Мнѣ грустно, что разочарую читателя сразу, грустно да и весело. Пусть знаютъ, что ровно никакого-таки чувства «мести» нѣтъ въ цѣляхъ моей «идеи», ничего Байроновскаго, — ни проклятiя, ни жалобъ сиротства, ни слезъ незаконнорожденности, ничего, ничего. Однимъ словомъ, романтическая дама, если бы ей попались мои записки, тотчасъ повѣсила бы носъ. Вся цѣль моей «идеи» — уединенiе.

— Но уединенiя можно достигнуть вовсе не топорщась стать Ротшильдомъ. Къ чему тутъ Ротшильдъ?

— А къ тому, что, кромѣ уединенiя, мнѣ нужно и могущество.

Сдѣлаю предисловiе: читатель, можетъ быть, ужаснется откровенности моей исповѣди и простодушно спроситъ себя: какъ это не краснѣлъ сочи-

нитель? Отвѣчу, я пишу не для изданія; читателя же, вѣроятно, буду имѣть развѣ черезъ десять лѣтъ, когда все уже до такой степени обозначится, пройдетъ и докажется, что краснѣть ужъ нечего будетъ. А потому, если я иногда обращаюсь въ запискахъ къ читателю, то это только пріемъ. Мой читатель — лицо фантастическое.

Нѣтъ, не незаконнорожденность, которою такъ дразнили меня у Тушара, не дѣтскіе грустные годы, не месть и не право протеста явились началомъ моей «идеи»; вина всему — одинъ мой характеръ. Съ двѣнадцати лѣтъ, я думаю, т. е. съ зарожденія правильнаго сознанія, я сталъ не любить людей. Не то что не любить, а какъ-то стали они мнѣ тяжелы. Слишкомъ мнѣ грустно было иногда самому, въ чистыя минуты мои, что я никакъ не могу всего высказать даже близкимъ людямъ, т. е. и могъ бы, да не хочу, почему-то удерживаюсь; что я недовѣрчивъ, угрюмъ и несообщителенъ. Опять-таки, я давно уже замѣтилъ въ себѣ черту, чуть не съ дѣтства, что слишкомъ часто обвиняю, слишкомъ наклоненъ къ обвиненію другихъ; но за этой наклонностью весьма часто немедленно слѣдовала другая мысль, слишкомъ уже для меня тяжелая: «не я ли самъ виноватъ вмѣсто нихъ?». И такъ часто я обвинялъ себя напрасно! Чтобъ не разрѣшать подобныхъ вопросовъ, я естественно искалъ уединенія. Къ тому же, и не находилъ ничего въ обществѣ людей, какъ ни старался; по крайней мѣрѣ, всѣ мои однолѣтки, всѣ мои товарищи, всѣ до одного оказывались ниже меня мыслями; я не помню ни единаго исключенія.

Да, я сумраченъ, я безпрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти изъ общества. Я, можетъ

быть, и буду дѣлать добро людямъ, но часто не вижу ни малѣйшей причины имъ дѣлать добро. И совсѣмъ люди не такъ прекрасны, чтобъ о нихъ такъ заботиться. Зачѣмъ они не подходятъ прямо и откровенно, и къ чему я непремѣнно самъ и первый обязанъ къ нимъ лѣзть? Вотъ о чемъ я себя спрашивалъ. Я существо благодарное и доказалъ это уже сотнею дурачествъ. Я мигомъ бы отвѣчалъ откровенному откровенностью и тотчасъ же сталъ бы любить его. Такъ я и дѣлалъ; но всѣ они тотчасъ же меня надували и съ насмѣшкой отъ меня закрывались. Самый открытый изъ всѣхъ былъ Ламбертъ, очень бившій меня въ дѣтствѣ; но и тотъ — лишь открытый подлецъ и разбойникъ; да и тутъ открытость его лишь изъ глупости. Вотъ мои мысли, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Выйдя тогда отъ Дергачева (къ которому Богъ знаетъ зачѣмъ меня сунуло), я подошелъ къ Васину и, въ порывѣ восторженности, расхвалилъ его. И что̀ же? Въ тотъ же вечеръ я уже почувствовалъ, что гораздо меньше люблю его. Почему? Именно потому, что, расхваливъ его, я тѣмъ самымъ принизилъ передъ нимъ себя. Между тѣмъ, казалось бы, обратно, человѣкъ, настолько справедливый и великодушный, что воздаетъ другому, даже въ ущербъ себѣ, такой человѣкъ чуть ли не выше, по собственному достоинству, всякаго. И что̀ же — я это понималъ, а все-таки меньше любилъ Васина, даже очень меньше любилъ, я нарочно беру примѣръ уже извѣстный читателю. Даже про Крафта вспоминалъ съ горькимъ и кислымъ чувствомъ за то, что тотъ меня вывелъ самъ въ переднюю, и такъ было вплоть до другого дня, когда уже все совершенно про Крафта разъяснилось и сердиться нельзя

было. Съ самыхъ низшихъ классовъ гимназіи, чуть кто-нибудь изъ товарищей опережалъ меня или въ наукахъ, или въ острыхъ отвѣтахъ, или въ физической силѣ, я тотчасъ же переставалъ съ нимъ водиться и говорить. Не то чтобъ я его ненавидѣлъ или желалъ ему неудачи; просто отвертывался, потому что таковъ мой характеръ.

Да, я жаждалъ могущества всю мою жизнь, могущества и уединенія. Я мечталъ о томъ даже въ такихъ еще лѣтахъ, когда ужъ рѣшительно всякій засмѣялся бы мнѣ въ глаза, если бъ разобралъ, что у меня подъ черепомъ. Вотъ почему я такъ полюбилъ тайну. Да, я мечталъ изо всѣхъ силъ и до того, что мнѣ некогда было разговаривать; изъ этого вывели, что я нелюдимъ, а изъ разсѣянности моей дѣлали еще сквернѣе выводы на мой счетъ, но розовыя щеки мои доказывали противное.

Особенно счастливъ я былъ, когда, ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на иной ладъ. Самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытія «идеи», когда всѣ мечты изъ глупыхъ разомъ стали разумными, и изъ мечтательной формы романа перешли въ разсудочную форму дѣйствительности.

Все слилось въ одну цѣль. Онѣ, впрочемъ, и прежде были не такъ ужъ очень глупы, хотя ихъ была тьма темъ и тысяча тысячъ. Но были любимыя... Впрочемъ, не приводить же ихъ здѣсь.

Могущество! Я убѣжденъ, что очень многимъ стало бы очень смѣшно, если бъ узнали, что такая «дрянь» бьетъ на могущество. Но я еще болѣе изумлю: можетъ быть, съ самыхъ первыхъ мечта-

ній моихъ, т. е. чуть ли не съ самаго дѣтства, я иначе не могъ вообразить себя, какъ на первомъ мѣстѣ, и во всѣхъ оборотахъ жизни. Прибавлю странное признаніе: можетъ быть, это продолжается еще до сихъ поръ. При этомъ замѣчу, что я прощенія не прошу.

Въ томъ-то и «идея» моя, въ томъ-то и сила ея, что деньги — это единственный путь, который приводитъ на *первое мѣсто* даже ничтожество. Я, можетъ быть, и не ничтожество, но я, напримѣръ, знаю, по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредитъ, потому что лицо мое ординарно. Но будь я богатъ какъ Ротшильдъ — кто будетъ справляться съ лицомъ моимъ и не тысячи ли женщинъ, только свистни, налетятъ ко мнѣ съ своими красотами? Я даже увѣренъ, что онѣ сами, совершенно искренно, станутъ считать меня подъ конецъ красавцемъ. Я, можетъ быть, и уменъ. Но будь я семи пядей во лбу, непремѣнно тутъ же найдется въ обществѣ человѣкъ въ восемь пядей во лбу — и я погибъ. Между тѣмъ, будь я Ротшильдомъ, — развѣ этотъ умникъ въ восемь пядей будетъ что-нибудь подлѣ меня значить? Да ему и говорить не дадутъ подлѣ меня! Я, можетъ быть, остроуменъ; но вотъ подлѣ меня Талейранъ, Пиронъ — и я затемненъ, а чуть я Ротшильдъ — гдѣ Пиронъ, да, можетъ быть, гдѣ и Талейранъ? Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но въ то же время и высочайшее равенство, и въ этомъ вся главная ихъ сила. Деньги сравниваютъ всѣ неравенства. Все это я рѣшилъ еще въ Москвѣ.

Вы въ этой мысли увидите, конечно, одно нахальство, насиліе, торжество ничтожества надъ талантами. Согласенъ, что мысль эта дерзка (а по-

тому сладостна). Но пусть, пусть: вы думаете, я желалъ тогда могущества, чтобъ непремѣнно давить, мстить? Въ томъ-то и дѣло, что такъ непремѣнно поступила бы ординарность. Мало того, я увѣренъ, что тысячи талантовъ и умниковъ, столь возвышающихся, если бъ вдругъ навалить на нихъ ротшильдскіе милліоны, тутъ же не выдержали бы и поступили бы какъ самая пошлая ординарность, и давили бы пуще всѣхъ. Моя идея не та. Я денегъ не боюсь; онѣ меня не придавятъ и давить не заставятъ.

Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что̀ пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начертилъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоенъ. Громы въ рукахъ Юпитера, и что жъ: онъ спокоенъ; часто ли слышно, что онъ загремитъ? Дураку покажется, что онъ спитъ. А посади на мѣсто Юпитера какого-нибудь литератора, или дуру деревенскую бабу — грому-то, грому-то что будетъ!

Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣряю, что самъ, по своей волѣ, займу вездѣ послѣднее мѣсто. Будь я Ротшильдъ, я бы ходилъ въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать вприпрыжку по грязи, чтобъ меня не раздавили извозчики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ,

даже веселило бы меня въ ту минуту. Я знаю, что у меня можетъ быть обѣдъ, какъ ни у кого, и первый въ свѣтѣ поваръ, съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣмъ кусокъ хлѣба и ветчины, и буду сытъ моимъ сознаніемъ. Я даже теперь такъ думаю.

Не я буду лѣзть въ аристократію, а она полѣзетъ ко мнѣ, не я буду гоняться за женщинами, а онѣ набѣгутъ, какъ вода, предлагая мнѣ все, что̀ можетъ предложить женщина. «Пошлыя» прибѣгутъ за деньгами, а умныхъ привлечетъ любопытство къ странному, гордому, закрытому и ко всему равнодушному существу. Я буду ласковъ и съ тѣми, и съ другими, и, можетъ быть, дамъ имъ денегъ, но самъ отъ нихъ ничего не возьму. Любопытство рождаетъ страсть, можетъ быть, я и внушу страсть. Онѣ уйдутъ ни съ чѣмъ, увѣряю васъ — только развѣ съ подарками. Я только вдвое стану для нихъ любопытнѣе.

„...съ меня довольно
Сего сознанья“.

Странно то, что этой картинкой (впрочемъ, вѣрной) я прельщался еще семнадцати лѣтъ.

Давить и мучить я никого не хочу и не буду; но я знаю, что если бъ захотѣлъ погубить такого-то человѣка, врага моего, то никто бы мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ, а всѣ бы подслужились, и опять довольно. Никому бы я даже не отомстилъ. Я всегда удивлялся, какъ могъ согласиться Джемсъ Ротшильдъ стать барономъ! Зачѣмъ, для чего, когда онъ и безъ того всѣхъ выше на свѣтѣ? «О, пусть обижаетъ меня этотъ нахалъ-генералъ, на станціи, гдѣ мы оба ждемъ лошадей; если бъ зналъ онъ, кто я, онъ побѣжалъ бы самъ ихъ запрягать и выскочилъ бы сажать меня въ скромный мой тарантасъ!

Писали, что одинъ заграничный графъ или баронъ, на одной вѣнской желѣзной дорогѣ надѣвалъ одному тамошнему банкиру при публикѣ на ноги туфли, а тотъ былъ такъ ординаренъ, что допустилъ это. О, пусть, пусть эта страшная красавица (именно страшная, есть такія!) — это дочь этой пышной и знатной аристократки, случайно встрѣтясь со мной на пароходѣ или гдѣ-нибудь, косится и, вздернувъ носъ, съ презрѣніемъ удивляется, какъ смѣлъ попасть въ первое мѣсто, съ нею рядомъ, этотъ скромный и плюгавый человѣчекъ, съ книжкой или съ газетой въ рукахъ? Но если бъ только знала она, кто сидитъ подлѣ нея! И она узнаетъ — узнаетъ и сядетъ подлѣ меня сама, покорная, робкая, ласковая, ища моего взгляда, радостная отъ моей улыбки»... Я нарочно вставляю эти раннія картинки, чтобъ ярче выразить мысль; но картинки блѣдны и, можетъ быть, тривіальны. Одна дѣйствительность все оправдываетъ.

Скажутъ, глупо такъ жить: зачѣмъ не имѣть отеля, открытаго дома, не собирать общества, не имѣть вліянія, не жениться? Но чѣмъ же станетъ тогда Ротшильдъ? Онъ станетъ, какъ всѣ. Вся прелесть «идеи» исчезнетъ, вся нравственная сила ея. Я еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть монологъ Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ! Тѣхъ же мыслей я и теперь.

— Но вашъ идеалъ слишкомъ низокъ,—скажутъ съ презрѣніемъ: — деньги, богатство! То ли дѣло общественная польза, гуманные подвиги?

Но почемъ кто знаетъ, какъ бы я употребилъ мое богатство? Чѣмъ безнравственно и чѣмъ низко то, что изъ множества жидовскихъ, вредныхъ и грязныхъ рукъ эти милліоны стекутся въ руки трез-

ваго и твердаго схимника, зорко всматривающагося въ міръ? Вообще, всѣ эти мечты о будущемъ, всѣ эти гаданія — все это теперь еще какъ романъ, и я, можетъ быть, напрасно записываю; пускай бы оставалось подъ черепомъ; знаю тоже, что этихъ строкъ, можетъ быть, никто не прочтетъ; но если бъ кто и прочелъ, то повѣрилъ ли бы онъ, что, можетъ быть, я бы и не вынесъ ротшильдовскихъ милліоновъ? Не потому, чтобъ придавили они меня, а совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, въ обратномъ. Въ мечтахъ моихъ я уже не разъ схватывалъ тотъ моментъ въ будущемъ, когда сознаніе мое будетъ слишкомъ удовлетворено, а могущества покажется слишкомъ мало. Тогда,—не отъ скуки и не отъ безцѣльной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большого, — я отдамъ всѣ мои милліоны людямъ; пусть общество распредѣлитъ тамъ все мое богатство, а я — я вновь смѣшаюсь съ ничтожествомъ! Можетъ быть, даже обращусь въ того нищаго, который умеръ на пароходѣ, съ тою разницею, что въ рубищѣ моемъ не найдутъ ничего зашитаго. Одно сознаніе о томъ, что въ рукахъ моихъ были милліоны и я бросилъ ихъ въ грязь, какъ вранъ, кормило бы меня въ моей пустынѣ. Я и теперь готовъ такъ же мыслить. Да, моя «идея» — это та крѣпость, въ которую я всегда и во всякомъ случаѣ могу скрыться отъ всѣхъ людей, хотя бы нищимъ, умершимъ на пароходѣ! Вотъ моя поэма! И знайте, что мнѣ именно нужна моя прочная воля *вся,* — единственно, чтобъ доказать *самому себѣ,* что я въ силахъ отъ нея отказаться.

Безъ сомнѣнія, возразятъ, что это ужъ поэзія, и что никогда я не выпущу милліоновъ, если они попадутся, и не обращусь въ саратовскаго нищаго.

Можетъ быть, и не выпущу; я начерталъ лишь идеалъ моей мысли. Но прибавлю уже серьезно: если бъ я дошелъ, въ накопленіи богатства, до такой цифры, какъ у Ротшильда, то, дѣйствительно, могло бы кончиться тѣмъ, что я бросилъ бы ихъ обществу. (Впрочемъ, раньше Родшильдской цифры трудно было бы это исполнить.) И не половину бы отдалъ, потому что тогда вышла бы одна пошлость: я сталъ бы только вдвое бѣднѣе и больше ничего; но именно все, все до копейки, потому что, ставъ нищимъ, я вдругъ сталъ бы вдвое богаче Ротшильда! Если этого не поймутъ, то я не виноватъ; разъяснять не буду . . .

«Факирство, поэзія ничтожества и безсилія!» рѣшатъ люди, — «торжество безталанности и средины». Да, сознаюсь, что отчасти торжество и безталанности, и средины, но врядъ ли безсилія. Мнѣ нравилось ужасно представлять себѣ существо имено безталанное и серединное, стоящее предъ міромъ и говорящее ему съ улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великіе и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вотъ я — бездарность и незаконность, и все-таки выше васъ, потому что вы сами этому подчинились. Сознаюсь, я доводилъ эту фантазію до такихъ окраинъ, что похѣривалъ даже самое образованіе. Мнѣ казалось, что красивѣе будетъ, если человѣкъ этотъ будетъ даже грязно необразованнымъ. Эта, уже утрированная мечта повліяла даже тогда на мой успѣхъ въ седьмомъ классѣ гимназіи; я пересталъ учиться именно изъ фанатизма: безъ образованія будто прибавлялось красоты къ идеалу. Теперь я измѣнилъ убѣжденіе въ этомъ пунктѣ; образованіе не помѣшаетъ.

Господа, неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, столь тяжела для васъ? Блаженъ, кто имѣетъ идеалъ красоты, хотя даже ошибочный! Но въ свой я вѣрую. Я только не такъ изложилъ его, неумѣло, азбучно. Черезъ десять лѣтъ, конечно, изложилъ бы лучше. А это сберегу на память.

IV.

Я кончилъ «идею». Если описалъ пошло, поверхностно, — виноватъ я, а не «идея». Я уже предупредилъ, что простѣйшія идеи понимаются всѣхъ труднѣе; теперь прибавлю, что и излагаются труднѣе, тѣмъ болѣе, что я описывалъ «идею» еще въ прежнемъ видѣ. Есть и обратный законъ для идей: идеи пошлыя, скорыя — понимаются обыкновенно быстро, и непремѣнно толпой, непремѣнно всей улицей; мало того, считаются величайшими и геніальнѣйшими, но — лишь въ день своего появленія. Дешевое не прочно. Быстрое пониманіе — лишь признакъ пошлости понимаемаго. Идея Бисмарка стала вмигъ геніальною, а самъ Бисмаркъ — геніемъ; но именно подозрительна эта быстрота; я жду Бисмарка черезъ десять лѣтъ и увидимъ тогда, что останется отъ его идеи, а, можетъ быть, и отъ самого г. канцлера. Эту, въ высшей степени постороннюю и неподходящую къ дѣлу замѣтку, я вставляю, конечно, не для сравненія, а тоже для памяти. (Разъясненіе для слишкомъ ужъ грубаго читателя.)

А теперь разскажу два анекдота, чтобы тѣмъ покончить съ «идеей» совсѣмъ и такъ, чтобъ она ничѣмъ ужъ не мѣшала въ разсказѣ.

Лѣтомъ, въ іюлѣ, за два мѣсяца до поѣздки въ

Петербургъ и когда я уже сталъ совершенно свободенъ, Марья Ивановна попросила меня съѣздить въ Троицкій Посадъ, къ одной старой, поселившейся тамъ дѣвицѣ, съ однимъ порученіемъ, — весьма неинтереснымъ, чтобы упоминать о немъ въ подробности. Возвращаясь въ тотъ же день, я замѣтилъ въ вагонѣ одного плюгавенькаго молодого человѣка, недурно, но не чисто одѣтаго, угреватаго, изъ грязновато-смуглыхъ брюнетовъ. Онъ отличался тѣмъ, что на каждой станціи и полустанціи непремѣнно выходилъ и пилъ водку. Подъ конецъ пути образовался около него веселый кружокъ весьма дрянной, впрочемъ, компаніи. Особенно восхищался одинъ купецъ, тоже немного пьяный, способностью молодого человѣка пить безпрерывно, оставаясь трезвымъ. Очень доволенъ былъ и еще одинъ молодой парень, ужасно глупый, и ужасно много говорившій, одѣтый по-нѣмецки и отъ котораго весьма скверно пахло — лакей, какъ я узналъ послѣ; этотъ съ пившимъ молодымъ человѣкомъ даже подружился и при каждой остановкѣ поѣзда поднималъ его приглашеніемъ: «Теперь пора водку пить», — и оба выходили, обнявшись. Пившій молодой человѣкъ почти совсѣмъ не говорилъ ни слова, а собесѣдниковъ около него усаживалось все больше и больше; онъ только всѣхъ слушалъ, безпрерывно ухмылялся съ слюнявымъ хихиканіемъ и, отъ времени до времени, но всегда неожиданно, производилъ какой-то звукъ, въ родѣ: «тюр-люр-лю!» при чемъ какъ-то очень карикатурно подносилъ палецъ къ своему носу. Это-то и веселило и купца, и лакея, и всѣхъ, и они чрезвычайно громко и развязно смѣялись. Понять нельзя, чему иногда смѣются люди. Подошелъ и я — не понимаю, почему

мнѣ этотъ молодой человѣкъ тоже какъ бы понравился; можетъ быть, слишкомъ яркимъ нарушеніемъ общепринятыхъ и оказенившихся приличій, словомъ, я не разглядѣлъ дурака; однако, съ нимъ сошелся тогда же на *ты* и, выходя изъ вагона, узналъ отъ него, что онъ вечеромъ, часу въ девятомъ, придетъ на Тверской бульваръ. Оказался онъ бывшимъ студентомъ. Я пришелъ на бульваръ и вотъ какой штукѣ онъ меня научилъ: мы ходили съ нимъ вдвоемъ по всѣмъ бульварамъ и чуть попозже замѣчали идущую женщину изъ порядочныхъ, но такъ что кругомъ близко не было публики, какъ тотчасъ же приставали къ ней. Не говоря съ ней ни слова, мы помѣщались, онъ по одну сторону, а я по другую, и съ самымъ спокойнымъ видомъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчая ее, начинали между собой самый неблагопристойный разговоръ. Мы называли предметы изъ собственными именами, съ самымъ безмятежнымъ видомъ и какъ будто такъ слѣдуетъ, и пускались въ такія тонкости, объясняя разныя скверности и свинства, что самое грязное воображеніе самаго грязнаго развратника того бы не выдумало. (Я, конечно, всѣ эти знанія пріобрѣлъ еще въ школахъ, даже еще до гимназіи, но лишь слова, а не дѣло.) Женщина очень пугалась, быстро торопилась уйти, но мы тоже учащали шаги и — продолжали свое. Жертвѣ, конечно, ничего нельзя было сдѣлать, не кричать же ей: свидѣтелей нѣтъ, да и странно какъ-то жаловаться. Въ этихъ забавахъ прошло дней восемь; не понимаю, какъ могло это мнѣ понравиться; да и не нравилось же, а такъ. Мнѣ сперва казалось это оригинальнымъ, какъ бы выходившимъ изъ обыденныхъ казенныхъ условій; къ тому же, я

терпѣть не могъ женщинъ. Я сообщилъ разъ студенту, что Жанъ-Жакъ Руссо признается въ своей исповѣди, что онъ, уже юношей, любилъ потихоньку изъ-за угла выставлять, обнаживъ ихъ, обыкновенно закрываемыя части тѣла, и поджидалъ въ такомъ видѣ проходившихъ женщинъ. Студентъ отвѣтилъ мнѣ своимъ тюр-люр-лю. Я замѣтилъ, что онъ былъ страшно невѣжественъ и удивительно мало чѣмъ интересовался. Никакой затаенной идеи, которую я ожидалъ въ немъ найти. Вмѣсто оригинальности, я нашелъ лишь подавляющее однообразіе. Я не любилъ его все больше и больше. Наконецъ, все кончилось совсѣмъ неожиданно: мы пристали разъ ужъ совсѣмъ въ темнотѣ къ одной, быстро и робко проходившей по бульвару дѣвушкѣ, очень молоденькой, можетъ быть, только лѣтъ шестнадцати, или еще меньше, очень чисто и скромно одѣтой, можетъ быть, живущей трудомъ своимъ и возвращавшійся домой съ занятій къ старушкѣ-матери, бѣдной вдовѣ съ дѣтьми; впрочемъ, нечего впадать въ чувствительность. Дѣвочка нѣкоторое время слушала и спѣшила — спѣшила, наклонивъ голову и закрывшись вуалемъ, боясь и трепеща, но вдругъ остановилась, откинула вуаль съ своего очень недурного, сколько помню, но худенькаго лица и съ сверкающими глазами крикнула намъ:

— Ахъ, какіе вы подлецы!

Можетъ быть, тутъ и заплакала бы, но произошло другое: размахнулась и своею маленькою тощею рукой влѣпила студенту такую пощечину, которой ловче, можетъ быть, никогда не было дано. Такъ и хляснуло! Онъ-было выбранился и бросился, но я удержалъ, и дѣвочка успѣла убѣжать. Оставшись, мы тотчасъ поссорились: я высказалъ

все, что у меня за все это время накипѣло: высказалъ ему, что онъ лишь жалкая бездарность и ординарность и что въ немъ никогда не было ни малѣйшаго признака идеи. Онъ выбранилъ меня... (я разъ объяснилъ ему насчетъ моей незаконнорожденности), затѣмъ мы расплевались, и съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Въ тотъ вечеръ я очень досадовалъ, на другой день не такъ много, на третій — совсѣмъ забылъ. И что жъ, хоть и вспоминалась мнѣ иногда потомъ эта дѣвочка, но лишь случайно и мелькомъ. Только по пріѣздѣ въ Петербургъ, недѣли двѣ спустя, я вдругъ вспомнилъ о всей этой сценѣ, — вспомнилъ, и до того мнѣ стало вдругъ стыдно, что буквально слезы стыда потекли по щекамъ моимъ. Я промучился весь вечеръ, всю ночь, отчасти мучаюсь и теперь. Я понять сначала не могъ, какъ можно было такъ низко и позорно тогда упасть, и, главное, — забыть этотъ случай, не стыдиться его, не раскаиваться. Только теперь я осмыслилъ въ чемъ дѣло: виною была «идея». Короче, я прямо вывожу, что, имѣя въ умѣ нѣчто неподвижное, всегдашнее, сильное, которымъ страшно занятъ — какъ бы удаляешься тѣмъ самымъ отъ всего міра въ пустыню и все, что случается, проходитъ лишь вскользь, мимо главнаго. Даже впечатлѣнія принимаются неправильно. И, кромѣ того, главное въ томъ, что имѣешь всегда отговорку. Сколько я мучилъ мою мать за это время, какъ позорно я оставлялъ сестру: «э, у меня «идея», а то все мелочи» — вотъ что я какъ бы говорилъ себѣ. Меня самого оскорбляли, и больно, — я уходилъ оскорбленный и потомъ вдругъ говорилъ себѣ: «э, я низокъ, а все-таки у меня «идея», и они не знаютъ объ этомъ». «Идея» утѣшала въ позорѣ и

ничтожествѣ; но и всѣ мерзости мои тоже какъ бы прятались подъ идею; она, такъ сказать, все облегчала, но и все заволакивала передо мной; но такое неясное пониманіе случаевъ и вещей, конечно, можетъ вредить даже и самой «идеѣ», не говоря о прочемъ.

Теперь другой анекдотъ.

Марья Ивановна, перваго апрѣля прошлаго года, была именинница. Ввечеру пришло нѣсколько гостей, очень немного. Вдругъ входитъ запыхавшись Аграфена и объявляетъ, что въ сѣняхъ, передъ кухней, пищитъ подкинутый младенецъ, и что она не знаетъ какъ быть. Извѣстіе всѣхъ взволновало, всѣ пошли и увидѣли лукошко, а въ лукошкѣ — трехъ или четырехъ-недѣльную пищавшую дѣвочку. Я взялъ лукошко и внесъ въ кухню, и тотчасъ нашелъ сложенную записку: «Милые благодѣтели, окажите доброжелательную помощь окрещенной дѣвочкѣ Аринѣ, а мы съ ней за васъ будемъ завсегда возсылать къ престолу слезы наши, и поздравляемъ васъ съ днемъ тезоименитства; неизвѣстные вамъ люди». Тутъ Николай Семеновичъ, столь мною уважаемый, очень огорчилъ меня: онъ сдѣлалъ очень серьезную мину и рѣшилъ отослать дѣвочку немедленно въ воспитательный домъ. Мнѣ очень стало грустно. Они жили очень экономно, но не имѣли дѣтей, и Николай Семеновичъ былъ всегда этому радъ. Я бережно вынулъ изъ лукошка Ариночку и приподнялъ ее за плечики; изъ лукошка пахло какимъ-то кислымъ и острымъ запахомъ, какой бываетъ отъ долго немытаго грудного ребеночка. Поспоривъ съ Николаемъ Семеновичемъ, я вдругъ объявилъ ему, что беру дѣвочку на свой счетъ. Тотъ сталъ возражать съ нѣкоторою стро-

гостью, несмотря на всю свою мягкость, и хоть кончилъ шуткой, но намѣреніе насчетъ воспитательнаго дома оставилъ во всей силѣ. Однако, сдѣлалось по-моему: на томъ же дворѣ, но въ другомъ флигелѣ, жилъ очень бѣдный столяръ, человѣкъ пожилой и пившій; но у жены его, очень еще не старой и очень здоровой бабы, только что померъ грудной ребеночекъ и, главное, единственный, родившійся послѣ восьми лѣтъ безплоднаго брака, тоже дѣвочка и, по странному счастью, тоже Ариночка. Я говорю, по счастью, потому что когда мы спорили въ кухнѣ, эта баба, услыхавъ о случаѣ, прибѣжала поглядѣть, а когда узнала, что это Ариночка — умилилась. Молоко еще у ней не прошло, она открыла грудь и приложила къ груди ребенка. Я присталъ къ ней и сталъ просить, чтобъ она унесла къ себѣ, а что я буду платить ежемѣсячно. Она боялась, позволитъ ли мужъ, но взяла на ночь. На утро мужъ позволилъ за восемь рублей въ мѣсяцъ, и я тутъ же отсчиталъ ему за первый мѣсяцъ впередъ; тотъ тотчасъ же пропилъ деньги. Николай Семеновичъ, все еще странно улыбаясь, согласился поручиться за меня столяру, что деньги по восьми рублей ежемѣсячно будутъ вноситься мною неуклонно. Я было сталъ отдавать Николаю Семеновичу, чтобъ обезпечить его, мои шестьдесятъ рублей на руки, но онъ не взялъ: впрочемъ, онъ зналъ, что у меня есть деньги, и вѣрилъ мнѣ. Этою деликатностью его наша минутная ссора была изглажена. Марья Ивановна ничего не говорила, но удивлялась, какъ я беру такую заботу. Я особенно цѣнилъ ихъ деликатность въ томъ, что они оба не позволили себѣ ни малѣйшей шутки надо мною, а стали, напротивъ, относиться къ дѣлу такъ же серьезно,

какъ и слѣдовало. Я каждый день бѣгалъ къ Дарьѣ Родивоновнѣ, раза по три, а черезъ недѣлю подарилъ ей лично, въ руку, потихоньку отъ мужа еще три рубля. На другіе три рубля я завелъ одѣяльцо и пеленки. Но черезъ десять дней Риночка вдругъ заболѣла. Я тотчасъ привезъ доктора, онъ что-то прописалъ, и мы провозились всю ночь, мучая крошку его сквернымъ лѣкарствомъ, а на другой день онъ объявилъ, что уже поздно, и на просьбы мои, — а, впрочемъ, кажется, на укоры, — произнесъ съ благородною уклончивостью: «Я не Богъ». Язычекъ, губки и весь ротъ у дѣвочки покрылись какой-то мелкой бѣлой сыпью, и она къ вечеру же умерла, упирая въ меня свои большіе черные глазки, какъ будто она уже понимала. Не понимаю, какъ не пришло мнѣ на мысль снять съ нея, съ мертвенькой, фотографію. Ну, повѣрятъ ли, что я не то что плакалъ, а просто вылъ въ этотъ вечеръ, чего прежде никогда не позволялъ себѣ, и Марья Ивановна принуждена была утѣшать меня, — и опять таки совершенно безъ насмѣшки, ни съ ея, ни съ его стороны. Столяръ же сдѣлалъ и гробикъ; Марья Ивановна отдѣлала его рюшемъ и положила хорошенькую подушечку, а я купилъ цвѣтовъ и обсыпалъ ребеночка: такъ и снесли мою бѣдную былиночку, которую, повѣрятъ ли, до сихъ поръ не могу позабыть. Немного, однако, спустя, все это почти внезапное происшествіе заставило меня даже очень задуматься. Конечно, Риночка обошлась недорого, — со всѣмъ съ гробикомъ, съ погребеніемъ, съ докторомъ, съ цвѣтами и съ платой Дарьѣ Родивоновнѣ — тридцать рублей. Эти деньги, отъѣзжая въ Петербургъ, я наверсталъ на присланныхъ мнѣ на выѣздъ Версиловымъ сорока рубляхъ и прода-

жею кой-какихъ вещицъ передъ отъѣздомъ, такъ что весь мой «капиталъ» остался неприкосновеннымъ. «Но, — подумалъ я, — если я буду такъ сбиваться въ сторону, то недалеко уѣду». Въ исторіи съ студентомъ выходило, что «идея» можетъ увлечь до неясности впечатлѣній и отвлечь отъ текущей дѣйствительности. Изъ исторіи съ Риночкой выходило обратное, что никакая «идея» не въ силахъ увлечь (по крайней мѣрѣ, меня) до того, чтобъ я не остановился вдругъ передъ какимъ-нибудь подавляющимъ фактомъ и не пожертвовалъ ему разомъ всѣмъ тѣмъ, что уже годами труда сдѣлалъ для «идеи». Оба вывода были тѣмъ не менѣе вѣрны.

Глава шестая.

I.

Надежды мои не сбылись вполнѣ: я не засталъ ихъ однѣхъ: хотя Версилова и не было, но у матери сидѣла Татьяна Павловна — все-таки чужой человѣкъ. Половина великодушнаго расположенія разомъ съ меня соскочила. Удивительно, какъ я скоръ и переветливъ въ подобныхъ случаяхъ; песчинки или волосика достаточно, чтобы разогнать хорошее и замѣнить дурнымъ. Дурныя же впечатлѣнія мои, къ моему сожалѣнію, не такъ скоро изгоняются, хотя я и не злопамятенъ. Когда я вошелъ, мнѣ мелькнуло, что мать тотчасъ же и быстро прервала нить своего разговора съ Татьяной Павловной, кажется, весьма оживленнаго. Сестра воротилась съ работы передо мной лишь за минуту и еще не выходила изъ своей каморки.

Квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ. Та, въ которой всѣ, по обыкновенію, сидѣли, серединная комната или гостиная, была у насъ довольно большая и почти приличная. Въ ней все же были мягкіе красные диваны, очень, впрочемъ, истертые (Версиловъ не терпѣлъ чехловъ), кой-какіе ковры, нѣсколько столовъ и ненужныхъ столиковъ. Затѣмъ, направо находилась комната Версилова, тѣс-

ная и узкая, въ одно окно; въ ней стоялъ жалкій письменный столъ, на которомъ валялось нѣсколько неупотребляемыхъ книгъ и забытыхъ бумагъ, а передъ столомъ не менѣе жалкое мягкое кресло, со сломанной и поднявшейся вверхъ угломъ пружиной, отъ которой часто стоналъ Версиловъ и бранился. Въ этомъ же кабинетѣ, на мягкомъ и тоже истасканномъ диванѣ стлали ему и спать; онъ ненавидѣлъ этотъ свой кабинетъ и, кажется, ничего въ немъ не дѣлалъ, а предпочиталъ сидѣть праздно въ гостиной по цѣлымъ часамъ. Налѣво изъ гостиной была точно такая же комнатка: въ ней спали мать и сестра. Въ гостиную входили изъ корридора, который оканчивался входомъ въ кухню, гдѣ жила кухарка Лукерья, и когда стряпала, то чадила пригорѣлымъ масломъ на всю квартиру немилосердно. Бывали минуты, когда Версиловъ громко проклиналъ свою жизнь и участь изъ-за этого кухоннаго чада, и въ этомъ одномъ я ему вполнѣ сочувствовалъ; я тоже ненавижу эти запахи, хотя они и не проникали ко мнѣ: я жилъ вверху въ свѣтелкѣ, подъ крышей, куда подымался по чрезвычайно крутой и скрипучей лѣсенкѣ. Тамъ у меня было достопримѣчательнаго — полукруглое окно, ужасно низкій потолокъ; клеенчатый диванъ, на которомъ Лукерья къ ночи постилала мнѣ простыню и клала подушку, а прочей мебели — лишь два предмета: простѣйшій тесовый столъ и дырявый плетеный стулъ.

Впрочемъ, все-таки у насъ сохранялись остатки нѣкотораго, когда-то бывшаго комфорта; въ гостиной, напримѣръ, имѣлась весьма недурная фарфоровая лампа, а на стѣнѣ висѣла превосходная большая гравюра Дрезденской Мадонны и тутъ же, на-

противъ, на другой стѣнѣ, дорогая фотографія, въ огромномъ размѣрѣ, литыхъ бронзовыхъ воротъ флорентійскаго собора. Въ этой же комнатѣ, въ углу висѣлъ большой кіотъ съ старинными фамильными образами, изъ которыхъ на одномъ (Всѣхъ Святыхъ) была большая вызолоченная серебряная риза — та самая, которую хотѣли закладывать, а на другомъ (на образѣ Божіей Матери) — риза бархатная, вышитая жемчугомъ. Передъ образами висѣла лампадка, зажигавшаяся подъ каждый праздникъ. Версиловъ къ образамъ, въ смыслѣ ихъ значенія, былъ, очевидно, равнодушенъ и только морщился иногда, видимо сдерживая себя, отъ отраженнаго отъ золоченой ризы свѣта лампадки, слегка жалуясь, что это вредитъ его зрѣнію, но все же не мѣшалъ матери зажигать.

Я обыкновенно входилъ молча и угрюмо, смотря куда-нибудь въ уголъ, а иногда, входя, не здоровался. Возвращался же всегда ранѣе этого раза и мнѣ подавали обѣдать наверхъ. Войдя теперь, я вдругъ сказалъ: «здравствуйте, мама», чего никогда прежде не дѣлывалъ, хотя какъ-то все-таки, отъ стыдливости, не могъ и въ этотъ разъ заставить себя посмотрѣть на нее, и усѣлся въ противоположномъ концѣ комнаты. Я очень усталъ, но о томъ не думалъ.

— Этотъ неучъ все такъ же продолжаетъ входить невѣжей, какъ и прежде, — прошипѣла на меня Татьяна Павловна: ругательныя слова она и прежде себѣ позволяла, и это вошло уже между мною и ею въ обычай.

— Здравствуй... — отвѣтила мать, какъ бы тотчасъ же потерявшись отъ того, что я съ ней поздоровался. — Кушать давно готово, — отвѣ-

тила она, почти сконфузившись, — супъ только бы не простылъ, а котлетки я сейчасъ велю... — Она было стала поспѣшно вставать, чтобы идти на кухню и въ первый разъ, можетъ быть, въ цѣлый мѣсяцъ мнѣ вдругъ стало стыдно, что она слишкомъ проворно вскакиваетъ для моихъ услугъ, тогда какъ до сихъ поръ самъ я того требовалъ.

— Покорно благодарю, мама, я уже обѣдалъ. Если не помѣшаю, я здѣсь отдохну.

— Ахъ... что жъ!.. отчего же, посиди...

— Не безпокойтесь, мама, я грубить Андрею Петровичу больше не стану, — отрѣзалъ я разомъ...

— Ахъ, Господи, какое съ его стороны великодушіе! — крикнула Татьяна Павловна. — Голубчикъ, Соня — да неужели ты все продолжаешь говорить ему *вы?* Да кто онъ такой, чтобъ ему такія почести, да еще отъ родной своей матери! Посмотри, вѣдь ты вся законфузилась передъ нимъ, срамъ!

— Мнѣ самому очень было бы пріятно, если бъ вы, мама, говорили мнѣ ты.

— Ахъ... Ну и хорошо, ну и буду, — заторопилась мать, — я — я вѣдь не всегда же... ну, съ этихъ поръ знать и буду.

Она вся покраснѣла. Рѣшительно ея лицо бывало чрезвычайно привлекательно... Лицо у ней было простодушное, но вовсе не простоватое, немного блѣдное, малокровное. Щеки ея были очень худы, даже ввалились, а на лбу сильно начинали скопляться морщинки, но около глазъ ихъ еще не было, и глаза, довольно большіе и открытые, сіяли всегда тихимъ и спокойнымъ свѣтомъ, который меня привлекъ къ ней съ самаго перваго дня. Лю-

билъ я тоже, что въ лицѣ ея вовсе не было ничего такого грустнаго или ущемленнаго; напротивъ, выраженіе его было бы даже веселое, если бъ она не тревожилась такъ часто, совсѣмъ иногда попусту, пугаясь и схватываясь съ мѣста иногда совсѣмъ изъ-за ничего, или вслушиваясь испуганно въ чей-нибудь новый разговоръ, пока не увѣрялась, что все попрежнему хорошо. Все хорошо — именно значило у ней, коли «все попрежнему». Только бы не измѣнялось, только бы новаго чего не произошло, хотя бы даже и счастливаго!.. Можно было подумать, что ее въ дѣтствѣ какъ-нибудь испугали. Кромѣ глазъ ея, нравился мнѣ овалъ ея продолговатаго лица и, кажется, если бъ только на капельку были менѣе широки ея скулы, то не только въ молодости, но даже и теперь она могла бы назваться красивою. Теперь же ей было не болѣе тридцати девяти, но въ темнорусыхъ волосахъ ея уже сильно проскакивали сѣдинки.

Татьяна Павловна взглянула на нее съ рѣшительнымъ негодованіемъ.

— Этакому-то бутузу! И такъ передъ нимъ дрожать! Смѣшная ты, Софья; сердишь ты меня, вотъ что!

— Ахъ, Татьяна Павловна, зачѣмъ бы вамъ такъ съ нимъ теперь! Да вы шутите, можетъ, а? — прибавила мать, примѣтивъ что-то въ родѣ улыбки на лицѣ Татьяны Павловны. Татьяны Павловнину брань и впрямь иногда нельзя было принять за серьезное, но улыбнулась она (если только улыбнулась), конечно, лишь на мать, потому что ужасно любила ея доброту и, ужъ безъ сомнѣнія, замѣтила, какъ въ ту минуту она была счастлива моею покорностью.

— Я, конечно, не могу не почувствовать, если вы сами бросаетесь на людей, Татьяна Павловна, и именно тогда, когда я, войдя, сказалъ «здравствуйте, мама», чего прежде никогда не дѣлалъ, — нашелъ я, наконецъ, нужнымъ ей замѣтить.

— Представьте себѣ, — вскипѣла она тотчасъ же, — онъ считаетъ это за подвигъ? На колѣнкахъ что ли стоять передъ тобой, что ты разъ въ жизни вѣжливость оказалъ? Да и это ли вѣжливость! Что ты въ уголъ-то смотришь входя? Развѣ я не знаю, какъ ты передъ нею рвешь и мечешь! Могъ бы и мнѣ сказать здравствуй, я пеленала тебя, я твоя крестная мать.

Разумѣется, я пренебрегъ отвѣчать. Въ ту минуту какъ разъ вошла сестра, и я поскорѣе обратился къ ней.

— Лиза, я сегодня видѣлъ Васина, и онъ у меня про тебя спросилъ. Ты знакома?

— Да, въ Лугѣ, прошлаго года, — совершенно просто отвѣтила она, садясь подлѣ и ласково на меня посмотрѣвъ. Не знаю почему, мнѣ казалось, что она такъ и вспыхнетъ, когда я ей скажу про Васина. Сестра была блондинка, свѣтлая блондинка, совсѣмъ не въ мать и не въ отца волосами; но глаза, овалъ лица были почти какъ у матери. Носъ очень прямой, небольшой и правильный; впрочемъ, и еще особенность — мелкія веснушки въ лицѣ, чего совсѣмъ у матери не было. Версиловскаго было очень немного, развѣ тонкость стана, не малый ростъ и что-то такое прелестное въ походкѣ. Со мной же ни малѣйшаго сходства — два противоположные полюса.

— Я ихъ мѣсяца три знала, — прибавила Лиза.

— Это ты про Васина говоришь *ихъ*, Лиза?

Надо сказать *его,* а не *ихъ.* Извини, сестра, что я поправляю, но мнѣ горько, что воспитаніемъ твоимъ, кажется, совсѣмъ пренебрегли.

— А при матери низко объ этомъ замѣчать съ твоей стороны, — такъ и вспыхнула Татьяна Павловна, — и врешь ты, вовсе не пренебрегли.

— Ничего я и не говорю про мать, — рѣзко вступился я, — знайте, мама, что я смотрю на Лизу, какъ на вторую васъ; вы сдѣлали изъ нея такую же прелесть по добротѣ и характеру, какою навѣрно были вы сами, и есть теперь, до сихъ поръ, и будете вѣчно... Я лишь про наружный лоскъ, про всѣ эти свѣтскія глупости, впрочемъ, необходимыя. Я только о томъ негодую, что Версиловъ, услышавъ, что ты про Васина выговариваешь *ихъ,* а не *его,* навѣрно не поправилъ бы тебя вовсе, — до того онъ высокомѣренъ и равнодушенъ съ нами. Вотъ что меня бѣситъ!

— Самъ-то медвѣженокъ, а туда же лоску учитъ. Не смѣйте, сударь, впредь при матери говорить: «Версиловъ», равно и въ моемъ присутствіи, — не стерплю! — засверкала Татьяна Павловна.

— Мама, я сегодня жалованье получилъ, пятьдесятъ рублей, возьмите, пожалуйста, вотъ!

Я подошелъ и подалъ ей деньги; она тотчасъ же затревожилась.

— Ахъ, не знаю, какъ взять-то! — проговорила она какъ бы боясь дотронуться до денегъ. Я не понялъ.

— Помилуйте, мама, если вы обѣ считаете меня въ семьѣ, какъ сына и брата, то...

— Ахъ, виновата я передъ тобою, Аркадій;

призналась бы тебѣ кое въ чемъ, да боюсь тебя ужъ очень . . .

Сказала она это съ робкою и заискивающею улыбкой; я опять не понялъ и перебилъ:

— Кстати, извѣстно вамъ, мама, что сегодня въ судѣ рѣшилось дѣло Андрея Петровича съ Сокольскими?

— Ахъ, извѣстно! — воскликнула она, отъ страху сложивъ передъ собою ладошками руки (ея жестъ).

— Сегодня? — такъ и вздрогнула Татьяна Павловна, — да быть же того не можетъ, онъ бы сказалъ. Онъ тебѣ сказалъ? — повернулась она къ матери.

— Ахъ, нѣтъ, что сегодня, про то не сказалъ. Да я всю недѣлю такъ боюсь. Хоть бы проиграть, я бы помолилась, только бы съ плечъ долой, да опять попрежнему.

— Такъ не сказалъ же и вамъ, мама!—воскликнулъ я. — Каковъ человѣчекъ! Вотъ образецъ его равнодушія и высокомѣрія; что я говорилъ сейчасъ?

— Рѣшилось-то чѣмъ, чѣмъ рѣшилось-то? Да кто тебѣ сказалъ? — кидалась Татьяна Павловна. — Да говори же!

— Да вотъ и самъ онъ! Можетъ, разскажетъ?— возвѣстилъ я, заслышавъ его шаги въ коридорѣ, и поскорѣй усѣлся около Лизы.

— Братъ, ради Бога, пощади маму, будь терпѣливъ съ Андреемъ Петровичемъ . . . — прошептала мнѣ сестра.

— Буду, буду, я съ тѣмъ и воротился, — пожалъ я ей руку.

Лиза очень недовѣрчиво на меня посмотрѣла и права была.

II.

Онъ вошелъ очень довольный собой, такъ довольный, что и нужнымъ не нашелъ скрыть свое расположеніе. Да и вообще онъ привыкъ передъ нами, въ послѣднее время, раскрываться безъ малѣйшей церемоніи и не только въ своемъ дурномъ, но даже въ смѣшномъ, чего ужъ всякій боится; между тѣмъ вполнѣ сознавалъ, что мы до послѣдней черточки все поймемъ. Въ послѣдній годъ онъ, по замѣчанію Татьяны Павловны, очень опустился въ костюмѣ: одѣтъ былъ всегда прилично, но въ старомъ и безъ изысканности. Это правда, онъ готовъ былъ носить бѣлье по два дня, что даже огорчало мать; это у нихъ считалось за жертву, и вся эта группа преданныхъ женщинъ прямо видѣла въ этомъ подвигъ. Шляпы онъ всегда носилъ мягкія, широкополыя, черныя; когда онъ снялъ въ дверяхъ шляпу— цѣлый пукъ его густѣйшихъ, но съ сильной просѣдью волосъ такъ и прянулъ на его головѣ. Я любилъ смотрѣть на его волосы, когда онъ снималъ шляпу.

— Здравствуйте; всѣ въ сборѣ; даже и онъ въ томъ числѣ? Слышалъ его голосъ еще изъ передней; меня бранилъ, кажется?

Одинъ изъ признаковъ его веселаго расположенія — это когда онъ принимался надо мною острить. Я не отвѣчалъ, разумѣется. Вошла Лукерья съ цѣлымъ кулькомъ какихъ-то покупокъ и положила на столъ.

— Побѣда, Татьяна Павловна; въ судѣ выиграно, а апеллировать, конечно, князья не рѣшатся. Дѣло за мною! Тотчасъ же нашелъ занять тысячу рублей. Софья, положи работу, не труди глаза. Лиза, съ работы?

— Да, папа, —съ ласковымъ видомъ отвѣтила Лиза; она звала его отцомъ; я этому ни за что не хотѣлъ подчиниться.

— Устала?

— Устала.

— Оставь работу, завтра не ходи, и совсѣмъ брось.

— Папа, — мнѣ такъ хуже.

— Прошу тебя... Я ужасно не люблю, когда женщины работаютъ, Татьяна Павловна.

— Какъ же безъ работы-то? Да чтобы женщина не работала!..

— Знаю, знаю, все это прекрасно и вѣрно, и я заранѣе согласенъ; но — я, главное, про рукодѣлья. Представьте себѣ, во мнѣ это, кажется, одно изъ болѣзненныхъ или, лучше, неправильныхъ впечатлѣній дѣтства. Въ смутныхъ воспоминаніяхъ моего пяти-шестилѣтняго дѣтства я всего чаще припоминаю, — съ отвращеніемъ, конечно, — около круглаго стола конклавъ умныхъ женщинъ, строгихъ и суровыхъ, ножницы, матерію, выкройки и модную картинку. Всѣ судятъ и рядятъ, важно и медленно покачивая головами, примѣривая и расчитывая и готовясь кроить. Всѣ эти ласковыя лица, которыя меня такъ любятъ — вдругъ стали неприступны; зашали я, и меня тотчасъ же унесутъ. Даже бѣдная няня моя, придерживая меня рукой и не отвѣчая на мои крики и теребенья, заглядѣлась и заслушалась точно райской птицы. Вотъ эту-то строгость умныхъ лицъ и важность передъ начатіемъ кройки — мнѣ почему-то мучительно даже и теперь представить. Татьяна Павловна, вы ужасно любите кроить, — какъ это ни аристократично, но я все-таки больше люблю женщину совсѣмъ не рабо-

тающую. Не прими на свой счетъ! Софья... Да гдѣ же тебѣ! Женщина и безъ того великая власть. Это, впрочемъ, и ты знаешь, Соня. Какъ ваше мнѣніе, Аркадій Макаровичъ, навѣрно возстаете?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ я. — Особенно хорошо выраженіе, что женщина — великая власть, хотя и не понимаю, зачѣмъ вы связали это съ работой? А что не работать нельзя, когда денегъ нѣтъ — сами знаете.

— Но теперь довольно, — обратился онъ къ матушкѣ, которая такъ и сіяла (когда онъ обратился ко мнѣ, она вся вздрогнула); по крайней мѣрѣ, хоть первое время, чтобъ я не видалъ рукодѣлій, для меня прошу. Ты, Аркадій, какъ юноша нашего времени, навѣрно немножко соціалистъ; ну, такъ повѣришь ли, другъ мой, что наиболѣе любящихъ праздность, — это изъ трудящагося вѣчно народа!

— Отдыхъ, можетъ быть, а не праздность.

— Нѣтъ, именно праздность, полное ничегонедѣланіе; въ томъ идеалъ! Я зналъ одного вѣчнаго труженика, хоть и не изъ народа; онъ былъ человѣкъ довольно развитой и могъ обобщать. Онъ всю жизнь свою, каждый день, можетъ быть, мечталъ съ засосомъ и умиленіемъ о полнѣйшей праздности, такъ сказать, доводя идеалъ до абсолюта, — до безконечной независимости, до вѣчной свободы мечты и празднаго созерцанія. Такъ и было вплоть, пока не сломался совсѣмъ на работѣ; починить нельзя было; умеръ въ больницѣ. Я серьезно иногда готовъ заключить, что о наслажденіяхъ труда выдумали праздные люди, разумѣется, изъ добродѣтельныхъ. Это одна изъ «женевскихъ идей» конца прошлаго столѣтія. Татьяна Павловна, третьяго дня я вырѣзалъ изъ газеты одно объявленіе,

вотъ оно (онъ вынулъ клочекъ изъ жилетнаго кармана), — это изъ числа тѣхъ безконечныхъ «студентовъ», знающихъ классическіе языки и математику и готовыхъ въ отъѣздъ, на чердакъ и всюду. Вотъ слушайте: «Учительница подготовляетъ во всѣ учебныя заведенія (слышите, во всѣ) и даетъ уроки ариѳметики», — одна лишь строчка, но классическая! Приготовляетъ въ учебныя заведенія — такъ ужъ, конечно, и изъ ариѳметики? Нѣтъ, у ней объ ариѳметикѣ особенно. Это — это ужъ чистый голодъ, это уже послѣдняя степень нужды. Трогательна тутъ именно эта неумѣлость: очевидно, никогда себя не готовила въ учительницы, да врядъ ли чему и въ состояніи учить. Но вѣдь хоть топись, тащитъ послѣдній рубль въ газету и печатаетъ, что подготовляетъ во всѣ учебныя заведенія и, сверхъ того, даетъ уроки ариѳметики. Per tutto mundo e in altri siti.

— Ахъ, Андрей Петровичъ, ей бы помочь! Гдѣ она живетъ? — воскликнула Татьяна Павловна.

— Э, много такихъ! — Онъ сунулъ адресъ въ карманъ. — Въ этомъ кулькѣ все гостинцы, — тебѣ, Лиза, и вамъ, Татьяна Павловна; Софья и я, мы не любимъ сладкаго. Пожалуй, и тебѣ, молодой человѣкъ. Я самъ все взялъ у Елисѣева и Бале. Слишкомъ долго «голодомъ сидѣли», какъ говоритъ Лукерья. (NB. Никогда никто не сидѣлъ у насъ голодомъ.) Тутъ виноградъ, конфеты, дюшессы и клубничный пирогъ, даже взялъ превосходной наливки; орѣховъ тоже. Любопытно, что я до сихъ поръ, съ самаго дѣтства люблю орѣхи, Татьяна Павловна, и, знаете, самые простые. Лиза въ меня; она тоже, какъ бѣлочка, любитъ щелкать орѣшки. Но ничего нѣтъ прелестнѣе, Татьяна Пав-

ловна, какъ иногда невзначай, между дѣтскихъ воспоминаній, воображать себя мгновеніями въ лѣсу, въ кустарникѣ, когда самъ рвешь орѣхи... Дни уже почти осенніе, но ясные, иногда такъ свѣжо, затаишься въ глуши, забредешь въ лѣсъ, пахнетъ листьями... Я вижу что-то симпатическое въ вашемъ взглядѣ, Аркадій Макаровичъ?

— Первые годы дѣтства моего прошли тоже въ деревнѣ.

— Какъ, да вѣдь ты, кажется, въ Москвѣ проживалъ... если не ошибаюсь.

— Онъ у Андрониковыхъ тогда жилъ въ Москвѣ, когда вы туда пріѣхали; а до тѣхъ поръ проживалъ у покойной вашей тетушки, Варвары Степановны, въ деревнѣ, — подхватила Татьяна Павловна.

— Софья, вотъ деньги, припрячь. На-дняхъ обѣщали пять тысячъ дать.

— Стало быть, ужъ никакой надежды князьямъ? — спросила Татьяна Павловна.

— Совершенно никакой, Татьяна Павловна.

— Я всегда сочувствовала вамъ, Андрей Петровичъ, и всѣмъ вашимъ, и была другомъ дома, но хоть князья мнѣ и чужіе, а мнѣ, ей Богу, ихъ жаль. Не сердитесь, Андрей Петровичъ.

— Я не намѣренъ дѣлиться, Татьяна Павловна.

— Конечно, вы знаете мою мысль, Андрей Петровичъ, они бы прекратили искъ, если бъ вы предложили подѣлить пополамъ въ самомъ началѣ; теперь, конечно, поздно. Впрочемъ, не смѣю судить... Я вѣдь потому, что покойникъ навѣрно не обошелъ бы ихъ въ своемъ завѣщаніи.

— Не то что обошелъ бы, а навѣрно бы все имъ оставилъ, а обошелъ бы только одного меня, если

бы сумѣлъ дѣло сдѣлать и какъ слѣдуетъ завѣщаніе написать; но теперь — за меня законъ — и кончено. Дѣлиться я не могу и не хочу, Татьяна Павловна, и дѣлу конецъ.

Онъ произнесъ это даже съ озлобленіемъ, что рѣдко позволялъ себѣ. Татьяна Павловна притихла. Мать какъ-то грустно потупила глаза: Версиловъ зналъ, что она одобряетъ мнѣніе Татьяны Павловны.

— «Тутъ эмская пощечина!» — подумалъ я про себя. Документъ, доставленный Крафтомъ и бывшій у меня въ карманѣ, имѣлъ бы печальную участь, если бы попался къ нему въ руки. Я вдругъ почувствовалъ, что все это сидитъ еще у меня на шеѣ; эта мысль, въ связи со всѣмъ прочимъ, конечно, подѣйствовала на меня раздражительно.

— Аркадій, я желалъ бы, чтобъ ты одѣлся получше, мой другъ; ты одѣтъ недурно, но въ виду дальнѣйшаго, я могъ бы тебѣ отрекомендовать хорошаго одного француза, предобросовѣстнаго и со вкусомъ.

— Я васъ попрошу никогда не дѣлать мнѣ подобныхъ предложеній, — рванулъ я вдругъ.

— Что такъ?

— Я, конечно, не нахожу унизительнаго, но мы вовсе не въ такомъ соглашеніи, а, напротивъ, даже въ разногласіи, потому что я на-дняхъ, завтра, оставляю ходить къ князю, не видя тамъ ни малѣйшей службы.

— Да въ томъ, что ты ходишь, что ты сидишь съ нимъ — служба!

— Такія мысли унизительны.

— Не понимаю; а, впрочемъ, если ты столь щекотливъ, то не бери съ него денегъ, а только ходи.

Ты его огорчишь ужасно; онъ ужъ къ тебѣ прилипъ, будь увѣренъ... Впрочемъ... какъ хочешь...

Ему, очевидно, было непріятно.

— Вы говорите, не проси денегъ, а по вашей же милости я сдѣлалъ сегодня подлость: вы меня не предувѣдомили, а я стребовалъ съ него сегодня жалованье за мѣсяцъ.

— Такъ ты уже распорядился; а я, признаюсь, думалъ, что ты не станешь просить; какіе же вы, однако, всѣ теперь ловкіе! Нынче нѣтъ молодежи, Татьяна Павловна.

Онъ ужасно злился; я тоже разсердился ужасно.

— Мнѣ надо же было раздѣлаться съ вами... это вы меня заставили, — я не знаю теперь, какъ быть.

— Кстати, Софи, отдай немедленно Аркадію его шестьдесятъ рублей; а ты, мой другъ, не сердись за торопливость разсчета. Я по лицу твоему угадываю, что у тебя въ головѣ какое-то предпріятіе и что ты нуждаешься... въ оборотномъ капиталѣ... или въ родѣ того.

— Я не знаю, что выражаетъ мое лицо, но я никакъ не ожидалъ отъ мамы, что она разскажетъ вамъ про эти деньги, тогда какъ я такъ просилъ ее, — поглядѣлъ я на мать, засверкавъ глазами. Не могу выразить, какъ я былъ обиженъ.

— Аркаша, голубчикъ, прости, ради Бога, не могла я никакъ, чтобы не сказать...

— Другъ мой, не претендуй, что она мнѣ открыла твои секреты, — обратился онъ ко мнѣ, — къ тому же она съ добрымъ намѣреніемъ — просто, матери захотѣлось похвалиться чувствами сына. Но повѣрь, я бы и безъ того угадалъ, что ты

капиталистъ. Всѣ секреты твои на твоемъ честномъ лицѣ написаны. У него «своя идея», Татьяна Павловна, я вамъ говорилъ.

— Оставимъ мое честное лицо, — продолжалъ я рвать, — я знаю, что вы часто видите меня насквозь, хотя въ другихъ случаяхъ не дальше куринаго носа, — удивлялся вашей способности проницать. Ну, да, у меня есть «своя идея». То, что вы такъ выразились, конечно, случайность, но я не боюсь признаться: у меня есть «идея». Не боюсь и не стыжусь.

— Главное, не стыдись.

— А все-таки вамъ никогда не открою.

— То есть не удостоишь открыть. Не надо, мой другъ, я и такъ знаю сущность твоей идеи; во всякомъ случаѣ, это:

„Я въ пустыню удаляюсь".

Татьяна Павловна! Моя мысль — что онъ хочетъ... стать Ротшильдомъ, или въ родѣ того, и удалиться въ свое величіе. Разумѣется, онъ намъ съ вами назначитъ великодушно пенсіонъ, мнѣ-то, можетъ быть, и не назначитъ, — но, во всякомъ случаѣ, только мы его и видѣли. Онъ у насъ какъ мѣсяцъ молодой — чуть покажется, тутъ и закатится.

Я содрогнулся внутри себя. Конечно, все это была случайность: онъ ничего не зналъ и говорилъ совсѣмъ не о томъ, хоть и помянулъ Ротшильда; но какъ онъ могъ такъ вѣрно опредѣлить мои чувства: порвать съ ними и удалиться? Онъ все предугадалъ и напередъ хотѣлъ засалить своимъ цинизмомъ трагизмъ факта. Что злился онъ ужасно, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

— Мама! простите мою вспышку, тѣмъ болѣе, что отъ Андрея Петровича и безъ того невозможно укрыться, — засмѣялся я притворно и стараясь хоть на мигъ перебить все въ шутку.

— Самое лучшее, мой милый, это — то, что ты засмѣялся. Трудно представить, сколько этимъ каждый человѣкъ выигрываетъ даже въ наружности. Я серьезнѣйшимъ образомъ говорю. У него, Татьяна Павловна, всегда такой видъ, будто у него на умѣ что-то столь ужъ важное, что онъ даже самъ пристыженъ симъ обстоятельствомъ.

— Я серьезно попросилъ бы васъ быть скромнѣе, Андрей Петровичъ.

— Ты правъ, мой другъ; но надо же высказать разъ навсегда, чтобы ужъ потомъ до всего этого не дотрогиваться. Ты пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же взбунтоваться, — вотъ пока что намъ извѣстно о цѣляхъ твоего прибытія. О томъ, что пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ насъ удивить чѣмъ-то, — объ этомъ я, разумѣется, не упоминаю. Затѣмъ, ты весь мѣсяцъ у насъ и на насъ фыркаешь, между тѣмъ, ты человѣкъ, очевидно, умный и въ этомъ качествѣ могъ бы предоставить такое фырканье тѣмъ, которымъ нечѣмъ ужъ больше отмстить людямъ за свое ничтожество. Ты всегда закрываешься, тогда какъ честный видъ твой и красныя щеки прямо свидѣтельствуютъ, что ты бы могъ смотрѣть всѣмъ въ глаза съ полною невинностью. Онъ — ипохондрикъ, Татьяна Павловна, не понимаю, съ чего они всѣ теперь ипохондрики?

— Если вы не знали, гдѣ я даже росъ, — какъ вамъ знать, съ чего человѣкъ ипохондрикъ?

— Вотъ она разгадка: ты обидѣлся, что я могъ забыть, гдѣ ты росъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, не приписывайте мнѣ глупостей. Мама, Андрей Петровичъ сейчасъ похвалилъ меня за то, что я засмѣялся; давайте же смѣяться — что такъ сидѣть! Хотите, я вамъ про себя анекдоты стану разсказывать? Тѣмъ болѣе, что Андрей Петровичъ совсѣмъ ничего не знаетъ изъ моихъ приключеній.

У меня накипѣло. Я зналъ, что болѣе мы ужъ никогда не будемъ сидѣть, какъ теперь, вмѣстѣ и что, выйдя изъ этого дома, я ужъ не войду въ него никогда, — а потому, наканунѣ всего этого, и не могъ утерпѣть. Онъ самъ вызвалъ меня на такой финалъ.

— Это, конечно, премило, если только въ самомъ дѣлѣ будетъ смѣшно, — замѣтилъ онъ, проницательно въ меня вглядываясь, — ты немного огрубѣлъ, мой другъ, тамъ, гдѣ ты росъ, а, впрочемъ, все-таки ты довольно еще приличенъ. Онъ очень милъ сегодня, Татьяна Павловна, и вы прекрасно сдѣлали, что развязали, наконецъ, этотъ кулекъ.

Но Татьяна Павловна хмурилась; она даже не обернулась на его слова и продолжала развязывать кулекъ и на поданныя тарелки раскладывать гостинцы. Мать тоже сидѣла въ совершенномъ недоумѣніи, конечно, понимая и предчувствуя, что у насъ выходитъ неладно. Сестра еще разъ меня тронула за локоть.

III.

— Я просто вамъ всѣмъ хочу разсказать,—началъ я съ самымъ развязнѣйшимъ видомъ, — о томъ, какъ одинъ отецъ въ первый разъ встрѣтился

съ своимъ милымъ сыномъ; это именно случилось «тамъ, гдѣ ты росъ» . . .

— Другъ мой, а это будетъ . . . не скучно? Ты знаешь: tous les genres . . .

— Не хмурьтесь, Андрей Петровичъ, я вовсе не съ тѣмъ, что̀ вы думаете. Я именно хочу, чтобъ всѣ смѣялись.

— Да услышитъ же тебя Богъ, мой милый. Я знаю, что ты всѣхъ насъ любишь и . . . не захочешь разстроить нашъ вечеръ, — промямлилъ онъ какъ-то выдѣланно, небрежно.

— Вы, конечно, и тутъ угадали по лицу, что я васъ люблю?

— Да, отчасти и по лицу.

— Ну, а я такъ по лицу Татьяны Павловны давно угадалъ, что она въ меня влюблена. Не смотрите такъ звѣрски на меня, Татьяна Павловна, лучше смѣяться! Лучше смѣяться!

Она вдругъ быстро ко мнѣ повернулась и пронзительно, съ полминуты, въ меня всматривалась

— Смотри ты! — погрозила она мнѣ пальцемъ, но такъ серьезно, что это вовсе не могло уже относиться къ моей глупой шуткѣ, а было предостереженіемъ въ чемъ-то другомъ: «не вздумалъ ли ужъ начинать?».

— Андрей Петровичъ, такъ неужели вы не помните, какъ мы съ вами встрѣтились, въ первый разъ въ жизни?

— Ей Богу, забылъ, мой другъ, и отъ души виноватъ. Я помню лишь, что это было какъ-то очень давно, и происходило гдѣ-то . . .

— Мама, а не помните ли вы, какъ вы были въ деревнѣ, гдѣ я росъ, кажется, до шести или семилѣтняго моего возраста и, главное, были ли вы въ

этой деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь, или мнѣ только какъ во снѣ мерещится, что я васъ въ первый разъ тамъ увидѣлъ? Я васъ давно уже хотѣлъ объ этомъ спросить, да откладывалъ; теперь время пришло.

— Какъ же, Аркашенька, какъ же! Да, я тамъ у Варвары Степановны три раза гостила; въ первый разъ пріѣзжала, когда тебѣ всего годочекъ отъ роду былъ, во второй, когда тебѣ четвертый годокъ пошелъ, а потомъ, когда тебѣ шесть годковъ минуло.

— Ну вотъ, я васъ весь мѣсяцъ и хотѣлъ объ этомъ спросить.

Мать такъ и зардѣлась отъ быстраго прилива воспоминаній и съ чувствомъ спросила меня:

— Такъ неужто, Аркашенька, ты меня еще тамъ запомнилъ?

— Ничего я не помню и не знаю, но только что-то осталось отъ вашего лица у меня въ сердцѣ на всю жизнь, и, кромѣ того, осталось знаніе, что вы моя мать. Я всю эту деревню какъ во снѣ теперь вижу, я даже свою няньку забылъ. Эту Варвару Степановну запомнилъ капельку, потому только, что у ней вѣчно были подвязаны зубы. Помню еще около дома огромныя деревья, липы, кажется, потомъ иногда сильный свѣтъ солнца въ отворенныхъ окнахъ, палисадникъ съ цвѣтами, дорожку, а васъ, мама, помню ясно только въ одномъ мгновеніи, когда меня въ тамошней церкви разъ причащали и вы приподняли меня принять Дары и поцѣловать Чашу; это лѣтомъ было, и голубь пролетѣлъ насквозь черезъ куполъ, изъ окна въ окно . . .

— Господи! Это все такъ и было, — всплеснула мать руками,—и голубочка того какъ есть помню.

Ты передъ самой Чашей встрепенулся и кричишь: «голубокъ, голубокъ!».

— Ваше лицо, или что-то отъ него, выраженіе, до того у меня осталось въ памяти, что лѣтъ пять спустя, въ Москвѣ, я тотчасъ призналъ васъ, хоть мнѣ и никто не сказалъ тогда, что вы моя мать. А когда я съ Андреемъ Петровичемъ въ первый разъ встрѣтился, то взяли меня отъ Андрониковыхъ; у нихъ я вплоть до того тихо и весело прозябалъ лѣтъ пять сряду. Ихъ казенную квартиру до мелочи помню и всѣхъ этихъ дамъ и дѣвицъ, которыя теперь всѣ такъ здѣсь постарѣли, и полный домъ, и самого Андроникова, какъ онъ всю провизію, птицъ, судаковъ и поросятъ, самъ изъ города въ кулькахъ привозилъ, а за столомъ, вмѣсто супруги, которая все чванилась, намъ супъ разливалъ, и всегда мы всѣмъ столомъ надъ этимъ смѣялись и онъ первый. Тамъ меня барышни по-французски научили, но больше всего я любилъ басни Крылова, заучилъ ихъ множество наизусть и каждый день декламировалъ по баснѣ Андроникову, прямо входя къ нему въ его крошечный кабинетъ, занятъ онъ былъ или нѣтъ. Ну, вотъ изъ-за басни же и съ вами познакомился, Андрей Петровичъ. Я вижу, вы начинаете припоминать.

— Кое что припоминаю, мой милый, именно ты что-то мнѣ тогда разсказывалъ... басню, или изъ «Горе отъ ума», кажется? Какая же у тебя память, однако!

— Память! Еще бы! Я только это одно всю жизнь и помнилъ.

— Хорошо, хорошо, мой милый, ты меня даже оживляешь.

Онъ даже улыбнулся, тотчасъ же за нимъ ста-

ли улыбаться и мать и сестра. Довѣрчивость возвращалась; но Татьяна Павловна, разставивъ на столѣ гостинцы и усѣвшись въ углу, продолжала проницать меня дурнымъ взглядомъ.

— Случилось такъ, — продолжалъ я, — что вдругъ, въ одно прекрасное утро, явилась за мною другъ моего дѣтства, Татьяна Павловна, которая всегда являлась въ моей жизни внезапно, какъ на театрѣ, и меня повезли въ каретѣ и привезли въ одинъ барскій домъ, въ пышную квартиру. Вы остановились тогда у Фанаріотовой, Андрей Петровичъ, въ ея пустомъ домѣ, который она у васъ же когда-то и купила; сама же въ то время была за границей. Я все носилъ курточки; тутъ вдругъ меня одѣли въ хорошенькій синій сюртучекъ и въ превосходное бѣлье. Татьяна Павловна хлопотала около меня весь этотъ день и покупала мнѣ много вещей; я же все ходилъ по всѣмъ пустымъ комнатамъ и смотрѣлъ на себя во всѣ зеркала. Вотъ такимъ-то образомъ я, на другое утро, часовъ въ десять, бродя по квартирѣ, зашелъ вдругъ, совсѣмъ невзначай, къ вамъ въ кабинетъ. Я уже и наканунѣ васъ видѣлъ, когда меня только что привезли, но лишь мелькомъ на лѣстницѣ. Вы сходили съ лѣстницы, чтобы сѣсть въ карету и куда-то ѣхать; въ Москву вы прибыли тогда одинъ, послѣ чрезвычайно долгаго отсутствія и на короткое время, такъ что васъ всюду расхватали и вы почти не жили дома. Встрѣтивъ насъ съ Татьяной Павловной, вы протянули только: А! и даже не остановились.

— Онъ съ особенною любовью описываетъ, — замѣтилъ Версиловъ, обращаясь къ Татьянѣ Павловнѣ; та отвернулась и не отвѣтила.

— Я какъ сейчасъ васъ вижу тогдашняго, цвѣ-

тущаго и красиваго. Вы удивительно успѣли постарѣть и подурнѣть въ эти девять лѣтъ, ужъ простите эту откровенность: впрочемъ, вамъ и тогда было уже лѣтъ тридцать семь, но я на васъ даже заглядѣлся: какіе у васъ были удивительные волосы, почти совсѣмъ черные, съ глянцовитымъ блескомъ, безъ малѣйшей сѣдинки; усы и бакены ювелирской отдѣлки, — иначе не умѣю выразиться: лицо матово-блѣдное, не такое болѣзненно-блѣдное, какъ теперь, а вотъ какъ теперь у дочери вашей, Анны Андреевны, которую я имѣлъ честь давеча видѣть; горящіе и темные глаза и сверкающіе зубы, особенно когда вы смѣялись. Вы именно разсмѣялись, осмотрѣвъ меня, когда я вошелъ; я мало что умѣлъ тогда различать, и отъ улыбки вашей только взвеселилось мое сердце. Вы были въ это утро въ темносинемъ бархатномъ пиджакѣ, въ шейномъ шарфѣ, цвѣта сольферино, по великолѣпной рубашкѣ съ алансонскими кружевами, стояли передъ зеркаломъ съ тетрадью въ рукѣ и вырабатывали, декламируя, послѣдній монологъ Чацкаго и особенно послѣдній крикъ:

Карету мнѣ, карету!

— Ахъ, Боже мой, — вскрикнулъ Версиловъ:— вѣдь онъ и вправду! Я тогда взялся, несмотря на короткій срокъ въ Москвѣ, за болѣзнью Жилейко, сыграть Чацкаго у Александры Петровны Витовтовой, на домашней сценѣ!

— Неужто вы забыли? — засмѣялась Татьяна Павловна.

— Онъ мнѣ напомнилъ! И признаюсь, эти тогдашніе нѣсколько дней въ Москвѣ, можетъ быть, были лучшей минутой всей жизни моей! Мы всѣ

еще тогда были такъ молоды... и всѣ съ такимъ жаромъ ждали... Я тогда въ Москвѣ неожиданно встрѣтилъ столько... Но продолжай, мой милый: ты очень хорошо сдѣлалъ на этотъ разъ, что такъ подробно напомнилъ...

Я стоялъ, смотрѣлъ на васъ и вдругъ прокричалъ: «Ахъ, какъ хорошо, настоящій Чацкій!» Вы вдругъ обернулись ко мнѣ и спрашиваете: «Да, развѣ ты уже знаешь Чацкаго?» — а сами сѣли на диванъ и принялись за кофей въ самомъ прелестномъ расположеніи духа, — такъ бы васъ и расцѣловалъ. Тутъ я вамъ сообщилъ, что у Андроникова всѣ очень много читаютъ, а барышни знаютъ много стиховъ наизусть, а изъ «Горе отъ ума» такъ промежъ себя разыгрываютъ сцены, и что всю прошлую недѣлю всѣ читали по вечерамъ вмѣстѣ, вслухъ, «Записки Охотника», а что я больше всего люблю басни Крылова и наизусть знаю. Вы и велѣли мнѣ прочесть что-нибудь наизусть, а я вамъ прочелъ «Разборчивую Невѣсту»:

„Невѣста-дѣвушка смышляла жениха".

— Именно, именно, ну теперь я все припомнилъ, — вскричалъ опять Версиловъ, — но, другъ мой, я и тебя припоминаю ясно: ты былъ тогда такой милый мальчикъ, ловкій даже мальчикъ, и клянусь тебѣ, ты тоже проигралъ въ эти девять лѣтъ.

Тутъ ужъ всѣ, и сама Татьяна Павловна разсмѣялись. Ясно, что Андрей Петровичъ изволилъ шутить и тою же монетою «отплатилъ» мнѣ за колкое мое замѣчаніе о томъ, что онъ постарѣлъ. Всѣ развеселились; да и сказано было прекрасно.

— По мѣрѣ какъ я читалъ, вы улыбались, но я

и до половины не дошелъ, какъ вы остановили меня, позвонили и вошедшему слугѣ приказали попросить Татьяну Павловну, которая немедленно прибѣжала съ такимъ веселымъ видомъ, что я, видя ее наканунѣ, почти теперь не узналъ. При Татьянѣ Павловнѣ я вновь началъ «Невѣсту-дѣвушку» и кончилъ блистательно; даже Татьяна Павловна улыбалась, а вы, Андрей Петровичъ, вы крикнули даже браво! и замѣтили съ жаромъ, что прочти я «Стрекозу и Муравья», такъ еще не удивительно, что толковый мальчикъ, въ мои лѣта, прочтетъ толково, но что эту басню:

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха,
Тутъ нѣтъ еще грѣха.

Вы послушайте, какъ онъ выговариваетъ: «Тутъ нѣтъ еще грѣха!» Однимъ словомъ, вы были въ восхищеніи. Тутъ вы вдругъ заговорили съ Татьяной Павловной по-французски, и она мигомъ нахмурилась и стала вамъ возражать, даже очень горячилась; но такъ какъ невозможно же противорѣчить Андрею Петровичу, если онъ вдругъ чего захочетъ, то Татьяна Павловна и увела меня поспѣшно къ себѣ: тамъ вымыли мнѣ вновь лицо, руки, перемѣнили бѣлье, напомадили, даже завили мнѣ волосы. Потомъ къ вечеру Татьяна Павловна разрядилась сама довольно пышно, такъ даже, что я не ожидалъ, и повезла меня съ собой въ каретѣ. Я попалъ въ театръ въ первый разъ въ жизни, въ любительскій спектакль у Витовтовой; свѣчи, люстры, дамы, военные, генералы, дѣвицы, занавѣсъ, ряды стульевъ, — ничего подобнаго я до сихъ поръ не видывалъ. Татьяна Павловна заняла самое скромное мѣстечко въ одномъ изъ заднихъ рядовъ, и меня посадила подлѣ. Были, разумѣется, и дѣти,

какъ я, но я уже ни на что̀ не смотрѣлъ, а ждалъ съ замираніемъ сердца представленія. Когда вы вышли, Андрей Петровичъ, я былъ въ восторгѣ, въ восторгѣ до слезъ, — почему, изъ-за чего, самъ не понимаю. Слезы-то восторга зачѣмъ? — вотъ что̀ мнѣ было дико во всѣ эти девять лѣтъ потомъ припоминать! Я съ замираніемъ слѣдилъ за комедіей; въ ней я, конечно, понималъ только то, что *она ему* измѣнила, что надъ нимъ смѣются глупые и недостойные пальца на ногѣ его люди. Когда онъ декламировалъ на балѣ, я понималъ, что онъ униженъ и оскорбленъ, что онъ укоряетъ всѣхъ этихъ жалкихъ людей, но что онъ — великъ, великъ! Конечно, и подготовка у Андроникова способствовала пониманію, но — и ваша игра, Андрей Петровичъ! Я въ первый разъ видѣлъ сцену! Въ разъѣздѣ же, когда Чацкій крикнулъ: «Карету мнѣ, карету!» (а крикнули вы удивительно), я сорвался со стула и вмѣстѣ со всей залой, разразившейся апплодисментомъ, захлопалъ, и изо всей силы кричалъ браво! Живо помню, какъ въ этотъ самый мигъ точно булавка вонзилась въ меня сзади, «пониже поясницы», разъяренный щипокъ Татьяны Павловны, но я и вниманія не обратилъ! Разумѣется, тотчасъ послѣ «Горе отъ ума» Татьяна Павловна увезла меня домой: «не танцовать же тебѣ оставаться, черезъ тебя только я сама не остаюсь?» шипѣли вы мнѣ, Татьяна Павловна, всю дорогу въ каретѣ. Всю ночь я былъ въ бреду, а на другой день, въ десять часовъ, уже стоялъ у кабинета, но кабинетъ былъ притворенъ: у васъ сидѣли люди, и вы съ ними занимались дѣлами; потомъ вдругъ укатили на весь день до глубокой ночи — такъ я васъ и не увидѣлъ! Что̀ такое хотѣлось мнѣ тогда сказать вамъ — за-

былъ, конечно, и тогда не зналъ, но я пламенно желалъ васъ увидѣть, какъ можно скорѣй. А назавтра поутру, еще съ восьми часовъ, вы изволили отправиться въ Серпуховъ: вы тогда только что продали ваше Тульское имѣніе для расплаты съ кредиторами, но все-таки у васъ оставался въ рукахъ аппетитный кушъ, вотъ почему вы и въ Москву тогда пожаловали, въ которую не могли до того времени заглянуть, боясь кредиторовъ; и вотъ одинъ только этотъ Серпуховскій грубіянъ, одинъ изъ всѣхъ кредиторовъ не соглашался взять половину долга вмѣсто всего. Татьяна Павловна на вопросы мои даже и не отвѣчала: «Нечего тебѣ, а вотъ послѣзавтра отвезу тебя въ пансіонъ; приготовься, тетради свои возьми, книжки приведи въ порядокъ, да пріучайся самъ въ сундучкѣ укладывать, не бѣлоручкой расти вамъ, сударь», да то-то, да это-то, ужъ барабанили же вы мнѣ, Татьяна Павловна, въ эти три дня! Тѣмъ и кончилось, что свезли меня въ пансіонъ къ Тушару, въ васъ влюбленнаго и невиннаго, Андрей Петровичъ; и пусть, кажется, глупѣйшій случай, то есть вся-то встрѣча наша, а, вѣрите ли, я вѣдь къ вамъ потомъ, черезъ полгода, отъ Тушара бѣжать хотѣлъ!

— Ты прекрасно разсказалъ и все мнѣ такъ живо напомнилъ, — отчеканилъ Версиловъ: — но главное поражаетъ меня въ разсказѣ твоемъ богатство нѣкоторыхъ старинныхъ подробностей, о долгахъ моихъ, напримѣръ. Не говоря уже о нѣкоторой неприличности этихъ подробностей, не понимаю, какъ даже ты ихъ могъ достать?

— Подробности? Какъ досталъ? Да повторяю же, я только и дѣлалъ, что доставалъ о васъ подробности всѣ эти девять лѣтъ.

— Странное признаніе и странное препровожденіе времени!

Онъ повернулся, полулежа въ креслахъ, и даже слегка зѣвнулъ, — нарочно или нѣтъ, не знаю.

— Что же, продолжать о томъ, какъ я хотѣлъ бѣжать къ вамъ отъ Тушара?

— Запретите ему, Андрей Петровичъ, уймите его и выгоните вонъ, — рванула Татьяна Павловна.

— Нельзя, Татьяна Павловна, — внушительно отвѣтилъ ей Версиловъ, — Аркадій очевидно что-то замыслилъ и, стало быть, надо ему непремѣнно дать кончить. Ну, и пусть его! Разскажетъ и съ плечъ долой, а для него въ томъ и главное, чтобъ съ плечъ долой спустить. Начинай, мой милый, твою новую исторію: то есть, я такъ только говорю, новую; не безпокойся, я знаю конецъ ея.

IV.

— Бѣжалъ я, т. е. хотѣлъ къ вамъ бѣжать, очень просто. Татьяна Павловна, помните ли, какъ недѣли двѣ спустя послѣ моего водворенія Тушаръ написалъ къ вамъ письмо, — нѣтъ? А мнѣ потомъ и письмо Марья Ивановна показывала, оно тоже въ бумагахъ покойнаго Андроникова очутилось. Тушаръ вдругъ спохватился, что мало взялъ денегъ, и съ «достоинствомъ» объявилъ вамъ въ письмѣ своемъ, что въ заведеніи его воспитываются князья и сенаторскія дѣти, и что онъ считаетъ ниже своего заведенія держать воспитанника съ такимъ происхожденіемъ, какъ я, если ему не дадутъ прибавки.

— Mon cher, ты бы могъ . . .

— О, ничего, ничего, — перебилъ я, — я только немножко про Тушара. Вы ему отвѣтили уже изъ уѣзда, Татьяна Павловна, черезъ двѣ не-

дѣли, и рѣзко отказали. Я припоминаю, какъ онъ, весь багровый, вошелъ тогда въ нашу классную. Это былъ очень маленькій и очень плотненькій французикъ, лѣтъ сорока пяти и, дѣйствительно, парижскаго происхожденія, разумѣется, изъ сапожниковъ, но уже съ незапамятныхъ временъ служившій въ Москвѣ на штатномъ мѣстѣ, преподавателемъ французскаго языка, имѣвшій даже чины, которыми чрезвычайно гордился, — человѣкъ глубоко необразованный. А насъ, воспитанниковъ, было у него всего человѣкъ шесть; изъ нихъ, дѣйствительно, какой-то племянникъ московскаго сенатора, и всѣ мы у него жили совершенно на семейномъ положеніи, болѣе подъ присмотромъ его супруги, очень манерной дамы, дочери какого-то русскаго чиновника. Я въ эти двѣ недѣли ужасно важничалъ передъ товарищами, хвастался моимъ синимъ сюртукомъ и папенькой моимъ Андреемъ Петровичемъ, и вопросы ихъ: почему же я Долгорукій, а не Версиловъ, совершенно не смущали меня именно потому, что я самъ не зналъ почему.

— Андрей Петровичъ! — крикнула Татьяна Павловна, почти угрожающимъ голосомъ. Напротивъ, матушка, не отрываясь, слѣдила за мною, и ей видимо хотѣлось, чтобы я продолжалъ.

— Се Тушаръ... дѣйствительно, я припоминаю теперь, что онъ такой маленькій и вертлявый, — процѣдилъ Версиловъ, — но мнѣ его рекомендовали тогда съ наилучшей стороны...

— Се Тушаръ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ, подошелъ къ нашему большому дубовому столу, за которымъ мы всѣ шестеро что-то зубрили, крѣпко схватилъ меня за плечо, поднялъ со стула и велѣлъ захватить мои тетрадки.

— Твое мѣсто не здѣсь, а тамъ,—указалъ онъ мнѣ крошечную комнатку налѣво изъ передней, гдѣ стоялъ простой столъ, плетеный стулъ и клеенчатый диванъ, — точь-въ-точь какъ теперь у меня наверху въ свѣтелкѣ. Я перешелъ съ удивленіемъ и очень оробѣлъ: никогда еще со мной грубо не обходились. Черезъ полчаса, когда Тушаръ вышелъ изъ классной, я сталъ переглядываться съ товарищами и пересмѣиваться; конечно, они надо мною смѣялись, но я о томъ не догадывался и думалъ, что мы смѣемся отъ того, что намъ весело. Тутъ какъ разъ налетѣлъ Тушаръ, схватилъ меня за вихоръ и давай таскать.

— Ты не смѣешь сидѣть съ благородными дѣтьми, ты подлаго происхожденія и все равно что лакей!

И онъ пребольно ударилъ меня по моей пухлой румяной щекѣ. Ему это тотчасъ же понравилось, и онъ ударилъ меня во второй и въ третій разъ. Я плакалъ навзрыдъ, я былъ страшно удивленъ. Цѣлый часъ я сидѣлъ, закрывшись руками и плакалъ-плакалъ. Произошло что-то такое, чего я ни за что̀ не понималъ. Не понимаю, какъ человѣкъ не злой, какъ Тушаръ, иностранецъ, и даже столь радовавшійся освобожденію русскихъ крестьянъ, могъ бить такого глупаго ребенка, какъ я. Впрочемъ, я былъ только удивленъ, а не оскорбленъ; я еще не умѣлъ оскорбляться. Мнѣ казалось, что я что-то сшалилъ, но когда я исправлюсь, то меня простятъ и мы опять станемъ вдругъ всѣ веселы, пойдемъ играть на дворѣ и заживемъ какъ нельзя лучше.

— Другъ мой, если бъ я только зналъ... — протянулъ Версиловъ съ небрежной улыбкой нѣ-

сколько утомленнаго человѣка: — каковъ однако негодяй этотъ Тушаръ! Впрочемъ, я все еще не теряю надежды, что ты какъ-нибудь соберешься съ силами и все это намъ, наконецъ, простишь и мы опять заживемъ какъ нельзя лучше.

Онъ рѣшительно зѣвнулъ.

— Да я и не обвиняю, совсѣмъ нѣтъ, и, повѣрьте, не жалуюсь на Тушара! — прокричалъ я, нѣсколько сбитый съ толку, — да и билъ онъ меня какихъ-нибудь мѣсяца два. Я, помню, все хотѣлъ его чѣмъ-то обезоружить, бросался цѣловать его руки и цѣловалъ ихъ, и все плакалъ-плакалъ. Товарищи смѣялись надо мною и презирали меня, потому что Тушаръ сталъ употреблять меня иногда какъ прислугу, приказывалъ подавать себѣ платье, когда одѣвался. Тутъ мое лакейство пригодилось мнѣ инстинктивно: я старался изо всѣхъ силъ угодить и нисколько не оскорблялся, потому что ничего этого еще не понималъ, и удивляюсь даже до сей поры тому, что былъ такъ еще тогда глупъ, что не могъ понять, какъ я всѣмъ имъ неровня. Правда, товарищи много мнѣ и тогда уже объяснили, школа была хорошая. Тушаръ кончилъ тѣмъ, что полюбилъ болѣе пинать меня колѣнкомъ сзади, чѣмъ бить по лицу, а черезъ полгода, такъ даже сталъ меня иногда ласкать; только нѣтъ-нѣтъ, а въ мѣсяцъ разъ навѣрно побьетъ, для напоминанія, чтобъ не забывался. Съ дѣтьми тоже скоро меня посадили вмѣстѣ и пускали играть, но ни разу, въ цѣлые два съ половиной года, Тушаръ не забылъ различія въ соціальномъ положеніи нашемъ, и хоть не очень, а все же употреблялъ меня для услугъ постоянно, я именно думаю, чтобъ мнѣ напомнить.

Бѣжалъ же я, то есть хотѣлъ было бѣжать уже мѣсяцевъ пять спустя послѣ этихъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ. И вообще я всю жизнь бывалъ тугъ на рѣшеніе. Когда я ложился въ постель и закрывался одѣяломъ, я тотчасъ начиналъ мечтать объ васъ, Андрей Петровичъ, только объ васъ одномъ; совершенно не знаю, почему это такъ дѣлалось. Вы мнѣ и во снѣ даже снились. Главное, я все страстно мечталъ, что вы вдругъ войдете, я къ вамъ брошусь и вы меня выведете изъ этого мѣста и увезете къ себѣ, въ тотъ кабинетъ, и опять мы поѣдемъ въ театръ, ну и прочее. Главное, что мы не разстанемся — вотъ въ чемъ было главное! Когда же утромъ приходилось просыпаться, то вдругъ начинались насмѣшки и презрѣніе мальчишекъ; одинъ изъ нихъ прямо началъ бить меня и заставлялъ подавать сапоги; онъ бранилъ меня самыми скверными именами, особенно стараясь объяснить мое происхожденіе, къ утѣхѣ всѣхъ слушателей. Когда же являлся, наконецъ, самъ Тушаръ, въ душѣ моей начиналось что-то невыносимое. Я чувствовалъ, что мнѣ здѣсь никогда не простятъ, — о, я уже начиналъ помаленьку понимать, что̀ именно не простятъ, и чѣмъ именно я провинился! И вотъ я, наконецъ, положилъ бѣжать. Я мечталъ объ этомъ ужасно цѣлыхъ два мѣсяца, наконецъ, рѣшился; тогда былъ сентябрь. Я выждалъ, когда всѣ товарищи разъѣхались въ субботу на воскресенье, а, между тѣмъ, потихоньку, тщательно связалъ себѣ узелокъ самыхъ необходимыхъ вещицъ; денегъ у меня было два рубля. Я хотѣлъ выждать, когда смеркнется: «тамъ спущусь по лѣстницѣ, думалъ я, и выйду, а потомъ и пойду». Куда? Я зналъ, что Андрониковъ уже переведенъ въ Петербургъ, и рѣ-

шилъ, что я отыщу домъ Фанаріотовой на Арбатѣ; ночь гдѣ-нибудь прохожу или просижу, а утромъ разспрошу кого-нибудь на дворѣ дома: гдѣ теперь Андрей Петровичъ и если не въ Москвѣ, то въ какомъ городѣ или государствѣ? Навѣрно скажутъ. Я уйду, а потомъ въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь и кого-нибудь спрошу въ какую заставу идти, если въ такой-то городъ, ну и выйду и пойду, и пойду. Все буду идти; ночевать буду гдѣ-нибудь подъ кустами, а ѣсть буду одинъ только хлѣбъ, а хлѣба на два рубля мнѣ очень надолго хватитъ». Въ субботу, однако, никакъ не удалось бѣжать; пришлось ожидать до завтра, до воскресенья, и, какъ нарочно Тушаръ съ женой куда-то въ воскресенье уѣхали; остались во всемъ домѣ только я да Агафья. Я ждалъ ночи съ страшной тоской, помню: сидѣлъ въ нашей залѣ у окна и смотрѣлъ на пыльную улицу съ деревянными домиками и на рѣдкихъ прохожихъ. Тушаръ жилъ въ захолустьѣ, и изъ оконъ видна была застава, ужъ не та ли? — мерещилось мнѣ. Солнце закатывалось такое красное, небо было такое холодное и острый вѣтеръ, точь-въ-точь какъ сегодня, подымалъ песокъ. Стемнѣло, наконецъ, совсѣмъ; я сталъ передъ образомъ и началъ молиться, только скоро-скоро, я торопился; захватилъ узелокъ и на цыпочкахъ пошелъ съ скрипучей нашей лѣстницы, ужасно боясь, чтобы не услыхала меня изъ кухни Агафья. Дверь была на ключѣ, я отворилъ, вдругъ — темная-темная ночь зачернѣла передо мной, какъ безконечная, опасная неизвѣстность, а вѣтеръ такъ и рванулъ съ меня фуражку. Я было вышелъ; на той сторонѣ тротуара раздался сиплый пьяный ревъ ругавшагося прохожаго; я постоялъ, поглядѣлъ и тихо вернулся, тихо прошелъ

наверхъ, тихо раздѣлся, сложилъ узелокъ и легъ ничкомъ, безъ слезъ и безъ мыслей, и вотъ съ этой-то самой минуты я и сталъ мыслить, Андрей Петровичъ! Вотъ съ самой этой минуты, когда я сознала, что я, сверхъ того что лакей, вдобавокъ и трусъ, и началось настоящее, правильное мое развитіе.

— А вотъ съ этой-то самой минуты я тебя теперь навѣкъ раскусила! — вскочила вдругъ съ мѣста Татьяна Павловна, и такъ даже неожиданно, что я совсѣмъ и не приготовился; — да ты, мало того, что тогда былъ лакеемъ, ты и теперь лакей; лакейская душа у тебя! Да чего бы стоило Андрею Петровичу тебя въ сапожники отдать? Даже благодѣяніе бы тебѣ оказалъ, ремеслу бы обучилъ! Кто бы съ него больше для тебя спросилъ, аль потребовалъ? Отецъ твой, Макаръ Иванычъ, не то что просилъ, а почти требовалъ, чтобъ васъ, дѣтей его, изъ низшихъ сословій не выводить. Нѣтъ, ты не цѣнишь, что онъ тебя до университета довелъ, и что чрезъ него ты права получилъ. Мальчишки, вишь, его дразнили, такъ онъ поклялся отмстить человѣчеству... Сволочь ты этакая!

Признаюсь, я былъ пораженъ этой выходкой. Я всталъ и нѣкоторое время смотрѣлъ, не зная, что̀ сказать.

— А вѣдь, дѣйствительно, Татьяна Павловна сказала мнѣ новое, — твердо обернулся я, наконецъ, къ Версилову, — вѣдь, дѣйствительно, я настолько лакей, что никакъ не могу удовлетвориться только тѣмъ, что Версиловъ не отдалъ меня въ сапожники; даже «права» не умалили меня, а подавай, дескать, мнѣ всего Версилова, подавай мнѣ отца... вотъ чего потребовалъ — какъ же не ла-

кей? Мама, у меня на совѣсти уже восемь лѣтъ, какъ вы приходили ко мнѣ одна къ Тушару посѣтить меня, и какъ я васъ тогда принялъ, но теперь некогда объ этомъ, Татьяна Павловна не дастъ разсказать. До завтра, мама, можетъ съ вами-то еще увидимся. Татьяна Павловна! Ну, что̀ если я опять-таки до такой степени лакей, что никакъ не могу даже того допустить, чтобъ отъ живой жены можно было жениться еще на женѣ? А вѣдь это чуть-чуть было не случилось въ Эмсѣ съ Андреемъ Петровичемъ! Мама, если не захотите оставаться съ мужемъ, который завтра женится на другой, то вспомните, что у васъ есть сынъ, который обѣщается быть навѣки почтительнымъ сыномъ, вспомните, и пойдемте, но только съ тѣмъ, что «или онъ, или я», — хотите? Я не сейчасъ, вѣдь, отвѣта прошу: я знаю, что на такіе вопросы нельзя давать отвѣта тотчасъ же . . .

Но я не могъ докончить, во-первыхъ потому, что разгорячился и растерялся. Мать вся поблѣднѣла и какъ будто голосъ ея пресѣкся: не могла выговорить ни слова. Татьяна Павловна говорила что-то очень громко и много, такъ что я даже разобрать не могъ, и раза два пихнула меня въ плечо кулакомъ. Я только запомнилъ, что она прокричала, что мои слова «напускныя, въ мелкой душѣ взлелѣянныя, пальцомъ вывороченныя». Версиловъ сидѣлъ неподвижно и очень серьезный, не улыбался. Я пошелъ къ себѣ наверхъ. Послѣдній взглядъ, проводившій меня изъ комнаты, былъ укорительный взглядъ сестры; она строго качала мнѣ вслѣдъ головой.

Глава седьмая.

I.

Я описываю всѣ эти сцены, не щадя себя, чтобы все ясно припомнить и возстановить впечатлѣніе. Взойдя къ себѣ наверхъ, я совершенно не зналъ, надобно ли мнѣ стыдиться или торжествовать, какъ исполнившему свой долгъ. Если бъ я былъ капельку опытнѣе, я бы догадался, что малѣйшее сомнѣніе въ такомъ дѣлѣ надо толковать къ худшему. Но меня сбивало съ толку другое обстоятельство: не понимаю, чему я былъ радъ, но я былъ ужасно радъ, несмотря на то, что сомнѣвался и явно сознавалъ, что внизу срѣзался. Даже то, что Татьяна Павловна такъ злобно меня обругала — мнѣ было только смѣшно и забавно, а вовсе не злобило меня. Вѣроятно, все это потому, что я все-таки порвалъ цѣпь и въ первый разъ чувствовалъ себя на свободѣ.

Я чувствовалъ тоже, что испортилъ свое положеніе: еще больше мраку оказывалось въ томъ, какъ мнѣ теперь поступить съ письмомъ о наслѣдствѣ. Теперь рѣшительно примутъ, что я хочу мстить Версилову. Но я еще внизу положилъ, во время всѣхъ этихъ дебатовъ, подвергнуть дѣло о письмѣ про наслѣдство рѣшенію третейскому и обратиться, какъ къ судьѣ, къ Васину, а если не

удастся къ Васину, то еще къ одному лицу, я уже зналъ къ какому. Однажды, для этого только раза, схожу къ Васину, думалъ я про себя, а тамъ — тамъ исчезну для всѣхъ надолго, на нѣсколько мѣсяцевъ, а для Васина даже особенно исчезну: только съ матерью и сестрой, можетъ, буду видѣться изрѣдка. Все это было безпорядочно; я чувствовалъ, что что-то сдѣлалъ, да не такъ, и — и былъ доволенъ; повторяю, все-таки, былъ чему-то радъ.

Лечь спать я положилъ было раньше, предвидя завтра большую ходьбу. Кромѣ найма квартиры и переѣзда, я принялъ нѣкоторыя рѣшенія, которыя, такъ или этакъ, положилъ выполнить. Но вечеру не удалось кончиться безъ курьезовъ, и Версиловъ сумѣлъ-таки чрезвычайно удивить меня. Въ свѣтелку мою онъ рѣшительно никогда не заходилъ, и вдругъ, я еще часу не былъ у себя, какъ услышалъ его шаги на лѣсенкѣ: онъ звалъ меня, чтобъ я ему посвѣтилъ. Я вынесъ свѣчку и, протянувъ внизъ руку,, которую онъ схватилъ, помогъ ему дотащиться наверхъ.

— Merci, другъ, я сюда еще ни разу не вползалъ, даже когда нанималъ квартиру. Я предчувствовалъ, что это такое, но все-таки не предполагалъ такой конуры, — сталъ онъ посрединѣ моей свѣтелки, съ любопытствомъ озираясь кругомъ. — Но это гробъ, совершенный гробъ!

Дѣйствительно, было нѣкоторое сходство съ внутренностью гроба, и я даже подивился, какъ онъ вѣрно съ одного слова опредѣлилъ. Каморка была узкая и длинная; съ высоты плеча моего, не болѣе, начинался уголъ стѣны и крыши, конецъ которой я могъ достать ладонью. Версиловъ, въ первую минуту, безсознательно держалъ себя сгорбившись,

боясь задѣть головой о потолокъ, однако не задѣлъ и кончилъ тѣмъ, что довольно спокойно усѣлся на моемъ диванѣ, на которомъ была уже постлана моя постель. Что до меня, я не садился и смотрѣлъ на него въ глубочайшемъ удивленіи.

— Мать разсказываетъ, что не знала, брать ли съ тебя деньги, которыя ты давеча ей предложилъ за мѣсячное твое содержаніе. Въ виду этакого гроба не только не брать, а напротивъ, вычетъ съ насъ въ твою пользу слѣдуетъ сдѣлать! Я здѣсь никогда не былъ и . . . вообразить не могу, что здѣсь можно жить.

— Я привыкъ. А вотъ, что вижу васъ у себя, то никакъ не могу къ тому привыкнуть послѣ всего, что вышло внизу.

— О да, ты былъ значительно грубъ внизу, но . . . я тоже имѣю свои особыя цѣли, которыя и объясню тебѣ, хотя, впрочемъ, въ приходѣ моемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; даже то, что внизу произошло — тоже все въ совершенномъ порядкѣ вещей; но разъясни мнѣ вотъ что̀ ради Христа: тамъ внизу, то, что ты разсказывалъ и къ чему такъ торжественно насъ готовилъ и приступалъ, неужто это все, что̀ ты намѣренъ былъ сообщить, и ничего больше у тебя не было?

— Все. То есть положимъ, что все.

— Маловато, другъ мой; признаться, я, судя по твоему приступу, и какъ ты насъ звалъ смѣяться, однимъ словомъ, видя, какъ тебѣ хотѣлось разсказывать, — я ждалъ бо̀льшаго.

— Да вамъ-то не все ли равно?

— Да я, собственно, изъ чувства мѣры: не стоило такого треску и нарушена была мѣра. Цѣлый мѣсяцъ молчалъ, собирался, и вдругъ — ничего.

Я хотѣлъ долго разсказывать, но стыжусь, что и это разсказалъ. Не все можно разсказать словами, иное лучше никогда не разсказывать. Я же вотъ довольно сказалъ, да вѣдь вы же не поняли.

— А, и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла въ слова! Это благородное страданіе, мой другъ, и дается лишь избраннымъ: дуракъ всегда доволенъ тѣмъ, что сказалъ, и къ тому же всегда выскажетъ больше, чѣмъ нужно; про запасъ они любятъ.

— Какъ я внизу, напримѣръ; я тоже высказалъ больше, чѣмъ нужно: я потребовалъ «всего Версилова», это гораздо больше, чѣмъ нужно; мнѣ Версилова вовсе не нужно.

— Другъ мой, ты, я вижу, хочешь наверстать проигранное внизу. Ты, очевидно, раскаялся, такъ какъ раскаяться значитъ у насъ немедленно на кого-нибудь накинуться, то вотъ ты и не хочешь въ другой разъ на мнѣ промахнуться. Я рано пришелъ, а ты еще не остылъ и къ тому же туго выносишь критику. Но садись, ради Бога, я тебѣ кое что пришелъ сообщить; благодарю, вотъ такъ. Изъ того, что ты сказалъ матери внизу, уходя, слишкомъ ясно, что намъ, во всякомъ даже случаѣ, лучше разъѣхаться. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ уговорить тебя сдѣлать это по возможности мягче и безъ скандала, чтобъ не огорчить и не испугать твою мать еще больше. Даже то, что я пошелъ сюда самъ, уже ее ободрило: она какъ-то вѣруетъ, что мы еще успѣемъ примириться, ну, и что все пойдетъ попрежнему. Я думаю, если бъ мы съ тобой, здѣсь теперь, разъ или два погромче разсмѣялись, то поселили бы восторгъ въ ихъ робкихъ

сердцахъ. Пусть это и простыя сердца, но они любящія, искренно и простодушно, почему же не полелѣять ихъ при случаѣ? Ну, вотъ это разъ. Второе: почему бы намъ непремѣнно разставаться съ жаждой мести, съ скрежетомъ зубовъ, съ клятвами и такъ далѣе? Безо всякаго сомнѣнія, намъ вѣшаться другъ другу на шею совсѣмъ не къ чему, но можно разстаться, такъ сказать, взаимно уважая другъ друга, не правда ли, а?

— Все это — вздоръ! Обѣщаю, что съѣду безъ скандала — и довольно. Это вы для матери хлопочете? А мнѣ такъ кажется, что спокойствіе матери тутъ рѣшительно все равно, и вы только такъ говорите.

— Ты не вѣришь?

— Вы говорите со мной рѣшительно какъ съ ребенкомъ!

— Другъ мой, я готовъ за это тысячу разъ просить у тебя прощенія, ну тамъ за все, что ты на мнѣ насчитываешь, за всѣ эти годы твоего дѣтства и такъ далѣе, но, cher enfant, что же изъ этого выйдетъ? Ты такъ уменъ, что не захочешь самъ очутиться въ такомъ глупомъ положеніи. Я уже и не говорю о томъ, что даже до сей поры не совсѣмъ понимаю характеръ твоихъ упрековъ: въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ ты собственно меня обвиняешь? Въ томъ, что родился не Версиловымъ? Или нѣтъ? Ба! Ты смѣешься презрительно и махаешь руками, стало быть, нѣтъ?

— Повѣрьте, нѣтъ. Повѣрьте, не нахожу никакой чести называться Версиловымъ.

— О чести оставимъ; къ тому же твой отвѣтъ непремѣнно долженъ быть демократиченъ; но если такъ, то за что же ты обвиняешь меня?

Татьяна Павловна сказала сейчасъ все, что мнѣ надо было узнать, и чего я никакъ не могъ понять до нея: это то, что не отдали же вы меня въ сапожники, слѣдственно я еще долженъ быть благодаренъ. Понять не могу, отчего я неблагодаренъ, даже и теперь, даже когда меня вразумили. Ужъ не ваша ли кровь гордая говоритъ, Андрей Петровичъ?

— Вѣроятно, нѣтъ. И, кромѣ того, согласись, что всѣ твои выходки внизу, вмѣсто того чтобъ падать на меня, какъ и предназначались тобою, тиранили и терзали одну ее. Между тѣмъ, кажется, не тебѣ бы ее судить. Да и чѣмъ она передъ тобой виновата? Разъясни мнѣ тоже, кстати, другъ мой: ты для чего это и съ какою бы цѣлью распространялъ и въ школѣ, и въ гимназіи, и во всю жизнь свою, и даже первому встрѣчному, какъ я слышалъ, о своей незаконнорожденности? Я слышалъ, что ты дѣлалъ это съ какою-то особенною охотою. А, между тѣмъ, все это вздоръ и гнусная клевета: ты законнорожденный, Долгорукій, сынъ Макара Ивановича Долгорукаго, человѣка почтеннаго и замѣчательнаго умомъ и характеромъ. Если же ты получилъ высшее образованіе, то дѣйствительно благодаря бывшему помѣщику твоему, Версилову, но что же изъ этого выходитъ? Главное, провозглашая о своей незаконнорожденности, что, само собою, уже клевета, ты тѣмъ самымъ разоблачалъ тайну твоей матери и, изъ какой-то ложной гордости, тащилъ свою мать на судъ передъ первою встрѣчною грязью. Другъ мой, это очень неблагородно, тѣмъ болѣе, что твоя мать ни въ чемъ не виновата лично: это характеръ чистѣйшій, а если она не Версилова, то единственно потому, что до сихъ поръ замужемъ.

— Довольно, я съ вами совершенно согласенъ, и настолько вѣрю въ вашъ умъ, что вполнѣ надѣюсь, вы перестанете слишкомъ ужъ долго распекать меня. Вы такъ любите мѣру; а, между тѣмъ, есть мѣра всему, даже и внезапной любви вашей къ моей матери. Лучше вотъ что̀: если вы рѣшились ко мнѣ зайти и у меня просидѣть четверть часа или полчаса (я все еще не знаю для чего, ну, положимъ, для спокойствія матери) — и, сверхъ того, съ такой охотой со мной говорите, несмотря на то, что̀ произошло внизу, то разскажите ужъ мнѣ лучше про моего отца — вотъ про этого Макара Иванова, странника. Я именно отъ васъ бы хотѣлъ услыхать о немъ; я спросить васъ давно намѣревался. Разставаясь и, можетъ быть, надолго, я бы очень хотѣлъ отъ васъ же получить отвѣтъ и еще на вопросъ: неужели въ цѣлыя эти двадцать лѣтъ вы не могли подѣйствовать на предразсудки моей матери, а теперь такъ даже и сестры, настолько, чтобъ разсѣять своимъ цивилизующимъ вліяніемъ первоначальный мракъ окружавшей ея среды? О, я не про чистоту ея говорю! Она и безъ того всегда была безконечно выше васъ нравственно, извините, но . . . это лишь безконечно высшій мертвецъ. Живетъ лишь одинъ Версиловъ, а все остальное кругомъ него и все съ нимъ связанное прозябаетъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ имѣть честь питать его своими силами, своими живыми соками. Но вѣдь была же и она когда-то живая? Вѣдь вы что-нибудь полюбили же въ ней? Вѣдь была же и она когда-то женщиной?

— Другъ мой, если хочешь, никогда не была,— отвѣтилъ онъ мнѣ, тотчасъ же скривившись въ ту первоначальную, тогдашнюю со мной манеру,

столь мнѣ памятную и которая такъ бѣсила меня; то есть, повидимому, онъ само искреннее простодушіе, а смотришь — все въ немъ одна лишь глубочайшая насмѣшка, такъ что я иной разъ никакъ не могъ разобрать его лица: — никогда не была! Русская женщина — женщиной никогда не бываетъ.

— Полька, француженка бываетъ? Или итальянка, страстная итальянка, вотъ что̀ способно плѣнить цивилизованнаго русскаго высшей среды, въ родѣ Версилова?

— Ну, могъ ли я ожидать, что встрѣчу славянофила? — разсмѣялся Версиловъ.

Я припоминаю слово въ слово разсказъ его; онъ сталъ говорить съ большой даже охотой и съ видимымъ удовольствіемъ. Мнѣ слишкомъ ясно было, что онъ пришелъ ко мнѣ вовсе не для болтовни и совсѣмъ не для того, чтобъ успокоить мать, а навѣрно имѣя другія цѣли.

II.

— Мы всѣ наши двадцать лѣтъ, съ твоею матерью, совершенно прожили молча,—началъ онъ свою болтовню (въ высшей степени выдѣланно и ненатурально), — и все, что было у насъ, такъ и произошло молча. Главнымъ характеромъ всего двадцатилѣтія связи нашей было — безмолвіе. Я думаю, мы даже ни разу не поссорились. Правда, я часто отлучался и оставлялъ ее одну, но кончалось тѣмъ, что всегда пріѣзжалъ обратно. Nous revenons toujours, и это ужъ такое основное свойство мужчинъ; у нихъ это отъ великодушія. Если бы дѣло брака зависѣло отъ однѣхъ женщинъ — ни одного бы брака не уцѣлѣло. Смиреніе, безотвѣтность, приниженность

ность и въ то же время твердость, сила, настоящая сила, вотъ характеръ твоей матери. Замѣть, что это лучшая изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ на свѣтѣ. А что въ ней сила есть — это я засвидѣтельствую: видалъ же я, какъ эта сила ее питала. Тамъ, гдѣ касается, я не скажу убѣжденій — правильныхъ убѣжденій тутъ быть не можетъ — но того, что считается у нихъ убѣжденіемъ, а, стало быть, по-ихнему и святымъ, тамъ просто хоть на муки. Ну, а самъ можешь заключить: похожъ ли я на мучителя? Вотъ почему я и предпочелъ почти во всемъ замолчать, а не потому только, что это легче, и, признаюсь, не раскаиваюсь. Такимъ образомъ, все обошлось само собою широко и гуманно, такъ что я себѣ даже никакой хвалы не приписываю. Скажу кстати, въ скобкахъ, что почему-то подозрѣваю, что она никогда не вѣрила въ мою гуманность, а потому всегда трепетала; но трепеща, въ то же время не поддалась ни на какую культуру. Они какъ-то это умѣютъ, а мы тутъ чего-то не понимаемъ, и вообще они умѣютъ лучше нашего обдѣлывать свои дѣла. Они могутъ продолжать жить по-своему въ самыхъ ненатуральныхъ для нихъ положеніяхъ и въ самыхъ не ихнихъ положеніяхъ оставаться совершенно самими собою. Мы такъ не умѣемъ.

— Кто они? Я васъ немного не понимаю.

— Народъ, другъ мой, я говорю про народъ. Онъ доказалъ эту великую, живучую силу и историческую широкость свою и нравственно, и политически. Но чтобы обратиться къ нашему, то замѣчу про мать твою, что она вѣдь не все молчитъ; твоя мать иногда и скажетъ, но скажетъ такъ, что ты прямо увидишь, что только время потерялъ го-

ворившии, хотя бы даже пять лѣтъ передъ тѣмъ постепенно ее приготовлялъ. Къ тому же, возраженія самыя неожиданныя. Опять-таки замѣть, что я совсѣмъ не называю ее дурой; напротивъ, тутъ своего рода умъ, и даже презамѣчательный умъ; впрочемъ, ты уму-то, можетъ быть, не повѣришь...

— Почему нѣтъ? Я вотъ только не вѣрю тому, что вы сами-то въ ея умъ вѣрите въ самомъ дѣлѣ и не притворяясь.

— Да? Ты меня считаешь такимъ хамелеономъ? Другъ мой, я тебѣ немного слишкомъ позволяю... какъ балованному сыну... но пусть уже на этотъ разъ такъ и останется.

— Разскажите мнѣ про моего отца, если можете, правду.

— Насчетъ Макара Ивановича? Макаръ Ивановичъ — это, какъ ты уже знаешь, дворовый человѣкъ, такъ сказать, пожелавшій нѣкоторой славы...

— Объ закладъ побьюсь, что вы ему въ эту минуту въ чемъ-нибудь завидуете!

— Напротивъ, мой другъ, напротивъ, и если хочешь, то очень радъ, что вижу тебя въ такомъ замысловатомъ расположеніи духа; клянусь, что я именно теперь въ настроеніи въ высшей степени покаянномъ, и именно теперь, въ эту минуту, въ тысячный разъ, можетъ быть, безсильно жалѣю о всемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ происшедшемъ. Къ тому же, видитъ Богъ, что все это произошло въ высшей степени нечаянно... ну, а потомъ, сколько было въ силахъ моихъ, и гуманно; по крайней мѣрѣ, сколько я тогда представлялъ себѣ подвигъ гуманности. О, мы тогда всѣ кипѣли ревностью дѣлать добро, служить гражданскимъ цѣлямъ, выс-

шей идеѣ; осуждали чины, родовыя права наши, деревни и даже ломбардъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ насъ... Клянусь тебѣ. Насъ было немного, но мы говорили хорошо и, увѣряю тебя, даже поступали иногда хорошо.

— Это когда вы на плечѣ-то рыдали?

— Другъ мой, я съ тобой согласенъ во всемъ впередъ; кстати, ты о плечѣ слышалъ отъ меня же, а, стало быть, въ сію минуту употребляешь во зло же мое простодушіе и мою же довѣрчивость; но согласись, что это плечо, право, было не такъ дурно, какъ оно кажется съ перваго взгляда, особенно для того времени; мы вѣдь только тогда начинали. Я, конечно, ломался, но я вѣдь тогда еще не зналъ, что ломаюсь. Развѣ ты, напримѣръ, никогда не ломаешься въ практическихъ случаяхъ?

— Я сейчасъ внизу немного расчувствовался, и мнѣ очень стало стыдно, взойдя сюда, при мысли, что вы подумаете, что я ломался. Это правда, что въ иныхъ случаяхъ, хоть и искренно чувствуешь, но иногда представляешься; внизу же, теперь, клянусь, все было натурально.

— Именно это и есть; ты преудачно въ одномъ словѣ: «хоть и искренно чувствуешь, но все-таки представляешься»; ну, вотъ такъ точно и было со мной: я хоть и представлялся, но рыдалъ совершенно искренно. Не спорю, что Макаръ Ивановичъ могъ бы принять это плечо за усиленіе насмѣшки, если бы былъ остроумнѣе, но его честность помѣшала тогда его прозорливости. Не знаю только, жалѣлъ онъ меня тогда или нѣтъ; помнится, мнѣ того тогда очень хотѣлось.

— Знаете, — прервалъ я его, — вы вотъ и теперь, говоря это, насмѣхаетесь. И вообще, все

время, пока вы говорили со мной, весь этотъ мѣсяцъ, вы насмѣхались. Зачѣмъ вы всегда это дѣлали, когда говорили со мной?

— Ты думаешь? — отвѣтилъ онъ кротко, — ты очень мнителенъ; впрочемъ, если я и засмѣюсь, то не надъ тобой, или, по крайней мѣрѣ, не надъ тобой однимъ, будь покоенъ. Но я теперь не смѣюсь, а тогда — однимъ словомъ, я сдѣлалъ тогда все, что̀ могъ, и повѣрь—не въ свою пользу. Мы, т. е. прекрасные люди, въ противоположность народу, совсѣмъ не умѣли тогда дѣйствовать въ свою пользу: напротивъ, всегда себѣ пакостили сколько возможно, и я подозрѣваю, что это-то и считалось у насъ тогда какой-то «высшей и нашей же пользой», разумѣется, въ высшемъ смыслѣ. Теперешнее поколѣніе людей передовыхъ несравненно насъ загребистѣе. Я тогда, еще до грѣха, объяснилъ Макару Ивановичу все съ необыкновенною прямотой. Я теперь согласенъ, что многое изъ того не надо было объяснять вовсе, тѣмъ болѣе съ такой прямотой: не говоря уже о гуманности, было бы даже вѣжливѣе; но поди, удержи себя, когда растанцовавшись, захочется сдѣлать хорошенькое па? А, можетъ быть, таковы требованія прекраснаго и высокаго въ самомъ дѣлѣ, я этого во всю жизнь не могъ разрѣшить. Впрочемъ, это слишкомъ глубокая тема для поверхностнаго разговора нашего, но клянусь тебѣ, что я теперь иногда умираю отъ стыда, вспоминая. Я тогда предложилъ ему три тысячи рублей, и, помню, онъ все молчалъ, а только я говорилъ. Представь себѣ, мнѣ вообразилось, что онъ меня боится, то есть моего крѣпостного права, и, помню, я всѣми силами старался его ободрить; я его уговаривалъ, ничего не опасаясь, высказать

всѣ его желанія, и даже со всевозможною критикой. Въ видѣ гарантіи, я давалъ ему слово, что если онъ не захочетъ моихъ условій, то есть трехъ тысячъ, вольной (ему и женѣ, разумѣется) — и вояжа на всѣ четыре стороны (безъ жены, разумѣется) — то пусть скажетъ прямо, и я тотчасъ же дамъ ему вольную, отпущу ему жену, награжу ихъ обоихъ, кажется, тѣми же тремя тысячами, и ужъ не они отъ меня уйдутъ на всѣ четыре стороны, а я самъ отъ нихъ уѣду на три года въ Италію, одинъ-одинехонекъ. Mon ami, я бы не взялъ съ собой въ Италію m-lle Сапожкову, будь увѣренъ: я былъ чрезвычайно чистъ въ тѣ минуты. И что̀ же? Этотъ Макаръ отлично хорошо понималъ, что я такъ и сдѣлаю, какъ говорю; но онъ продолжалъ молчать, и только когда я хотѣлъ было уже въ третій разъ припасть, отстранился, махнулъ рукой и вышелъ даже съ нѣкоторою безцеремонностью, увѣряю тебя, которая даже меня тогда удивила. Я тогда мелькомъ увидалъ себя въ зеркалѣ и забыть не могу. Вообще они, когда ничего не говорятъ — всего хуже, а это былъ мрачный характеръ и, признаюсь, я не только не довѣрялъ ему, призывая въ кабинетъ, но ужасно даже боялся: въ этой средѣ есть характеры и ужасно много, которые заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, олицетвореніе непорядочности, а этого боишься пуще побоевъ. Sic. И какъ я рисковалъ, какъ рисковалъ! Ну что̀, если бъ онъ закричалъ на весь дворъ, завылъ, сей уѣздный Урія— ну, что̀ бы тогда было со мной, съ такимъ малорослымъ Давидомъ, и что̀ бы я сумѣлъ тогда сдѣлать? Вотъ потому-то я и пустилъ прежде всего три тысячи, это было инстинктивно, но я, къ счастью, ошибся: этотъ Макаръ Ивановичъ былъ нѣчто совсѣмъ другое...

— Скажите, грѣхъ былъ? Вы сказали сейчасъ, что позвали мужа еще до грѣха?

— То есть, видишь ли, это какъ разумѣть . . .

— Значитъ, былъ. Вы сказали сейчасъ, что вы въ немъ ошиблись, что это было нѣчто другое; что̀ же другое?

— А что̀ именно, я и до сихъ поръ не знаю. Но что-то другое, и знаешь, даже весьма порядочное; заключаю потому, что мнѣ подъ конецъ стало втрое при немъ совѣстнѣе. Онъ на другой же день согласился на вояжъ, безъ всякихъ словъ, разумѣется, не забывъ ни одной изъ предложенныхъ мною наградъ.

— Деньги взялъ?

— Еще какъ! И знаешь, мой другъ, въ этомъ пунктѣ даже совсѣмъ удивилъ меня. Трехъ тысячъ у меня тогда въ карманѣ, разумѣется, не случилось, но я досталъ семьсотъ рублей и вручилъ ему ихъ на первый случай; и что̀ же? Онъ двѣ тысячи триста остальныхъ стребовалъ же съ меня, въ видѣ заемнаго письма, для вѣрности, на имя одного купца. Потомъ, черезъ два года, онъ по этому письму стребовалъ съ меня деньги судомъ, и съ процентами, такъ что меня опять удивилъ, тѣмъ болѣе, что буквально пошелъ сбирать на построеніе Божьяго храма, и съ тѣхъ поръ вотъ уже двадцать лѣтъ скитается. Не понимаю, зачѣмъ страннику столько собственныхъ денегъ . . . Деньги такая свѣтская вещь . . . Я, конечно, предлагалъ ихъ въ ту минуту искренно и, такъ сказать, съ первымъ пыломъ, но потомъ, по прошествіи столь многихъ минутъ, я естественно могъ одуматься . . . и разсчитывалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, меня пощадитъ . . . или, такъ сказать, *насъ* пощадитъ, насъ съ нею, подождетъ

хоть по крайней мѣрѣ. Однако, даже не подождалъ . . .

(Сдѣлаю здѣсь необходимое нотабене: если бы случилось, что мать пережила г. Версилова, то осталась бы буквально безъ гроша на старости лѣтъ, когда бъ не эти три тысячи Макара Ивановича, давно удвоенныя процентами, и которыя онъ оставилъ ей всѣ цѣликомъ, до послѣдняго рубля, въ прошломъ году, по духовному завѣщанію. Онъ предугадалъ Версилова даже въ то еще время.)

— Вы разъ говорили, что Макаръ Ивановичъ приходилъ къ вамъ нѣсколько разъ на побывку и всегда останавливался на квартирѣ у матушки?

— Да, мой другъ, и я, признаюсь, сперва ужасно боялся этихъ посѣщеній. Во весь этотъ срокъ, въ двадцать лѣтъ, онъ приходилъ всего разъ шесть или семь, и въ первые разы я, если бывалъ дома, прятался. Даже не понималъ сначала, что это значитъ и зачѣмъ онъ является? Но потомъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, мнѣ показалось, что это было вовсе не такъ глупо съ его стороны. Потомъ, случайно, я какъ-то вздумалъ полюбопытствовать и вышелъ поглядѣть на него и, увѣряю тебя, вынесъ преоригинальное впечатлѣніе. Это уже въ третье или четвертое его посѣщеніе, именно въ ту эпоху, когда я поступалъ въ мировые посредники и когда, разумѣется, изо всѣхъ силъ принялся изучать Россію. Я отъ него услышалъ даже чрезвычайно много новаго. Кромѣ того, встрѣтилъ въ немъ именно то, чего никакъ не ожидалъ встрѣтить: какое-то благодушіе, ровность характера и, что всего удивительнѣе, чуть не веселость. Ни малѣйшаго намека на *то* (tu comprends?) и въ высшей

степени умѣнье говорить дѣло и говорить превосходно, то есть безъ глупаго ихняго двороваго глубокомыслія, котораго я, признаюсь тебѣ, несмотря на весь мой демократизмъ, терпѣть не могу, и безъ всѣхъ этихъ напряженныхъ руссизмовъ, которыми говорятъ у насъ въ романахъ и на сценѣ «настоящіе русскіе люди». При этомъ, чрезвычайно мало о религіи, если только не заговоришь самъ, и премилые даже разсказы въ своемъ родѣ о монастыряхъ и монастырской жизни, если самъ полюбопытствуешь. А главное — почтительность, эта скромная почтительность, именно та почтительность, которая необходима для высшаго равенства, мало того, безъ которой, по-моему, не достигнешь и первенства. Тутъ именно, черезъ отсутствіе малѣйшей заносчивости, достигается высшая порядочность и является человѣкъ, уважающій себя несомнѣнно именно въ своемъ положеніи, каково бы тамъ ни было и какова бы ни досталась ему судьба. Эта способность уважать себя именно въ своемъ положеніи — чрезвычайно рѣдка на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ столь же рѣдка, какъ и истинное собственное достоинство... Ты самъ увидишь, коль поживешь. Но всего болѣе поразило меня и именно впослѣдствіи, а не вначалѣ (прибавилъ Версиловъ), — то, что этотъ Макаръ чрезвычайно осанистъ собою, и, увѣряю тебя, чрезвычайно красивъ. Правда, старъ, но

„Смуглолицъ, высокъ и прямъ",

простъ и важенъ; я даже подивился моей бѣдной Софьѣ, какъ это она могла *тогда* предпочесть меня; тогда ему было пятьдесятъ, но все же онъ былъ такой молодецъ, а я передъ нимъ такой вертунъ.

Впрочемъ, помню, онъ ужъ и тогда былъ непозволительно сѣдъ, стало быть, такимъ же сѣдымъ на ней и женился... Вотъ развѣ это повліяло.

У этого Версилова была подлѣйшая замашка изъ высшаго тона: сказавъ (когда нельзя было иначе) нѣсколько преумныхъ и прекрасныхъ вещей, вдругъ кончить нарочно какою-нибудь глупостью, въ родѣ этой догадки про сѣдину Макара Ивановича и про вліяніе ея на мать. Это онъ дѣлалъ нарочно, и, вѣроятно, самъ не зная зачѣмъ, по глупѣйшей свѣтской привычкѣ. Слышать его — кажется, говоритъ очень серьезно, а между тѣмъ про себя кривляется или смѣется.

III.

Не понимаю, почему вдругъ тогда на меня нашло страшное озлобленіе. Вообще, я съ большимъ неудовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ моихъ выходкахъ въ тѣ минуты; я вдругъ всталъ со стула:

— Знаете что̀, — сказалъ я:—вы говорите, что пришли, главное, съ тѣмъ, чтобы мать подумала, что мы помирились. Времени прошло довольно, чтобъ ей подумать; не угодно ли вамъ оставить меня одного.

Онъ слегка покраснѣлъ и всталъ съ мѣста:

— Милый мой, ты чрезвычайно со мной безцеремоненъ. Впрочемъ, до свиданья; насильно милъ не будешь. Я позволю себѣ только одинъ вопросъ: ты дѣйствительно хочешь оставить князя?

— Ага! Я такъ и зналъ, что у васъ особыя цѣли...

— То есть ты подозрѣваешь, что я пришелъ склонять тебя остаться у князя, имѣя въ томъ

свои выгоды. Но, другъ мой, ужъ не думаешь ли ты, что я изъ Москвы тебя выписалъ, имѣя въ виду какую-нибудь свою выгоду? О, какъ ты мнителенъ! Я, напротивъ, желая тебѣ же во всемъ добра. И даже вотъ теперь, когда такъ поправились и мои средства, я бы желалъ, чтобы ты, хоть иногда, позволялъ мнѣ съ матерью помогать тебѣ.

— Я васъ не люблю, Версиловъ.

— И даже «Версиловъ». Кстати, я очень сожалѣю, что не могъ передать тебѣ этого имени, ибо въ сущности только въ этомъ и состоитъ вся вина моя, если ужъ есть вина, не правда ли? Но, опять-таки, не могъ же я жениться на замужней, самъ разсуди.

— Вотъ почему, вѣроятно, и хотѣли жениться на незамужней?

Легкая судорога прошла по лицу его.

— Это ты про Эмсъ. Слушай, Аркадій, ты внизу позволилъ себѣ эту же выходку, указывая на меня пальцемъ, при матери. Знай же, что именно тутъ ты наиболѣе промахнулся. Изъ исторіи съ покойной Лидіей Ахмаковой ты не знаешь ровно ничего. Не знаешь и того, насколько въ этой исторіи сама твоя мать участвовала, да, несмотря на то, что ея тамъ со мною не было; и если я когда видѣлъ добрую женщину, то тогда, смотря на мать твою. Но довольно; это все пока еще тайна, а ты — ты говоришь неизвѣстно чтò и съ чужого голоса.

— Князь именно сегодня говорилъ, что вы любитель неоперившихся дѣвочекъ.

— Это князь говорилъ?

— Да, слушайте: хотите я вамъ скажу въ точности, для чего вы теперь ко мнѣ приходили? Я все это время сидѣлъ и спрашивалъ себя: въ чемъ

тайна этого визита, и наконецъ, кажется, теперь догадался.

Онъ было уже выходилъ, но остановился и повернулъ ко мнѣ голову въ ожиданіи.

— Давеча я проговорился мелькомъ, что письмо Тушара къ Татьянѣ Павловнѣ, попавшее въ бумаги Андроникова, очутилось, по смерти его, въ Москвѣ у Марьи Ивановны. Я видѣлъ, какъ у васъ что-то вдругъ дернулось въ лицѣ, и только теперь догадался, когда у васъ еще разъ, сейчасъ, что-то опять дернулось точно такъ же въ лицѣ: вамъ пришло тогда, внизу, на мысль, что если одно письмо Андроникова уже очутилось у Марьи Ивановны, то почему же и другому не очутиться? А послѣ Андроникова могли остаться преважныя письма, а? Не правда ли?

— И я, придя къ тебѣ, хотѣлъ заставить тебя о чемъ-нибудь проболтаться?

— Сами знаете.

Онъ очень поблѣднѣлъ.

— Это ты не самъ собою догадался; тутъ вліяніе женщины; и сколько уже ненависти въ словахъ твоихъ — въ грубой догадкѣ твоей!

— Женщины? А я эту женщину какъ разъ видѣлъ сегодня! Вы, можетъ быть, именно, чтобъ шпіонить за ней, и хотите меня оставить у князя?

— Однако вижу, что ты чрезвычайно далеко уйдешь по новой своей дорогѣ. Ужъ не это ли «твоя идея»? Продолжай, мой другъ, ты имѣешь несомнѣнныя способности по сыскной части. Данъ талантъ, такъ надо усовершенствовать.

Онъ пріостановился перевести дыханіе.

— Берегитесь, Версиловъ, не дѣлайте меня врагомъ вашимъ!

— Другъ мой, послѣднія свои мысли въ такихъ случаяхъ никто не высказываетъ, а бережетъ про себя. А затѣмъ, посвѣти мнѣ, прошу тебя. Ты хоть мнѣ и врагъ, но не до такой же, вѣроятно, степени, чтобъ пожелать мнѣ сломать себѣ шею. Tiens, mon ami, вообрази, — продолжалъ онъ спускаясь: — а вѣдь я весь этотъ мѣсяцъ принималъ тебя за добряка. Ты такъ хочешь жить и такъ жаждешь жить, что дай, кажется, тебѣ три жизни, тебѣ и тѣхъ будетъ мало: это у тебя на лицѣ написано; ну, а такіе большею частью добряки. И вотъ какъ же я ошибся!

IV.

Не могу выразить, какъ сжалось у меня сердце, когда я остался одинъ: точно я отрѣзалъ живьемъ собственный кусокъ мяса! Для чего я вдругъ разозлился и для чего такъ обидѣлъ его — такъ усиленно и нарочно — я бы не могъ теперь разсказать, конечно, и тогда тоже. И какъ онъ поблѣднѣлъ! И что же: эта блѣдность, можетъ быть, была выраженіемъ самаго искренняго и чистаго чувства и самой глубокой горести, а не злости и не обиды. Мнѣ всегда казалось, что бывали минуты, когда онъ любилъ меня. Почему, почему не вѣрить мнѣ теперь этому, тѣмъ болѣе, что уже такъ многое совершенно объяснено теперь?

А разозлился я вдругъ и выгналъ его, дѣйствительно, можетъ быть, и отъ внезапной догадки, что онъ пришелъ ко мнѣ, надѣясь узнать: не осталось ли у Марьи Ивановны еще писемъ Андроникова? Что онъ долженъ былъ искать этихъ писемъ и ищетъ ихъ — это я зналъ. Но кто знаетъ,

можетъ быть, тогда именно въ ту минуту, я ужасно ошибся, и навелъ его впослѣдствіи на мысль о Марьѣ Ивановнѣ и о возможности у ней писемъ.

И, наконецъ, опять странность: опять онъ повторялъ слово въ слово мою мысль (о трехъ жизняхъ), которую я высказалъ давеча Крафту, главное, моими же словами. Совпаденіе словъ опять-таки случай, но все-таки какъ же знаетъ онъ сущность моей природы: какой взглядъ, какая угадка! Но, если такъ понимаетъ одно, зачѣмъ же совсѣмъ не понимаетъ другого? И неужели онъ не ломался, а и въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи былъ догадаться, что мнѣ не дворянство версиловское нужно было, что не рожденія моего я не могу ему простить, а что мнѣ самого Версилова всю жизнь надо было, всего человѣка, отца, и что эта мысль вошла уже въ кровь мою? Неужели же такой тонкій человѣкъ настолько тупъ и грубъ. А если нѣтъ, то зачѣмъ же онъ меня бѣситъ, зачѣмъ притворяется?

Глава восьмая.

I.

На утро я постарался встать какъ можно раньше. Обыкновенно у насъ поднимались около восьми часовъ, то есть я, мать и сестра; Версиловъ нѣжился до половины десятаго. Аккуратно въ половинѣ девятаго мать приносила мнѣ кофей. Но на этотъ разъ, я, не дождавшись кофею, улизнулъ изъ дому ровно въ восемь часовъ. У меня еще съ вечера составился общій планъ дѣйствій на весь этотъ день. Въ этомъ планѣ, несмотря на страстную рѣшимость немедленно приступить къ выполненію, я уже чувствовалъ, было чрезвычайно много нетвердаго и неопредѣленнаго въ самыхъ важныхъ пунктахъ; вотъ почему почти всю ночь я былъ какъ въ полуснѣ, точно бредилъ, видѣлъ ужасно много сновъ и почти ни разу не заснулъ, какъ слѣдуетъ. Несмотря на то, поднялся бодрѣе и свѣжѣ, чѣмъ когда-нибудь. Съ матерью же я особенно не хотѣлъ повстрѣчаться. Я не могъ заговорить съ нею иначе какъ на извѣстную тему и боялся отвлечь себя отъ предпринятыхъ цѣлей какимъ-нибудь новымъ и неожиданнымъ впечатлѣніемъ.

Утро было холодное, и на всемъ лежалъ сырой,

молочный туманъ. Не знаю почему, но раннее дѣловое петербургское утро, несмотря на чрезвычайно скверный свой видъ, мнѣ всегда нравится, и весь этотъ спѣшащій по своимъ дѣламъ, эгоистическій и всегда задумчивый людъ имѣетъ для меня, въ восьмомъ часу утра, нѣчто особенно привлекательное. Особенно я люблю дорогой, спѣша, или самъ что-нибудь у кого спросить по дѣлу, или если меня кто объ чемъ-нибудь спроситъ: и вопросъ, и отвѣтъ всегда кратки, ясны, толковы, задаются не останавливаясь и всегда почти дружелюбны, а готовность отвѣтить наибольшая во дню. Петербуржецъ, среди дня или къ вечеру, становится менѣе сообщителенъ, и чуть что̀, готовъ и обругать или насмѣяться; совсѣмъ другое рано поутру, еще до дѣла, въ самую трезвую и серьезную пору. Я это замѣтилъ.

Я опять направлялся на Петербургскую. Такъ какъ мнѣ въ двѣнадцатомъ часу непремѣнно надо было быть на Фонтанкѣ у Васина (котораго чаще всего можно было застать дома въ двѣнадцать часовъ), то и спѣшилъ я не останавливаясь, несмотря на чрезвычайный позывъ выпить гдѣ-нибудь кофею. Къ тому же и Ефима Звѣрева надо было захватить дома непремѣнно; я шелъ опять къ нему и впрямь чуть-чуть было не опоздалъ; онъ допивалъ свой кофей и готовился выходить.

— Чего тебя такъ часто носитъ? — встрѣтилъ онъ меня, не вставая съ мѣста.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ объясню.

Всякое раннее утро, петербургское въ томъ числѣ, имѣетъ на природу человѣка отрезвляющее дѣйствіе. Иная пламенная ночная мечта, вмѣстѣ съ утреннимъ свѣтомъ и холодомъ, совершенно

даже испаряется, и мнѣ самому случалось иногда припоминать по утрамъ иныя свои ночныя, только что минувшія грезы, а иногда и поступки, съ укоризною и стыдомъ. Но мимоходомъ, однако, замѣчу, что считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всемъ земномъ шарѣ, — чуть ли не самымъ фантастическимъ въ мірѣ. Это мое личное воззрѣніе или, лучше сказать, впечатлѣніе, но я за него стою. Въ такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинскаго Германа изъ «Пиковой дамы» (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургскій типъ, — типъ изъ петербургскаго періода!) — мнѣ кажется, должна еще болѣе укрѣпиться. Мнѣ сто разъ, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что̀ какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ? Однимъ словомъ, не могу выразить моихъ впечатлѣній, потому что все это фантазія, наконецъ, — поэзія, а стало быть, вздоръ; тѣмъ не менѣе мнѣ часто задавался и задается одинъ ужъ совершенно безсмысленный вопросъ: «Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почемъ знать, можетъ быть, все это чей-нибудь сонъ, и ни одного-то человѣка здѣсь нѣтъ настоящаго, истиннаго, ни одного поступка дѣйствительнаго? Кто-нибудь вдругъ проснется, кому это все грезится — и все вдругъ исчезнетъ». Но я увлекся.

Скажу заранѣе: есть замыслы и мечты въ каж-

дой жизни до того, казалось бы, эксцентрическіе, что ихъ съ перваго взгляда можно безошибочно принять за сумасшествіе. Съ одною изъ такихъ фантазій и пришелъ я въ это утро къ Звѣреву, — къ Звѣреву, потому что никогда другого не имѣлъ въ Петербургѣ, къ кому бы на этотъ разъ могъ обратиться. А между тѣмъ Ефимъ былъ именно тѣмъ лицомъ, къ которому, будь изъ чего выбирать, я бы обратился съ такимъ предложеніемъ къ послѣднему. Когда усѣлся напротивъ него, то мнѣ даже самому показалось, что я, олицетворенный бредъ и горячка, усѣлся напротивъ олицетворенной золотой середины и прозы. Но на моей сторонѣ была идея и вѣрное чувство, на его — одинъ лишь практическій выводъ: что̀ такъ никогда не дѣлается. Короче, я объяснилъ ему кратко и ясно, что, кромѣ него, у меня въ Петербургѣ нѣтъ рѣшительно никого, кого бы я могъ послать, въ виду чрезвычайнаго дѣла чести, вмѣсто секунданта; что онъ старый товарищъ и отказаться поэтому даже не имѣетъ права, а что вызвать я желаю гвардіи поручика князя Сокольскаго за то, что, годъ слишкомъ назадъ, онъ, въ Эмсѣ, далъ отцу моему, Версилову, пощечину. Замѣчу при этомъ, что Ефимъ даже очень подробно зналъ всѣ мои семейныя обстоятельства, отношенія мои къ Версилову и почти все, что я самъ зналъ изъ исторіи Версилова; я же ему въ разное время и сообщилъ, кромѣ, разумѣется, нѣкоторыхъ секретовъ. Онъ сидѣлъ и слушалъ, по обыкновенію своему, нахохлившись, какъ воробей въ клѣткѣ, молчаливый и серьезный, одутловатый, съ своими взъерошенными бѣлыми волосами. Неподвижная, насмѣшливая улыбка не сходила съ губъ его. Улыбка эта была

тѣмъ сквернѣе, что была совершенно не умышленная, а невольная; видно было, что онъ, дѣйствительно, и воистину считалъ себя въ эту минуту гораздо выше меня и умомъ и характеромъ. Я подозрѣвалъ тоже, что онъ къ тому же презираетъ меня за вчерашнюю сцену у Дергачева: это такъ и должно было быть: Ефимъ — толпа, Ефимъ — улица, а та всегда поклоняется только успѣху.

— А Версиловъ про это не знаетъ? — спросилъ онъ.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Такъ какое же ты право имѣешь вмѣшиваться въ дѣла его? Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, что̀ ты этимъ хочешь доказать?

Я зналъ возраженія и тотчасъ же объяснилъ ему, что это вовсе не такъ глупо, какъ онъ полагаетъ. Во-первыхъ, нахалу князю будетъ доказано, что есть еще люди, понимающіе честь и въ нашемъ сословіи, а во-вторыхъ, будетъ пристыженъ Версиловъ и вынесетъ урокъ. А въ-третьихъ, и главное, если даже Версиловъ былъ и правъ, по какимъ-нибудь тамъ своимъ убѣжденіямъ, не вызвавъ князя и рѣшившись снести пощечину, то, по крайней мѣрѣ, онъ увидитъ, что есть существо до того сильно способное чувствовать его обиду, что принимаетъ ее какъ за свою, и готовое положить за интересы его даже жизнь свою... несмотря на то, что съ нимъ разстается навѣки...

— Постой, не кричи, тетка не любитъ. Скажи ты мнѣ, вѣдь съ этимъ самымъ княземъ Сокольскимъ Версиловъ тягается о наслѣдствѣ? Въ такомъ случаѣ, это будетъ уже совершенно новый и оригинальный способъ выигрывать тяжбы — убивая противниковъ на дуэли.

Я объяснилъ ему en toutes lettres, что онъ просто глупъ и нахалъ, и что если насмѣшливая улыбка его разрастается все больше и больше, то это доказываетъ только его самодовольство и ординарность, что не можетъ же онъ предположить, что соображенія о тяжбѣ не было и въ моей головѣ, да еще съ самаго начала, а удостоило посѣтить только его многодумную голову. Затѣмъ я изложилъ ему, что тяжба уже выиграна, къ тому же ведется не съ княземъ Сокольскимъ, а съ князьями Сокольскими, такъ что если убитъ одинъ князь, то остаются другіе, но что, безъ сомнѣнія, надо будетъ отдалить вызовъ на срокъ апелляціи (хотя князья апеллировать и не будутъ), но единственно для приличія. По минованіи же срока и послѣдуетъ дуэль; что я съ тѣмъ и пришелъ теперь; что дуэль не сейчасъ, но что мнѣ надо было заручиться, потому что секунданта нѣтъ, я ни съ кѣмъ не знакомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, къ тому времени чтобъ успѣть найти, если онъ, Ефимъ, откажется. Вотъ для чего, дескать, я пишрелъ.

— Ну, тогда и приходи говорить, а то ишь претъ попусту десять верстъ.

Онъ всталъ и взялся за фуражку.

— А тогда пойдешь?

— Нѣтъ, не пойду, разумѣется.

— Почему?

— Да ужъ по тому одному не пойду, что согласись я теперь, что тогда пойду, какъ ты весь этотъ срокъ апелляціи таскаться начнешь ко мнѣ каждый день. А главное, все это вздоръ, вотъ и все. И стану я изъ-за тебя мою карьеру ломать? И вдругъ князь меня спроситъ: «Васъ кто прислалъ?». Долгорукій. — «А какое дѣло Долгорукому до Вер-

силова?». Такъ я долженъ ему твою родословную объяснять, что ли? Да вѣдь онъ расхохочется!

— Такъ ты ему въ рожу дай!

— Ну, это сказки.

— Боишься? Ты такой высокій; ты былъ сильнѣе всѣхъ въ гимназіи.

— Боюсь, конечно, боюсь. Да князь ужъ потому драться не станетъ, что дерутся съ ровней.

— Я тоже джентльменъ по развитію, я имѣю права, я ровня... напротивъ, это онъ неровня.

— Нѣтъ, ты маленькій.

— Какъ маленькій?

— Такъ маленькій; мы оба маленькіе, а онъ большой.

— Дуракъ ты! Да я ужъ годъ, по закону, жениться могу.

— Ну и женись, а все-таки ш... дикъ: ты еще растешь!

Я, конечно, понялъ, что онъ вздумалъ надо мною насмѣхаться. Безъ сомнѣнія, весь этотъ глупый анекдотъ можно было и не разсказывать и даже лучше, если бъ онъ умеръ въ неизвѣстности; къ тому же онъ отвратителенъ по своей мелочности и ненужности, хотя и имѣлъ довольно серьезныя послѣдствія.

Но чтобы наказть себя еще больше, доскажу его вполнѣ. Разглядѣвъ, что Ефимъ надо мной насмѣхается, я позволилъ себѣ толкнуть его въ плечо правой рукой, или, лучше сказать, правымъ кулакомъ. Тогда онъ взялъ меня за плечи, обернулъ лицомъ въ поле и — доказалъ мнѣ на дѣлѣ, что онъ, дѣйствительно, сильнѣе всѣхъ у насъ въ гимназіи.

II.

Читатель, конечно, подумаетъ, что я былъ въ ужаснѣйшемъ расположеніи, выйдя отъ Ефима, и, однако, ошибется. Я слишкомъ понялъ, что вышелъ случай школьническій, гимназическій, а серьезность дѣла остается вся цѣликомъ. Кофею я напился уже на Васильевскомъ осторовѣ, нарочно миновавъ мой вчерашній трактиръ на Петербургской; и трактиръ этотъ, и соловей стали для меня вдвое ненавистнѣе. Странное свойство: я способенъ ненавидѣть мѣста и предметы точно какъ будто людей. Зато есть у меня въ Петербургѣ и нѣсколько мѣстъ счастливыхъ, то есть такихъ, гдѣ я почему-нибудь бывалъ когда-нибудь счастливъ,— и что̀ же, я берегу эти мѣста и не захожу въ нихъ какъ можно дольше нарочно, чтобы потомъ, когда буду уже совсѣмъ одинъ и несчастливъ, зайти погрустить и припомнить. За кофеемъ я отдалъ вполнѣ справедливость Ефиму и здравому смыслу его. Да, онъ былъ практичнѣе меня, но врядъ ли реальнѣе. Реализмъ, ограничивающійся кончикомъ своего носа, опаснѣе самой безумной фантастичности, потому что слѣпъ. Но, отдавая справедливость Ефиму (который, вѣроятно, въ ту минуту думалъ, что я иду по улицѣ и ругаюсь) — я все-таки ничего не уступилъ изъ убѣжденій, какъ не уступлю до сихъ поръ. Видалъ я такихъ, что изъ-за перваго ведра холодной воды не только отступаются отъ поступковъ своихъ, но даже отъ идеи, и сами начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что̀, всего часъ тому, считали священнымъ: о, какъ у нихъ это легко дѣлается! Пусть Ефимъ, даже и въ сущности дѣла, былъ правѣе меня, а я глупѣе всего

глупаго и лишь ломался, но все же въ самой глубинѣ дѣла лежала такая точка, стоя на которой былъ правъ и я: что-то такое было и у меня справедливаго и, главное, чего они никогда не могли понять.

У Васина, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, очутился я почти ровно въ двѣнадцать часовъ, но его не засталъ дома. Занятія свои онъ имѣлъ на Васильевскомъ, домой же являлся въ строго опредѣленные часы, между прочимъ почти всегда въ двѣнадцатомъ. Такъ какъ, кромѣ того, былъ какой-то праздникъ, то я и предполагалъ, что застану его навѣрно; не заставъ, расположился ждать, несмотря на то, что являлся къ нему въ первый разъ.

Я разсуждалъ такъ: дѣло съ письмомъ о наслѣдствѣ есть дѣло совѣсти, и я, выбирая Васина въ судьи, тѣмъ самымъ выказываю ему всю глубину моего уваженія, что ужъ, конечно, должно было ему польстить. Разумѣется, я и взаправду былъ озабоченъ этимъ письмомъ и, дѣйствительно, убѣжденъ въ необходимости третейскаго рѣшенія; но подозрѣваю однако, что и тогда уже могъ бы вывернуться изъ затрудненія безъ всякой посторонней помощи. И, главное, самъ зналъ про это; именно, стоило только отдать письмо самому Версилову изъ рукъ въ руки, а что̀ онъ тамъ захочетъ, пусть такъ и дѣлаетъ — вотъ рѣшеніе. Ставить же самого себя высшимъ судьей и рѣшителемъ въ дѣлѣ такого сорта было даже совсѣмъ неправильно. Устраняя себя передачею письма изъ рукъ въ руки, и именно молча, я ужъ тѣмъ самымъ тотчасъ бы выигралъ, поставивъ себя въ высшее надъ Версиловымъ положеніе: ибо отказавшись, на-

сколько это касается меня, отъ всѣхъ выгодъ по наслѣдству (потому что мнѣ, какъ сыну Версилова, ужъ, конечно, что-нибудь перепало бы изъ этихъ денегъ, не сейчасъ, такъ потомъ), — я сохранилъ бы за собою навѣки высшій нравственный взглядъ на будущій поступокъ Версилова. Упрекнуть же меня за то, что я погубилъ князей, опять-таки никто бы не могъ, потому что документъ не имѣлъ рѣшающаго юридическаго значенія. Все это я обдумалъ и совершенно уяснилъ себѣ, сидя въ пустой комнатѣ Васина, и мнѣ даже вдругъ пришло въ голову, что пришелъ я къ Васину, столь жаждая отъ него совѣта, какъ поступить, — единственно съ тою цѣлью, чтобы онъ увидалъ при этомъ, какой я самъ благороднѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ, а, стало быть, чтобъ и отмстить ему тѣмъ самымъ за вчерашнее мое передъ нимъ приниженіе.

Сознавъ все это, я ощутилъ большую досаду; тѣмъ не менѣе не ушелъ, а остался, хоть и навѣрно зналъ, что досада моя, каждыя пять минутъ, будетъ только нарастать.

Прежде всего, мнѣ стала ужасно не нравиться комната Васина. «Покажи мнѣ свою комнату, и я узнаю твой характеръ», право, можно бы такъ сказать. Васинъ жилъ въ меблированной комнатѣ отъ жильцовъ, очевидно, бѣдныхъ и тѣмъ промышлявшихъ, имѣвшихъ постояльцевъ и кромѣ него. Знакомы мнѣ эти узкія, чуть-чуть заставленныя мебелью комнаты и, однакоже, съ претензіей на комфортабельный видъ; тутъ непремѣнно мягкій диванъ съ толкучаго рынка, который опасно двигать; рукомойникъ и ширмами огороженная желѣзная кровать. Васинъ былъ, очевидно, лучшимъ и

благонадежнѣйшимъ жильцомъ: такой самый лучшій жилецъ непремѣнно бываетъ одинъ у хозяйки, и за это ему особенно угождаютъ: у него убираютъ и подметаютъ тщательнѣе, вѣшаютъ надъ диваномъ какую-нибудь литографію, подъ столъ подстилаютъ чахоточный коврикъ. Люди, любящіе эту затхлую чистоту, а, главное, угодливую почтительность хозяекъ — сами подозрительны. Я былъ убѣжденъ, что званіе лучшаго жильца льстило самому Васину. Не знаю почему, но меня началъ мало-по-малу бѣсить видъ этихъ двухъ загроможденныхъ книгами столовъ. Книги, бумаги, чернильница — все было въ самомъ отвратительномъ порядкѣ, идеалъ котораго совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ хозяйки нѣмки и ея горничной. Книгъ было довольно, и не то что газетъ и журналовъ, а настоящихъ книгъ, — и онъ, очевидно, ихъ читалъ, и, вѣроятно, садился читать или принимался писать съ чрезвычайно важнымъ и аккуратнымъ видомъ. Не знаю, но я больше люблю, гдѣ книги разбросаны въ безпорядкѣ, по крайней мѣрѣ, изъ занятій не дѣлается священнодѣйствія. Навѣрно, этотъ Васинъ чрезвычайно вѣжливъ съ посѣтителемъ, но, навѣрно, каждый жестъ его говоритъ посѣтителю: «Вотъ я посижу съ тобою часика полтора, а потомъ, когда ты уйдешь, займусь уже дѣломъ». Навѣрно, съ нимъ можно завести чрезвычайно интересный разговоръ и услышать новое, но — «мы вотъ теперь съ тобою поговоримъ, и я тебя очень заинтересую, а когда ты уйдешь, я примусь уже за самое интересное»... И однакоже я все-таки не уходилъ, а сидѣлъ. Въ томъ же, что совсѣмъ не нуждаюсь въ его совѣтѣ, я уже окончательно убѣдился.

Я сидѣлъ уже съ часъ и больше, и сидѣлъ у окна на одномъ изъ двухъ приставленныхъ къ окну плетеныхъ стульевъ. Бѣсило меня и то, что уходило время, а мнѣ до вечера надо было еще сыскать квартиру. Я было хотѣлъ взять какую-нибудь книгу отъ скуки, но не взялъ; при одной мысли развлечь себя стало вдвое противнѣе. Больше часу какъ продолжалась чрезвычайная тишина, и вотъ вдругъ, гдѣ-то очень близко, за дверью, которую заслонялъ диванъ, я невольно и постепенно сталъ различать все больше и больше разроставшійся шепотъ. Говорили два голоса, очевидно, женскіе, это слышно было, но разслышать словъ совсѣмъ нельзя было; и, однако, я отъ скуки какъ-то сталъ вникать. Ясно было, что говорили одушевленно и страстно, и что дѣло шло не о выкройкахъ: о чемъ-то сговаривались или спорили, или одинъ голосъ убѣждалъ и просилъ, а другой не слушался и возражалъ. Должно быть, какіе-нибудь другіе жильцы. Скоро мнѣ наскучило, и ухо привыкло, такъ что я хоть и продолжалъ слушать, но механически, а иногда и совсѣмъ забывая, что слушаю, какъ вдругъ произошло что-то чрезвычайное, точно кто-то соскочилъ со стула обѣими ногами, или вдругъ вскочилъ съ мѣста и затопалъ: затѣмъ раздался стонъ и вдругъ крикъ, даже и не крикъ, а визгъ, животный, озлобленный и которому уже все равно, услышатъ чужіе или нѣтъ. Я бросился къ двери и отворилъ; разомъ со мной отворилась и другая дверь, въ концѣ коридора, хозяйкина, какъ узналъ я послѣ, откуда выглянули двѣ любопытныя головы. Крикъ, однако, тотчасъ затихъ, какъ вдругъ отворилась дверь, рядомъ съ моею, отъ сосѣдокъ, и одна, молодая, какъ показалось мнѣ,

женщина быстро вырвалась и побѣжала внизъ по лѣстницѣ. Другая же, пожилая женщина, хотѣла было удержать ее, но не могла, и только простонала ей вслѣдъ:

— Оля, Оля, куда? Охъ!

Но, разглядѣвъ двѣ наши отворенныя двери, проворно притворила свою, оставивъ щелку и изъ нея прислушиваясь на лѣстницу до тѣхъ поръ, пока не замолкли совсѣмъ шаги убѣжавшей внизъ Оли. Я вернулся къ моему окну. Все затихло. Случай пустой, а, можетъ быть, и смѣшной, и я пересталъ объ немъ думать.

Примѣрно, четверть часа спустя, раздался въ коридорѣ, у самой двери Васина, громкій и развязный мужской голосъ. Кто-то схватилъ за ручку двери и пріотворилъ ее настолько, что можно было разглядѣть въ коридорѣ какого-то высокаго ростомъ мужчину, очевидно, тоже и меня увидавшаго и даже меня разсматривавшаго, но не входившаго еще въ комнату, а продолжавшаго черезъ весь коридоръ, и держась за ручку, разговаривать съ хозяйкой. Хозяйка перекликалась съ нимъ тоненькимъ и веселенькимъ голоскомъ и, ужъ по голосу слышалось, что посѣтитель ей давно знакомъ, уважаемъ ею и цѣнимъ, и какъ солидный гость, и какъ веселый господинъ. Веселый господинъ кричалъ и острилъ, но дѣло шло только, что Васина нѣтъ дома, что онъ все никакъ не можетъ застать его, что это ему на роду написано и что онъ опять, какъ тогда, подождетъ, и все это, безъ сомнѣнія, казалось верхомъ остроумія хозяйкѣ. Наконецъ, гость вошелъ, размахнувъ дверь на весь отлетъ.

Это былъ хорошо одѣтый господинъ, очевидно, у лучшаго портного, какъ говорится, «по-барски»,

а, между тѣмъ, всего менѣе въ немъ имѣлось барскаго, и, кажется, несмотря на значительное желаніе имѣть. Онъ былъ не то что развязенъ, а какъ-то натурально нахаленъ, то есть все-таки менѣе обидно, чѣмъ нахалъ, выработавшій себя предъ зеркаломъ. Волосы его, темнорусые съ легкою просѣдью, черные брови, большая борода и большіе глаза не только не способствовали его характерности, но именно какъ бы придавали ему что-то общее, на всѣхъ похожее. Этакой человѣкъ и смѣется, и готовъ смѣяться, но вамъ почему-то съ нимъ никогда не весело. Со смѣшливаго онъ быстро переходитъ на важный видъ, съ важнаго на игривый или подмигивающій, но все это какъ-то раскидчиво и безпричинно... Впрочемъ, нечего впередъ описывать. Этого господина я потомъ узналъ гораздо больше и ближе, а потому поневолѣ представляю его теперь уже болѣе зазнамо, чѣмъ тогда, когда онъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Однако, и теперь затруднился бы сказать о немъ что-нибудь точное и опредѣляющее, потому что въ этихъ людяхъ главное — именно ихъ незаконченность, раскидчивость и неопредѣленность.

Онъ еще не успѣлъ сѣсть, какъ мнѣ вдругъ померещилось, что это, должно быть, отчимъ Васина, нѣкій г. Стебельковъ, о которомъ я уже что-то слышалъ, но до того мелькомъ, что никакъ бы не могъ сказать, чтò именно: помнилъ только, что что-то не хорошее. Я зналъ, что Васинъ долго былъ сиротой подъ его началомъ, но что давно уже вышелъ изъ-подъ его вліянія, что и цѣли, и интересы ихъ различны, и что живутъ они совсѣмъ розно во всѣхъ отношеніяхъ. Запомнилось мнѣ тоже, что у этого Стебелькова былъ нѣкоторый

капиталъ, и что онъ какой-то даже спекулянтъ и вертунъ — однимъ словомъ, я уже, можетъ быть, и зналъ про него что-нибудь подробнѣе, но забылъ. Онъ обмѣрилъ меня взглядомъ, не поклонившись, впрочемъ, поставилъ свою шляпу-цилиндръ на столъ передъ диваномъ, столъ властно отодвинулъ ногой и не то что сѣлъ, а прямо развалился на диванъ, на которомъ я не посмѣлъ сѣсть, такъ что тотъ затрещалъ, свѣсилъ ноги и, высоко поднявъ правый носокъ своего лакированнаго сапога, сталъ имъ любоваться. Конечно, тотчасъ же обернулся ко мнѣ и обмѣрилъ меня своими большими, нѣсколько неподвижными глазами.

— Не застаю! — слегка кивнулъ онъ мнѣ головой.

Я промолчалъ.

— Неаккуратенъ! Свои взгляды на дѣло. Съ Петербургской?

— То есть, вы пришли съ Петербургской? — переспросилъ я его.

— Нѣтъ, это я васъ спрашиваю.

— Я... я пришелъ съ Петербургской, только почему вы узнали?

— Почему? Гмъ. — Онъ подмигнулъ, но не удостоилъ разъяснить.

— То есть, я не живу на Петербургской, но я былъ теперь на Петербургской и оттуда пришелъ сюда.

Онъ продолжалъ молча улыбаться какою-то значительною улыбкою, которая мнѣ ужасно какъ не нравилась. Въ этомъ подмигиваніи было что-то глупое.

— У господина Дергачева? — проговорилъ онъ наконецъ.

— Что̀ у Дергачева? — открылъ я глаза.

Онъ побѣдоносно смотрѣлъ на меня.

— Я и не знакомъ.

— Гмъ.

— Какъ хотите, — отвѣтилъ я. Онъ мнѣ становился противенъ.

— Гмъ, да-съ. Нѣтъ-съ, позвольте: вы покупаете въ лавкѣ вещь, въ другой лавкѣ рядомъ другой покупатель покупаетъ другую вещь, какую бы вы думали? Деньги-съ, у купца, который именуется ростовщикомъ-съ . . . потому что деньги есть тоже вещь, а ростовщикъ есть тоже купецъ . . . Вы слѣдите?

— Пожалуй слѣжу.

— Проходитъ третій покупатель и, показывая на одну изъ лавокъ, говоритъ: «это основательно», а показывая на другую изъ лавокъ, говоритъ: «это неосновательно». Что̀ могу я заключить о семъ покупателѣ?

— Почемъ я знаю.

— Нѣтъ-съ, позвольте. Я къ примѣру; хорошимъ примѣромъ человѣкъ живетъ. Я иду по Невскому и замѣчаю, что по другой сторонѣ улицы, по тротуару, идетъ господинъ, котораго характеръ я желалъ бы опредѣлить. Мы доходимъ, по разнымъ сторонамъ, вплоть до поворота въ Морскую, а именно тамъ, гдѣ англійскій магазинъ, мы замѣчаемъ третьяго прохожаго, только что раздавленнаго лошадью. Теперь вникните: проходитъ четвертый господинъ и желаетъ опредѣлить характеръ всѣхъ насъ троихъ, вмѣстѣ съ раздавленнымъ, въ смыслѣ практичности и основательности . . . Вы слѣдите?

— Извините, съ большимъ трудомъ.

— Хорошо-съ; такъ я и думалъ. Я перемѣню тему. Я на водахъ, въ Германіи, на минеральныхъ водахъ, какъ и бывалъ неоднократно, на какихъ — это все равно. Хожу по водамъ и вижу англичанъ. Съ англичаниномъ, какъ вы знаете, знакомство завести трудно; но вотъ черезъ два мѣсяца, кончивъ срокъ лѣченія, мы всѣ въ области горъ, всходимъ компаніей, съ остроконечными палками, на гору, ту или другую, все равно. На поворотѣ, то есть на этапѣ, и именно тамъ, гдѣ монахи водку Шартрезъ дѣлаютъ, — это замѣтьте, — я встрѣчаю туземца, стоящаго уединенно, смотрящаго молча. Я желаю заключить о его основательности: какъ вы думаете, могъ бы я обратиться за заключеніемъ къ толпѣ англичанъ, съ которыми шествую, единственно потому только, что не сумѣлъ заговорить съ ними на водахъ?

— Почемъ я знаю. Извините, мнѣ очень трудно слѣдить за вами.

— Трудно?

— Да, вы меня утомляете.

— Гмъ.—Онъ подмигнулъ и сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, вѣроятно, долженствующій обозначить что-то очень торжествующее и побѣдоносное; затѣмъ, весьма солидно и спокойно вынулъ изъ кармана газету, очевидно, только что купленную, развернулъ и сталъ читать въ послѣдней страницѣ, повидимому, оставивъ меня въ совершенномъ покоѣ. Минутъ пять онъ не глядѣлъ на меня.

— Бресто-граевскія-то вѣдь не шлепнулись, а? Вѣдь пошли, вѣдь идутъ! Многихъ знаю, которые тутъ же шлепнулись.

Онъ отъ всей души поглядѣлъ на меня.

— Я пока въ этой биржѣ мало смыслю, — отвѣтилъ я.

— Отрицаете?

— Что̀?

— Деньги-съ.

— Я не отрицаю деньги, но... но, мнѣ кажется, сначала идея, а потомъ деньги.

— То есть, позвольте-съ... вотъ человѣкъ состоитъ, такъ сказать, при собственномъ капиталѣ...

— Сначала высшая идея, а потомъ деньги, а безъ высшей идеи съ деньгами общество провалится.

Не знаю, зачѣмъ я сталъ было горячиться. Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько тупо, какъ будто запутавшись, но вдругъ все лицо его раздвинулось въ веселѣйшую и хитрѣйшую улыбку.

— Версиловъ-то, а? Вѣдь тяпнулъ-таки, тяпнулъ! Присудили вчера, а?

Я вдругъ и неожиданно увидалъ, что онъ уже давно знаетъ, кто я такой, и, можетъ быть, очень многое знаетъ. Не понимаю только, зачѣмъ я вдругъ покраснѣлъ и глупѣйшимъ образомъ смотрѣлъ не отводя отъ него глазъ. Онъ видимо торжествовалъ, онъ весело смотрѣлъ на меня, точно въ чемъ-то хитрѣйшимъ образомъ поймалъ и уличилъ меня.

— Нѣтъ-съ, — поднялъ онъ вверхъ обѣ брови; — это вы меня спросите про господина Версилова! Что̀ я вамъ говорилъ сейчасъ насчетъ основательности? Полтора года назадъ, изъ-за этого ребенка онъ бы могъ усовершенствованное дѣльце завершить — да-съ, а онъ шлепнулся, да-съ.

— Изъ-за какого ребенка?

— Изъ-за грудного-съ, котораго и теперь на сторонѣ выкармливаетъ, только ничего не возьметъ чрезъ это . . . потому . . .

— Какой грудной ребенокъ? Что̀ такое?

— Конечно, его ребенокъ, его собственный-съ, отъ m-lle Лидіи Ахмаковой . . . «Прелестная дѣва ласкала меня» . . . Фосфорныя-то спички — а?

— Что̀ за вздоръ, что за дичь! У него никогда не было ребенка отъ Ахмаковой!

— Вона! Да я-то гдѣ былъ? Я вѣдь и докторъ, и акушеръ-съ. Фамилія моя Стебельковъ, не слыхали? Правда, я и тогда уже не практиковалъ давно, но практическій совѣтъ въ практическомъ дѣлѣ я могъ подать.

— Вы акушеръ . . . принимали ребенка у Ахмаковой?

— Нѣтъ-съ, я ничего не принималъ у Ахмаковой. Тамъ, въ форштатѣ, былъ докторъ Гранцъ, обремененный семействомъ, по полталера ему платили, такое тамъ у нихъ положеніе на докторовъ, и никто-то его вдобавокъ не зналъ, такъ вотъ онъ тутъ былъ вмѣсто меня . . . Я же его и посовѣтовалъ, для мрака неизвѣстности. Вы слѣдите? А я только практическій совѣтъ одинъ далъ по вопросу Версилова-съ, Андрея Петровича, по вопросу секретнѣйшему-съ, глазъ на глазъ. Но Андрей Петровичъ двухъ зайцевъ предпочелъ.

Я слушалъ въ глубочайшемъ изумленіи.

— За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь, говоритъ народная, или, вѣрнѣе, простонародная пословица. Я же говорю такъ: исключенія, безпрерывно повторяющіяся, обращаются въ общее правило. За другимъ зайцемъ, то есть въ переводѣ на русскій языкъ, за другой дамой по-

гнался — и результатовъ никакихъ. Ужъ если что схватилъ, то сего и держись. Гдѣ надо убыстрять дѣло, онъ тамъ мямлитъ. Версиловъ — вѣдь это «бабій пророкъ-съ» — вотъ какъ его молодой князь Сокольскій тогда при мнѣ красиво обозначилъ. Нѣтъ, вы ко мнѣ приходите! Если вы хотите про Версилова много узнать, вы ко мнѣ приходите.

Онъ, видимо, любовался на мой раскрытый отъ удивленія ротъ. Никогда и ничего не слыхивалъ я до сихъ поръ про грудного ребенка. И вотъ въ этотъ мигъ вдругъ хлопнула дверь у сосѣдокъ, и кто-то быстро вошелъ въ ихъ комнату.

— Версиловъ живетъ въ Семеновскомъ полку, въ Можайской улицѣ, домъ Литвиновой, № 17, сама была въ адресномъ! — громко прокричалъ раздраженный женскій голосъ; каждое слово было намъ слышно. Стебельковъ вскинулъ бровями и поднялъ надъ головою палецъ.

— Мы о немъ здѣсь, а онъ ужъ и тамъ... Вотъ они исключенія-то, безпрерывно повторяющіяся! Quand on parle d'une corde...

Онъ быстро, съ прискокомъ, сѣлъ на диванѣ и сталъ прислушиваться къ той двери, къ которой былъ приставленъ диванъ.

Ужасно пораженъ былъ и я. Я сообразилъ, что это, вѣроятно, та самая молодая женщина прокричала, которая давеча убѣжала въ такомъ волненіи. Но какимъ же образомъ и тутъ Версиловъ? Вдругъ раздался опять давешній визгъ, неистовый, визгъ озвѣрѣвшаго отъ гнѣва человѣка, которому чего-то не даютъ или котораго отъ чего-то удерживаютъ. Разница съ давешнимъ была лишь та, что крики и взвизги продолжались еще дольше. Слышалась

борьба, какія-то слова, частыя, быстрыя: «не хочу, не хочу, отдайте, сейчасъ отдайте!» — или что-то въ этомъ родѣ — не могу совершенно припомнить. Затѣмъ, какъ и давеча, кто-то стремительно бросился къ дверямъ и отворилъ ихъ. Обѣ сосѣдки выскочили въ коридоръ, одна, какъ и давеча, очевидно, удерживая другую. Стебельковъ, уже давно вскочившій съ дивана и съ наслажденіемъ прислушивавшійся, такъ и сиганулъ къ дверямъ и тотчасъ преоткровенно выскочилъ въ коридоръ прямо къ сосѣдкамъ. Разумѣется, я тоже подбѣжалъ къ дверямъ. Но его появленіе въ коридорѣ было ведромъ холодной воды: сосѣдки быстро скрылись и съ шумомъ захлопнули за собою дверь. Стебельковъ прыгнулъ было за ними, но пріостановился, поднявъ палецъ, улыбаясь и соображая; на этотъ разъ въ улыбкѣ его я разглядѣлъ что-то чрезвычайно скверное, темное и зловѣщее. Увидавъ хозяйку, стоявшую опять у своихъ дверей, онъ скорыми цыпочками побѣжалъ къ ней черезъ коридоръ; прошушукавъ съ нею минуты двѣ и, конечно, получивъ свѣдѣнія, онъ уже осанисто и рѣшительно воротился въ комнату, взялъ со стола свой цилиндръ, мелькомъ взглянулся въ зеркало, взъерошилъ волосы и съ самоувѣреннымъ достоинствомъ, даже не поглядѣвъ на меня, отправился къ сосѣдкамъ. Мгновеніе онъ прислушивался у двери, подставивъ ухо и побѣдительно подмигивая черезъ коридоръ хозяйкѣ, которая грозила ему пальцемъ и покачивала головой, какъ бы выговаривая: «охъ, шалунъ, шалунъ!» Наконецъ, съ рѣшительнымъ деликатнѣйшимъ видомъ, даже какъ бы сгорбившійся отъ деликатности, постучалъ костями пальцевъ къ сосѣдкамъ. Послышался голосъ:

— Кто тамъ?

— Не позволите ли войти по важнѣйшему дѣлу? — громко и осанисто произнесъ Стебельковъ.

Помедлили, но все-таки отворили, сначала чуть-чуть, на четверть; но Стебельковъ тотчасъ же крѣпко ухватился за ручку замка и ужъ не далъ бы затворить опять. Начался разговоръ, Стебельковъ заговорилъ громко, все порываясь въ комнату; я не помню словъ, но онъ говорилъ про Версилова, что можетъ сообщить, все разъяснить — «нѣтъ-съ, вы меня спросите», «нѣтъ-съ, вы ко мнѣ приходите» — въ этомъ родѣ. Его очень скоро впустили. Я воротился къ дивану и сталъ было подслушивать, но всего не могъ разобрать, слышалъ только, что часто упоминали про Версилова. По интонаціи голоса я догадывался, что Стебельковъ уже овладѣлъ разговоромъ, говоритъ уже не вкрадчиво, а властно и развалившись, въ родѣ какъ давеча со мной: «вы слѣдите?», «теперь извольте вникнуть», и проч. Впрочемъ, съ женщинами онъ долженъ быть необыкновенно любезенъ. Уже раза два раздался его громкій хохотъ и навѣрно совсѣмъ неумѣстно, потому что рядомъ съ его голосомъ, а иногда и побѣждая его голосъ, раздавались голоса обѣихъ женщинъ, вовсе не выражавшіе веселости, и преимущественно молодой женщины, той, которая давеча визжала: она говорила много, нервно, быстро, очевидно, что-то обличая и жалуясь, ища суда и судьи. Но Стебельковъ не отставалъ, возвышалъ рѣчь все больше и больше, и хохоталъ все чаще и чаще; эти люди слушать другихъ не умѣютъ. Я скоро сошелъ съ дивана, потому что подслушивать показалось мнѣ стыдно, и перебрался

на мое старое мѣсто, у окна, на плетеномъ стулѣ. Я былъ убѣжденъ, что Васинъ считаетъ этого господина ни во что̀, но что объяви я тоже мнѣніе, и онъ тотчасъ же, съ серьезнымъ достоинствомъ заступится и назидательно замѣтитъ, что это «человѣкъ практическій, изъ людей теперешнихъ дѣловыхъ, и котораго нельзя судить съ нашихъ общихъ и отвлеченныхъ точекъ зрѣнія». Въ то мгновеніе, впрочемъ, помню, я былъ какъ-то весь нравственно разбитъ, сердце у меня билось, и я несомнѣнно чего-то ждалъ. Прошло минутъ десять, и вдругъ, въ самой серединѣ одного раскатистаго взрыва хохота, кто-то, точь-въ-точь какъ давеча, прянулъ со стула, затѣмъ раздались крики обѣихъ женщинъ, слышно было, какъ вскочилъ и Стебельковъ, что онъ что-то заговорилъ уже другимъ голосомъ, точно оправдывался, точно упрашивая, чтобъ его дослушали... Но его не дослушали: раздались гнѣвные крики: «Вонъ! Вы негодяй, вы безстыдникъ!» Однимъ словомъ, ясно было, что его выталкиваютъ. Я отворилъ дверь, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ выпрыгнулъ въ коридоръ отъ сосѣдокъ и, кажется, буквально, т. е. руками, выпихнутый ими. Увидавъ меня, онъ вдругъ закричалъ на меня, указывая:

— Вотъ сынъ Версилова! Если не вѣрите мнѣ, то вотъ сынъ его, его собственный сынъ! Пожалуйте! — И онъ властно схватилъ меня за руку.

— Это сынъ его, родной сынъ его! — повторялъ онъ, подводя меня къ дамамъ и не прибавляя, впрочемъ, ничего больше для разъясненія.

Молодая женщина стояла въ коридорѣ, пожилая — на шагъ сзади ея въ дверяхъ. Я запомнилъ только, что эта бѣдная дѣвушка была недурна со-

бой, лѣтъ двадцати, но худа и болѣзненнаго вида, рыжеватая и съ лица какъ бы нѣсколько похожая на мою сестру: эта черта мнѣ мелькнула и уцѣлѣла въ моей памяти; только Лиза никогда не бывала и ужъ, конечно, никогда и не могла быть въ такомъ гнѣвномъ изступленіи, въ которомъ стояла передо мной эта особа: губы ея были бѣлы, свѣтлосѣрые глаза сверкали, она вся дрожала отъ негодованія. Помню тоже, что я самъ былъ въ чрезвычайно глупомъ и недостойномъ положеніи, потому что рѣшительно не нашелся что̀ сказать, по милости этого нахала.

— Что жъ такое, что сынъ! Если онъ съ вами, то онъ негодяй. Если вы сынъ Версилова, — обратилась она вдругъ ко мнѣ: — то передайте отъ меня вашему отцу, что онъ негодяй, что онъ недостойный безстыдникъ, что мнѣ денегъ его не надо... На-те, на-те, на-те, передайте сейчасъ ему эти деньги!

Она быстро вырвала изъ кармана нѣсколько кредитокъ, но пожилая (т. е. ея мать, какъ оказалось послѣ) схватила ее за руку:

— Оля, да вѣдь, можетъ, и неправда, можетъ, и не сынъ его!

Оля быстро посмотрѣла на нее, сообразила, посмотрѣла на меня презрительно и повернулась назадъ въ комнату, но прежде чѣмъ захлопнуть дверь, стоя на порогѣ, еще разъ прокричала въ изступленіи Стебелькову:

— Вонъ!

И даже топнула на него ногой. Затѣмъ дверь захлопнулась и уже заперлась на замокъ. Стебельковъ, все еще держа меня за плечо, поднявъ палецъ и раздвинувъ ротъ въ длинную задумчивую

улыбку, уперся въ меня вопросительнымъ взглядомъ.

— Я нахожу вашъ поступокъ со мной смѣшнымъ и недостойнымъ, — пробормоталъ я въ негодованіи.

Но онъ меня и не слушалъ, хотя и не сводилъ съ меня глазъ.

— Это бы надо из-слѣ-довать! — проговорилъ онъ раздумчиво.

— Но, однако, какъ вы смѣли вытянуть меня? Кто это такое? Что̀ это за женщина? Вы схватили меня за плечо и подвели, — что̀ тутъ такое?

— Э, чертъ! Лишенная невинности какая-то... «часто повторяющееся исключеніе» — вы слѣдите?

И онъ уперся было мнѣ въ грудь пальцемъ.

— Э, чертъ! — отпихнулъ я его палецъ.

Но онъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, засмѣялся тихо, неслышно, долго, весело. Наконецъ, надѣлъ свою шляпу и, съ быстро перемѣнившимся и уже мрачнымъ лицомъ, замѣтилъ нахмуривъ брови:

— А хозяйку надо бы научить . . . надо бы ихъ выгнать изъ квартиры, — вотъ что̀, и какъ можно скорѣй, а то онѣ тутъ . . . Вотъ увидите! Вотъ помяните мое слово, увидите! Э, чертъ!—развеселился онъ вдругъ опять:—вы вѣдь Гришу дождетесь?

— Нѣтъ, не дождусь, — отвѣчалъ я рѣшительно.

— Ну, и все едино . . .

И, не прибавивъ болѣе ни звука, онъ повернулся, вышелъ и направился внизъ по лѣстницѣ, не удостоивъ даже и взгляда, очевидно, поджидавшую разъясненія и извѣстій хозяйку. Я тоже взялъ

шляпу и, попросивъ хозяйку передать, что былъ я, Долгорукій, побѣжалъ по лѣстницѣ.

II.

Я только потерялъ время. Выйдя, я тотчасъ пустился отыскивать квартиру; но я былъ разсѣянъ, пробродилъ нѣсколько часовъ по улицамъ и хоть зашелъ въ пять или шесть квартиръ отъ жильцовъ, но увѣренъ, что мимо двадцати прошелъ, не замѣтивъ ихъ. Къ еще пущей досадѣ, я и не воображалъ, что нанимать квартиры такъ трудно. Вездѣ комнаты, какъ Васинская, и даже гораздо хуже, а цѣны огромныя, то есть не по моему расчету. Я прямо требовалъ угла, чтобъ только повернуться, и мнѣ презрительно давали знать, что въ такомъ случаѣ надо идти «въ углы». Кромѣ того, вездѣ множество странныхъ жильцовъ, съ которыми я ужъ по одному виду ихъ не могъ бы ужиться рядомъ, — даже заплатилъ бы, чтобъ не жить рядомъ. Какіе-то господа безъ сюртуковъ, въ одныхъ жилетахъ, съ растрепанными бородами, развязные и любопытные. Въ одной крошечной комнатѣ сидѣло ихъ человѣкъ десять за картами и за пивомъ, а рядомъ мнѣ предлагали комнату. Въ другихъ мѣстахъ я самъ, на разспросы хозяевъ, отвѣчалъ такъ нелѣпо, что на меня глядѣли съ удивленіемъ, а въ одной квартирѣ такъ даже поссорился. Впрочемъ, не описывать же всѣхъ этихъ ничтожностей; я только хочу сказать, что, уставъ ужасно, я поѣлъ чего-то въ одной кухмистерской уже почти когда смерклось. У меня разрѣшилось окончательно, что я пойду, отдамъ сейчасъ самъ и одинъ Версилову письмо о наслѣдствѣ (безъ вся-

кихъ объясненій), захвачу сверху мои вещи въ чемоданъ и узелъ и переѣду на ночь хоть въ гостиницу. Въ концѣ Обуховскаго проспекта, у Тріумфальныхъ воротъ, я зналъ, есть постоялые дворы, гдѣ можно достать даже особую комнатку за тридцать копеекъ; на одну ночь я рѣшился пожертвовать, только чтобъ не ночевать у Версилова. И вотъ, проходя уже мимо Технологическаго института, мнѣ вдругъ почему-то вздумалось зайти къ Татьянѣ Павловнѣ, которая жила тутъ же, напротивъ Технологическаго. Собственно предлогомъ зайти было все то же письмо о наслѣдствѣ, но непредолимое мое побужденіе зайти, конечно, имѣло другія причины, которыхъ я впрочемъ не сумѣю и теперь разъяснить: тутъ была какая-то путаница въ умѣ о «грудномъ ребенкѣ», «объ исключеніяхъ, входящихъ въ общее правило». Хотѣлось ли мнѣ разсказать, или порисоваться, или подраться, или даже заплакать, — не знаю, только я поднялся къ Татьянѣ Павловнѣ. Я былъ у ней доселѣ всего лишь одинъ разъ, въ началѣ моего пріѣзда изъ Москвы, по какому-то порученію отъ матери, и, помню, зайдя и передавъ порученное, ушелъ черезъ минуту, даже и не присѣвъ, а она и не попросила.

Я позвонилъ, и мнѣ тотчасъ отворила кухарка и молча впустила меня въ комнаты. Именно нужны всѣ эти подробности, чтобъ можно было понять, какимъ образомъ могло произойти такое сумасшедшее приключеніе, имѣвшее такое огромное вліяніе на все послѣдующее. И во-первыхъ, о кухаркѣ. Это была злобная и курносая чухонка, и, кажется, ненавидѣвшая свою хозяйку, Татьяну Павловну, а та, напротивъ, разстаться съ ней не могла по какому-то пристрастію, въ родѣ какъ у старыхъ дѣвъ

къ старымъ мокроносымъ моськамъ или вѣчно спящимъ кошкамъ. Чухонка или злилась и грубила, или, поссорившись, молчала по недѣлямъ, тѣмъ наказывая барыню. Должно быть, я попалъ въ такой молчаливый день, потому что она даже на вопросъ мой: «Дома ли барыня?» который, я положительно помню, что задалъ ей, — не отвѣтила и молча прошла въ свою кухню. Я, послѣ этого, естественно увѣренный, что барыня дома, прошелъ въ комнату, и, не найдя никого, сталъ ждать, полагая, что Татьяна Павловна сейчасъ выйдетъ изъ спальни; иначе зачѣмъ бы впустила меня кухарка? Я не садился и ждалъ минуты двѣ-три; почти уже смеркалось, и темная квартирка Татьяны Павловны казалась еще непривѣтливѣе отъ безконечнаго, вездѣ развѣшаннаго ситца. Два слова про эту скверную квартиренку, чтобъ понять мѣстность, на которой произошло дѣло. Татьяна Павловна, по характеру своему, упрямому и повелительному и вслѣдствіе старыхъ помѣщичьихъ пристрастій, не могла бы ужиться въ меблированной комнатѣ отъ жильцовъ, и нанимала эту пародію на квартиру, чтобъ только быть особнякомъ и сама себѣ госпожей. Эти двѣ комнаты были точь-въ-точь двѣ канареечныя клѣтки, одна къ другой приставленныя, одна другой меньше, въ третьемъ этажѣ и окнами на дворъ. Входя въ квартиру, вы прямо вступали въ узенькій коридорчикъ, аршина въ полтора шириною; налѣво вышеозначенныя двѣ канареечныя клѣтки, а прямо по коридорчику, въ глубинѣ, входъ въ крошечную кухню. Полторы кубическихъ сажени необходимаго для человѣка на двѣнадцать часовъ воздуху, можетъ быть, въ этихъ комнаткахъ и было, но

врядъ ли больше. Были они до безобразія низки, но что глупѣе всего, — окна, двери, мебель, все, все было обвѣшано или убрано ситцемъ, прекраснымъ французскимъ ситцемъ, и отдѣлано фестончиками; но отъ этого комната казалась еще вдвое темнѣе и походила на внутренность дорожной кареты. Въ той комнатѣ, гдѣ я ждалъ, еще можно было повернуться, хотя все было загромождено мебелью, и, кстати, мебелью весьма недурною: тутъ были разные столики, съ наборной работой, съ бронзовой отдѣлкой, ящики, изящный и даже богатый туалетъ. Но слѣдующая комнатка, откуда я ждалъ ея выхода, спальня, густо отдѣленная отъ этой комнаты занавѣсью, состояла, какъ оказалось послѣ, буквально изъ одной кровати. Всѣ эти подробности необходимы, чтобъ понять ту глупость, которую я сдѣлалъ.

Итакъ, я ждалъ и не сомнѣвался, какъ раздался звонокъ. Я слышалъ, какъ неторопливыми шагами прошла по коридорчику кухарка и молча, точь-въ-точь какъ и давеча меня, впустила вошедшихъ. Это были двѣ дамы и обѣ громко говорили, но каково же было мое изумленіе, когда я, по голосу, узналъ въ одной Татьяну Павловну, а въ другой — именно ту женщину, которую всего менѣе приготовленъ былъ теперь встрѣтить, да еще при такой обстановкѣ! Ошибаться я не могъ: я слышалъ этотъ звучный, сильный, металлическій голосъ вчера, правда, всего три минуты, но онъ остался въ моей душѣ. Да, это была «вчерашняя женщина». Что̀ мнѣ было дѣлать? Я вовсе не читателю задаю этотъ вопросъ, я только представляю себѣ эту тогдашнюю минуту, и совершенно не въ силахъ даже и теперь объяснить, какимъ образомъ случи-

лось, что я вдругъ бросился за занавѣску и очутился въ спальнѣ Татьяны Павловны. Короче, я спрятался и едва успѣлъ вскочить, какъ онѣ вошли. Почему я не пошелъ къ нимъ навстрѣчу, а спрятался — не знаю; все случилось нечаянно, въ высшей степени безотчетно.

Вскочивъ въ спальню и наткнувшись на кровать, я тотчасъ замѣтилъ, что есть дверь изъ спальни въ кухню, стало быть, былъ исходъ изъ бѣды и можно было убѣжать совсѣмъ, но — о ужасъ! — дверь была заперта на замокъ, а въ щелкѣ ключа не было. Въ отчаяніи, я опустился на кровать; мнѣ ясно представилось, что, стало быть, я теперь буду подслушивать, а уже по первымъ фразамъ, по первымъ звукамъ разговора я догадался, что разговоръ ихъ секретный и щекотливый. О, конечно, честный и благородный человѣкъ долженъ былъ встать, даже и теперь, выйти и громко сказать: «Я здѣсь, подождите!» и, несмотря на смѣшное положеніе свое, пройти мимо; но я не всталъ и не вышелъ; не посмѣлъ, подлѣйшимъ образомъ струсилъ.

— Милая вы моя, Катерина Николаевна, глубоко вы меня огорчаете, — умоляла Татьяна Павловна: — успокойтесь вы разъ навсегда, не къ вашему это даже характеру. Вездѣ, гдѣ вы, тамъ и радость, и вдругъ теперь . . . Да ужъ въ меня-то вы, я думаю, продолжаете вѣрить: вѣдь знаете, какъ я вамъ предана. Вѣдь ужъ не меньше, какъ и Андрею Петровичу, къ которому опять-таки вѣчной преданности моей не скрываю . . . Ну, такъ повѣрьте же мнѣ, честью клянусь вамъ, нѣтъ этого документа въ рукахъ у него, а можетъ быть и совсѣмъ ни у кого нѣтъ; да и не способенъ онъ на

такія проныфства, грѣхъ вамъ и подозрѣвать. Сами вы оба только сочинили себѣ эту вражду...

— Документъ есть, а онъ способенъ на все. И что жъ, вхожу вчера и первая встрѣча — ce petit espion, котораго онъ князю навязалъ.

— Эхъ, ce petit espion. Во-первыхъ, вовсе и не espion, потому что это я, я его настояла къ князю помѣстить, а то онъ въ Москвѣ помѣшался бы, или померъ съ голоду, — вотъ какъ его аттестовали оттуда; и, главное, этотъ грубый мальчишка даже совсѣмъ дурачекъ, гдѣ ему быть шпіономъ?

— Да, какой-то дурачекъ, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ ему стать мерзавцемъ. Я только была въ досадѣ, а то бы умерла вчера со смѣху: поблѣднѣлъ, подбѣжалъ, расшаркивается, по-французски заговорилъ. А въ Москвѣ Марья Ивановна меня о немъ какъ о геніи увѣряла. Что несчастное письмо это цѣло и гдѣ-то находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ — это я, главное, по лицу этой Марьи Ивановны заключила.

— Красавица вы моя! Да вѣдь вы сами же говорите, что у ней нѣтъ ничего!

— То-то и есть, что есть; она только лжетъ, и какая это, я вамъ скажу, искусница! Еще до Москвы у меня все еще оставалась надежда, что не осталось никакихъ бумагъ, но тутъ, тутъ...

— Ахъ, милая, напротивъ, это, говорятъ, доброе и разсудительное существо, ее покойникъ выше всѣхъ своихъ племянницъ цѣнилъ. Правда, я ее не такъ знаю, но — вы бы ее обольстили, моя красавица! Вѣдь побѣдить вамъ ничего не стоитъ, вѣдь я же, старуха, вотъ влюблена же въ васъ и сейчасъ васъ цѣловать примусь... Ну, что̀ бы стоило вамъ ее обольстить.

— Обольщала, Татьяна Павловна, пробовала, въ восторгъ даже ее привела, да хитра ужъ и она очень... Нѣтъ, тутъ цѣлый характеръ, и особый, московскій... И представьте, посовѣтовала мнѣ обратиться къ одному здѣшнему Крафту, бывшему помощнику у Андроникова, авось, дескать, онъ что знаетъ. О Крафтѣ этомъ я уже имѣю понятіе и даже мелькомъ помню его; но какъ сказала она мнѣ про этого Крафта, тутъ только я и увѣрилась, что ей не просто неизвѣстно, а что она лжетъ и все знаетъ.

— Да почему же, почему же? А вѣдь, пожалуй, что и можно бы у него справиться! Этотъ нѣмецъ, Крафтъ, не болтунъ и, я помню, пречестный — право, разспросить бы его! Только его, кажется, теперь въ Петербургѣ нѣтъ...

О, вернулся еще вчера, я сейчасъ у него была... Я именно и пришла къ вамъ въ такой тревогѣ, у меня руки-ноги дрожатъ, я хотѣла васъ попросить, ангелъ мой, Татьяна Павловна, такъ какъ вы всѣхъ знаете, нельзя ли узнать хоть въ бумагахъ его, потому что непремѣнно теперь отъ него остались бумаги, такъ къ кому жъ они теперь отъ него пойдутъ? Пожалуй, опять въ чьи-нибудь опасныя руки попадутъ? Я вашего совѣта прибѣжала спросить.

— Да про какія вы это бумаги? — не понимала Татьяна Павловна, — да вѣдь вы же говорите, что сейчасъ сами были у Крафта?

— Была, была, сейчасъ была, да онъ застрѣлился! Вчера еще вечеромъ.

Я вскочилъ съ кровати. Я могъ высидѣть, когда меня называли шпіономъ и идіотомъ, и чѣмъ дальше онѣ уходили въ своемъ разговорѣ, тѣмъ менѣе мнѣ казалось возможнымъ появиться. Это было бы

невообразимо! Я рѣшилъ въ душѣ высидѣть, замирая, пока Татьяна Павловна проводитъ гостью (если на мое счастье сама не войдетъ раньше за чѣмъ-нибудь въ спальню),—а потомъ, какъ уйдетъ Ахмакова, — пусть тогда мы хоть подеремся съ Татьяной Павловной! .. Но вдругъ теперь, когда я, услышавъ о Крафтѣ, вскочилъ съ кровати, меня всего обхватило какъ судорогой. Не думая ни о чемъ, не разсуждая и не соображая, я шагнулъ, поднялъ портьеру и очутился передъ ними обѣими. Еще было достаточно свѣтло для того, чтобъ меня разглядѣть, блѣднаго и дрожащаго .. Обѣ вскрикнули. Да какъ и не вскрикнуть?

— Крафтъ? — пробормоталъ я, обращаясь къ Ахмаковой: — застрѣлился? Вчера? На закатѣ солнца?

— Гдѣ ты былъ? Откуда ты? — взвизгнула Татьяна Павловна и буквально вцѣпилась мнѣ въ плечо: — Ты шпіонилъ? Ты подслушивалъ?

— Что̀ я вамъ сейчасъ говорила? — встала съ дивана Катерина Николаевна, указывая ей на меня.

Я вышелъ изъ себя.

— Ложь, вздоръ! — прервалъ я ее неистово: — вы сейчасъ называли меня шпіономъ, о Боже! Стоитъ ли не только шпіонить, но даже и жить на свѣтѣ подлѣ такихъ, какъ вы! Великодушный человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ, Крафтъ застрѣлился — изъ-за идеи, изъ-за Гекубы . . . Впрочемъ, гдѣ вамъ знать про Гекубу! .. А тутъ — живи между вашихъ интригъ, валандайся около вашей лжи, обмановъ, подкоповъ . . . Довольно!

— Дайте ему въ щеку! Дайте ему въ щеку! — прокричала Татьяна Павловна, а такъ какъ Катерина Николаевна хоть и смотрѣла на меня (я помню

все до черточки), не сводя глазъ, но не двигалась съ мѣста, то Татьяна Павловна, еще мгновеніе, и навѣрно бы сама исполнила свой совѣтъ, такъ что я невольно поднялъ руку, чтобъ защитить лицо; вотъ изъ-за этого-то движенія ей и показалось, что я самъ замахиваюсь.

— Ну, ударь, ударь! Докажи, что хамъ отроду: ты сильнѣе женщинъ, чего жъ церемониться!

— Довольно клеветы, довольно! — закричалъ я. — Никогда я не поднималъ руки на женщину! Безстыдница вы, Татьяна Павловна, вы всегда меня презирали. О, съ людьми надо обращаться, не уважая ихъ! Вы смѣетесь, Катерина Николаевна, вѣроятно, надъ моей фигурой; да, Богъ не далъ мнѣ фигуры, какъ у вашихъ адъютантовъ. И, однакоже, я чувствую себя не униженнымъ передъ вами, а, напротивъ, возвышеннымъ... Ну, все равно, какъ бы ни выразиться, но только я не виноватъ! Я попалъ сюда нечаянно, Татьяна Павловна: виновата одна ваша чухонка, или, лучше сказать, ваше къ ней пристрастіе: зачѣмъ она мнѣ на мой вопросъ не отвѣтила и прямо меня сюда привела? А потомъ, согласитесь сами, выскочить изъ спальни женщины мнѣ уже показалось до того монструознымъ, что я рѣшился скорѣе молча выносить ваши плевки, но не показываться... Вы опять смѣетесь, Катерина Николаевна?

— Пошелъ вонъ, пошелъ вонъ, иди вонъ! — прокричала Татьяна Павловна, почти толкая меня. — Не считайте ни во что̀ его вранье, Катерина Николаевна: я вамъ сказала, что оттуда его за помѣшаннаго аттестовали!

— За помѣшаннаго? Откуда? Кто бы это такой и откуда? Все равно, довольно. Катерина

Николаевна! Клянусь вамъ всѣмъ, что̀ есть святого, разговоръ этотъ и все, что̀ я слышалъ, останется между нами... Чѣмъ я виноватъ, что узналъ ваши секреты? Тѣмъ болѣе, что я кончаю мои занятія съ вашимъ отцемъ завтра же, такъ что насчетъ документа, который вы разыскиваете, можете быть спокойны.

— Что это?.. Про какой документъ говорите вы? — смутилась Катерина Николаевна, и даже до того, что поблѣднѣла, или, можетъ быть, такъ мнѣ показалось. Я понялъ, что слишкомъ уже много сказалъ.

Я быстро вышелъ; онѣ молча проводили меня глазами, и въ высшей степени удивленіе было въ ихъ взглядѣ. Однимъ словомъ, я задалъ загадку...

Глава девятая.

I.

Я спѣшилъ домой и — чудное дѣло — я былъ очень доволенъ собою. Такъ, конечно, не говорятъ съ женщинами, — вѣрнѣе сказать съ такою женщиной, потому что Татьяну Павловну я не считалъ. Можетъ быть, никакъ нельзя сказать въ лицо женщинѣ такого разряда: «наплевать на ваши интриги», но я сказалъ это и былъ именно этимъ-то и доволенъ. Не говоря о другомъ, я, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ, что этимъ тономъ затеръ все смѣшное, бывшее въ моемъ положеніи. Но очень много думать объ этомъ было некогда: у меня въ головѣ сидѣлъ Крафтъ. Не то чтобъ онъ меня такъ ужъ мучилъ, но все-таки я былъ потрясенъ до основанія, и даже до того, что обыкновенное человѣческое чувство нѣкотораго удовольствія при чужомъ несчастіи, т. е. когда кто сломаетъ ногу, потеряетъ честь, лишится любимаго существа и проч., даже обыкновенное это чувство подлаго удовлетворенія безслѣдно уступило во мнѣ другому, чрезвычайно цѣльному ощущенію, именно горю: сожалѣнію о Крафтѣ, то есть сожалѣнію ли, не знаю, но какому-то весьма сильному и доброму чувству. И этимъ я былъ тоже доволенъ. Удиви-

тельно, какъ много постороннихъ мыслей способно мелькнуть въ умѣ именно когда весь потрясенъ какимъ-нибудь колоссальнымъ извѣстіемъ, которое, по-настоящему, должно бы было, кажется, задавить другія чувства и разогнать всѣ постороннія мысли, особенно мелкія, а мелкія-то напротивъ и лѣзутъ. Помню еще, что меня всего охватила, мало-по-малу, довольно чувствительная нервная дрожь, которая и продолжалась нѣсколько минутъ, и даже все время, пока я былъ дома и объяснялся съ Версиловымъ.

Объясненіе это послѣдовало при странныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Я уже упоминалъ, что мы жили въ особомъ флигелѣ на дворѣ; эта квартира была помѣчена тринадцатымъ номеромъ. Еще не войдя въ ворота, я услышалъ женскій голосъ, спрашивавшій у кого-то громко съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ: «гдѣ квартира № 13?». Это спрашивала дама, тутъ же близъ воротъ, отворивъ дверь въ мелочную лавочку: но ей тамъ, кажется, ничего не отвѣтили, или даже прогнали, и она сходила съ крылечка внизъ, съ надрывомъ и злобой.

— Да гдѣ же здѣсь дворникъ?—прокричала она, топнувъ ногой. Я давно уже узналъ этотъ голосъ.

— Я иду въ квартиру № 13, — подошелъ я къ ней, — кого угодно?

— Я уже цѣлый часъ ищу дворника, у всѣхъ спрашиваю, по всѣмъ лѣстницамъ взбиралась.

— Это на дворѣ. Вы меня не узнаете?

Но она уже узнала меня.

— Вамъ Версилова; вы имѣете до него дѣло, и я тоже, — продолжалъ я, — я пришелъ съ нимъ распроститься навѣки. Пойдемте.

— Вы его сынъ?

— Это ничего не значитъ. Впрочемъ, положимъ, что сынъ, хотя я Долгорукій, я незаконнорожденный. У этого господина бездна незаконнорожденныхъ дѣтей. Когда требуютъ совѣсть и честь, и родной сынъ уходитъ изъ дому. Это еще въ библіи. Къ тому же онъ получилъ наслѣдство, а я не хочу раздѣлять его, и иду съ трудами рукъ моихъ. Когда надо, великодушный жертвуетъ даже жизнью; Крафтъ застрѣлился, Крафтъ, изъ-за идеи, представьте, молодой человѣкъ, подавалъ надежды... Сюда, сюда! Мы въ отдѣльномъ флигелѣ. А это еще въ библіи дѣти отъ отцовъ уходятъ и свое гнѣздо основываютъ... Коли идея влечетъ... коли есть идея! Идея главное, въ идеѣ все...

Я ей болталъ въ этомъ родѣ все время, пока мы взбиралась къ намъ. Читатель, вѣроятно, замѣчаетъ, что я себя не очень щажу и отлично, гдѣ надо, аттестую: я хочу выучиться говорить правду. Версиловъ былъ дома. Я вошелъ, не сбросивъ пальто, она тоже. Одѣта она была ужасно жидко: на темномъ платьишкѣ болтался сверху лоскуточекъ чего-то, долженствовавшій изображать плащъ или мантилью; на головѣ у ней была старая, облупленная шляпка-матроска, очень ее некрасившая. Когдѣ мы вошли въ залу, мать сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ за работой, а сестра вышла поглядѣть изъ своей комнаты и остановилась въ дверяхъ. Версиловъ, по обыкновенію, ничего не дѣлалъ и поднялся намъ навстрѣчу; онъ уставился на меня строгимъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Я тутъ ни при чемъ, — поспѣшилъ я отмахнуться и сталъ въ сторонкѣ, — я встрѣтилъ эту

особу лишь у воротъ; она васъ разыскивала, и никто не могъ ей указать. Я же по своему собственному дѣлу, которое буду имѣть удовольствіе объяснить послѣ нихъ . . .

Версиловъ все-таки продолжалъ меня любопытно разглядывать.

— Позвольте, — нетерпѣливо начала дѣвушка. Версиловъ обратился къ ней.

— Я долго думала, почему вамъ вздумалось оставить у меня вчера деньги . . . Я . . . однимъ словомъ . . . Вотъ ваши деньги! — почти взвизгнула она, какъ давеча, и бросила пачку кредитокъ на столъ, — я васъ въ адресномъ столѣ должна была разыскивать, а то бы раньше принесла. Слушайте, вы! — повернулась она вдругъ къ матери, которая вся поблѣднѣла, — я не хочу васъ оскорблять, вы имѣете честный видъ и, можетъ быть, это даже ваша дочь. Я не знаю, жена ли вы ему, но знайте, что этотъ господинъ вырѣзаетъ газетныя объявленія, гдѣ на послѣднія деньги публикуются гувернантки и учительницы, и ходитъ по этимъ несчастнымъ, отыскивая безчестной поживы и втягивая ихъ въ бѣду деньгами. Я не понимаю, какъ я могла взять отъ него вчера деньги: онъ имѣлъ такой честный видъ! . . Прочь, ни одного слова! Вы негодяй, милостивый государь! Если бъ вы даже были и съ честными намѣреніями, то я не хочу вашей милостыни. Ни слова, ни слова! О, какъ я рада, что обличила васъ теперь передъ вашими женщинами. Будьте вы прокляты!

Она быстро выбѣжала, но съ порога обернулась на одно мгновеніе, чтобъ только крикнуть:

— Вы, говорятъ, наслѣдство получили!

И затѣмъ исчезла, какъ тѣнь. Напоминаю еще

разъ: это была изступленная. Версиловъ былъ глубоко пораженъ: онъ стоялъ какъ бы задумавшись и что-то соображая; наконецъ, вдругъ повернулся ко мнѣ:

— Ты ее совсѣмъ не знаешь?

— Случайно давеча видѣлъ, какъ она бѣсновалась въ коридорѣ у Васина, визжала и проклинала васъ; но въ разговоры не вступалъ и ничего не знаю, а теперь встрѣтилъ у воротъ. Вѣроятно, это та самая, вчерашняя учительница, «дающая уроки изъ ариѳметики»?

— Это та самая. Разъ въ жизни сдѣлать доброе дѣло и . . . А, впрочемъ, что у тебя?

— Вотъ это письмо, — отвѣтилъ я. — Объяснять считаю ненужнымъ: оно идетъ отъ Крафта, а тому досталось отъ покойнаго Андроникова. По содержанію узнаете. Прибавлю, что никто въ цѣломъ мірѣ не знаетъ теперь объ этомъ письмѣ, кромѣ меня, потому что Крафтъ, передавъ мнѣ вчера это письмо, только что я вышелъ отъ него, застрѣлился . . .

Пока я говорилъ, запыхавшись и торопясь, онъ взялъ письмо въ руки и, держа его въ лѣвой рукѣ на отлетѣ, внимательно слѣдилъ за мной. Когда я объявилъ о самоубійствѣ Крафта, я съ особымъ вниманіемъ всмотрѣлся въ его лицо, чтобъ увидѣть эффектъ. И что же? — Извѣстіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія: даже хоть бы брови поднялъ! Напротивъ, видя, что я остановился, вытащилъ свой лорнетъ, никогда не оставлявшій его и висѣвшій на черной лентѣ, поднесъ письмо къ свѣчкѣ и, взглянувъ на подпись, пристально сталъ разбирать его. Не могу выразить, какъ я былъ даже обиженъ этимъ высокомѣрнымъ безчувствіемъ.

Онъ очень хорошо долженъ былъ знать Крафта: къ тому же все-таки такое необыкновенное извѣстіе! Наконецъ, мнѣ, натурально, хотѣлось, чтобъ оно производило эффектъ. Подождавъ съ полминуты и зная, что письмо длинно, я повернулся и вышелъ. Чемоданъ мой былъ давно готовъ, оставалось упрятать лишь нѣсколько вещей въ узелъ. Я думалъ о матери и что такъ и не подошелъ къ ней. Черезъ десять минутъ, когда уже я былъ совсѣмъ готовъ и хотѣлъ идти за извозчикомъ, вошла въ мою свѣтелку сестра.

— Вотъ мама посылаетъ тебѣ твои шестьдесятъ рублей и опять проситъ извинить ее за то, что сказала про нихъ Андрею Петровичу, да еще двадцать рублей. Ты далъ вчера за содержаніе свое пятьдесятъ; мама говоритъ, что больше тридцати съ тебя никакъ нельзя взять, потому что пятидесяти на тебя не вышло, и двадцать рублей посылаетъ сдачи.

— Ну, и спасибо, если только она говоритъ правду. Прощай сестра, ѣду!

— Куда ты теперь?

— Пока на постоялый дворъ, чтобъ только не ночевать въ этомъ домѣ. Скажи мамѣ, что я люблю ее.

— Она это знаетъ. Она знаетъ, что ты и Андрея Петровича тоже любишь. Какъ тебѣ не стыдно, что ты эту несчастную привелъ!

— Клянусь тебѣ, не я: я ее у воротъ встрѣтилъ.

— Нѣтъ, это ты привелъ.

— Увѣряю тебя . . .

— Подумай, спроси и увидишь, что и ты былъ причиною.

— Я только очень радъ былъ, что осрамили

Версилова. Вообрази, у него грудной ребенокъ отъ Лидіи Ахмаковой . . . впрочемъ, что жъ я тебѣ говорю . . .

— У него? Грудной ребенокъ? Но это не его ребенокъ! Откуда ты слышалъ такую неправду?

Ну, гдѣ тебѣ знать.

— Мнѣ-то не знать? Да я же и няньчила этого ребенка въ Лугѣ. Слушай, братъ: я давно вижу, что ты совсѣмъ ни про что не знаешь, а между тѣмъ оскорбляешь Андрея Петровича — ну, и маму тоже.

— Если онъ правъ, то я буду виноватъ, вотъ и все, а васъ я не меньше люблю. Отчего ты такъ покраснѣла, сестра? Ну вотъ, еще пуще теперь! Ну хорошо, а все-таки я этого князька на дуэль вызову за пощечину Версилову въ Эмсѣ. Если Версиловъ былъ правъ съ Ахмаковой, такъ тѣмъ паче.

— Братъ, опомнись, что ты!

— Благо въ судѣ теперь дѣло кончено . . . Ну вотъ, теперь поблѣднѣла.

— Да князь и не пойдетъ съ тобой, — улыбнулась сквозь испугъ блѣдною улыбкой Лиза.

— Тогда я публично осрамлю его. Что съ тобой Лиза?

Она до того поблѣднѣла, что не могла стоять на ногахъ и опустилась на диванъ.

— Лиза! — послышался внизу зовъ матери.

Она оправилась и встала; она ласково мнѣ улыбалась.

— Братъ, оставь эти пустяки или пережди до времени, пока многое узнаешь: ты ужасно какъ мало знаешь.

— Я буду помнить, Лиза, что ты поблѣднѣла, когда услышала, что я пойду на дуэль.

— Да, да, вспомни и объ этомъ! — улыбнулась она еще разъ на прощанье и сошла внизъ.

Я призвалъ извозчика и, съ его помощью, вытащилъ изъ квартиры мои вещи. Никто изъ домашнихъ не противорѣчилъ мнѣ и не остановилъ меня. Я не зашелъ проститься съ матерью, чтобъ не встрѣтиться съ Версиловымъ. Когда я уже усѣлся на извозчика, у меня вдругъ мелькнула мысль:

— На Фонтанку, къ Семеновскому мосту, — скомандовалъ я внезапно и отправился опять къ Васину.

II.

Мнѣ вдругъ подумалось, что Васинъ уже знаетъ о Крафтѣ и, можетъ быть, во сто разъ больше меня; точно такъ и вышло. Васинъ тотчасъ же и обязательно мнѣ сообщилъ всѣ подробности безъ большого, впрочемъ, жару; я заключилъ, что онъ утомился, да и впрямь такъ было. Онъ самъ былъ утромъ у Крафта. Крафтъ застрѣлился изъ револьвера (изъ того самаго) вчера, уже въ полныя сумерки, что явствовало изъ его дневника. Послѣдняя отмѣтка была сдѣлана въ дневникѣ передъ самымъ выстрѣломъ, и онъ замѣчаетъ въ ней, что пишетъ почти въ темнотѣ, едва разбирая буквы; свѣчку же зажечь не хочетъ, боясь оставить послѣ себя пожаръ. «А зажечь, чтобъ предъ выстрѣломъ опять потушить, какъ и жизнь мою, не хочу», — странно прибавилъ онъ чуть не въ послѣдней строчкѣ. Этотъ предсмертный дневникъ свой онъ затѣялъ еще третьяго дня, только что воротился въ Петербургъ, еще до визита къ Дергачеву; послѣ же моего ухода вписывалъ въ него каждыя четверть часа; самыя же послѣднія три-четыре замѣтки за-

писывалъ въ каждыя пять минутъ. Я громко удивился тому, что Васинъ, имѣя этотъ дневникъ столько времени передъ глазами (ему дали прочитать его), не снялъ копіи, тѣмъ болѣе, что было не болѣе листа кругомъ и замѣтки все короткія, — «хотя бы послѣднюю-то страничку!» Васинъ съ улыбкою замѣтилъ мнѣ, что онъ и такъ помнитъ, при томъ: замѣтки безъ всякой системы, о всемъ, что на умъ взбредетъ. Я сталъ было убѣждать, что это-то въ данномъ случаѣ и драгоцѣнно, но бросилъ и сталъ приставать, чтобъ онъ что-нибудь припомнилъ, и онъ припомнилъ нѣсколько строкъ, примѣрно за часъ до выстрѣла, о томъ «что его знобитъ», «что онъ, чтобы согрѣться, думалъ было выпить рюмку, но мысль, что отъ этого, пожалуй, сильнѣе кровоизліяніе — остановила его». Все почти въ этомъ родѣ, — заключилъ Васинъ.

— И это вы называете «пустяками»? — воскликнулъ я.

— Гдѣ же я называлъ? Я только не снялъ копіи. Но хоть и не пустяки, а дневникъ, дѣйствительно, довольно обыкновенный, или, вѣрнѣе, естественный, то есть именно такой, какой долженъ быть въ этомъ случаѣ . . .

— Но вѣдь послѣднія мысли, послѣднія мысли!

— Послѣднія мысли иногда бываютъ чрезвычайно ничтожны. Одинъ такой же самоубійца именно жалуется въ такомъ же своемъ дневникѣ, что въ такой важный часъ хоть бы одна «высшая мысль» посѣтила его, а, напротивъ, все такія мелкія и пустыя.

— И о томъ, что знобитъ, тоже пустая мысль?

— То есть вы собственно про ознобъ или про кровоизліяніе? Между тѣмъ, фактъ извѣстенъ,

что очень многіе изъ тѣхъ, которые въ силахъ думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нѣтъ, весьма часто наклонны заботиться о благообразіи вида, въ какомъ останется ихъ трупъ. Въ этомъ смыслѣ и Крафтъ побоялся излишняго кровоизліянія.

— Я не знаю, извѣстенъ ли этотъ фактъ . . . и такъ ли это, — пробормоталъ я, — но я удивляюсь, что вы считаете это все такъ естественнымъ; а, между тѣмъ, давно ли Крафтъ говорилъ, волновался, сидѣлъ между нами? Неужто вамъ хоть не жаль его?

— О, конечно, жалко, и это совсѣмъ другое дѣло; но, во всякомъ случаѣ, самъ Крафтъ изобразилъ смерть свою въ видѣ логическаго вывода. Оказывается, что все, что говорили вчера у Дергачева о немъ, справедливо: послѣ него осталась вотъ этакая тетрадь ученыхъ выводовъ о томъ, что русскіе — порода людей второстепенная, на основаніи френологіи, каніологіи и даже математики, и что, стало быть, въ качествѣ русскаго совсѣмъ не стоитъ жить. Если хотите, тутъ характернѣе всего то, что можно сдѣлать логическій выводъ какой угодно; но взять и застрѣлиться вслѣдствіе вывода — это, конечно, не всегда бываетъ.

— По крайней мѣрѣ, надобно отдать честь характеру.

— Можетъ быть, и не одному этому, — уклончиво замѣтилъ Васинъ, но ясно, что онъ подразумѣвалъ глупость или слабость разсудка. Меня все это раздражало.

— Вы сами говорили вчера про чувства, Васинъ.

— Не отрицаю и теперь; но въ виду совершившагося факта, что-то до того представляется въ

немъ грубо ошибочнымъ, что суровый взглядъ на дѣло поневолѣ какъ-то вытѣсняетъ даже и самую жалость.

— Знаете что: я по вашимъ глазамъ еще давеча догадался, что вы будете хулить Крафта, и чтобы не слышать хулы, положилъ не добиваться вашего мнѣнія; но вы его сами высказали и я поневолѣ принужденъ согласиться съ вами; а, между тѣмъ, я недоволенъ вами! Мнѣ жаль Крафта.

— Знаете, мы далеко зашли . . .

— Да, да, — перебилъ я, — но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что всегда въ такихъ случаяхъ оставшіеся въ живыхъ, судьи покойнаго, могутъ сказать про себя: «хоть и застрѣлился человѣкъ, достойный всякаго сожалѣнія и снисхожденія, но все же остались мы, а, стало быть, тужить много нечего».

— Да, разумѣется, если съ такой точки . . . Ахъ, да вы, кажется, пошутили: и преумно. Я въ это время пью чай и сейчасъ прикажу: вы, вѣроятно, сдѣлаете компанію.

И онъ вышелъ, обмѣривъ глазами мой чемоданъ и узелъ.

Мнѣ, дѣйствительно, захотѣлось было сказать что-нибудь позлѣе, въ отместку за Крафта; я и сказалъ, какъ удалось; но любопытно, что онъ принялъ было сначала мою мысль о томъ, что «остались такіе, какъ мы», за серьезную. Но такъ или нѣтъ, а все-таки онъ во всемъ былъ правѣе меня, даже въ чувствахъ. Сознался я въ этомъ безъ всякаго неудовольствія, но рѣшительно почувствовалъ, что не люблю его.

Когда внесли чай, я объяснилъ ему, что попрошу его гостепріимства всего только на одну ночь, и

что если нельзя, то пусть скажетъ, и я переѣду на постоялый дворъ. Затѣмъ вкратцѣ изложилъ мои причины, выставивъ прямо и просто, что поссорился съ Версиловымъ окончательно, не вдаваясь при этомъ въ подробности. Васинъ выслушалъ внимательно, но безъ всякаго волненія. Вообще онъ отвѣчалъ только на вопросы, хотя отвѣчалъ радушно и въ достаточной полнотѣ. Про письмо же, съ которымъ я приходилъ къ нему давеча просить совѣта — я совсѣмъ умолчалъ; а давешнее посѣщеніе мое объяснилъ какъ простой визитъ. Давъ слово Версилову, что письмо это, кромѣ меня, никому не будетъ извѣстно, я почелъ уже себя не въ правѣ объявлять о немъ кому бы то ни было. Мнѣ особенно почему-то противно стало сообщать о иныхъ дѣлахъ Васину. О иныхъ, но не о другихъ: мнѣ все-таки удалось заинтересовать его разсказами о давешнихъ сценахъ въ коридорѣ и у сосѣдокъ, кончившихся въ квартирѣ Версилова. Онъ выслушалъ чрезвычайно внимательно, особенно о Стебельковѣ. О томъ, какъ Стебельковъ разспрашивалъ про Дергачева, онъ заставилъ повторить два раза и даже задумался; впрочемъ, все-таки подъ конецъ усмѣхнулся. Мнѣ вдругъ въ это мгновеніе показалось, что Васина ничто и никогда не можетъ поставить въ затрудненіе; впрочемъ, первая мысль объ этомъ, я помню, представилась мнѣ въ весьма лестной для него формѣ.

— Вообще, я не могъ многаго извлечь изъ того, что говорилъ господинъ Стебельковъ, — заключилъ я о Стебельковѣ, — онъ какъ-то сбивчиво говоритъ... и какъ будто въ немъ что-то такое легкомысленное...

Васинъ тотчасъ же сдѣлалъ серьезный видъ.

— Онъ, дѣйствительно, даромъ слова не владѣетъ, но только съ перваго взгляда ему удавалось дѣлать чрезвычайно мѣткія замѣчанія и вообще — это болѣе люди дѣла, аферы, чѣмъ обобщающей мысли, ихъ надо съ этой точки судить . . .

Точь-въ-точь, какъ я угадалъ давеча.

— Однакожъ, онъ ужасно набунтовалъ у вашихъ сосѣдокъ и Богъ знаетъ чѣмъ бы могло кончиться.

О сосѣдкахъ Васинъ сообщилъ, что живутъ онѣ здѣсь недѣли съ три, и откуда-то пріѣхали изъ провинціи; что комнатка у нихъ чрезвычайно маленькая, и по всему видно, что онѣ очень бѣдны, что онѣ сидятъ и чего-то ждутъ. Онъ не зналъ, что молодая публиковалась въ газетахъ, какъ учительница, но слышалъ, что къ нимъ приходилъ Версиловъ; это было въ его отсутствіе, а ему передала хозяйка. Сосѣдки, напротивъ, всѣхъ чуждаются и даже самой хозяйки. Въ послѣдніе самые дни онъ сталъ замѣчать, что у нихъ, дѣйствительно, что-то неладно, но такихъ сценъ, какъ сегодня, не было. Всѣ эти наши толки о сосѣдкахъ я припоминаю въ виду послѣдствій; у самихъ же сосѣдокъ за дверью въ это время царствовала мертвая тишина. Съ особеннымъ интересомъ выслушалъ Васинъ, что Стебельковъ предполагалъ необходимымъ поговорить насчетъ сосѣдокъ съ хозяйкой, и что повторилъ два раза: «Вотъ увидите, вотъ увидите!» И увидите, — прибавилъ Васинъ, — что ему пришло это въ голову недаромъ; у него, на этотъ счетъ, презоркій взглядъ.

— Что жъ, по-вашему, посовѣтовать хозяйкѣ ихъ выгнать?

— Нѣтъ, я не про то, чтобъ выгнать, а чтобы

не вышло какой исторіи... Впрочемъ, всѣ этакія исторіи, такъ или этакъ, но кончаются... Оставимъ это.

Насчетъ же посѣщенія сосѣдокъ Версиловымъ онъ рѣшительно отказался дать заключеніе.

— Все можетъ быть; человѣкъ почувствовалъ въ карманѣ у себя деньги... Впрочемъ, вѣроятно и то, что онъ просто подалъ милостыню; это — въ его преданіяхъ, а, можетъ быть, и въ наклонностяхъ.

Я разсказалъ, что Стебельковъ болталъ давеча про «грудного ребенка».

— Стебельковъ, въ этомъ случаѣ, совершенно ошибается, — съ особенною серьезностью и съ особеннымъ удареніемъ произнесъ Васинъ (и это я слишкомъ запомнилъ). — Стебельковъ, — продолжалъ онъ, — слишкомъ ввѣряется иногда своему практическому здравомыслію, а потому и спѣшитъ сдѣлать выводъ сообразно съ своей логикой, нерѣдко весьма проницательной; между тѣмъ, происшествіе можетъ имѣть на дѣлѣ гораздо болѣе фантастическій и неожиданный колоритъ, взявъ во вниманіе дѣйствующихъ лицъ. Такъ случилось и тутъ; зная дѣло отчасти, онъ заключилъ, что ребенокъ принадлежитъ Версилову; и, однако, ребенокъ не отъ Версилова.

Я присталъ къ нему и вотъ что узналъ къ большому моему удивленію: ребенокъ былъ отъ князя Сергѣя Сокольскаго. Лидія Ахмакова, вслѣдствіе ли болѣзни, или просто по фантастичности характера, дѣйствовала иногда какъ помѣшанная. Она увлеклась княземъ еще до Версилова, а князь «не затруднился принять ея любовь», выразился Васинъ. Связь продолжалась мгновеніе: они, какъ уже

извѣстно, поссорились, и Лидія прогнала отъ себя князя, «чему, кажется, тотъ былъ радъ». Это была очень странная дѣвушка, — прибавилъ Васинъ, — очень даже можетъ быть, что она не всегда была въ совершенномъ разсудкѣ. Но, уѣзжая въ Парижъ, князь совсѣмъ не зналъ, въ какомъ положеніи оставилъ свою жертву, не зналъ до самаго конца, до своего возвращенія. Версиловъ, сдѣлавшись другомъ молодой особы, предложилъ бракъ съ собой, именно въ виду обозначившагося обстоятельства (котораго, кажется, и родители не подозрѣвали почти до конца). Влюбленная дѣвушка была въ восторгѣ и въ предложеніи Версилова «видѣла не одно только его самопожертвованіе», которое тоже, впрочемъ, цѣнила. Впрочемъ, ужъ, конечно, онъ сумѣлъ это сдѣлать, — прибавилъ Васинъ. — Ребенокъ (дѣвочка) родился за мѣсяцъ или за шесть недѣль раньше сроку, былъ помѣщенъ гдѣ-то въ Германіи же, но потомъ Версиловымъ взятъ обратно и теперь гдѣ-то въ Россіи, можетъ быть, въ Петербургѣ.

— А фосфорныя спички?

— Про это я ничего не знаю, — заключилъ Васинъ. — Лидія Ахмакова умерла недѣли двѣ спустя послѣ своего разрѣшенія: что тутъ случилось — не знаю. Князь, только лишь возвратясь изъ Парижа, узналъ, что былъ ребенокъ, и, кажется, сначала не повѣрилъ, что отъ него... Вообще, эту исторію со всѣхъ сторонъ держатъ въ секретѣ даже до сихъ поръ.

— Но каковъ же этотъ князь! — вскричалъ я въ негодованіи. — Каковъ поступокъ съ больной дѣвушкой!

— Она не была еще тогда такъ больна...

При томъ она сама прогнала его... Правда, онъ, можетъ быть, излишне поспѣшилъ воспользоваться своей отставкой.

— Вы оправдываете такого подлеца?

— Нѣтъ, я только не называю его подлецомъ. Тутъ много другого, кромѣ прямой подлости. Вообще, это дѣло довольно обыкновенное.

— Скажите, Васинъ, вы знали его коротко? Мнѣ особенно хотѣлось бы довѣриться вашему мнѣнію, въ виду одного очень касающагося меня обстоятельства.

Но тутъ Васинъ отвѣчалъ какъ-то слишкомъ ужъ сдержанно. Князя онъ зналъ, но при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ познакомился—съ видимымъ намѣреніемъ умолчалъ. Далѣе сообщилъ, что по характеру своему онъ достоинъ нѣкотораго снисхожденія. «Онъ полонъ честныхъ наклонностей и впечатлителенъ, но не обладаетъ ни разсудкомъ, ни силою воли, чтобы достаточно управлять своими желаніями». Это — человѣкъ необразованный, множество идей и явленій ему не по силамъ, а, между тѣмъ, онъ на нихъ бросается. Онъ, напримѣръ, будетъ вамъ навязчиво утверждать въ такомъ родѣ: «Я князь и происхожу отъ Рюрика; но почему мнѣ не быть сапожнымъ подмастерьемъ, если надо зарабатывать хлѣбъ, а къ другому занятію я неспособенъ? На вывѣскѣ будетъ: «сапожникъ князь такой-то» — даже благородно». Скажетъ и сдѣлаетъ — вотъ главное, — прибавилъ Васинъ, — а между тѣмъ тутъ совсѣмъ не сила убѣжденія, а лишь одна самая легкомысленная впечатлительность. Зато потомъ несомнѣнно придетъ и раскаяніе, и тогда онъ всегда готовъ на какую-нибудь совершенно обратную крайность; въ томъ и

вся жизнь. Въ нашъ вѣкъ много людей попались впросакъ такимъ образомъ, — заключилъ Васинъ, — именно тѣмъ, что родились въ наше время.

Я невольно задумался.

— Правда ли, что онъ прежде изъ полка былъ выгнанъ? — справился я.

— Я не знаю, выгнанъ ли, но онъ оставилъ полкъ, въ самомъ дѣлѣ, по непріятностямъ. Вамъ извѣстно, что онъ прошлаго года осенью, именно будучи въ отставкѣ, мѣсяца два или три прожилъ въ Лугѣ?

— Я . . . я знаю, что вы тогда жили въ Лугѣ.

— Да, нѣкоторое время и я. Князь тоже былъ знакомъ и съ Лизаветой Макаровной.

— Да? Не зналъ я. Признаюсь, я такъ мало разговаривалъ съ сестрой . . . Но неужели онъ былъ принятъ въ домѣ у моей матери? — вскричалъ я.

— О, нѣтъ: онъ былъ слишкомъ отдаленно знакомъ, черезъ третій домъ.

— Да, бишь, что мнѣ говорила сестра про этого ребенка? Развѣ и ребенокъ былъ въ Лугѣ?

— Нѣкоторое время.

— А гдѣ теперь?

— Непремѣнно въ Петербургѣ.

— Никогда въ жизни не повѣрю, — вскричалъ я въ чрезвычайномъ волненіи, — чтобы мать моя хоть чѣмъ-нибудь участвовала въ этой исторіи, съ этой Лидіей!

— Въ этой исторіи, кромѣ всѣхъ этихъ интригъ, которыхъ я не берусь разбирать, собственно роль Версилова не имѣла въ себѣ ничего особенно предосудительнаго, — замѣтилъ Васинъ, снисходи-

тельно улыбаясь. Ему, кажется, становилось тяжело со мной говорить, но онъ только не показывалъ вида.

— Никогда, никогда не повѣрю, чтобы женщина, — вскричалъ я опять, — могла уступить своего мужа другой женщинѣ, этому я не повѣрю! .. Клянусь, что моя мать въ томъ не участвовала!

— Кажется, однако, не противорѣчила?

— Я бы изъ гордости одной на ея мѣстѣ не противорѣчилъ!

— Съ моей стороны, я совершенно отказываюсь судить въ этакомъ дѣлѣ, — заключилъ Васинъ.

Дѣйствительно, Васинъ, при всемъ своемъ умѣ, можетъ быть, ничего не смыслилъ въ женщинахъ, такъ что цѣлый циклъ идей и явленій оставался ему неизвѣстенъ. Я замолчалъ. Васинъ временно служилъ въ одномъ акціонерномъ обществѣ, и я зналъ, что онъ бралъ себѣ занятія на домъ. На мой настойчивый вопросъ онъ сознался, что у него есть и теперь занятіе — счеты, и я съ жаромъ попросилъ его со мной не церемониться. Это, кажется, доставило ему удовольствіе; но, прежде чѣмъ сѣсть за бумаги, онъ принялся устраивать мнѣ на диванѣ постель. Первоначально уступилъ мнѣ кровать, но когда я не согласился, то, кажется, тоже остался доволенъ. У хозяйки достали подушку и одѣяло; Васинъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ, но мнѣ какъ-то тяжело было глядѣть, что такъ изъ-за меня хлопочетъ. Мнѣ больше понравилось, когда я разъ, недѣли три тому, заночевалъ нечаянно на Петербургской у Ефима. Помню, какъ онъ стряпалъ мнѣ тогда постель, тоже на диванѣ и потихоньку отъ тетки, предполагая почему-то, что та

разсердится, узнавъ, что къ нему ходятъ ночевать товарищи. Мы очень смѣялись, вмѣсто простыни постлали рубашку, а вмѣсто подушки сложили пальто. Помню, какъ Звѣревъ, окончивъ работу, съ любовью щелкнулъ по дивану и проговорилъ мнѣ:

— Vous dormirez comme un petit roi.

И глупая веселость его, и французская фраза, которая шла къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло, сдѣлали то, что я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ выспался тогда у этого шута. Что̀ же до Васина, то я чрезвычайно былъ радъ, когда онъ усѣлся, наконецъ, ко мнѣ спиной за свою работу. Я развалился на диванѣ и, смотря ему въ спину, продумалъ долго и о многомъ.

III.

Да и было о чемъ. На душѣ моей было очень смутно, а цѣлаго не было; но нѣкоторыя ощущенія выдавались очень опредѣленно, хотя ни одно не увлекало меня за собою вполнѣ, вслѣдствіе ихъ обилія. Все какъ-то мелькало безъ связи и очереди, а самому мнѣ, помню, совсѣмъ не хотѣлось останавливаться на чемъ-нибудь, или заводить очередь. Даже идея о Крафтѣ непримѣтно отошла на второй планъ. Всего болѣе волновало меня мое собственное положеніе, что вотъ уже я «порвалъ», и чемоданъ мой со мной, и я не дома, и началъ совсѣмъ все новое. Точно до сихъ поръ всѣ мои намѣренія и приготовленія были въ шутку, а только «теперь вдругъ, и, главное, *внезапно,* все началось уже въ самомъ дѣлѣ». Эта идея бодрила меня и, какъ ни смутно было на душѣ моей отъ многаго, веселила меня. Но . . . но были и другія ощущенія; одному

изъ нихъ особенно хотѣлось выдѣлиться передъ прочими и овладѣть душой моей и, странно, это ощущеніе тоже бодрило меня, какъ будто вызывало на что-то ужасно веселое. А началось, однако, со страху: я боялся, уже давно, съ самаго давеча, что въ жару и врасплохъ слишкомъ проговорился Ахмаковой про документъ. «Да, я слишкомъ много сказалъ, думалъ я, и, пожалуй, онѣ о чемъ-нибудь догадаются . . . бѣда! Разумѣется, онѣ мнѣ не дадутъ покоя, если станутъ подозрѣвать, но . . . пусть! Пожалуй, и не найдутъ меня — спрячусь! А что, если и въ самомъ дѣлѣ начнутъ за мною бѣгать...» И вотъ мнѣ начало припоминаться до послѣдней черточки и съ нарастающимъ удовольствіемъ, какъ я стоялъ давеча передъ Катериной Николаевной и какъ ея дерзкіе, но удивленные ужасно глаза смотрѣли на меня въ упоръ. Я и выйдя оставилъ ее въ этомъ удивленіи, припомнилъ я; «глаза ея, однако, не совсѣмъ черные . . . рѣсницы лишь очень черны, оттого и глаза кажутся такъ темны . . .».

И вдругъ, помню, мнѣ стало ужасно омерзительно вспоминать . . . и досадно, и тошно, и на нихъ, и на себя. Я въ чемъ-то упрекалъ себя и старался думать о другомъ. «Почему у меня нѣтъ ни малѣйшаго негодованія на Версилова за исторію съ сосѣдкой?» пришло мнѣ вдругъ въ голову. Съ моей стороны, я твердо былъ убѣжденъ, что онъ сыгралъ тутъ любовную роль и приходилъ съ тѣмъ, чтобъ повеселиться, но собственно это не возмущало меня. Мнѣ даже казалось, что иначе его и представить нельзя, и хоть я и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, что его осрамили, но не винилъ его. Мнѣ не то было важно; мнѣ важно было то, что онъ

такъ озлобленно посмотрѣлъ на меня, когда я вошелъ съ сосѣдкой, такъ посмотрѣлъ, какъ никогда. «Наконецъ-то и онъ посмотрѣлъ на меня серьезно!— подумалъ я съ замираніемъ сердца. О, если бъ я не любилъ его, я бы не обрадовался такъ его ненависти!»

Наконецъ, я задремалъ и совсѣмъ заснулъ. Помню лишь сквозь сонъ, какъ Васинъ, кончивъ занятіе, аккуратно убрался и, пристально посмотрѣвъ на мой диванъ, раздѣлся и потушилъ свѣчу. Былъ первый часъ пополуночи.

IV.

Почти ровно черезъ два часа я вскочилъ спросонья какъ полоумный и сѣлъ на моемъ диванѣ. Изъза двери къ сосѣдкамъ раздавались страшные крики, плачъ и вой. Наша дверь была отворена настежь, а въ коридорѣ, уже освѣщенномъ, кричали и бѣгали люди. Я крикнулъ было Васина, но догадался, что его уже нѣтъ на постели. Не зная, гдѣ найти спички, я нашарилъ мое платье и сталъ, торопясь, въ темнотѣ одѣваться. Къ сосѣдкамъ, очевидно, сбѣжались и хозяйка, а, можетъ быть, и жильцы. Вопилъ, впрочемъ, одинъ голосъ, именно пожилой сосѣдки, а вчерашній молодой голосъ, который я слишкомъ хорошо запомнилъ — совсѣмъ молчалъ; помню, что мнѣ это, съ первой мысли, пришло тогда въ голову. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ поспѣшно вошелъ Васинъ; мигомъ, знакомой рукой, отыскалъ спички и освѣтилъ комнату. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ, и тотчасъ принялся одѣваться.

— Что случилось? — крикнулъ я ему.

— Пренепріятное и прехлопотливое дѣло! — отвѣтилъ онъ почти злобно, — эта молодая сосѣдка, про которую вы разсказывали, у себя въ комнатѣ повѣсилась.

Я такъ и закричалъ. Передать не могу, до какой степени заныла душа моя! Мы выбѣжали въ коридоръ. Признаюсь, я не осмѣлился войти къ сосѣдкамъ и уже потомъ только увидѣлъ несчастную, уже когда ее сняли, да и тутъ, правда, съ нѣкотораго разстоянія, накрытую простыней, изъ-за которой выставлялись двѣ узенькія подошвы ея башмаковъ. Такъ и не заглянулъ почему-то въ лицо. Мать была въ страшномъ положеніи: съ нею была наша хозяйка, довольно мало, впрочемъ, испуганная. Всѣ жильцы квартиры толпились тутъ же. Ихъ было немного: всего одинъ пожилой морякъ, всегда очень ворчливый и требовательный, и который, однако, теперь совсѣмъ притихъ, и какіе-то пріѣзжіе изъ Тверской губерніи, старикъ и старуха, мужъ и жена, довольно почтенные и чиновные люди. Не стану описывать всей этой остальной ночи, хлопотъ, а потомъ и оффиціальныхъ визитовъ; вплоть до разсвѣта я буквально дрожалъ мелкою дрожью и считалъ обязанностью не ложиться, хотя, впрочемъ, ничего не дѣлалъ. Да и всѣ имѣли чрезвычайно бодрый видъ, даже какой-то особенно ободренный. Васинъ даже ѣздилъ куда-то. Хозяйка оказалась довольно почтенною женщиной, гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ ее. Я убѣдилъ ее (и вмѣняю себѣ это въ честь), что мать оставить нельзя такъ, одну съ трупомъ дочери, и что хоть до завтра пусть бы она ее перевела въ свою комнату. Та тотчасъ согласилась и, какъ ни билась и ни плакала мать, отказываясь

оставить трупъ, однако все-таки, наконецъ, перешла къ хозяйкѣ, которая тотчасъ же велѣла поставить самоварчикъ. Послѣ этого и жильцы разошлись по своимъ комнатамъ и затворились, но я все-таки ни за что не легъ и долго просидѣлъ у хозяйки, которая даже рада была лишнему человѣку, да еще съ своей стороны могущему кое что сообщить по дѣлу. Самоваръ очень пригодился, и вообще самоваръ есть самая необходимая русская вещь, именно во всѣхъ катастрофахъ и несчастіяхъ, особенно ужасныхъ, внезапныхъ и эксцентрическихъ; даже мать выкушала двѣ чашечки, конечно, послѣ чрезвычайныхъ просьбъ и почти насилія. А между тѣмъ, искренно говорю, никогда я не видѣлъ болѣе жестокаго и прямого горя, какъ смотря на эту несчастную. Послѣ первыхъ взрывовъ рыданій и истерики, она даже съ охотой начала говорить, и разсказъ ея выслушалъ жадно. Есть несчастныя, особенно изъ женщинъ, которымъ даже необходимо дать какъ можно больше говорить въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, есть характеры, такъ сказать, слишкомъ ужъ обшарканные горемъ, долго всю жизнь терпѣвшіе, претерпѣвшіе чрезвычайно много и большого горя, и постояннаго по мелочамъ, и которыхъ ничѣмъ уже не удивишь, никакими внезапными катастрофами, и, главное, которые даже передъ гробомъ любимѣйшаго существа не забудутъ ни единаго изъ столь дорого доставшихся правилъ искательнаго обхожденія съ людьми. И я не осуждаю: тутъ не пошлость эгоизма и не грубость развитія; въ этихъ сердцахъ, можетъ быть, найдется даже больше золота, чѣмъ у благороднѣйшихъ на видъ героинь, но привычка долгаго приниженія, инстинктъ самосохраненія, долгая за-

пуганность и придавленность берутъ, наконецъ, свое. Бѣдная самоубійца не походила въ этомъ на маменьку. Лицомъ, впрочемъ, обѣ были, кажется, одна на другую похожи, хотя покойница положительно была недурна собой. Мать же была еще не очень старая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ всего, такая же бѣлокурая, но съ ввалившимися глазами и щеками и съ желтыми, большими и неровными зубами. Да и все въ ней отзывалось какой-то желтизной, кожа на лицѣ и рукахъ походила на пергаментъ; темненькое платье ея отъ ветхости тоже совсѣмъ пожелтѣло, а одинъ ноготь, на указательномъ пальцѣ правой руки, не знаю почему, былъ залѣпленъ желтымъ воскомъ тщательно и аккуратно.

Разсказъ бѣдной женщины былъ въ иныхъ мѣстахъ и безсвязенъ. Разскажу, какъ самъ понялъ и что̀ самъ запомнилъ.

V.

Онѣ пріѣхали изъ Москвы. Она уже давно вдовѣетъ, «однакоже надворная совѣтница», мужъ служилъ, ничего почти не оставилъ, «кромѣ двухсотъ рублей, однако, пенсіону. Ну, что̀ двѣсти рублей? Взростила, однакоже, Олю и обучила въ гимназіи»... И вѣдь какъ училась-то, какъ училась; серебряную медаль при выпускѣ получила...» (Тутъ, разумѣется, долгія слезы.) Былъ у покойника мужа потерянъ на одномъ здѣшнемъ петербургскомъ купцѣ капиталъ, почти въ четыре тысячи. Вдругъ этотъ купецъ опять разбогатѣлъ, «у меня документы, стала совѣтоваться, говорятъ: ищите, непремѣнно все получите...». Я и начала, купецъ сталъ соглашаться; поѣзжайте, говорятъ мнѣ, сами. Собрались мы съ Олей, пріѣхали тому

назадъ уже мѣсяцъ. Средства у насъ какія; взяли мы эту комнатку, потому что самая маленькая изъ всѣхъ, да и въ честномъ, сами видимъ, домѣ, а это намъ пуще всего: женщины мы неопытныя, всякій-то насъ обидитъ. Ну, вамъ внесли за одинъ мѣсяцъ, туда-сюда, Петербургъ-отъ кусается, отказывается совсѣмъ нашъ купецъ. «Знать васъ не знаю, вѣдать не вѣдаю», а документъ у меня неисправенъ, сама это понимаю. Вотъ и совѣтуютъ мнѣ: заходите къ знаменитому адвокату; онъ профессоромъ былъ, не просто адвокатъ, а юристъ, такъ чтобъ ужъ онъ навѣрно сказалъ, что̀ дѣлать. Понесла я къ нему послѣдніе пятнадцать рублей; вышелъ адвокатъ и трехъ минутъ меня не слушалъ: «вижу, говоритъ, знаю, говоритъ, захочетъ, говоритъ, отдастъ купецъ, не захочетъ — не отдастъ, а дѣло начнете — сами приплатиться можете; всего лучше помиритесь». Еще изъ Евангелія тутъ же пошутилъ: «миритесь, говоритъ, пока на пути, донделе не заплатите послѣдній кадрантъ», провожаетъ меня, смѣется. Пропали мои пятнадцать рублей! Прихожу къ Олѣ, сидимъ другъ противъ дружки, заплакала я. Она не плачетъ; гордая такая сидитъ, негодуетъ. И все-то она у меня такая была, во всю жизнь, даже маленькая, никогда-то не охала, никогда-то не плакала, а сидитъ, грозно смотритъ, даже мнѣ жутко смотрѣть на нее. И вѣрите ли тому: боялась я ее, совсѣмъ-таки боялась, давно боялась, и хочу иной разъ заныть, да не смѣю при ней. Сходила я къ купцу въ послѣдній разъ, расплакалась у него въ волю: «хорошо, говоритъ», не слушаетъ даже. Межъ тѣмъ, признаться вамъ должна, такъ какъ мы на долгое-то время не разсчитывали, то давно уже безъ денегъ сидимъ. Ста-

ла я изъ платьишка помаленьку таскать: что заложимъ, тѣмъ и живемъ. Все-то съ себя заложили; стала она мнѣ свое послѣднее бѣльишко отдавать, и заплакала я тутъ горькой слезой. Топнула она ногой, вскочила, побѣжала сама къ купцу. Вдовецъ онъ; поговорилъ съ ней: «приходите, говоритъ, послѣзавтра въ пять часовъ, можетъ что и скажу». Пришла она, повеселѣла: «вотъ, говоритъ, можетъ что̀ и скажетъ». Ну, рада и я, а только такъ-то на сердцѣ у меня захолохнуло: что-то, думаю, будетъ; а разспрашивать ее не смѣю. Послѣзавтра возвращается она отъ купца блѣдная, дрожитъ вся, бросилась на кровать — поняла я все и спрашивать не смѣю. Что жъ бы вы думали: вынесъ онъ ей, разбойникъ, пятнадцать рублей, «а коли, говоритъ, полную честность встрѣчу, то сорокъ рублевъ и еще донесу». Такъ и сказалъ ей въ глаза, не постыдился. Кинулась она тутъ, разсказывала мнѣ, на него, да отпихнулъ онъ ее и въ другой комнатѣ даже на замокъ отъ нея затворился. А между тѣмъ, у насъ, признаюсь вамъ по истинной совѣсти, почти кушать нечего. Снесли мы куцавейку, на заячьемъ мѣху была, продали, пошла она въ газету и вотъ тутъ-то публиковалась: приготовляетъ, дескать, изо всѣхъ наукъ и изъ ариѳметики «хоть по тридцати копеекъ, говоритъ, будутъ платить». И стала я на нее, матушка, подъ самый конецъ даже ужасаться: ничего-то она не говоритъ со мной, сидитъ по цѣлымъ часамъ у окна, смотритъ на крышу дома напротивъ, да вдругъ крикнетъ: «хоть бы бѣлье стирать, хоть бы землю копать!» только одно слово какое-нибудь этакое и крикнетъ, топнетъ ногою. И никого-то у насъ здѣсь знакомыхъ такихъ, пойти совсѣмъ не къ ко-

му: «что съ нами будетъ, думаю?». А съ ней все боюсь говорить. Спитъ это она, однажды днемъ, проснулась, открыла глаза, смотритъ на меня; я сижу на сундукѣ, тоже смотрю на нее; встала она молча, подошла ко мнѣ, обняла меня крѣпко-крѣпко и вотъ тутъ мы обѣ не утерпѣли и заплакали, сидимъ и плачемъ, и другъ дружку изъ рукъ не выпускаемъ. Въ первый разъ такъ съ нею было во всю ея жизнь. Только этакъ мы другъ съ дружкой сидимъ, а ваша Настасья входитъ и говоритъ: какая-то васъ тамъ барыня спрашиваетъ, освѣдомляется. Всего это четыре дня тому назадъ было. Входитъ барыня: видимъ, одѣта ужъ очень хорошо, говоритъ-то хоть и по-руски, но нѣмецкаго, какъ будто, выговору: «вы, говоритъ, публиковались въ газетѣ, что уроки даете?». Такъ мы ей обрадовались тогда, посадили ее, смѣется такъ она ласково: «не ко мнѣ, говоритъ, а у племянницы моей дѣти маленькія; коли угодно, пожалуйте къ намъ, тамъ и сговоримся». Адресъ дала, у Вознесенскаго моста, № такой-то и квартира № такой-то. Ушла. Отправилась Олечка, въ тотъ же день побѣжала, что жъ — возвратилась черезъ два часа, и истерика съ ней, бьется. Разсказала потомъ: «спрашиваю, говоритъ, у дворника: гдѣ квартира № такой-то? Дворникъ, говоритъ, и поглядѣлъ на меня: «а вамъ чего, говоритъ, въ той квартирѣ надоть?» Такъ странно это сказалъ, такъ, что ужъ тутъ можно бъ было спохватиться. А она у меня такая властная была, нетерпѣливая, разспросовъ этихъ и грубостей не переносила; «ступайте», говоритъ, ткнулъ ей пальцемъ на лѣстницу, а самъ повернулся, въ свою каморку ушелъ. Что жъ бы вы думали? Входитъ это она, спрашиваетъ, и набѣжали

тотчасъ со всѣхъ сторонъ женщины: «пожалуйте, пожалуйте!» — все женщины, смѣются, бросились, нарумяненныя, скверныя, на фортепьянахъ играютъ, тащутъ ее; «я было, говоритъ, отъ нихъ вонъ, да ужъ не пускаютъ». Оробѣла тутъ она, ноги подкосились, не пускаютъ да и только, ласково говорятъ, уговариваютъ, портеру раскупорили, подаютъ, подчуютъ. Вскочила это она, кричитъ благимъ матомъ, дрожитъ: «пустите, пустите!» Бросилась къ дверямъ, двери держутъ, она вопитъ; тутъ подскочила давешняя, что приходила къ намъ, ударила мою Олю два раза въ щеку и вытолкнула въ дверь: «не стоишь ты, шкура, въ благородномъ домѣ быть!» А другая кричитъ ей на лѣстницу: «ты сама къ намъ приходила проситься, благо, ѣсть нечего, а мы на такую харю и глядѣть-то не стали!» Всю ночь эту она въ лихорадкѣ пролежала, бредила, а на утро глаза сверкаютъ у ней, встанетъ, ходитъ: «въ судъ, говоритъ на нее, въ судъ»! .·. Я молчу: ну, что̀, думаю, тутъ въ судѣ возьмешь, чѣмъ докажешь? Ходитъ она, руки ломаетъ, слезы у ней текутъ, а губы сжала, недвижимы. И потемнѣлъ у ней весь ликъ съ той самой минуты и до самаго конца. На третій день легче ей стало, молчитъ, какъ будто успокоилась. Вотъ тутъ-то въ четыре часа пополудни и пожаловалъ къ намъ г. Версиловъ.

— И вотъ прямо скажу: понять не могу до сихъ поръ, какимъ это образомъ тогда Оля, такая недовѣрчивая, съ перваго почти слова начала его слушать? Пуще всего обѣихъ насъ привлекло тогда, что былъ у него такой серьезный видъ, строгій даже, говоритъ тихо, обстоятельно и все такъ вѣжливо, — куды вѣжливо, почтительно даже, а межъ тѣмъ никакого такого исканія въ немъ не видно:

прямо видно, что пришелъ человѣкъ отъ чистаго сердца. «Я, говоритъ, ваше объявленіе въ газетѣ прочелъ, вы, говоритъ, не такъ, сударыня, его написали, такъ что даже повредить себѣ тѣмъ самымъ можете». И сталъ онъ объяснять, признаться, не поняла я, про ариѳметику тутъ что-то, только Оля, смотрю, покраснѣла и вся словно оживилась, слушаетъ, въ разговоръ вступила такъ охотно (да и умный же человѣкъ должно быть!); слышу, даже, благодаритъ его. Разспросилъ ее про все такъ обстоятельно, и видно, что въ Москвѣ подолгу живалъ, и директрису гимназіи, оказалось, лично знаетъ. «Уроки я вамъ, говоритъ, найду непремѣнно, потому что я со многими здѣсь знакомъ, и многихъ вліятельныхъ даже лицъ просить могу, такъ что если даже пожелаете постояннаго мѣста, то и то можно имѣть въ виду... а покамѣстъ простите, говоритъ, меня за одинъ прямой къ вамъ вопросъ: не могу ли я сейчасъ быть вамъ чѣмъ полезнымъ? Не я вамъ, говоритъ, а вы мнѣ, напротивъ, тѣмъ самымъ сдѣлаете удовольствіе, коли допустите пользу оказать вамъ какую ни есть. Пусть это будетъ, говоритъ, за вами долгъ, и какъ только получите мѣсто, то въ самое короткое время можете со мной поквитаться. Я же, вѣрьте чести моей, если бъ самъ когда потомъ впалъ въ такую же нужду, а вы, напротивъ, были бы всѣмъ обезпечены, — то прямо бы къ вамъ пришелъ за малою помощью, жену бы и дочь мою прислалъ»... То есть не припомню я вамъ всѣхъ его словъ, только я тутъ прослезилась, потому вижу и у Оли вздрогнули отъ благодарности губки: «Если и принимаю, отвѣчаетъ она ему, то потому, что довѣряюсь честному и гуманному человѣку, который бы могъ быть

моимъ отцомъ» ... Прекрасно она тутъ такъ сказала ему, коротко и благородно: «гуманному, говоритъ, человѣку». Онъ тотчасъ всталъ: «непремѣнно, непремѣнно, говоритъ, доставлю вамъ уроки и мѣсто; съ сего же дня займусь, потому что вы къ тому совсѣмъ достаточный имѣете аттестатъ» ... А я и забыла сказать, что онъ съ самаго начала, какъ вошелъ, всѣ ея документы изъ гимназіи осмотрѣлъ, показала она ему, и самъ ее въ разныхъ предметахъ экзаменовалъ ... «Вѣдь онъ меня, маменька, говоритъ мнѣ потомъ Оля, изъ предметовъ экзаменовалъ, и какой онъ, говоритъ, умный, въ кои-то вѣки съ такимъ развитымъ и образованнымъ человѣкомъ поговоришь» ... И вся-то она такъ и сіяетъ. Деньги шестьдесятъ рублей на столѣ лежатъ: «уберите, говоритъ, маменька: мѣсто получимъ, первымъ долгомъ какъ можно скорѣй отдадимъ, докажемъ, что мы честныя, а что мы деликатныя, то онъ уже видѣлъ это». Потомъ помолчала, вижу такъ она глубоко дышитъ: «Знаете, говоритъ вдругъ мнѣ, маменька, кабы мы были грубыя, то мы бы отъ него, можетъ, по гордости нашей, и не приняли, а что вы теперь приняли, то тѣмъ самымъ только деликатность нашу доказали ему, что во всемъ ему довѣряемъ, какъ почтенному сѣдому человѣку, не правда ли?» Я сначала не такъ поняла, да говорю: «почему, Оля, отъ благороднаго и богатаго человѣка благодѣянія не принять, коли онъ сверхъ того доброй души человѣкъ?» Нахмурилась она на меня: «нѣтъ, говоритъ, маменька, это не то, не благодѣяніе нужно, а «гуманность» его, говоритъ, дорога. А деньги такъ даже лучше бы было намъ и совсѣмъ не брать, маменька: коли ужъ онъ мѣсто обѣщался достать,

то и того достаточно . . . хоть мы и нуждаемся». «Ну, говорю, Оля, нужды-то наши таковы, что отказаться никакъ нельзя», усмѣхнулась даже я. Ну, рада я про себя, только она мнѣ черезъ часъ и ввернула: «вы, говоритъ, маменька, деньги-то подождите тратить», рѣшительно такъ сказала. — Что̀ же, говорю? — Такъ, говоритъ, — оборвала и замолчала. На весь вечеръ примолкла; только ночью, во второмъ часу, просыпаюсь я, слышу Оля ворочается на кровати: «не спите, вы, маменька?»— Нѣтъ, говорю, не сплю. — «Знаете, говоритъ, вѣдь онъ меня оскорбить хотѣлъ?» — Что̀ ты, что̀ ты, говорю? — «Непремѣнно, говоритъ, такъ: это подлый человѣкъ, не смѣйте, говоритъ, ни одной копейки его денегъ тратить». Я было стала ей говорить, всплакнула даже тутъ же на постели, — отвернулась она къ стѣнѣ: «молчите, говоритъ, дайте мнѣ спать!». На утро смотрю на нее, ходитъ, на себя непохожа; и вотъ, вѣрьте не вѣрьте мнѣ, передъ судомъ Божіимъ скажу: не въ своемъ умѣ она тогда была! Съ самаго того разу, какъ ее въ этомъ подломъ домѣ оскорбили, помутилось у ней сердце . . . и умъ. Смотрю я на нее въ то утро и сумнѣваюсь на нее; страшно мнѣ; не буду, думаю, противорѣчить ей ни въ одномъ словѣ. «Онъ, говоритъ, маменька, адреса-то своего такъ и не оставилъ». — «Грѣхъ тебѣ говорю, Оля: сама его вчера слышала, сама потомъ хвалила, сама благодарными слезами заплакать готова была». Только я это сказала — взвизгнула она, топнула: «Подлыхъ, говоритъ, вы чувствъ женщина, стараго вы, говоритъ, воспитанія на крѣпостномъ правѣ!» . . . и что̀ тутъ ни говорила, схватила шляпку, выбѣжала, я кричу ей вслѣдъ: что̀ съ ней, думаю,

куда побѣжала? А она бѣгала въ адресный столъ, узнала, гдѣ г. Версиловъ живетъ, пришла: «сегодня же, говоритъ, сейчасъ отнесу ему деньги и въ лицо шваркну; онъ меня, говоритъ, оскорбить хотѣлъ, какъ Сафроновъ (это купецъ-то нашъ); только Сафроновъ оскорбилъ, какъ грубый мужикъ, а этотъ, какъ хитрый іезуитъ». А тутъ вдругъ на бѣду и постучался этотъ вчерашній господинъ: «Слышу, говорятъ про Версилова, могу сообщить». Какъ услыхала она про Версилова, такъ на него и накинулась, въ изступленіи вся, говоритъ — говоритъ, смотрю я на нее и дивлюсь: ни съ кѣмъ она, молчаливая такая, такъ не говоритъ, а тутъ еще съ незнакомымъ совсѣмъ человѣкомъ? Щеки у ней разгорѣлись, глаза сверкаютъ... А онъ-то какъ разъ: «совершенная, говоритъ, ваша правда, сударыня. Версиловъ, говоритъ, это точь-въ-точь какъ генералы здѣшніе, которыхъ въ газетахъ описываютъ; разодѣнется генералъ во всѣ ордена и пойдетъ по всѣмъ гувернанткамъ, что въ газетахъ публикуются, и ходитъ и что̀ надо находитъ; а коли не найдетъ чего надо, посидитъ, поговоритъ, наобѣщаетъ съ три короба и уйдетъ, — все-таки развлеченіе себѣ доставилъ». Расхохоталась даже Оля, только злобно такъ, а господинъ-то этотъ, смотрю, за руку ее беретъ, руку къ сердцу притягиваетъ: «Я, говоритъ, сударыня, и самъ при собственномъ капиталѣ состою, и всегда бы могъ прекрасной дѣвицѣ предложить, но лучше, говоритъ, я прежде у ней только миленькую ручку поцѣлую»... и тянетъ, вижу, цѣловать руку. Какъ вскочитъ она, но тутъ ужъ и я вмѣстѣ съ ней, прогнали мы его обѣ. Вотъ передъ вечеромъ выхватила у меня Оля деньги, побѣжала, приходитъ обрат-

но: «я, говоритъ, маменька, безчестному человѣку отмстила!» — «Ахъ, Оля, Оля, говорю, можетъ счастья своего мы лишились, благороднаго, благодѣтельнаго человѣка ты оскорбила!». Заплакала я съ досады на нее, не вытерпѣла. Кричитъ она на меня: «не хочу, кричитъ, не хочу! Будь онъ самый честный человѣкъ, и тогда его милостыни не хочу! Чтобъ и жалѣлъ кто-нибудь меня и того не хочу!». Легла я и въ мысли у меня ничего не было. Сколько я разъ на этотъ гвоздь у васъ въ стѣнѣ присматривалась, что отъ зеркала у васъ остался,— невдомекъ мнѣ, совсѣмъ невдомекъ, ни вчера, ни прежде и не думала я этого, не гадала вовсе и отъ Оли не ожидала совсѣмъ. Сплю-то я обыкновенно крѣпко, храплю, кровь это у меня къ головѣ приливаетъ, а иной разъ подступитъ къ сердцу, закричу во снѣ, такъ что Оля ужъ ночью разбудитъ меня: «что̀ это вы, говоритъ, маменька, какъ крѣпко спите, и разбудить васъ, когда надо, нельзя». — «Ой, говорю, Оля, крѣпко, ой, крѣпко». Вотъ какъ я, надо быть, захрапѣла это вчера, такъ тутъ она выждала, и ужъ не опасаясь и поднялась. Ремень-то этотъ отъ чемодана, длинный, все на виду торчалъ, весь мѣсяцъ, еще утромъ вчера думала: «прибрать его, наконецъ, чтобъ не валялся». А стулъ, должно быть, ногой потомъ отпихнула, а чтобы онъ не застучалъ, такъ юбку свою сбоку подложила. И, должно быть, я долго-долго спустя, цѣлый часъ али больше спустя, проснулась: «Оля! зову, Оля!»— Сразу померещилось мнѣ что-то, кличу ее. Али что не слышно мнѣ дыханія ее съ постели стало, или въ темнотѣ-то разглядѣла, пожалуй, что какъ будто кровать пуста, — только встала я вдругъ, хвать рукой: нѣтъ никого на кровати и подушка

холодная. Такъ и упало у меня сердце, стою на мѣстѣ, какъ безъ чувствъ, умъ помутился: «вышла, думаю она», — шагнула это я, анъ у кровати, смотрю, въ углу, у двери, какъ будто она сама и стоитъ. Я стою, молчу, гляжу на нее, а она, изъ темноты, точно тоже глядитъ на меня, не шелохнется... «Только зачѣмъ же, думаю, она на стулъ встала?» — «Оля, шепчу я, робѣю сама, Оля, слышишь ты?». Только вдругъ какъ будто во мнѣ все озарилось, шагнула я, кинула обѣ руки впередъ, прямо на нее, обхватила, а она у меня въ рукахъ качается, хватаю, а она качается, понимаю я все и не хочу понимать... Хочу крикнуть, а крику-то нѣтъ... Ахъ, думаю! Упала на полъ съ размаха, тутъ и закричала...

. . . .

— Васинъ, — сказалъ я на утро, часу уже въ шестомъ, — если бъ не вашъ Стебельковъ, не случилось бы, можетъ, этого.

— Кто знаетъ, навѣрно бы случилось. Тутъ нельзя такъ судить, тутъ и безъ того было готово... Правда, этотъ Стебельковъ иногда...

Онъ не договорилъ и очень поморщился. Часу въ седьмомъ онъ опять уѣхалъ; онъ все хлопоталъ. Я остался, наконецъ, одинъ одинехонекъ. Уже разсвѣло. Голова у меня слегка кружилась. Мнѣ мерещился Версиловъ: разсказъ этой дамы выдвигалъ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Чтобъ удобнѣе обдумать, я прилегъ на постель Васина, такъ какъ былъ одѣтый и въ сапогахъ, на минутку, со всѣмъ безъ намѣренія спать — и вдругъ заснулъ, даже не помню, какъ и случилось. Я проспалъ почти четыре часа; никто-то не разбудилъ меня.

Глава десятая.

I.

Я проснулся около половины одиннадцатаго и долго не вѣрилъ глазамъ своимъ: на диванѣ, на которомъ я вчера заснулъ, сидѣла моя мать, а рядомъ съ нею — несчастная сосѣдка, мать самоубійцы. Онѣ обѣ держали другъ дружку за руки, разговаривали шепотомъ, вѣроятно, чтобъ не разбудить меня, и обѣ плакали. Я всталъ съ постели и прямо кинулся цѣловать маму. Она такъ и засіяла, поцѣловала меня и перекрестила три раза правой рукой. Мы не успѣли сказать и слова: отворилась дверь, и вошли Версиловъ и Васинъ. Мама тотчасъ же встала и увела за собой сосѣдку. Васинъ подалъ мнѣ руку, а Версиловъ не сказалъ мнѣ ни слова и опустился въ кресло. Онъ и мама, повидимому, были здѣсь уже нѣкоторое время. Лицо его было нахмурено и озабочено.

— Всего больше жалѣю, — разстановочно началъ онъ Васину, очевидно, продолжая начатый разговоръ, — что не успѣлъ устроить все это вчера же вечеромъ, и — навѣрно не вышло бы тогда этого страшнаго дѣла! Да и время было: восьми часовъ еще не было. Только что убѣжала она вчера отъ насъ, я тотчасъ же положилъ было въ мы-

сляхъ идти за ней слѣдомъ сюда и переубѣдить ее, но это непредвидѣнное и неотложное дѣло, которое, впрочемъ, я весьма могъ бы отложить до сегодня . . . на недѣлю даже — это досадное дѣло всему помѣшало и все испортило. Сойдется же вѣдь этакъ!

— Можетъ быть, и не успѣли бы убѣдить; тутъ и безъ вашего слишкомъ, кажется, нагорѣло и накипѣло, — вскользь замѣтилъ Васинъ.

— Нѣтъ, успѣлъ бы, успѣлъ бы навѣрно. И вѣдь была мысль въ головѣ послать вмѣсто себя Софью Андреевну. Мелькнула, но только мелькнула. Софья Андреевна одна бы ее побѣдила, и несчастная осталась бы въ живыхъ. Нѣтъ, никогда больше не сунусь . . . съ «добрыми дѣлами» . . . И всего-то разъ въ жизни высунулся! А я-то думалъ, что все еще не отсталъ отъ поколѣнія и понимаю современную молодежь. Да, старье наше старится чуть не раньше, чѣмъ созрѣетъ. Кстати, вѣдь, дѣйствительно, ужасно много есть современныхъ людей, которые, по привычкѣ, все еще считаютъ себя молодымъ поколѣніемъ, потому что всего вчера еще такимъ были, а между тѣмъ и не замѣчаютъ, что уже на фербантѣ.

— Тутъ вышло недоразумѣніе, и недоразумѣніе слишкомъ ясное, — благоразумно замѣтилъ Васинъ. — Мать ея говоритъ, что послѣ жестокаго оскорбленія въ публичномъ домѣ она какъ бы потеряла разсудокъ. Прибавьте обстановку, первоначальное оскорбленіе отъ купца . . . все это могло случиться точно такъ же и въ прежнее время, и нисколько, по-моему, не характеризуетъ особенно собственно теперешнюю молодежь.

— Нетерпѣлива немного она, теперешняя молодежь, кромѣ, разумѣется, и малаго пониманія дѣй-

ствительности, которое хоть и свойственно всякой молодежи во всякое время, но нынѣшней какъ-то особенно... Скажите, а что тутъ напроворилъ г-нъ Стебельковъ?

— Г-нъ Стебельковъ, — ввязался я вдругъ, — причиной всему. Не было бы его, ничего бы не вышло; онъ подлилъ масла въ огонь.

Версиловъ выслушалъ, но не взглянулъ на меня. Васинъ нахмурился.

— Упрекаю себя тоже въ одномъ смѣшномъ обстоятельствѣ, — продолжалъ Версиловъ, не торопясь и попрежнему растягивая слова, — кажется, я, по скверному моему обычаю, позволилъ себѣ тогда съ нею нѣкотораго рода веселость, легкомысленный смѣшокъ этотъ — однимъ словомъ, былъ недостаточно рѣзокъ, сухъ и мраченъ, три качества, которыя, кажется, также въ чрезвычайной цѣнѣ у современнаго молодого поколѣнія... Однимъ словомъ, далъ ей поводъ принять меня за странствующаго селадона.

— Совершенно напротивъ, — рѣзко ввязался я опять, — мать особенно утверждаетъ, что вы произвели великолѣпное впечатлѣніе именно серьезностью, строгостью даже, искренностью, — ея собственныя слова. Покойница сама васъ, какъ вы ушли, хвалила въ этомъ смыслѣ.

— Д-да? — промямлилъ Версиловъ, мелькомъ взглянувъ, наконецъ, на меня.—Возьмите же эту бумажку, она вѣдь къ дѣлу необходима,—протянулъ онъ крошечный кусочекъ Васину. Тотъ взялъ и, видя, что я смотрю съ любопытствомъ, подалъ мнѣ прочесть. Это была записка, двѣ неровныя строчки, нацарапанныя карандашемъ, и, можетъ быть, въ темнотѣ:

«Маменька, милая, простите меня за то, что я прекратила мой жизненный дебютъ. Огорчавшая васъ Оля».

— Это нашли только утромъ, — объяснилъ Васинъ.

— Какая странная записка! — воскликнулъ я въ удивленіи.

— Чѣмъ странная? — спросилъ Васинъ.

— Развѣ можно въ такую минуту писать юмористическими выраженіями?

Васинъ поглядѣлъ вопросительно.

— Да и юморъ странный, — продолжалъ я, — гимназическій условный языкъ между товарищами... Ну, кто можетъ въ такую минуту и въ такой запискѣ къ несчастной матери, — а мать она вѣдь, оказывается, любила же, — написать: «прекратила мой жизненный дебютъ»!

— Почему же нельзя написать? — все еще не понималъ Васинъ.

— Тутъ равно никакого и нѣтъ юмора, — замѣтилъ, наконецъ, Версиловъ, — выраженіе, конечно, не подходящее, совсѣмъ не того тона и, дѣйствительно, могло зародиться въ гимназическомъ или тамъ какомъ-нибудь условно-товарищескомъ, какъ ты сказалъ, языкѣ, али изъ фельетоновъ какихъ-нибудь, но покойница употребила его въ этой ужасной запискѣ совершенно простодушно и серьезно.

— Этого быть не можетъ, она кончила курсъ и вышла съ серебряной медалью.

— Серебряная медаль тутъ ничего не значитъ. Нынче многіе такъ кончаютъ курсъ.

— Опять на молодежь, — улыбнулся Васинъ.

— Нисколько, — отвѣтилъ ему Версиловъ,

вставая съ мѣста и взявъ шляпу, — если нынѣшнее поколѣніе не столь литературно, то, безъ сомнѣнія, обладаетъ... другими достоинствами, — прибавилъ онъ съ необыкновенной серьезностью.— При томъ «многіе» — не «всѣ», и вотъ васъ, напримѣръ, я не обвиняю же въ плохомъ литературномъ развитіи, а вы тоже еще молодой человѣкъ.

— Да и Васинъ ничего не нашелъ дурного въ «дебютѣ»! — не утерпѣлъ я, чтобъ не замѣтить.

Версиловъ молча протянулъ руку Васину; тотъ тоже схватилъ фуражку, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ выйти, и крикнулъ мнѣ: до свиданья. Версиловъ вышелъ, меня не замѣтивъ. Мнѣ тоже нечего было время терять: во что̀ бы ни стало надо было бѣжать искать квартиру, — теперь нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь! Мамы не было у хозяйки, она ушла и увела съ собой и сосѣдку. Я вышелъ на улицу какъ-то особенно бодро... Какое-то новое и большое ощущеніе нарождалось въ душѣ. Къ тому же какъ нарочно и все способствовало: я необыкновенно скоро напалъ на случай и нашелъ квартиру, совсѣмъ подходящую; про квартиру эту потомъ, а теперь окончу о главномъ.

Былъ всего второй часъ въ началѣ, когда я вернулся опять къ Васину за моимъ чемоданомъ и какъ разъ опять засталъ его дома. Увидавъ меня, онъ съ веселымъ и искреннимъ видомъ воскликнулъ:

— Какъ я радъ, что вы застали меня, я сейчасъ было уходилъ! Я могу вамъ сообщить одинъ фактъ, который, кажется, очень васъ заинтересуетъ.

— Увѣренъ заранѣе! — вскричалъ я.

— Ба! Какой у васъ бодрый видъ. Скажите,

вы не знали ничего о нѣкоторомъ письмѣ, сохранявшемся у Крафта и доставшемся вчера Версилову, именно нѣчто по поводу выиграннаго имъ наслѣдства? Въ письмѣ этомъ завѣщатель разъясняетъ волю свою въ смыслѣ, обратномъ вчерашнему рѣшенію суда. Письмо еще давно писано. Однимъ словомъ, я не знаю, что̀ именно въ точности, но не знаете ли чего-нибудь вы?

— Какъ не знать. Крафтъ третьяго дня для того и повелъ меня къ себѣ... отъ тѣхъ господъ, чтобъ передать мнѣ это письмо, а я вчера передалъ Версилову.

— Да? Такъ я и подумалъ. Вообразите же, то дѣло, про которое давеча здѣсь говорилъ Версиловъ, — что̀ помѣшало ему вчера вечеромъ придти сюда убѣдить эту дѣвушку, — это дѣло вышло именно черезъ это письмо. Версиловъ прямо, вчера же вечеромъ, отправился къ адвокату князя Сокольскаго, передалъ ему это письмо и отказался отъ всего выиграннаго имъ наслѣдства. Въ настоящую минуту этотъ отказъ уже облеченъ въ законную форму. Версиловъ не даритъ, но признаетъ въ этомъ актѣ полное право князей.

Я остолбенѣлъ, но я былъ въ восхищеніи. По настоящему, я совершенно былъ убѣжденъ, что Версиловъ истребитъ письмо, мало того, хоть я говорилъ Крафту про то, что это было бы неблагородно, и хоть и самъ повторялъ это про себя въ трактирѣ, и что «я пріѣхалъ къ чистому человѣку, а не къ этому», — но еще болѣе про себя, то есть въ самомъ нутрѣ души я считалъ, что иначе и поступить нельзя, какъ похѣривъ документъ совершенно. То есть, я считалъ это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Если бы я потомъ и винилъ Верси-

лова, то винилъ бы только нарочно, для виду, то есть для сохраненія надъ нимъ возвышеннаго моего положенія. Но, услыхавъ теперь о подвигѣ Версилова, я пришелъ въ восторгъ искренній, полный, съ раскаяніемъ и стыдомъ, осуждая мой цинизмъ и мое равнодушіе къ добродѣтели, и мигомъ, возвысивъ Версилова надъ собою безконечно, я чуть не обнялъ Васина.

— Каковъ человѣкъ! Каковъ человѣкъ! Кто бы это сдѣлалъ? — восклицалъ я въ упоеніи.

— Я съ вами согласенъ, что очень многіе этого бы не сдѣлали... и что, безспорно, поступокъ чрезвычайно безкорыстенъ...

— «Но»?.. Договаривайте, Васинъ, у васъ есть «но»?

— Да, конечно, есть и «но»; поступокъ Версилова, по-моему, немного скоръ и немного не такъ прямодушенъ, — улыбнулся Васинъ.

— Не прямодушенъ?

— Да. Тутъ есть нѣкоторый какъ бы «пьедесталъ». Потому что, во всякомъ случаѣ, можно было бы сдѣлать то же самое, не обижая себя. Если не половина, то все же, несомнѣнно, нѣкоторая часть наслѣдства могла бы и теперь слѣдовать Версилову, даже при самомъ щекотливомъ взглядѣ на дѣло, тѣмъ болѣе, что документъ не имѣлъ рѣшительнаго значенія, а процессъ имъ уже выигранъ. Такого мнѣнія держится и самъ адвокатъ противной стороны; я сейчасъ только съ нимъ говорилъ. Поступокъ остался бы не менѣе прекраснымъ, но единственно изъ прихоти гордости случилось иначе. Главное, г. Версиловъ погорячился и — излишне поторопился, вѣдь онъ самъ же сказалъ давеча, что могъ бы отложить на цѣлую недѣлю...

— Знаете что̀, Васинъ? Я не могу не согласиться съ вами, но... я такъ люблю лучше, мнѣ такъ нравится лучше!

— Впрочемъ, это дѣло вкуса. Вы сами вызвали меня, я бы промолчалъ.

— Даже, если тутъ и «пьедесталъ», то и тогда лучше, — продолжалъ я, — пьедесталъ хоть и пьедесталъ, но самъ по себѣ онъ очень цѣнная вещь. Этотъ «пьедесталъ» вѣдь все тотъ же «идеалъ», и врядъ ли лучше, что въ иной теперешней душѣ его нѣтъ: хоть съ маленькимъ даже уродствомъ, да пусть онъ есть! И навѣрно, вы сами думаете такъ, Васинъ, голубчикъ мой, Васинъ, милый мой, Васинъ! Однимъ словомъ, я, конечно, зарапортовался, но вы вѣдь меня понимаете же. На то вы Васинъ; и, во всякомъ случаѣ, я обнимаю васъ и цѣлую, Васинъ!

— Съ радости?

— Съ большой радости! Ибо сей человѣкъ «былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся»! Васинъ, я дрянной мальчишка и васъ не стою. Я именно потому сознаюсь, что въ иныя минуты бываю совсѣмъ другой, выше и глубже. Я за то, что третьяго дня васъ расхваливалъ въ глаза (а расхваливалъ только за то, что меня унизили и придавили), я за то васъ цѣлыхъ два дня ненавидѣлъ! Я далъ слово, въ ту же ночь, къ вамъ не ходить никогда и пришелъ къ вамъ вчера поутру только со зла, понимаете вы, *со зла*. Я сидѣлъ здѣсь на стулѣ одинъ и критиковалъ вашу комнату и васъ, и каждую книгу вашу, и хозяйку вашу, старался унизить васъ и смѣяться надъ вами.

— Этого не надо бы говорить...

— Вчера вечеромъ, заключивъ изъ одной ва-

шей фразы, что вы не понимаете женщины, я былъ радъ, что могъ васъ на этомъ поймать. Давеча, поймавъ васъ на «дебютѣ» — опять-таки ужасно былъ радъ, и все изъ-за того, что самъ васъ тогда расхвалилъ.

— Да еще же бы нѣтъ! — вскричалъ, наконецъ, Васинъ (онъ все продолжалъ улыбаться, нисколько не удивляясь на меня): — да это такъ вѣдь и бываетъ всегда почти со всѣми, и первымъ даже дѣломъ; только въ этомъ никто не признается, да и не надо совсѣмъ признаваться, потому что, во всякомъ случаѣ, это пройдетъ и изъ этого ничего не будетъ.

— Неужели у всѣхъ этакъ? Всѣ такіе? И вы, говоря это, спокойны? Да вѣдь съ такимъ взглядомъ жить нельзя!

— А по-вашему:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
„Насъ возвышающій обманъ“?

— Но вѣдь это же вѣрно, — вскричалъ я: — въ этихъ двухъ стихахъ святая аксіома!

— Не знаю; не берусь рѣшать, вѣрны ли эти два стиха или нѣтъ. Должно быть, истина, какъ и всегда, гдѣ-нибудь лежитъ посрединѣ: то есть въ одномъ случаѣ святая истина, а въ другомъ ложь. Я только знаю навѣрно одно: что еще надолго эта мысль останется однимъ изъ самыхъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между людьми. Во всякомъ случаѣ, я замѣчаю, что вамъ теперь танцевать хочется. Что жъ, и потанцуйте: моціонъ полезенъ, а на меня какъ разъ сегодня утромъ ужасно много дѣла взвалили... да и опоздалъ же я съ вами!

— Ѣду, ѣду, убираюсь! Одно только слово, — прокричалъ я, уже схвативъ чемоданъ: — если я сейчасъ къ вамъ опять «кинулся на шею», то единственно потому, что когда я вошелъ — вы съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ сообщили мнѣ этотъ фактъ и «обрадовались», что я успѣлъ васъ застать, и это послѣ давешняго «дебюта»; этимъ искреннимъ удовольствіемъ вы разомъ перевернули мое «юное сердце» опять въ вашу сторону. Ну, прощайте, прощайте, постараюсь какъ можно дольше не приходить, и знаю, что вамъ это будетъ чрезвычайно пріятно, что̀ вижу даже по вашимъ глазамъ, а обоимъ намъ даже будетъ выгодно...

Такъ болтая и чуть не захлебываясь отъ моей радостной болтовни, я вытащилъ чемоданъ и отправился съ нимъ на квартиру. Мнѣ, главное, ужасно нравилось то, что Версиловъ такъ несомнѣнно на меня давеча сердился, говорить и глядѣть не хотѣлъ. Перевезя чемоданъ, я тотчасъ же полетѣлъ къ моему старику князю. Признаюсь, эти два дня мнѣ было безъ него даже немножко тяжело. Да и про Версилова онъ навѣрно уже слышалъ.

II.

Я такъ и зналъ, что онъ мнѣ ужасно обрадуется, и, клянусь, я даже и безъ Версилова зашелъ бы къ нему сегодня. Меня только пугала вчерась и давеча мысль, что встрѣчу, пожалуй, какъ-нибудь Екатерину Николаевну; но теперь я ужъ ничего не боялся.

Онъ сталъ обнимать меня съ радости.

— Версиловъ-то! Слышали? — началъ я прямо съ главнаго.

— Cher enfant, другъ ты мой милый, это до того возвышенно, это до того благородно, — однимъ словомъ, даже на Кильяна (этого чиновника внизу) произвело потрясающее впечатлѣніе! Это неблагоразумно съ его стороны, но это блескъ, это подвигъ! Идеалъ цѣнить надо!

— Не правда ли? Не правда ли? Въ этомъ мы съ вами всегда сходились.

— Милый ты мой, мы съ тобой всегда сходились. Гдѣ ты былъ? Я непремѣнно хотѣлъ самъ къ тебѣ ѣхать, но не зналъ, гдѣ тебя найти... потому что все же не могъ же я къ Версилову... Хотя теперь, послѣ всего этого... Знаешь, другъ мой: вотъ этимъ-то онъ, мнѣ кажется, и женщинъ побѣждалъ, вотъ этими-то чертами, это несомнѣнно...

— Кстати, чтобъ не забыть, я именно для васъ берегъ. Вчера одинъ недостойнѣйшій гороховый шутъ, ругая мнѣ въ глаза Версилова, выразился про него, что онъ — «бабій пророкъ»; каково выраженіе, собственно выраженіе? Я для васъ берегъ...

— «Бабій пророкъ»! Mais... c'est charmant! Ха-ха! Но это такъ идетъ къ нему, то есть это вовсе не идетъ — тьфу!.. Но это такъ мѣтко... т. е. это вовсе не мѣтко, но..

— Да, ничего, ничего, не конфузьтесь, смотрите только какъ на бонмо!

— Бонмо великолѣпное, и, знаешь, оно имѣетъ глубочайшій смыслъ... Совершенно вѣрная идея! То есть, вѣришь ли... Однимъ словомъ, я тебѣ сообщу одинъ крошечный секретъ. Замѣтилъ ты тогда эту Олимпіаду? Вѣришь ли, что у ней болитъ немножко по Андреѣ Петровичѣ сердце, и до того, что она даже, кажется, что-то питаетъ...

Питаетъ! Вотъ ей не угодно ли этого? — вскричалъ я, въ негодованіи показывая кукишъ.

— Mon cher, не кричи, это все такъ, и ты, пожалуй, правъ, съ твоей точки. Кстати, другъ мой, что это случилось съ тобой прошлый разъ при Катеринѣ Николаевнѣ? Ты качался... я думалъ, ты упадешь, и хотѣлъ броситься тебя поддержать?

— Объ этомъ не теперь. Ну, однимъ словомъ, я просто сконфузился, по одной причинѣ...

— Ты и теперь покраснѣлъ.

— Ну, а вамъ надо сейчасъ же и размазать. Вы знаете, что она во враждѣ съ Версиловымъ... ну и тамъ все это; ну, вотъ и я взволновался; эхъ, оставимъ, послѣ!

— И оставимъ, и оставимъ, я и самъ радъ все это оставить... Однимъ словомъ, я чрезвычайно передъ ней виноватъ, и даже, помнишь, роптадъ тогда при тебѣ... Забудь это, другъ мой; она тоже измѣнитъ свое о тебѣ мнѣніе, я это слишкомъ предчувствую... А вотъ и князь Сережа!

Вошелъ молодой и красивый офицеръ. Я жадно посмотрѣлъ на него, я его никогда еще не видалъ. То есть, я говорю красивый, какъ и всѣ про него точно такъ же говорили, но что-то было въ этомъ молодомъ и красивомъ лицѣ несовсѣмъ привлекательное. Я именно замѣчаю это, какъ впечатлѣніе самаго перваго мгновенія, перваго на него моего взгляда, оставшееся во мнѣ на все время. Онъ былъ сухощавъ, прекраснаго роста, темнорусъ, съ свѣжимъ лицомъ, немного, впрочемъ, желтоватымъ, и съ рѣшительнымъ взглядомъ. Прекрасные темные глаза его смотрѣли нѣсколько сурово, даже и когда онъ былъ совсѣмъ спокоенъ. Но рѣшительный взглядъ его именно отталкивалъ потому, что какъ-

то чувствовалось, почему-то, что рѣшимость эта ему слишкомъ недорого стоила. Впрочемъ, не умѣю выразиться... Конечно, лицо его способно было вдругъ измѣняться съ суроваго на удивительно-ласковое, кроткое и нѣжное выраженіе, и, главное, при несомнѣнномъ простодушіи превращенія. Это-то простодушіе и привлекало. Замѣчу еще черту: несмотря на ласковость и простодушіе, никогда это лицо не становилось веселымъ, даже когда князь хохоталъ отъ всего сердца, вы все-таки чувствовали, что настоящей, свѣтлой, легкой веселости какъ будто никогда не было въ его сердцѣ... Впрочемъ, чрезвычайно трудно такъ описывать лицо. Не умѣю я этого вовсе. Старый князь тотчасъ же бросился насъ знакомить, по глупой своей привычкѣ.

— Это мой юный другъ, Аркадій Андреевичъ (опять Андреевичъ!) Долгорукій.

Молодой князь тотчасъ повернулся ко мнѣ съ удвоенно-вѣжливымъ выраженіемъ лица; но видно было, что имя мое совсѣмъ ему незнакомо.

— Это... родственникъ Андрея Петровича, — пробормоталъ мой досадный князь. (Какъ досадны бываютъ иногда эти старички, съ ихъ привычками!) Молодой князь тотчасъ же догадался.

— Ахъ! Я такъ давно слышалъ... — быстро проговорилъ онъ: — я имѣлъ чрезвычайное удовольствіе познакомиться прошлаго года въ Лугѣ съ сестрицей вашей Лизаветой Макаровной... Она тоже мнѣ про васъ говорила...

Я даже удивился: на лицѣ его сіяло рѣшительно искреннее удовольствіе.

— Позвольте, князь, — пролепеталъ я, отводя назадъ обѣ мои руки: — я вамъ долженъ сказать

искренно, — и радъ, что говорю при миломъ нашемъ князѣ, — что я даже желалъ съ вами встрѣтиться, и еще недавно желалъ, всего только вчера, но совсѣмъ уже съ другими цѣлями. Я это прямо говорю, какъ бы вы ни удивлялись. Короче, я хотѣлъ васъ вызвать за оскорбленіе, сдѣланное вами, полтора года назадъ въ Эмсѣ, Версилову. И хоть вы, конечно, можетъ быть, и не пошли бы на мой вызовъ, потому что я всего лишь гимназистъ и несовершеннолѣтній подростокъ, однако, я все бы сдѣлалъ вызовъ, какъ бы вы тамъ ни приняли и что бы вы тамъ ни сдѣлали . . . и, признаюсь, даже и теперь тѣхъ же цѣлей.

Старый князь передавалъ мнѣ потомъ, что мнѣ удалось это высказать чрезвычайно благородно.

Искренняя скорбь выразилась въ лицѣ князя.

— Вы мнѣ только не дали договорить, — внушительно отвѣтилъ онъ. — Если я обратился къ вамъ съ словами отъ всей души, то причиною тому были именно теперешнія, настоящія чувства мои къ Андрею Петровичу. Мнѣ жаль, что не могу вамъ сейчасъ сообщить всѣхъ обстоятельствъ; но увѣряю васъ честью, я давнымъ-давно уже смотрю на мой несчастный поступокъ въ Эмсѣ съ глубочайшимъ раскаяніемъ. Собираясь въ Петербургъ, я рѣшился дать всевозможныя удовлетворенія Андрею Петровичу, т. е. прямо, буквально, просить у него прощенія, въ той самой формѣ, въ какой онъ самъ назначитъ. Высшія и могущественныя вліянія были причиною перемѣны въ моемъ взглядѣ. То, что мы были въ тяжбѣ, не повліяло бы на мое рѣшеніе нимало. Вчерашній же поступокъ его со мной, такъ сказать, потрясъ мою душу, и даже въ эту минуту, вѣрите ли, я какъ бы еще не пришелъ

въ себя. И вотъ я долженъ сообщить вамъ, — я именно и къ князю пріѣхалъ, чтобъ ему сообщить объ одномъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ: три часа назадъ, т. е. это ровно въ то время, когда они составляли съ адвокатомъ этотъ актъ, явился ко мнѣ уполномоченный Андрея Петровича и передалъ мнѣ отъ него вызовъ . . . формальный вызовъ изъ-за исторіи въ Эмсѣ . . .

— Онъ васъ вызвалъ? — вскричалъ я и почувствовалъ, что глаза мои загорѣлись, и кровь залила мнѣ лицо.

— Да, вызвалъ; я тотчасъ же принялъ вызовъ, но рѣшилъ, еще раньше встрѣчи, послать ему письмо, въ которомъ излагаю мой взглядъ на мой поступокъ, и все мое раскаяніе въ этой ужасной ошибкѣ . . . потому что это была только ошибка,— несчастная, роковая ошибка! Замѣчу вамъ, что мое положеніе въ полку заставляло меня такимъ образомъ рисковать: за такое письмо передъ встрѣчей, я подвергалъ себя общественному мнѣнію . . . вы понимаете? Но несмотря даже на это, я рѣшился, и только не успѣлъ письма отправить, потому что часъ спустя послѣ вызова получилъ отъ него опять записку, въ которой онъ проситъ меня извинить его, что обезпокоилъ, и забыть о вызовѣ и прибавляетъ, что раскаивается въ этомъ въ «минутномъ порывѣ малодушія и эгоизма», — его собственныя слова. Такимъ образомъ, онъ уже совершенно облегчаетъ мнѣ теперь шагъ съ письмомъ. Я еще его не отослалъ, но именно пріѣхалъ сказать кое-что объ этомъ князю. . . И повѣрьте, я самъ выстрадалъ отъ упрековъ моей совѣсти гораздо больше, чѣмъ, можетъ быть, кто-нибудь . . . Довольно ли вамъ этого объясненія, Аркадій Андреевичъ, по

крайней мѣрѣ теперь, пока? Сдѣлаете ли вы мнѣ честь повѣрить вполнѣ моей искренности?

Я былъ совршенно побѣжденъ; я видѣлъ несомнѣнное прямодушіе, котораго въ высшей степени не ожидалъ. Да и ничего подобнаго я не ожидалъ. Я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и прямо протянулъ ему обѣ руки; онъ съ радостью потрясъ ихъ въ своихъ рукахъ. Затѣмъ отвелъ князя и минутъ съ пять говорилъ съ нимъ въ его спальнѣ.

— Если бы вы захотѣли мнѣ сдѣлать особенное удовольствіе, — громко и открыто обратился онъ ко мнѣ, выходя отъ князя: — то поѣдемте сейчасъ со мною, и я вамъ покажу письмо, которое сейчасъ посылаю къ Андрею Петровичу, а вмѣстѣ и его письмо ко мнѣ.

Я согласился съ чрезвычайною охотой. Мой князь захлопоталъ, провожая меня, и тоже вызывалъ меня на минутку въ свою спальню.

— Mon ami, какъ я радъ, какъ я радъ... Мы обо всемъ этомъ послѣ. Кстати, вотъ тутъ въ портфелѣ у меня два письма: одно нужно завезти и объясниться лично, другое въ банкъ — и тамъ тоже...

И тутъ онъ мнѣ поручилъ два будто бы неотложныя дѣла и требующія будто бы необыкновеннаго труда и вниманія. Предстояло съѣздить и, дѣйствительно, подать, расписаться и проч.

— Ахъ, вы хитрецъ! — вскричалъ я, принимая письма: — клянусь, вѣдь все это — вздоръ и никакого тутъ дѣла нѣтъ, а эти два порученія вы нарочно выдумали, чтобъ увѣрить меня, что я служу и не даромъ деньги беру!

— Mon enfant, клянусь тебѣ, что въ этомъ ты ошибаешься: это два самыя неотложныя дѣла...

Cher enfant! — вскричалъ онъ вдругъ, ужасно умилившись:—милый мой юноша! (Онъ положилъ мнѣ обѣ руки на голову.) Благословляю тебя и твой жребій.... будемъ всегда чисты сердцемъ, какъ и сегодня... добры и прекрасны, какъ можно больше... будемъ любить все прекрасное... во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ... Ну, enfin... enfin rendons grâce... et je te bénis!

Онъ не докончилъ и захныкалъ надъ моей головой. Признаюсь, почти заплакалъ и я; по крайней мѣрѣ, искренно и съ удовольствіемъ обнялъ моего чудака. Мы очень поцѣловались.

III.

Князь Сережа (то есть князь Сергѣй Петровичъ, такъ и буду его называть) привезъ меня въ щегольской пролеткѣ на свою квартиру, и, первымъ дѣломъ, я удивился великолѣпію его квартиры. То есть не то что великолѣпію, но квартира эта была какъ у самыхъ «порядочныхъ людей», высокія, большія, свѣтлыя комнаты (я видѣлъ двѣ, остальныя были притворены) и мебель, — опять-таки хоть и не Богъ знаетъ какой Versailes или Renaissance, но мягкая, комфортная, обильная, на самую широкую ногу; ковры, рѣзное дерево и статуэтки; между тѣмъ, про нихъ всѣ говорили, что они нищіе, что у нихъ ровно ничего. Я мелькомъ слышалъ, однако, что этотъ князь и вездѣ задавалъ пыли, гдѣ только могъ, — и здѣсь, и въ Москвѣ, и въ прежнемъ полку, и въ Парижѣ, что онъ даже игрокъ, и что у него долги. На мнѣ былъ перемятый сюртукъ и вдобавокъ въ пуху, потому что я такъ и спалъ не раздѣвшись, а рубашкѣ приходился

уже четвертый день. Впрочемъ, сюртукъ мой былъ еще несовсѣмъ скверенъ, но, попавъ къ князю, я вспомнилъ о предложенiи Версилова сшить себѣ платье.

— Вообразите, я по поводу одной самоубiйцы всю ночь проспалъ одѣвшись, — замѣтилъ я съ разсѣяннымъ видомъ, и такъ какъ онъ тотчасъ же выразилъ вниманiе, то вкратцѣ и разсказалъ. Но его, очевидно, занимало больше всего его письмо. Главное, мнѣ странно было, что онъ не только не улыбнулся, но даже самаго маленькаго вида не показалъ въ этомъ смыслѣ, когда я давеча прямо такъ и объявилъ, что хотѣлъ вызвать его на дуэль. Хоть я бы и сумѣлъ заставить его не смѣяться, но все-таки это было странно отъ человѣка такого сорта. Мы усѣлись другъ противъ друга посреди комнаты, за огромнымъ его письменнымъ столомъ, и онъ мнѣ передалъ на просмотръ уже готовое и переписанное набѣло письмо его къ Версилову. Документъ этотъ былъ очень похожъ на все то, что онъ мнѣ давеча высказалъ у моего князя; написано даже горячо. Это видимое прямодушiе его и готовность ко всему хорошему я, правда, еще не зналъ, какъ принять окончательно, но начиналъ уже поддаваться, потому, въ сущности, почему же мнѣ было не вѣрить? Каковъ бы ни былъ человѣкъ и что бы о немъ ни разсказывали, но онъ все же могъ быть съ хорошими наклонностями. Я посмотрѣлъ тоже и послѣднюю записочку Версилова въ семь строкъ — отказъ отъ вызова. Хоть онъ и, дѣйствительно, прописалъ въ ней про свое «малодушiе» и про «свой эгоизмъ», но вся, въ цѣломъ, записка эта какъ бы отличалась какимъ-то высокомѣрiемъ . . . или, лучше, во всемъ поступкѣ этомъ

выяснялось какое-то пренебреженіе. Я, впрочемъ, не высказалъ этого.

— Вы, однако, какъ смотрите на этотъ отказъ, — спросилъ я, — вѣдь не считаете же вы, что онъ струсилъ?

— Конечно, нѣтъ, — улыбнулся князь, но какъ-то очень серьезной улыбкой, и вообще онъ становился все болѣе и болѣе озабоченъ: — я слишкомъ знаю, что этотъ человѣкъ мужественъ. Тутъ, конечно, особый взглядъ... свое собственное расположеніе идей...

— Безъ сомнѣнія, — прервалъ я горячо. — Нѣкто Васинъ говоритъ, что въ поступкѣ его съ этимъ письмомъ и съ отказомъ отъ наслѣдства заключается «пьедесталъ»... По-моему, такія вещи не дѣлаются для показу, а соотвѣтствуютъ чему-то основному, внутреннему.

— Я очень хорошо знаю г. Васина, — замѣтилъ князь

— Ахъ, да, вы должны были видѣть его въ Лугѣ.

Мы вдругъ взглянули другъ на друга, и, вспоминаю, я, кажется, капельку покраснѣлъ. По крайней мѣрѣ, онъ перебилъ разговоръ. Мнѣ, впрочемъ, очень хотѣлось разговориться. Мысль объ одной вчерашней встрѣчѣ моей соблазняла меня задать ему кой-какіе вопросы, но только я не зналъ какъ приступить. И вообще, я былъ какъ-то очень не по себѣ. Поражала меня тоже его удивительная благовоспитанность, вѣжливость, непринужденность манеръ. И однимъ словомъ, весь этотъ лоскъ ихняго тона, который они принимаютъ чуть не съ колыбели. Въ письмѣ его я начиталъ двѣ прегрубыя грамматическія ошибки. И вообще, при та-

кихъ встрѣчахъ я никогда не принижаюсь, а становлюсь усиленно рѣзокъ, что̀ иногда, можетъ быть, и дурно. Но въ настоящемъ случаѣ тому особенно способствовала еще и мысль, что я въ пуху, такъ что я нѣсколько даже сплошалъ и влѣзъ въ фамильярность . . . Я потихоньку замѣтилъ, что князь иногда очень пристально меня оглядывалъ.

— Скажите, князь, — вылетѣлъ я вдругъ съ вопросомъ: — не находите вы смѣшнымъ внутри себя, что я, такой еще «молокососъ», хотѣлъ васъ вызвать на дуэль, да еще за чужую обиду?

— За обиду отца очень можно обидѣться. Нѣтъ, не нахожу смѣшнымъ.

— А мнѣ такъ кажется, что это ужасно смѣшно . . . на иной взглядъ . . . то есть, разумѣется, не на собственный мой. Тѣмъ болѣе, что я Долгорукій, а не Версиловъ. А если вы говорите мнѣ неправду или чтобъ какъ-нибудь смягчить изъ приличій свѣтскаго лоска, то, стало быть, вы меня и во всемъ остальномъ обманываете?

— Нѣтъ, не нахожу смѣшнымъ, — повторилъ онъ ужасно серьезно; — не можете же вы не ощущать въ себѣ крови своего отца? . . Правда, вы еще молоды, потому, что . . . не знаю . . . кажется, недостигшему совершенныхъ лѣтъ нельзя драться, а отъ него еще нельзя принять вызовъ . . . по правиламъ . . . Но если хотите, тутъ одно только можетъ быть серьезное возраженіе: если вы дѣлаете вызовъ безъ вѣдома обиженнаго, за обиду котораго вы вызываете, то тѣмъ самымъ выражаете какъ бы нѣкоторое собственное неуваженіе ваше къ нему, не правда ли?

Разговоръ нашъ вдругъ прервалъ лакей, который вошелъ о чемъ-то доложить. Завидѣвъ его,

князь, кажется, ожидавшій его, всталъ, не докончивъ рѣчи и быстро подошелъ къ нему, такъ что тотъ доложилъ уже вполголоса и я, конечно, не слыхалъ о чемъ.

— Извините меня, — обратился ко мнѣ князь: — я черезъ минуту буду.

И вышелъ. Я остался одинъ, ходилъ по комнатѣ и думалъ. Странно, онъ мнѣ и нравился, и ужасно не нравился. Было что-то такое, чего бы я и самъ не сумѣлъ назвать, но что-то отталкивающее. «Если онъ ни капли не смѣется надо мной, то, безъ сомнѣнія, онъ ужасно прямодушенъ; но если бъ онъ надо мной смѣялся, то... можетъ быть, казался бы мнѣ тогда умнѣе»... странно какъ-то подумалъ я. Я подошелъ къ столу и еще разъ прочелъ письмо къ Версилову. Завлекшись, даже забылъ о времени, и когда очнулся, то вдругъ замѣтилъ, что князева минутка, безспорно, продолжается уже цѣлую четверть часа. Это меня немножко взволновало; я еще разъ прошелся взадъ и впередъ, наконецъ, взялъ шляпу, и, помню, рѣшился выйти съ тѣмъ, чтобъ, встрѣтивъ кого-нибудь, послать за княземъ, а когда онъ придетъ, то прямо проститься съ нимъ, увѣривъ, что у меня дѣла и ждать больше не могу. Мнѣ казалось, что такъ будетъ всего приличнѣе, потому что меня капельку мучила мысль, что онъ, оставляя меня такъ надолго, поступаетъ со мной небрежно.

Обѣ затворенныя двери въ эту комнату приходились по обѣимъ концамъ одной и той же стѣны. Забывъ, въ которую дверь мы вошли, а пуще въ разсѣянности, я отворилъ одну изъ нихъ, и вдругъ, въ длинной и узкой комнатѣ, увидѣлъ сидѣвшую на диванѣ, — сестру мою, Лизу. Кромѣ нея никого

не было и она, конечно, кого-то ждала. Но не успѣлъ я даже удивиться, какъ вдругъ услышалъ голосъ князя, съ кѣмъ-то громко говорившаго и возвращавшагося въ кабинетъ. Я быстро притворилъ дверь, и вошедшій изъ другой двери князь ничего не замѣтилъ. Помню, онъ сталъ извиняться и что-то проговорилъ про какую-то Анну Ѳедоровну... Но я былъ такъ смущенъ и пораженъ, что ничего почти не разобралъ, а пролепеталъ только, что мнѣ необходимо домой, затѣмъ настойчиво и быстро вышелъ. Благовоспитанный князь, конечно, съ любопытствомъ долженъ былъ смотрѣть на мои пріемы. Онъ проводилъ меня въ самую переднюю и все говорилъ, а я не отвѣчалъ и не глядѣлъ на него.

IV.

Выйдя на улицу, я повернулъ налѣво и пошелъ куда попало. Въ головѣ у меня ничего не вязалось. Шелъ я тихо и, кажется, прошелъ очень много, шаговъ пятьсотъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня слегка ударили по плечу. Обернулся и увидѣлъ Лизу: она догнала меня и слегка ударила зонтикомъ. Что-то ужасно веселое, а на капельку и лукавое, было въ ея сіяющемъ взглядѣ.

— Ну, какъ я рада, что ты въ эту сторону пошелъ, а то бы я такъ тебя сегодня и не встрѣтила! — Она немного задыхалась отъ скорой ходьбы.

— Какъ ты задохлась.

— Ужасно бѣжала, тебя догоняла.

— Лиза, вѣдь это тебя я сейчасъ встрѣтилъ?

— Гдѣ это?

— У князя... у князя Сокольскаго...

— Нѣтъ, не меня, нѣтъ, меня ты не встрѣтилъ...

Я замолчалъ, и мы прошли шаговъ десять. Лиза страшно расхохоталась:

— Меня, меня конечно, меня! Послушай, вѣдь ты же меня самъ видѣлъ, вѣдь ты же мнѣ глядѣлъ въ глаза, и я тебѣ глядѣла въ глаза, такъ какъ же ты спрашиваешь, меня ли ты встрѣтилъ? Ну, характеръ! А знаешь, я ужасно хотѣла разсмѣяться, когда ты тамъ мнѣ въ глаза глядѣлъ, ты ужасно смѣшно глядѣлъ.

Она хохотала ужасно. Я почувствовалъ, какъ вся тоска сразу оставила мое сердце.

— Да какъ же, скажи, ты тамъ очутилась?

— У Анны Ѳедоровны.

— У какой Анны Ѳедоровны?

— У Столбѣевой. Когда мы въ Лугѣ жили, я у ней по цѣлымъ днямъ сиживала, она и маму у себя принимала, и къ намъ даже ходила. А она ни къ кому почти тамъ не ходила. Андрею Петровичу она дальняя родственница, и князьямъ Сокольскимъ родственница: она князю какая-то бабушка.

— Такъ она у князя живетъ?

— Нѣтъ, князь у ней живетъ.

— Такъ чья же квартира?

— Ея квартира, вся квартира ея уже цѣлый годъ. Князь только что пріѣхалъ, у ней и остановился. Да и она сама всего только четыре дня въ Петербургѣ.

— Ну... знаешь что̀, Лиза, Богъ съ ней съ квартирой, и съ ней самой...

— Нѣтъ, она прекрасная...

— И пусть, и книги ей въ руки. Мы сами прекрасные! Смотри какой день, смотри какъ хорошо! Какая ты сегодня красавица, Лиза. А, впрочемъ, ты ужасный ребенокъ.

— Аркадій, скажи, та дѣвушка-то, вчерашняя-то.

— Ахъ, какъ жаль, Лиза, ахъ, какъ жаль!

— Ахъ, какъ жаль! Какой жребій! Знаешь, даже грѣшно, что мы идемъ такіе веселые, а ея душа гдѣ-нибудь теперь летитъ во мракѣ, въ какомъ-нибудь бездонномъ мракѣ, согрѣшившая и съ своей обидой . . . Аркадій, кто въ ея грѣхѣ виноватъ? Ахъ, какъ это страшно! Думаешь ли ты когда объ этомъ мракѣ? Ахъ, какъ я боюсь смерти и какъ это грѣшно! Не люблю я темноты, то ли дѣло такое солнце! Мама говоритъ, что грѣшно бояться . . . Аркадій, знаешь ли ты хорошо маму?

— Еще мало, Лиза, мало знаю.

— Ахъ, какое это существо; ты ее долженъ, долженъ узнать! Ее нужно особенно понимать . . .

— Да вѣдь вотъ же и тебя не зналъ, а вѣдь знаю же теперь всю. Всю въ одну минуту узналъ. Ты, Лиза, хоть и боишься смерти, а, должно быть, гордая, смѣлая, мужественная. Лучше меня, гораздо лучше меня! Я тебя ужасно люблю, Лиза! Ахъ, Лиза! Пусть приходитъ, когда надо, смерть, а пока — жить, жить! О той несчастной пожалѣемъ, а жизнь все-таки благословимъ, такъ ли? Такъ ли? У меня есть «идея», Лиза. Лиза, ты вѣдь знаешь, что Версиловъ отказался отъ наслѣдства? Ты не знаешь души моей, Лиза, ты не знаешь, что̀ значилъ для меня человѣкъ этотъ? . .

— Ну, вотъ не знать, все знаю.

— Все знаешь? Ну, да еще бы ты! Ты умна; ты умнѣе Васина. Ты и мама — у васъ глаза проницающіе, гуманные, то есть взглядъ, а не глаза, я вру . . . Я дуренъ во многомъ, Лиза.

— Тебя нужно въ руки взять, вотъ и кончено!

— Возьми, Лиза. Какъ хорошо на тебя смотрѣть сегодня. Да знаешь ли, что ты прехорошенькая? Никогда я еще не видалъ твоихъ глазъ... Только теперь въ первый разъ увидѣлъ... Гдѣ ты ихъ взяла сегодня, Лиза? Гдѣ купила? Что заплатила? Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею, какъ на вздоръ; но съ тобой не вздоръ... Хочешь, станемъ друзьями? Ты понимаешь, что я хочу сказать?..

— Очень понимаю.

— И знаешь, безъ уговору, безъ контракту,— просто будемъ друзьями!

— Да просто, просто, но только одинъ уговоръ: если когда-нибудь мы обвинимъ другъ друга, если будемъ въ чемъ недовольны, если сдѣлаемся сами злы, дурны, если даже забудемъ все это,—то не забудемъ никогда этого дня и вотъ этого самаго часа! Дадимъ слово такое себѣ. Дадимъ слово, что всегда припомнимъ этотъ день, когда мы вотъ шли съ тобой оба рука объ руку, и такъ смѣялись, и такъ намъ весело было... Да? Вѣдь да?

— Да, Лиза, да, и клянусь; но, Лиза, я какъ будто тебя въ первый разъ слушаю... Лиза, ты много читала?

— До сихъ поръ еще не спросилъ! Только вчера въ первый разъ, какъ я въ словѣ оговорилась, удостоили обратить вниманіе, милостивый государь, господинъ мудрецъ.

— А что жъ сама со мной не заговаривала, коли я былъ такой дуракъ?

— А я все ждала, что поумнѣешь. Я выглядѣла васъ всего съ самаго начала, Аркадій Макаровичъ, и какъ выглядѣла, то и стала такъ думать: «Вѣдь онъ придетъ же, вѣдь ужъ навѣрно кончитъ

тѣмъ, что придетъ», — ну, и положила вамъ лучше эту честь самому предоставить, чтобъ вы первый-то сдѣлали шагъ: «Нѣтъ, думаю, походи-ка теперь за мной?»

— Ахъ ты, кокетка! Ну, Лиза, признавайся прямо смѣялась ты надо мной въ этотъ мѣсяцъ, или нѣтъ?

— Охъ, ты очень смѣшной, ты ужасно смѣшной, Аркадій! И знаешь, я, можетъ быть, за то тебя всего больше и любила въ этотъ мѣсяцъ, что ты вотъ этакій чудакъ. Но ты во многомъ и дурной чудакъ — это чтобъ ты не возгордился. Да знаешь ли, кто еще надъ тобой смѣялся? Мама смѣялась, мама со мной вмѣстѣ: «Экій, шепчетъ, чудакъ, вѣдь этакій чудакъ!» А ты-то сидишь и думаешь въ это время, что мы сидимъ и тебя трепещемъ.

— Лиза, что ты думаешь про Версилова?

— Я очень много объ немъ думаю; но знаешь, мы теперь объ немъ не будемъ говорить. Объ немъ сегодня не надо; вѣдь такъ?

— Совершенно такъ! Нѣтъ, ты ужасно умна, Лиза! Ты непремѣнно умнѣе меня. Вотъ подожди, Лиза, кончу это все и тогда, можетъ, я кое что̀ и скажу тебѣ...

— Чего ты нахмурился?

— Нѣтъ, я не нахмурился, Лиза, а я такъ... Видишь, Лиза, лучше прямо: у меня такая черта, что не люблю, когда до иного щекотнаго въ душѣ пальцами дотрогиваются... или, лучше сказать, если часто иныя чувства выпускать наружу, чтобъ всѣ любовались, такъ вѣдь это стыдно, не правда ли? Такъ что я иногда лучше люблю хмуриться и молчать: ты умна, ты должна понять.

— Да мало того, я и сама такая же; я тебя во всемъ поняла. Знаешь ли ты, что и мама такая же?

— Ахъ, Лиза! Какъ бы только подольше прожить на свѣтѣ! А? Что ты сказала?

— Нѣтъ, я ничего не сказала.

— Ты смотришь?

— Да и ты смотришь. Я на тебя смотрю и люблю тебя.

Я довелъ ее почти вплоть до дому и далъ ей мой адресъ. Прощаясь, я поцѣловалъ ее въ первый разъ еще въ жизни...

V.

И все бы это было хорошо, но одно только было нехорошо: одна тяжелая идея билась во мнѣ съ самой ночи и не выходила изъ ума. Это то, что когда я встрѣтился вчера вечеромъ у нашихъ воротъ съ той несчастной, то сказалъ ей, что я самъ ухожу изъ дому, изъ гнѣзда, что уходятъ отъ злыхъ и основываютъ свое гнѣздо, и что у Версилова много незаконнорожденныхъ. Такія слова, про отца отъ сына, ужъ конечно, утвердили въ ней всѣ ея подозрѣнія на Версилова и на то, что онъ ее оскорбилъ. Я обвинялъ Стебелькова, а вѣдь, можетъ быть, я-то, главное, и подлилъ масла въ огонь. Эта мысль ужасна, ужасна и теперь... Но тогда, въ то утро, я хоть и начиналъ уже мучиться, но мнѣ все-таки казалось, что это вздоръ: «Э, тутъ и безъ меня «нагорѣло и накипѣло», — повторялъ я по временамъ: — э, ничего, пройдетъ! Поправлюсь! Я это чѣмъ-нибудь наверстаю... какимъ-нибудь добрымъ поступкомъ... Мнѣ еще пятьдесятъ лѣтъ впереди!»

А идея все-таки билась.

Часть вторая.

Глава первая.

I.

Перелетаю пространство почти въ два мѣсяца; пусть читатель не безпокоится: все будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія. Рѣзко отмѣчаю день пятнадцатаго ноября — день слишкомъ для меня памятный по многимъ причинамъ. И во-первыхъ, никто бы меня не узналъ, кто видѣлъ меня назадъ два мѣсяца; по крайней мѣрѣ, снаружи, т. е. и узналъ бы, но ничего бы не разобралъ. Я одѣтъ франтомъ — это первое. Тотъ «добросовѣстный французъ и со вкусомъ», котораго хотѣлъ когда-то отрекомендовать мнѣ Версиловъ, не только сшилъ ужъ мнѣ весь костюмъ, но ужъ и забракованъ мною: мнѣ шьютъ уже другіе портные, повыше, первѣйшіе, и даже я имѣю у нихъ счетъ. У меня бываетъ счетъ и въ одномъ знатномъ ресторанѣ, но я еще тутъ боюсь, и, чуть деньги, сейчасъ плачу, хотя и знаю, что это — моветонъ, и что я себя тѣмъ компрометирую. На Невскомъ, французъ-парикхмахеръ со мной на короткой ногѣ, и, когда я у него причесываюсь, разсказываетъ мнѣ анекдоты. И, признаюсь, я практикуюсь съ нимъ по-французски. Хоть я и знаю языкъ, и даже по-

рядочно, но въ большомъ обществѣ какъ-то все еще боюсь начинать; да и выговоръ у меня, должно быть, далеко не парижскій. У меня Матвѣй, лихачъ, рысакъ, и является къ моимъ услугамъ, когда я назначу. У него свѣтло-гнѣдой жеребецъ (я не люблю сѣрыхъ). Есть, впрочемъ, и безпорядки: пятнадцатое ноября, и уже три дня какъ стала зима, а шуба у меня старая, енотовая, Версиловскій обносокъ: продать стоитъ рублей двадцать пять. Надо завести новую, а карманы пусты и, кромѣ того, надо припасти денегъ сегодня же на вечеръ, и это во что бы ни стало, — иначе я «несчастенъ и погибъ»; это — собственныя мои тогдашнія изреченія. О, низость! Что жъ, откуда вдругъ эти тысячи, эти рысаки и Борели? Какъ могъ я такъ вдругъ все забыть и такъ измѣниться? Позоръ! Читатель, я начинаю теперь исторію моего стыда и позора, и ничто въ жизни не можетъ для меня быть постыднѣе этихъ воспоминаній.

Такъ говорю, какъ судья, и знаю, что я виновенъ. Въ томъ вихрѣ, въ которомъ я тогда закружился, я хоть былъ и одинъ, безъ руководителя и совѣтника, но, клянусь, и тогда уже самъ сознавалъ свое паденіе, а потому неизвинимъ. А между тѣмъ всѣ эти два мѣсяца я былъ почти счастливъ, — зачѣмъ почти? Я былъ слишкомъ счастливъ! И даже до того, что сознаніе позора, мелькавшее минутами (частыми минутами!), отъ котораго содрогалась душа моя, — это-то сознаніе, — повѣрятъ ли? — пьянило меня еще болѣе: «А что жъ, падать такъ падать; да не упаду же, выѣду! У меня звѣзда!» — Я шелъ по тоненькому мостику изъ щепокъ, безъ перилъ, надъ пропастью, и мнѣ весело было, что я такъ иду; даже за-

глядывалъ въ пропасть. Былъ рискъ и было весело. А «идея»? — «Идея» — потомъ, идея ждала; все что было, — «было лишь уклоненіемъ въ сторону»: «почему жъ не повеселить себя?» Вотъ тѣмъ-то и скверна «моя идея», повторю еще разъ, что допускаетъ рѣшительно всѣ уклоненія; была бы она не такъ тверда и радикальна, то я бы, можетъ быть, и побоялся уклониться.

А пока я все еще продолжалъ занимать мою квартиренку, занимать, но не жить въ ней; тамъ лежалъ мой чемоданъ, сакъ и иныя вещи; главная же резиденція моя была у князя Сергѣя Сокольскаго. Я у него сидѣлъ, я у него и спалъ, и такъ по цѣлымъ даже недѣлямъ... Какъ это случилось, объ этомъ сейчасъ, а пока скажу объ этой моей квартиренкѣ. Она уже была мнѣ дорога: сюда ко мнѣ пришелъ Версиловъ, самъ, въ первый разъ послѣ тогдашней ссоры, и потомъ приходилъ много разъ. Повторяю, это время было страшнымъ позоромъ, но и огромнымъ счастьемъ... Да и все тогда такъ удавалось и такъ улыбалось! «И къ чему всѣ эти прежнія хмуростп, — думалъ я въ иныя упоительныя минуты, — къ чему эти старые больные надрывы, мое одинокое и угрюмое дѣтство, мои глупыя мечты подъ одѣяломъ, клятвы, расчеты и даже «идея»? Я все это напредставилъ и выдумалъ, а оказывается, что въ мірѣ совсѣмъ не то; мнѣ вотъ такъ радостно и легко: у меня отецъ — Версиловъ, у меня другъ — князь Сережа, у меня и еще...», но объ еще — оставимъ. Увы, все дѣлалось во имя любви, великодушія, чести, а потомъ оказалось безобразнымъ, нахальнымъ, безчестнымъ.

Довольно.

II.

Онъ пришелъ ко мнѣ въ первый разъ на третій день послѣ нашего тогдашняго разрыва. Меня не было дома, и онъ остался ждать. Когда я вошелъ въ мою крошечную каморку, то хоть и ждалъ его всѣ эти три дня, но у меня какъ бы заволоклись глаза, и такъ стукнуло сердце, что я даже пріостановился въ дверяхъ. Къ счастью, онъ сидѣлъ съ моимъ хозяиномъ, который, чтобъ не было скучно гостю ждать, нашелъ нужнымъ немедленно познакомиться и о чемъ-то ему съ жаромъ началъ разсказывать. Это былъ титулярный совѣтникъ, лѣтъ уже сорока, очень рябой, очень бѣдный, обремененный больной въ чахоткѣ женой и больнымъ ребенкомъ; характера чрезвычайно сообщительнаго и смирнаго, впрочемъ, довольно и деликатный. Я обрадовался его присутствію, и онъ даже выручилъ, потому что что̀ жъ бы я сказалъ Версилову? Я зналъ, серьезно зналъ, всѣ эти три дня, что Версиловъ придетъ самъ, первый, — точь-въ-точь какъ я хотѣлъ того, потому что ни за что̀ на свѣтѣ не пошелъ бы къ нему первый, и не по строптивости, а именно по любви къ нему, по какой-то ревности любви, — не умѣю я этого выразить. Да и вообще краснорѣчія читатель у меня не найдетъ. Но хоть я и ждалъ его всѣ эти три дня и представлялъ себѣ почти безпрерывно, какъ онъ войдетъ, а все-таки никакъ не могъ вообразить напередъ, хоть и воображалъ изъ всѣхъ силъ, о чемъ мы съ нимъ вдругъ заговоримъ, послѣ всего, что̀ произошло.

— А, вотъ и ты, — протянулъ онъ мнѣ руку дружески и не вставая съ мѣста. — Присядь-ка къ намъ; Петръ Ипполитовичъ разсказываетъ преин-

тересную исторію объ этомъ камнѣ, близъ Павловскихъ казармъ . . . или тутъ гдѣ-то . . .

— Да, я знаю камень, — отвѣтилъ я поскорѣе, опускаясь на стулъ рядомъ съ ними. Они сидѣли у стола. Вся комната была ровно въ двѣ сажени въ квадратѣ. Я тяжело перевелъ дыханье.

Искра удовольствія мелькнула въ глазахъ Версилова: кажется, онъ сомнѣвался и думалъ, что я захочу дѣлать жесты. Онъ успокоился.

— Вы ужъ начните сначала, Петръ Ипполитовичъ. — Они уже величали другъ друга по имени-отчеству.

— То есть, это при покойномъ государѣ еще вышло-съ, — обратился ко мнѣ Петръ Ипполитовичъ, нервно и съ нѣкоторымъ мученіемъ, какъ бы страдая впередъ за успѣхъ эффекта, — вѣдь вы знаете этотъ камень, — глупый камень на улицѣ, къ чему, зачѣмъ, только лишь мѣшаетъ, такъ ли-съ? Ѣздилъ государь много разъ, и каждый разъ этотъ камень. Наконецъ, государю не понравилось, и дѣйствительно: цѣлая гора, стоитъ гора на улицѣ, портитъ улицу: «Чтобъ не было камня!» Ну, сказалъ, чтобъ не было, — понимаете, — что̀ значитъ «чтобъ не было»? Покойника-то помните? Что̀ дѣлать съ камнемъ? Всѣ потеряли голову, тутъ Дума, а, главное, тутъ, не помню ужъ кто именно, но одинъ изъ самыхъ первыхъ тогдашнихъ вельможъ, на котораго было возложено. Вотъ этотъ вельможа и слушаетъ: говорятъ, пятнадцать тысячъ будетъ стоить, не меньше, и серебромъ-съ (потому что ассигнаціи это при покойномъ государѣ только обратили на серебро). «Какъ пятнадцать тысячъ, что́ за дичь!» Сначала англичане рельсы подвести хотѣли, поставить на рельсы и отвезти

паромъ: но вѣдь чего же бы это стоило? Желѣзныхъ-то дорогъ тогда еще не было, только вотъ Царскосельская ходила...

— Ну вотъ, распилить можно было, — началъ я хмуриться; мнѣ ужасно стало досадно и стыдно предъ Версиловымъ; но онъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Я понималъ, что и онъ радъ былъ хозяину, потому что тоже стыдился со мной, я видѣлъ это; мнѣ, помню, было даже это какъ бы трогательно отъ него.

— Именно распилить-съ, именно вотъ на эту идею и напали, и именно Монферанъ; онъ вѣдь тогда Исаакіевскій соборъ строилъ. Распилить, говоритъ, а потомъ свезти. Да-съ, да чего оно будетъ стоить?

— Ничего не стоитъ, просто распилить да и вывезти.

— Нѣтъ, позвольте, вѣдь тутъ нужно ставить машину, паровую-съ, и при томъ куда свезти? И при томъ такую гору? Десять тысячъ, говорятъ, менѣе не обойдется, десять или двѣнадцать тысячъ.

— Послушайте, Петръ Ипполитовичъ, вѣдь это вздоръ, это было не такъ... — Но въ это время Версиловъ мнѣ подмигнулъ незамѣтно, и въ этомъ подмигиваніи я увидѣлъ такое деликатное состраданіе къ хозяину, даже страданіе за него, что мнѣ это ужасно понравилось и я разсмѣялся.

— Ну вотъ, вотъ, — обрадовался хозяинъ, ничего не замѣтившій и ужасно боявшійся, какъ и всегда эти расказчики, что его станутъ сбивать вопросами, — только какъ разъ подходитъ одинъ мѣщанинъ, и еще молодой, ну, знаете, русскій человѣкъ, бородка клиномъ, въ долгополомъ кафтанѣ, и чуть ли не хмѣльной немножко... впро-

чемъ, нѣтъ, не хмѣльной-съ. Только стоитъ этотъ мѣщанинъ, какъ они это сговариваются, англичане да Монферанъ, а это лицо, которому поручено-то, тутъ же въ коляскѣ подъѣхалъ, слушаетъ и сердится: какъ это такъ рѣшаютъ и не могутъ рѣшить; и вдругъ, замѣчаетъ въ отдаленіи, этотъ мѣщанинишко стоитъ и фальшиво этакъ улыбается, то есть не фальшиво, я не такъ, а какъ бы это . . .

— Насмѣшливо, — осторожно поддакнулъ Версиловъ.

— Насмѣшливо-съ, то есть, немножко насмѣшливо, этакая добрая русская улыбка такая, знаете; ну, лицу, конечно, подъ досадную руку, знаете: «Ты здѣсь, борода, чего дожидаешься? Кто таковъ?»

«— Да вотъ, говоритъ, камушекъ смотрю, ваша свѣтлость». Именно, кажется, свѣтлость; да чуть ли это не князь Суворовъ былъ, Италійскій, потомокъ полководца-то . . . Впрочемъ, нѣтъ, не Суворовъ, и какъ жаль, что забылъ кто именно, только, знаете, хоть и свѣтлость, а чистый этакій русскій человѣкъ, русскій этакій типъ, патріотъ, развитое русское сердце; ну, догадался:

«— Что жъ, ты, что ли, говоритъ, свезешь камень: чего ухмыляешься?»

«— На англичанъ больше, ваша свѣтлость, слишкомъ ужъ несоразмѣрную цѣну берутъ-съ, потому что русскій кошель толстъ, а имъ дома ѣсть нечего. Сто рубликовъ опредѣлите, ваша свѣтлость — завтра же къ вечеру сведемъ камушекъ».

— Ну, можете представить подобное предложеніе. Англичане, разумѣется, съѣсть хотятъ; Монферанъ смѣется; только этотъ свѣтлѣйшій, рус-

ское-то сердце: «Дать, говоритъ, ему сто рублей! Да, неужто, говоритъ, свезешь?»

«— Завтра къ вечеру потрафимъ, ваша свѣтлость».

«— Да какъ ты сдѣлаешь?»

«— Это ужъ, если не обидно вашей свѣтлости — нашъ секретъ-съ», говоритъ, и, знаете, русскимъ этакимъ языкомъ. Понравилось: «Э, дать ему все, что потребуетъ!» Ну, и оставили; что жъ бы вы думали, онъ сдѣлалъ?

Хозяинъ пріостановился и сталъ обводить насъ умиленнымъ взглядомъ.

— Не знаю, — улыбался Версиловъ; я очень хмурился.

— А вотъ какъ онъ сдѣлалъ-съ, — проговорилъ хозяинъ съ такимъ торжествомъ, какъ будто онъ самъ это сдѣлалъ, — нанялъ онъ мужичковъ съ заступами, простыхъ этакихъ русскихъ, и сталъ копать у самаго камня, у самаго края, яму; всю ночь копали, огромную выкопали, ровно въ ростъ камню и такъ только на вершокъ еще поглубже, а какъ выкопали, велѣлъ онъ, помаленьку и осторожно, подкапывать землю ужъ изъ-подъ самаго камня. Ну, натурально, какъ подкопали, камню-то не на чемъ стоять, равновѣсіе-то и покачнулось; а какъ покачнулось равновѣсіе, они камушекъ-то съ другой стороны уже руками понаперли, этакъ на ура, по-русски: камень-то и бухъ въ яму! Тутъ же лопатами засыпали, трамбовкой утрамбовали, камушками замостили, — гладко, исчезъ камушекъ!

— Представьте себѣ! — сказалъ Версиловъ.

— То есть, народу-то, народу-то тутъ набѣжало, видимо-невидимо; англичане эти тутъ же,

давно догадались, злятся. Монферанъ пріѣхалъ: это, говоритъ, по-мужицки, слишкомъ, говоритъ, просто. Да вѣдь въ томъ-то и штука, что просто, а вы-то не догадались, дураки вы этакіе! Такъ это я вамъ скажу, этотъ начальникъ-то, государственное-то лицо, только обнялъ его, поцѣловалъ: «Да откуда ты былъ такой, говоритъ?» — «А изъ Ярославской губерніи, ваше сіятельство, мы, собственно, по нашему рукомеслу портные, а лѣтомъ въ столицу фруктомъ приходимъ торговать-съ». Ну, дошло до начальства; начальство велѣло ему медаль повѣсить; такъ и ходитъ съ медалью на шеѣ, да опился потомъ, говорятъ; знаете, русскій человѣкъ, не удержится! Оттого-то вотъ насъ до сихъ поръ иностранцы и заѣдаютъ, да-съ, вотъ-съ!

— Да, конечно, русскій умъ . . . — началъ было Версиловъ.

Но тутъ разсказчика, къ счастью его, кликнула больная хозяйка, и онъ убѣжалъ, а то бы я не выдержалъ. Версиловъ смѣялся.

— Милый ты мой, онъ меня цѣлый часъ передъ тобой веселилъ. Этотъ камень . . . это все, что есть самаго патріотически непорядочнаго между подобными разсказами, но какъ его перебить? Вѣдь ты видѣлъ, онъ таетъ отъ удовольствія. Да и кромѣ того, этотъ камень, кажется, и теперь стоитъ, если только не ошибаюсь, и вовсе не зарытъ въ яму . . .

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ я, — да вѣдь и вправду. Какъ же онъ смѣлъ! . .

— Что ты? Да ты, кажется, совсѣмъ въ негодованіи, полно. А это онъ, дѣйствительно, смѣшалъ: я слышалъ какой-то въ этомъ родѣ разсказъ

о камнѣ еще во времена моего дѣтства, только, разумѣется, не такъ и не про этотъ камнь. Помилуй: «дошло до начальства». Да у него вся душа пѣла въ ту минуту, когда онъ «дошелъ до начальства». Въ этой жалкой средѣ и нельзя безъ подобныхъ анекдотовъ. Ихъ у нихъ множество, главное — отъ ихъ невоздержности. Ничему не учились, ничего точно не знаютъ, ну, а кромѣ картъ и производствъ, захочется поговорить о чемъ-нибудь общечеловѣческомъ, поэтическомъ... Что онъ, кто такой этотъ Петръ Ипполитовичъ?

— Бѣднѣйшее существо, и даже несчастный.

— Ну, вотъ видишь, даже, можетъ, и въ карты не играетъ? Повторяю, разсказывая эту дребедень, онъ удовлетворяетъ своей любви къ ближнему: вѣдь онъ и насъ хотѣлъ осчастливить. Чувство патріотизма уже удовлетворено; напримѣръ, еще анекдотъ есть у нихъ, что Завьялову англичане милліонъ давали съ тѣмъ только, чтобъ онъ клейма не клалъ на свои издѣлія.

— Ахъ, Боже мой, этотъ анекдотъ я слышалъ.

— Кто этого не слышалъ, и онъ совершенно даже знаетъ, разсказывая, что ты это навѣрно ужъ слышалъ, но все-таки разсказываетъ, *нарочно* воображая, что ты не слыхалъ. Видѣніе шведскаго короля — это ужъ у нихъ, кажется, устарѣло; но въ моей юности, его съ засосомъ повторяли и съ таинственнымъ шепотомъ, точно такъ же, какъ и о томъ, что, въ началѣ столѣтія, кто-то будто бы стоялъ въ сенатѣ на колѣняхъ передъ сенаторами. Про коменданта Башуцкаго тоже много было анекдотовъ, какъ монументъ увезли. Они придворные анекдоты ужасно любятъ; напримѣръ, разсказы про министра прошлаго царствованія Чернышева,

какимъ образомъ онъ, семидесятилѣтній старикъ, такъ поддѣлывалъ свою наружность, что казался тридцатилѣтнимъ, и до того, что покойный государь удивлялся на выходахъ...

— Я и это слышалъ.

— Кто не слыхалъ? Всѣ эти анекдоты — верхъ непорядочности; но знай, что этотъ типъ непорядочнаго гораздо глубже и дальше распространенъ, чѣмъ мы думаемъ. Желаніе соврать, съ цѣлью осчастливить своего ближняго, ты встрѣтишь даже и въ самомъ порядочномъ нашемъ обществѣ, ибо всѣ мы страдаемъ этою невоздержанностью сердецъ нашихъ. Только у насъ въ другомъ родѣ разсказы; что у насъ объ одной Америкѣ разсказываютъ, такъ это — страсть, и государственные даже люди! Я и самъ, признаюсь, принадлежу къ этому непорядочному типу и всю жизнь страдалъ отъ того...

— Про Чернышева я и самъ разсказывалъ нѣсколько разъ.

— Ужъ и самъ разсказывалъ?

— Тутъ есть, кромѣ меня, еще жилецъ чиновникъ, тоже рябой, и уже старикъ, но тотъ ужасный прозаикъ, и чуть Петръ Ипполитовичъ заговоритъ, тотчасъ начнетъ его сбивать и противорѣчить. — И до того довелъ, что тотъ у него какъ рабъ прислуживаетъ и угождаетъ ему, только чтобъ тотъ слушалъ.

— Это — ужъ другой типъ непорядочнаго и даже, можетъ быть, омерзительнѣе перваго. Первый — весь восторгъ! «Да ты дай только соврать — посмотри, какъ хорошо выйдетъ». Второй — весь хандра и проза: «не дамъ соврать, гдѣ, когда, въ которомъ году?» — однимъ словомъ, че-

ловѣкъ безъ сердца. Другъ мой, дай всегда немного соврать человѣку — это невинно. Даже много дай соврать. Во-первыхъ, это покажетъ твою деликатность, а во-вторыхъ, за это тебѣ тоже дадутъ соврать — двѣ огромныхъ выгоды разомъ. Que diable! надобно любить своего ближняго. Но мнѣ пора. Ты премило устроился, — прибавилъ онъ, подымаясь со стула. — Разскажу Софьѣ Андреевнѣ и сестрѣ твоей, что заходилъ и засталъ тебя въ добромъ здоровьѣ. До свиданья, мой милый.

Какъ, неужели все? Да мнѣ вовсе не о томъ было нужно; я ждалъ другого, *главнаго,* хотя совершенно понималъ, что и нельзя было иначе. Я со свѣчей сталъ провожать его на лѣстницу; подскочилъ было хозяинъ, но я, потихоньку отъ Версилова, схватилъ его изо всей силы за руку и свирѣпо оттолкнулъ. Онъ поглядѣлъ было съ изумленіемъ, но мигомъ стушевался.

— Эти лѣстницы... — мямлилъ Версиловъ, растягивая слова, видимо, чтобъ сказать что-нибудь, и видимо боясь, чтобъ я не сказалъ чего-нибудь, — эти лѣстницы, — я отвыкъ, а у тебя третій этажъ, впрочемъ, я теперь найду дорогу... не безпокойся, мой милый, еще простудишься.

Но я не уходилъ. Мы спускались уже по второй лѣстницѣ.

— Я васъ ждалъ всѣ эти три дня, — вырвалось у меня внезапно, какъ бы само собой; я задыхался.

— Спасибо, мой милый.

— Я зналъ, что вы непремѣнно придете.

— А я зналъ, что ты знаешь, что я непремѣнно приду. Спасибо, мой милый.

Онъ примолкъ. Мы уже дошли до выходной

двери, а я все шелъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь; быстро ворвавшійся вѣтеръ потушилъ мою свѣчу. Тутъ я вдругъ схватилъ его за руку; была совершенная темнота. Онъ вздрогнулъ, но молчалъ. Я припалъ къ рукѣ его и вдругъ жадно сталъ ее цѣловать, нѣсколько разъ, много разъ.

— Милый мой мальчикъ, да за что ты меня такъ любишь? — проговорилъ онъ, но уже совсѣмъ другимъ голосомъ. Голосъ его задрожалъ, что-то зазвенѣло въ немъ совсѣмъ новое, точно и не онъ говорилъ.

Я хотѣлъ было что-то отвѣтить, но не смогъ и побѣжалъ наверхъ. Онъ же все ждалъ на мѣстѣ, и только лишь когда я добѣжалъ до квартиры, я услышалъ, какъ отворилась и съ шумомъ захлопнулась наружная дверь внизу. Мимо хозяина, который опять зачѣмъ-то подвернулся, я проскользнулъ въ мою комнату, задвинулся на защелку и, не зажигая свѣчки, бросился на мою кровать, лицомъ въ подушку и — плакалъ-плакалъ. Въ первый разъ заплакалъ съ самаго Тушара! Рыданья рвались изъ меня съ такою силою, и я былъ такъ счастливъ... но что описывать!

Я записалъ это теперь не стыдясь, потому что, можетъ быть, все это было и хорошо, несмотря на всю нелѣпость.

III.

Но ужъ и досталось же ему отъ меня за это! Я сталъ страшнымъ деспотомъ. Само собою, объ этой сценѣ потомъ у насъ и помину не было. Напротивъ, мы встрѣтились съ нимъ на третій же день, какъ ни въ чемъ не бывало — мало того: я былъ почти грубъ въ этотъ второй вечеръ, а онъ

тоже какъ будто сухъ. Случилось это опять у меня; я почему-то все еще не пошелъ къ нему самъ, несмотря на желаніе увидѣть мать.

Говорили мы все это время, т. е. во всѣ эти два мѣсяца, лишь о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ. И вотъ этому я удивляюсь: мы только и дѣлали, что говорили объ отвлеченныхъ предметахъ, — конечно, общечеловѣческихъ и самыхъ обыкновенныхъ, но нимало не касавшихся насущнаго. Между тѣмъ, многое, очень многое изъ насущнаго надо было опредѣлить и уяснить, и даже настоятельно, но объ этомъ-то мы и молчали. Я даже ничего о матери и о Лизѣ не говорилъ и... ну и, наконецъ, о себѣ самомъ, о всей моей исторіи. Отъ стыда ли это все было, или отъ какой-то юношеской глупости — не знаю. Полагаю, что отъ глупости, потому что стыдъ все-таки можно было перескочить. А деспотировалъ я его ужасно и даже въѣзжалъ неоднократно въ нахальство, и даже противъ сердца: это все какъ-то само собою неудержимо дѣлалось, самъ себя не могъ удержать. Его же тонъ былъ попрежнему съ тонкой насмѣшкой, хотя и чрезвычайно всегда ласковый, несмотря ни на что. Поражало меня тоже, что онъ больше любилъ самъ приходить ко мнѣ, такъ что я, наконецъ, ужасно рѣдко сталъ ходить къ мамѣ, въ недѣлю разъ, не больше, особенно въ самое послѣднее время, когда я ужъ совсѣмъ завертѣлся. Онъ приходилъ все по вечерамъ, сидѣлъ у меня и болталъ; тоже очень любилъ болтать и съ хозяиномъ; послѣднее меня бѣсило отъ такого человѣка, какъ онъ. Приходило мнѣ тоже на мысль: неужели ему не къ кому ходить, кромѣ меня? Но я знаю навѣрно, что у него были знакомства; въ послѣднее

время онъ даже возобновилъ многія прежнія сношенія въ свѣтскомъ кругу, въ послѣдній годъ имъ оставленныя; но, кажется, онъ не особенно соблазнялся ими и многое возобновилъ лишь оффиціально, болѣе же любилъ ходить ко мнѣ. Трогало меня иногда очень, что онъ, входя по вечерамъ, почти каждый разъ какъ будто робѣлъ, отворяя дверь, и въ первую минуту всегда съ страшнымъ безпокойствомъ заглядывалъ мнѣ въ глаза: «не помѣшаю ли, дескать? Скажи — я уйду». Даже говорилъ это иногда. Разъ, напримѣръ, именно въ послѣднее время, онъ вошелъ, когда уже я былъ совсѣмъ одѣтъ въ только что полученный отъ портного костюмъ и хотѣлъ ѣхать къ «князю Сережѣ», чтобъ съ тѣмъ отправиться куда слѣдуетъ (куда — объясню потомъ). Онъ же, войдя, сѣлъ, вѣроятно, не замѣтивъ, что я собираюсь; на него минутами нападала чрезвычайно странная разсѣянность. Какъ нарочно, онъ заговорилъ о хозяинѣ; я вспылилъ:

— Э, чертъ съ нимъ, съ хозяиномъ!

— Ахъ, милый, мой, — вдругъ поднялся онъ съ мѣста; — да ты, кажется, собираешься со двора, а я тебѣ помѣшалъ... Прости, пожалуйста.

И онъ смиренно заторопился выходить. Вотъ это-то смиреніе предо мной отъ такого человѣка, отъ такого свѣтскаго и независимаго человѣка, у котораго такъ много было своего, разомъ воскрешало въ моемъ сердцѣ всю мою нѣжность къ нему и всю мою въ немъ увѣренность. Но если онъ такъ любилъ меня, то почему же онъ не остановилъ меня тогда во время моего позора? Скажи онъ тогда слово — и я бы, можетъ быть, удержался. Впрочемъ, можетъ быть, нѣтъ. Но видѣлъ же онъ это франтовство, это фанфаронство, этого

Матвѣя (я даже разъ хотѣлъ довезти его на моихъ саняхъ, но онъ не сѣлъ; и даже нѣсколько разъ это было, что онъ не хотѣлъ садиться), вѣдь видѣлъ же, что у меня деньги сыплются — и ни слова, ни слова, даже не полюбопытствовалъ! Это меня до сихъ поръ удивляетъ, даже теперь. А я, разумѣется, нисколько тогда передъ нимъ не церемонился и все наружу выказывалъ, хотя, конечно, ни слова тоже не говорилъ въ объясненіе. Онъ не спрашивалъ, я и не говорилъ.

Впрочемъ, раза два-три мы какъ бы заговаривали и объ насущномъ. Я спросилъ его разъ однажды, вначалѣ, вскорѣ послѣ отказа отъ наслѣдства: чѣмъ же онъ жить теперь будетъ?

— Какъ-нибудь, другъ мой, — проговорилъ онъ съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ.

Теперь я знаю, что даже крошечный капиталъ Татьяны Павловны, тысячъ въ пять, на половину былъ затраченъ на Версилова въ эти послѣдніе два года.

Въ другой разъ мы какъ-то заговорили о мамѣ:

— Другъ мой, — сказалъ онъ вдругъ грустно, — я часто говорилъ Софьѣ Андреевнѣ, въ началѣ соединенія нашего, впрочемъ и въ серединѣ, и въ концѣ: «Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мнѣ не жалко, пока ты передо мной; а вѣдь умри ты, и я знаю, что уморю себя казнью».

Впрочемъ, помню, въ тотъ вечеръ онъ былъ особенно откровененъ:

— Хоть бы я былъ слабохарактерною ничтожностью и страдалъ этимъ сознаніемъ! А то вѣдь нѣтъ, я вѣдь знаю, что я безконечно силенъ, и чѣмъ, какъ ты думаешь? А вотъ именно этою непосредственною силою уживчивости съ чѣмъ бы то

ни было, столь свойственною всѣмъ умнымъ русскимъ людямъ нашего поколѣнія. Меня ничѣмъ не разрушишь, ничѣмъ не истребишь и ничѣмъ не удивишь. Я живучъ, какъ дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то же время — и ужъ, конечно, не по моей волѣ. Но тѣмъ не менѣе, знаю, что это безчестно, главное потому, что ужъ слишкомъ благоразумно. Я дожилъ до пятидесяти лѣтъ, и до сихъ поръ не вѣдаю: хорошо это, что я дожилъ, или дурно. Конечно, я люблю жить, и это прямо выходитъ изъ дѣла; но любить жизнь такому, какъ я — подло. Въ послѣднее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, а застрѣливаются. Но вѣдь ясно, что Крафты глупы; ну, а мы умны, — стало быть, и тутъ никакъ нельзя вывести параллели, и вопросъ все-таки остается открытымъ. И неужели земля только для такихъ, какъ мы, стоитъ? Всего вѣрнѣе, что да; но идея эта ужъ слишкомъ безотрадная. А, впрочемъ... а впрочемъ, вопросъ все-таки остается открытымъ.

Онъ говорилъ съ грустью, и все-таки я не зналъ, искренно или нѣтъ? Была въ немъ всегда какая-то складка, которую онъ ни за что не хотѣлъ оставить.

IV.

Я тогда его засыпалъ вопросами, я бросался на него, какъ голодный на хлѣбъ. Онъ всегда отвѣчалъ мнѣ съ готовностью и прямодушно, но, въ концѣ концовъ, всегда сводилъ на самые общіе афоризмы, такъ что, въ сущности, ничего нельзя было вытянуть. А, между тѣмъ, всѣ эти вопросы меня тревожили всю мою жизнь и, признаюсь откровенно,

я еще въ Москвѣ отдалялъ ихъ рѣшеніе, именно до свиданія нашего въ Петербургѣ. Я даже прямо это заявилъ ему, и онъ не разсмѣялся надо мной — напротивъ, помню, пожалъ мнѣ руку. Изъ всеобщей политики и изъ соціальныхъ вопросовъ я почти ничего не могъ изъ него извлечь, а эти-то вопросы, въ виду моей «идеи», всего болѣе меня и тревожили. О такихъ, какъ Дергачевъ, я вырвалъ у него разъ замѣтку, «что онъ ниже всякой критики», но въ то же время онъ странно прибавилъ, что «оставляетъ за собою право не придавать своему мнѣнію никакого значенія». О томъ, какъ кончатся современныя государства и міръ, и чѣмъ вновь обновится соціальный міръ, онъ ужасно долго отмалчивался, но, наконецъ, я таки вымучилъ изъ него однажды нѣсколько словъ:

— Я думаю, что все это произойдетъ какъ-нибудь чрезвычайно ординарно, — проговорилъ онъ разъ. — Просто-на-просто, всѣ государства, несмотря на всѣ балансы въ бюджетахъ и на «отсутствіе дефицитовъ», un beau matin запутаются окончательно, и всѣ до единаго пожелаютъ не заплатить, чтобъ всѣмъ до единаго обновиться во всеобщемъ банкротствѣ. Между тѣмъ, весь консервативный элементъ всего міра сему воспротивится, ибо онъ-то и будетъ акціонеромъ и кредиторомъ, и банкротства допустить не захочетъ. Тогда, разумѣется, начнется, такъ сказать, всеобщее окисленіе, прибудетъ много жида, и начнется жидовское царство; а засимъ всѣ тѣ, которые никогда не имѣли акцій, да и вообще ничего не имѣли, т. е. всѣ нищіе, естественно не захотятъ участвовать въ окисленіи... Начнется борьба, и, послѣ семидесяти семи пораженій, нищіе уничтожатъ акціонеровъ, от-

берутъ у нихъ акціи и сядутъ на ихъ мѣсто акціонерами же, разумѣется. Можетъ, и скажутъ что-нибудь новое, а, можетъ, и нѣтъ. Вѣрнѣе, что тоже обанкротятся. Далѣе, другъ мой, ничего не умѣю предугадать въ судьбахъ, которыя измѣнятъ ликъ міра сего. Впрочемъ, посмотри въ Апокалипсисѣ . . .

— Да неужели все это такъ матеріально; неужели только отъ однихъ финансовъ кончится нынѣшній міръ?

— О, разумѣется, я взялъ лишь одинъ уголокъ картины, но вѣдь и этотъ уголокъ связанъ со всѣмъ, такъ сказать, неразрывными узами.

— Что же дѣлать?

— Ахъ, Боже мой, да ты не торопись: это все не такъ скоро. Вообще же, ничего не дѣлать всего лучше, по крайней мѣрѣ, спокоенъ совѣстью, что ни въ чемъ не участвовалъ.

— Э, полноте, говорите дѣло. Я хочу знать, что именно мнѣ дѣлать и какъ мнѣ жить?

— Что тебѣ дѣлать, мой милый? Будь честенъ, никогда не лги, не пожелай дому ближняго своего, однимъ словомъ, прочти десять заповѣдей — тамъ все это навѣки написано.

— Полноте, полноте, все это такъ старо и притомъ — одни слова; а нужно дѣло.

— Ну, ужъ если очень одолѣетъ скука, постарайся полюбить кого-нибудь, или что-нибудь, или даже просто привязаться къ чему-нибудь.

— Вы только смѣетесь! И при томъ, что я одинъ-то сдѣлаю съ вашими десятью заповѣдями?

— А ты ихъ исполни, несмотря на всѣ твои вопросы и сомнѣнія, и будешь человѣкомъ великимъ.

— Никому неизвѣстнымъ.

— Ничего нѣтъ тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ.

— Да вы рѣшительно смѣетесь!

— Ну, если ужъ ты такъ принимаешь къ сердцу, то, всего лучше, постарайся поскорѣе спеціализироваться, займись постройками или адвокатствомъ, и тогда, занявшись уже настоящимъ и серьезнымъ дѣломъ, успокоишься и забудешь о пустякахъ.

— Я промолчалъ; ну что тутъ можно было извлечь? И однакоже, послѣ каждаго изъ подобныхъ разговоровъ я еще болѣе волновался чѣмъ прежде. Кромѣ того, я видѣлъ ясно, что въ немъ всегда какъ бы оставалась какая-то тайна, это-то и привлекало меня къ нему все больше и больше.

— Слушайте, — прервалъ я его однажды, — я всегда подозрѣвалъ, что вы говорите все это только такъ, со злобы и отъ страданія, но втайнѣ, про себя, вы-то и есть фанатикъ какой-нибудь высшей идеи и только скрываете или стыдитесь признаться.

— Спасибо тебѣ, мой милый.

— Слушайте, ничего нѣтъ выше, какъ быть полезнымъ. Скажите, чѣмъ въ данный мигъ я всего больше могу быть полезенъ? Я знаю, что вамъ не разрѣшить этого; но я только вашего мнѣнія ищу: вы скажете, и какъ вы скажете, такъ я и пойду, клянусь вамъ! Ну, въ чемъ же великая мысль?

— Ну, обратить камни въ хлѣбы — вотъ великая мысль.

— Самая великая? Нѣтъ, взаправду, вы указали цѣлый путь; скажите: самая великая?

— Очень великая, другъ мой, очень великая, но не самая великая; великая, но второстепенная, а только въ данный моментъ великая: наѣстся чело-

вѣкъ и не вспомнитъ; напротивъ, тотчасъ скажетъ: «Ну, вотъ я наѣлся, а теперь что дѣлать?» Вопросъ остается вѣковѣчно открытымъ.

— Вы разъ говорили про «Женевскія идеи»; я не понялъ, что такое «Женевскія идеи»?

— Женевскія идеи это — добродѣтель безъ Христа, мой другъ, теперешнія идеи или, лучше сказать, идея всей теперешней цивилизаціи. Однимъ словомъ, это — одна изъ тѣхъ длинныхъ исторій, которыя очень скучно начинать, и гораздо будетъ лучше, если мы съ тобой поговоримъ о другомъ, а еще лучше, если помолчимъ о другомъ.

— Вамъ бы все молчать!

— Другъ мой, вспомни, что молчать хорошо, безопасно и красиво.

— Красиво?

— Конечно. Молчаніе всегда красиво, а молчаливый всегда красивѣе говорящаго.

— Да такъ говорить, какъ мы съ вами, конечно, все равно, что молчать. Чертъ съ этакой красотой, а пуще всего чертъ съ этакой выгодой!

— Милый другъ, — сказалъ онъ мнѣ вдругъ, нѣсколько измѣняя тонъ, даже съ чувствомъ и съ какою-то особенною настойчивостью, — милый мой, я вовсе не хочу прельстить тебя какою-нибудь буржуазною добродѣтелью взамѣнъ твоихъ идеаловъ, не твержу тебѣ, что «счастье лучше богатырства»; напротивъ, богатырство выше всякаго счастья, и одна ужъ способность къ нему составляетъ счастье. Такимъ образомъ, это между нами рѣшено. Я именно и уважаю тебя за то, что ты смогъ, въ наше прокислое время, завести въ душѣ своей какую-то тамъ «свою идею» (не безпокойся, я очень запомнилъ). Но, все-таки, не-

льзя же не подумать и о мѣрѣ, потому что тебѣ теперь именно хочется звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей Россіи, пронестись громовою тучей и оставить всѣхъ въ страхѣ и въ восхищеніи, а самому скрыться въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Вѣдь, навѣрно, что-нибудь въ этомъ родѣ въ душѣ твоей, а потому я и считаю нужнымъ тебя предостеречь, потому что искренно полюбилъ тебя, мой милый.

Что̀ могъ я извлечь и изъ этого? Тутъ было только безпокойство обо мнѣ, объ моей матеріальной участи; сказывался отецъ съ своими прозаическими, хотя и добрыми чувствами; но того ли мнѣ надо было въ виду идей, за которыя каждый честный отецъ долженъ бы послать сына своего хоть на смерть, какъ древній Горацій своихъ сыновей за идею Рима?

Я приставалъ къ нему часто съ религіей, но тутъ туману было пуще всего. На вопросъ: что̀ мнѣ дѣлать въ этомъ смыслѣ? онъ отвѣчалъ самымъ глупымъ образомъ, какъ маленькому ребенку: — Надо вѣровать въ Бога, мой милый.

— Ну, а если я не вѣрю всему этому? — вскричалъ я разъ въ раздраженіи.

— И прекрасно, мой милый.

— Какъ прекрасно?

— Самый превосходный признакъ, мой другъ; самый даже благонадежный, потому что нашъ русскій атеистъ, если только онъ вправду атеистъ и чуть-чуть съ умомъ — самый лучшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ и всегда наклоненъ приласкать Бога, потому что непремѣнно добръ, а добръ потому, что безмѣрно доволенъ тѣмъ, что онъ—атеистъ. Атеисты наши — люди почтенные и въ высшей степе-

ни благонадежные, такъ сказать, опора отечества . . .

Это, конечно, было что-нибудь, но я хотѣлъ не того; однажды только онъ высказался, но такъ странно, что удивилъ меня больше всего, особенно въ виду всѣхъ этихъ католичествъ и веригъ, про которыя я объ немъ слышалъ:

— Милый мой,—сказалъ онъ мнѣ однажды, не дома, а какъ-то на улицѣ, послѣ длиннаго разговора; я провожалъ его. — Другъ мой — любить людей такъ, какъ они есть, невозможно. И, однакоже, должно. И потому дѣлай имъ добро, скрѣпя свои чувства, зажимая носъ и закрывая глаза (послѣднее необходимо). Переноси отъ нихъ зло, не сердясь на нихъ по возможности, «памятуя, что и ты человѣкъ». Разумѣется, ты поставленъ быть съ ними строгимъ, если дано тебѣ быть хоть чуть-чуть поумнѣе средины. Люди по природѣ своей низки и любятъ любить изъ страху; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Гдѣ-то въ Коранѣ Аллахъ повелѣваетъ пророку взирать на «строптивыхъ», какъ на мышей, дѣлать имъ добро и проходить мимо — немножко гордо, но вѣрно. Умѣй презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тутъ-то они и скверны. О, милый мой, я, судя по себѣ, сказалъ это! Кто лишь чуть-чуть не глупъ, тотъ не можетъ жить и не презирать себя, честенъ онъ или безчестенъ — это все равно. Любить своего ближняго и не презирать его — невозможно. По-моему, человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ, съ самаго начала, и «любовь къ человѣчеству» надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты

же самъ и создалъ въ душѣ своей — (другими словами, себя самого создалъ и къ себѣ самому любовь), — и котораго, поэтому, никогда и не будетъ на самомъ дѣлѣ.

— Никогда не будетъ?

— Другъ мой, я согласенъ, что это было бы глуповато, но тутъ не моя вина; а такъ какъ при мірозданіи со мной не справлялись, то я и оставляю за собою право имѣть на этотъ счетъ свое мнѣніе.

— Какъ же васъ называютъ послѣ этого христіаниномъ, — вскричалъ я, — монахомъ съ веригами, проповѣдникомъ? Не понимаю!

— А кто меня такъ называетъ?

Я разсказалъ ему; онъ выслушалъ очень внимательно, но разговоръ прекратилъ.

Никакъ не запомню, по какому поводу былъ у насъ этотъ памятный для меня разговоръ; но онъ даже раздражился, чего съ нимъ почти никогда не случалось. Говорилъ страстно и безъ насмѣшки, какъ бы и не мнѣ говорилъ. Но я опять-таки не повѣрилъ ему: не могъ же онъ съ такимъ, какъ я, говорить о такихъ вещахъ серьезно?

Глава вторая.

I.

Въ это утро, пятнадцатаго ноября, я именно засталъ его у «князя Сережи». Я же и свелъ его съ княземъ, но у нихъ и безъ меня было довольно пунктовъ соединенія (я говорю объ этихъ прежнихъ исторіяхъ за границей и проч.). Кромѣ того, князь далъ ему слово выдѣлить ему изъ наслѣдства, по крайней мѣрѣ, одну треть, что составило бы тысячъ двадцать непремѣнно. Мнѣ, помню, ужасно тогда было странно, что онъ выдѣляетъ всего треть, а не цѣлую половину; но я смолчалъ. Это обѣщаніе выдѣлить князь далъ тогда самъ собой; Версиловъ ни полсловечкомъ не участвовалъ, не заикнулся; князь самъ выскочилъ, а Версиловъ только молча допустилъ и ни разу потомъ не упомянулъ, даже и виду не показалъ, что сколько-нибудь помнитъ объ обѣщаніи. Замѣчу кстати, что князь вначалѣ былъ имъ рѣшительно очарованъ, въ особенности рѣчами его, даже приходилъ въ восторгъ и нѣсколько разъ мнѣ высказывался. Онъ иногда восклицалъ наединѣ со мной и почти съ отчаяніемъ про себя, что онъ — «такъ необразованъ, что онъ на такой ложной дорогѣ! ..» О, мы были еще тогда такъ дружны! .. Я и Версилову все ста-

рался внушать тогда о князѣ одно хорошее, защищалъ его недостатки, хотя и видѣлъ ихъ самъ; но Версиловъ отмалчивался или улыбался.

— Если въ немъ недостатки, то въ немъ, по крайней мѣрѣ, столько же достоинствъ, сколько и недостатковъ! — воскликнулъ я разъ наединѣ Версилову.

— Боже, какъ ты ему льстишь, — засмѣялся онъ.

— Чѣмъ льщу? — не понялъ было я.

— Столько же достоинствъ! Да вѣдь его мощи явятся, если столько достоинствъ, сколько у него недостатковъ!

Но, конечно, это было не мнѣніе. Вообще о князѣ онъ какъ-то избѣгалъ тогда говорить, какъ и вообще о всемъ насущномъ; но о князѣ особенно. Я подозрѣвалъ уже и тогда, что онъ заходитъ къ князю и безъ меня и что у нихъ есть особыя сношенія, но я допускалъ это. Не ревновалъ тоже и къ тому, что онъ говорилъ съ нимъ какъ бы серьезнѣе, чѣмъ со мной, болѣе, такъ сказать, положительно и менѣе пускалъ насмѣшки: но я былъ такъ тогда счастливъ, что это мнѣ даже нравилось. Я извинялъ еще и тѣмъ, что князь былъ немного ограниченъ, а потому любилъ въ словѣ точность, а иныхъ остротъ даже вовсе не понималъ. И вотъ, въ послѣднее время, онъ какъ-то сталъ эмансипироваться. Чувства его къ Версилову какъ будто начали даже измѣняться. Чуткій Версиловъ это замѣтилъ. Предупрежу тоже, что князь въ то же время и ко мнѣ измѣнился, даже слишкомъ видимо; оставались лишь какія-то мертвыя формы первоначальной нашей почти горячей дружбы. Между тѣмъ я все-таки продолжалъ къ нему ходить;

впрочемъ, какъ бы я и могъ не ходить, затянувшись во все это. О, какъ я былъ тогда неискусенъ, и неужели лишь одна глупость сердца можетъ довести человѣка до такого неумѣнія и униженія? Я бралъ у него деньги и думалъ, что это ничего, что такъ и надо. Впрочемъ, не такъ: я и тогда зналъ, что такъ не надо, но — я просто мало думалъ объ этомъ. Не изъ-за денегъ я ходилъ, хоть мнѣ и ужасно нужны были деньги. Я зналъ, что я не изъ-за денегъ хожу, но понималъ, что каждый день прихожу брать деньги. Но я былъ въ вихрѣ и, кромѣ всего этого, совсѣмъ другое тогда было въ душѣ моей, — пѣло въ душѣ моей!

Когда я вошелъ, часовъ въ одиннадцать утра, то засталъ Версилова уже доканчивавшаго какую-то длинную тираду; князь слушалъ, шагая по комнатѣ, а Версиловъ сидѣлъ. Князь казался въ нѣкоторомъ волненіи. Версиловъ почти всегда могъ приводить его въ волненіе. Князь былъ чрезвычайно воспріимчивое существо, до наивности, заставлявшее меня во многихъ случаяхъ смотрѣть на него свысока. Но, повторяю, въ послѣдніе дни въ немъ явилось что-то злобно оскаливающееся. Онъ пріостановился, увидя меня, и какъ бы что-то передернулось въ его лицѣ. Я зналъ про себя, чѣмъ объяснить эту тѣнь въ это утро, но не ожидалъ, что до такой степени передернется лицо его. Мнѣ извѣстно было, что у него накопились разныя безпокойства, но гадко было то, что я зналъ лишь десятую долю ихъ — остальное было для меня тогда крѣпкимъ секретомъ. Потому это было гадко и глупо, что я часто лѣзъ утѣшать его, давать совѣты и даже свысока усмѣхался надъ слабостью его выходить изъ себя «изъ-за такихъ пустяковъ».

Онъ отмалчивался; но невозможно, чтобъ не ненавидѣлъ меня въ тѣ минуты ужасно: я былъ въ слишкомъ фальшивомъ положенiи и даже не подозрѣвалъ того. О, свидѣтельствуюсь Богомъ, что главнаго не подозрѣвалъ!

Онъ, однако, вѣжливо протянулъ мнѣ руку, Версиловъ кивнулъ головою, не прерывая рѣчи. Я разлегся на диванѣ. И что за тонъ былъ тогда у меня, что за прiемы! Я даже еще пуще финтилъ, его знакомыхъ третировалъ какъ своихъ... Охъ, если бъ была возможность это все теперь передѣлать, какъ бы я сумѣлъ держать себя иначе!

Два слова, чтобъ не забыть; князь жилъ тогда въ той же квартирѣ, но занималъ ее уже почти всю; хозяйка квартиры, Столбѣева, пробыла лишь съ мѣсяцъ и опять куда-то уѣхала.

II.

Они говорили о дворянствѣ. Замѣчу, что эта идея очень волновала иногда князя, несмотря на весь его видъ прогрессизма, и я даже подозрѣваю, что многое дурное въ его жизни произошло и началось изъ этой идеи: цѣня свое княжество и будучи нищимъ, онъ всю жизнь изъ ложной гордости сыпалъ деньгами и затянулся въ долги. Версиловъ нѣсколько разъ намекалъ ему, что не въ томъ состоитъ княжество, и хотѣлъ насадить въ его сердцѣ болѣе высшую мысль; но князь подъ конецъ какъ бы сталъ обижаться, что его учатъ. По-видимому, что-то въ этомъ родѣ было и въ это утро, но я не засталъ начала. Слова Версилова показались мнѣ сначала ретроградными, но потомъ онъ поправился.

Слово честь — значитъ долгъ, — говорилъ онъ (я передаю лишь смыслъ и сколько запомню). Когда въ государствѣ господствуетъ главенствующее сословіе, тогда крѣпка земля. Главенствующее сословіе всегда имѣетъ свою честь и свое исповѣданіе чести, которое можетъ быть и неправильнымъ, но всегда почти служитъ связью и крѣпитъ землю; полезно нравственно, но болѣе политически. Но терпятъ рабы, то есть всѣ непринадлежащіе къ сословію. Чтобъ не терпѣли — сравниваются въ правахъ. Такъ у насъ и сдѣлано, и это прекрасно. Но по всѣмъ опытамъ, вездѣ доселѣ (въ Европѣ то есть) при уравненіяхъ правъ происходило пониженіе чувства чести, а, стало быть, и долга. Эгоизмъ замѣнялъ собою прежнюю скрѣпляющую идею, и все распадалось на свободу лицъ. Освобожденные, оставаясь безъ скрѣпляющей мысли, до того теряли подъ конецъ всякую высшую связь, что даже полученную свободу свою переставали отстаивать. Но русскій типъ дворянства никогда не походилъ на европейскій. Наше дворянство и теперь, потерявъ права, могло бы оставаться высшимъ сословіемъ, въ видѣ хранителя чести, свѣта, науки и высшей идеи и, что̀ главное, не замыкаясь уже въ отдѣльную касту, что̀ было бы смертью идеи. Напротивъ, ворота въ сословіе отворены у насъ уже слишкомъ издавна; теперь же пришло время ихъ отворить окончательно. Пусть всякій подвигъ чести, науки и доблести дастъ у насъ право всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ, сословіе само собою обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей, въ смыслѣ буквальномъ и истинномъ, а не въ прежнемъ смыслѣ привилегированной касты. Въ этомъ

новомъ или, лучше, обновленномъ видѣ могло бы удержаться сословіе.

Князь оскалилъ зубы:

— Это какое же будетъ тогда дворянство? Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство.

Повторяю, князь былъ ужасно необразованъ. Я даже повернулся съ досады на диванѣ, хоть и несовсѣмъ былъ согласенъ съ Версиловымъ. Версиловъ слишкомъ понялъ, что князь показываетъ зубы:

— Я не знаю, въ какомъ смыслѣ вы сказали про масонство, — отвѣтилъ онъ, — впрочемъ, если даже русскій князь отрекается отъ такой идеи, то, разумѣется, еще не наступило ей время. Идея чести и просвѣщенія, какъ завѣтъ всякаго, кто хочетъ присоединиться къ сословію, незамкнутому и обновляемому безпрерывно, конечно, — утопія, но почему же невозможная? Если живетъ эта мысль хотя лишь въ немногихъ головахъ, то она еще не погибла, а свѣтитъ, какъ огненная точка въ глубокой тьмѣ.

— Вы любите употреблять слова: «высшая мысль», «великая мысль», «скрѣпляющая идея» и проч.; я бы желалъ знать, что̀ собственно вы подразумѣваете подъ словомъ «великая мысль»?

— Право, не знаю, какъ вамъ отвѣтить на это, мой милый князь, — тонко усмѣхнулся Версиловъ. — Если я признаюсь вамъ, что и самъ не умѣю отвѣтить, то это будетъ вѣрнѣе. Великая мысль — это чаще всего чувство, которое слишкомъ иногда подолгу остается безъ опредѣленія. Знаю только, что это всегда было то, изъ чего истекала живая жизнь, то есть не умственная и не сочиненная, а, напротивъ, нескучная и веселая;

такъ что высшая идея, изъ которой она истекаетъ, рѣшительно необходима, къ всеобщей досадѣ, разумѣется.

— Почему къ досадѣ?

— Потому, что жить съ идеями скучно, а безъ идей всегда весело.

Князь съѣлъ пилюлю.

— А что же такое эта живая жизнь, по-вашему? (Онъ видимо злился.)

— Тоже не знаю, князь; знаю только, что это должно быть нѣчто ужасно простое, самое обыденное и въ глаза бросающееся, ежедневно и ежеминутно, и до того простое, что мы никакъ не можемъ повѣрить, чтобъ оно было такъ просто, и естественно, проходимъ мимо вотъ уже многія тысячи лѣтъ, не замѣчая и не узнавая.

— Я хотѣлъ только сказать, что ваша идея о дворянствѣ есть въ то же время и отрицаніе дворянства, — сказалъ князь.

— Ну, если ужъ очень того хотите, то дворянство у насъ, можетъ быть, никогда и не существовало.

— Все это ужасно темно и неясно. Если говорить, то, по-моему, надо развить . . .

Князь сморщилъ лобъ и мелькомъ взглянулъ на стѣнные часы. Версиловъ всталъ и захватилъ свою шляпу:

— Развить? — сказалъ онъ, — нѣтъ, ужъ лучше не развивать, и къ тому же страсть моя — говорить безъ развитія. Право, такъ. И вотъ еще странность: случись, что я начну развивать мысль, въ которую вѣрую, и почти всегда такъ выходитъ, что въ концѣ изложенія я самъ перестаю вѣровать въ излагаемое; боюсь подвергнуться и теперь. До

свиданія, дорогой князь: у васъ я всегда непростительно разболтаюсь.

Онъ вышелъ; князь вѣжливо проводилъ его, но мнѣ было обидно.

— Чего вы-то нахохлились? — вдругъ выпалилъ онъ, не глядя и проходя мимо къ конторкѣ.

— Я къ тому нахохлился, — началъ я съ дрожью въ голосѣ, — что, находя въ васъ такую странную перемѣну тона ко мнѣ и даже къ Версилову, я... Конечно, Версиловъ, можетъ быть, началъ нѣсколько ретроградно, но потомъ онъ поправился и... въ его словахъ, можетъ быть, заключалась глубокая мысль, но вы просто не поняли и...

— Я просто не хочу, чтобъ меня выскакивали учить и считали за мальчишку! — отрѣзалъ онъ почти съ гнѣвомъ.

— Князь, такія слова...

— Пожалуйста, безъ театральныхъ жестовъ — сдѣлайте одолженіе. Я знаю, что то, что̀ я дѣлаю — подло, что я — мотъ, игрокъ, можетъ быть, воръ... да, воръ, потому что я проигрываю деньги семейства, но я вовсе не хочу надо мной судей. Не хочу и не допускаю. Я — самъ себѣ судъ. И къ чему двусмысленности? Если онъ хотѣлъ мнѣ высказать, то и говори прямо, а не пророчь сумбуръ туманный. Но, чтобъ сказать это мнѣ, надо право имѣть, надо самому быть честнымъ...

— Во-первыхъ, я не засталъ начала и не знаю, о чемъ вы говорили, а, во-вторыхъ, чѣмъ же безчестенъ Версиловъ, позвольте васъ это спросить?

— Довольно, прошу васъ, довольно. Вы вчера просили триста рублей, вотъ они... — Онъ поло-

жилъ передо мной на столъ деньги, а самъ сѣлъ въ кресло, нервно отклонился на спинку и забросилъ одну ногу за другую. Я остановился въ смущеніи:

— Я не знаю . . . — пробормоталъ я: — хоть я васъ и просилъ . . . и хоть мнѣ и очень нужны деньги теперь, но, въ виду такого тона . . .

— Оставьте тонъ. Если я сказалъ что-нибудь рѣзкое, то извините меня. Увѣряю васъ, что мнѣ не до того. Выслушайте дѣло: я получилъ письмо изъ Москвы; братъ Саша, еще ребенокъ онъ, вы знаете, умеръ, четыре дня назадъ. Отецъ мой, какъ вамъ тоже извѣстно, вотъ уже два года въ параличѣ, а теперь ему, пишутъ, хуже, слова не можетъ вымолвить и не узнаетъ. Они обрадовались тамъ наслѣдству и хотятъ везти за границу; но мнѣ пишетъ докторъ, что онъ врядъ ли и двѣ недѣли проживетъ. Стало быть, остаемся мать, сестра и я, и, стало быть, теперь я одинъ почти . . . Ну, однимъ словомъ, я — одинъ . . . Это наслѣдство . . . Это наслѣдство — о, можетъ, лучше бъ было, если бъ оно не приходило вовсе! Но вотъ что̀ именно я вамъ хотѣлъ сообщить: я обѣщалъ изъ этого наслѣдства Андрею Петровичу minimum двадцать тысячъ . . . А, между тѣмъ, представьте, за формальностями, до сихъ поръ ничего нельзя было сдѣлать. Я даже . . . мы то есть . . . то есть отецъ еще не введенъ даже и во владѣніе этимъ имѣніемъ. Между тѣмъ, я потерялъ въ послѣднія три недѣли столько денегъ, и этотъ мерзавецъ Стебельковъ беретъ такіе проценты . . . Я вамъ отдалъ теперь почти послѣднія . . .

— О, князь, если такъ . . .

— Я не къ тому, не къ тому. Стебельковъ принесетъ сегодня навѣрно, и на перехватку до-

вольно будетъ, но чертъ его знаетъ этого Стебелькова! Я умолялъ его достать мнѣ десять тысячъ, чтобы хоть десять тысячъ я могъ отдать Андрею Петровичу. Мое обѣщаніе ему выдѣлить треть меня мучаетъ, истязуетъ. Я далъ слово и долженъ сдержать. И, клянусь вамъ, я рвусь освободиться отъ обязательствъ хоть съ этой стороны. Мнѣ они тяжелы, тяжелы, невыносимы! Эта тяготѣющая на мнѣ связь... Я не могу видѣть Андрея Петровича, потому что не могу глядѣть ему прямо въ глаза... зачѣмъ же онъ злоупотребляетъ?

— Чѣмъ онъ злоупотребляетъ, князь? — остановился я передъ нимъ въ изумленіи. — Развѣ онъ когда вамъ хоть намекалъ?

— О, нѣтъ, и я цѣню, но я самъ себѣ намекалъ. И, наконецъ, я все больше и больше втягиваюсь... Этотъ Стебельковъ...

— Послушайте, князь, успокойтесь, пожалуйста; я вижу, что вы чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ волненіи, а, между тѣмъ, все это, можетъ быть, лишь миражъ. О, я затянулся и самъ, непростительно, подло; но вѣдь я знаю, что это только временное... и только бы мнѣ отыграть извѣстную цифру, и тогда... скажите, я вамъ долженъ съ этими тремя стами до двухъ тысячъ пятисотъ, такъ ли?

— Я съ васъ, кажется, не спрашиваю,—вдругъ оскалился князь.

— Вы говорите: Версилову десять тысячъ. Если я беру у васъ теперь, то, конечно, эти деньги пойдутъ въ зачетъ двадцати тысячъ Версилова; я иначе не допускаю. Но... но я навѣрно и самъ отдамъ... Да неужели же вы думаете, что Версиловъ къ вамъ ходитъ за деньгами?

— Для меня легче было бъ, если бъ онъ ходилъ ко мнѣ за деньгами, — загадочно промолвилъ князь.

— Вы говорите объ какой-то «тяготѣющей связи» . . . Если это съ Версиловымъ и со мной, то это, ей Богу, обидно. И, наконецъ, вы говорите: зачѣмъ онъ самъ не таковъ, какимъ быть учитъ — вотъ ваша логика! И, во-первыхъ, это — не логика, позвольте мнѣ это вамъ доложить, потому что, если бъ онъ былъ и не таковъ, то все-таки не могъ не проповѣдывать истину . . . И, наконецъ, что̀ это за слово «проповѣдуетъ»? Вы говорите: «пророкъ». Скажите, это вы его назвали «бабьимъ пророкомъ» въ Германіи?

— Нѣтъ, не я.

— Мнѣ Стебельковъ говорилъ, что вы.

— Онъ солгалъ. Я — не мастеръ давать насмѣшливыя прозвища. Но если кто проповѣдуетъ честь, то будь и самъ честенъ — вотъ моя логика; и, если неправильна, то все равно. Я хочу, чтобъ было такъ и будетъ такъ. И никто, никто не смѣй приходить судить меня ко мнѣ въ домъ и считать меня за младенца! Довольно! — вскричалъ онъ, махнувъ на меня рукой, чтобъ я не продолжалъ . . . — А, наконецъ!

Отворилась дверь, и вошелъ Стебельковъ.

III.

Онъ былъ все тотъ же, такъ же щеголевато одѣтъ, такъ же выставлялъ грудь впередъ, такъ же глупо смотрѣлъ въ глаза, такъ же воображалъ, что̀ хитритъ, и былъ очень доволенъ собой. На этотъ разъ, входя, онъ какъ-то странно осмотрѣлся; что-то особенно осторожное и проница-

тельное было въ его взглядѣ, какъ будто онъ что то хотѣлъ угадать по нашимъ физіономіямъ. Мигомъ, впрочемъ, онъ успокоился, и самоувѣренная улыбка засіяла на губахъ его, та «просительно-наглая» улыбка, которая все-таки была невыразимо гадка для меня.

Я зналъ давно, что онъ очень мучилъ князя. Онъ уже разъ или два приходилъ при мнѣ. Я... я тоже имѣлъ съ нимъ одно сношеніе въ этотъ послѣдній мѣсяцъ, но на этотъ разъ я, по одному случаю, немного удивился его приходу.

— Сейчасъ, — сказалъ ему князь, не поздоровавшись съ нимъ и, обратясь къ намъ спиной, сталъ вынимать изъ конторки нужные бумаги и счеты. Что̀ до меня, я былъ рѣшительно обиженъ послѣдними словами князя; намекъ на безчестность Версилова былъ такъ ясенъ (и такъ удивителенъ!), что нельзя было оставить его безъ радикальнаго разъясненія. Но при Стебельковѣ невозможно было. Я разлегся опять на диванѣ и развернулъ лежавшую передо мной книгу.

— Бѣлинскій, вторая часть! Это — новость; просвѣтиться желаете? — крикнулъ я князю и, кажется, очень выдѣланно.

Онъ былъ очень занятъ и спѣшилъ, но на слова мои вдругъ обернулся:

— Я васъ прошу, оставьте эту книгу въ покоѣ, — рѣзко проговорилъ онъ.

Это выходило уже изъ границъ, и главное, — при Стебельковѣ! Какъ нарочно, Стебельковъ хитро и гадко осклабился и украдкой кивнулъ мнѣ на князя. Я отворотился отъ этого глупца.

— Не сердитесь, князь; уступаю васъ самому главному человѣку, а пока стушевываюсь...

Я рѣшился быть развязнымъ.

— Это я-то — главный человѣкъ? — подхватилъ Стебельковъ, весело показывая самъ на себя пальцемъ.

— Да, вы-то; вы самый главный человѣкъ и есть, и сами это знаете.

— Нѣтъ-съ, позвольте. На свѣтѣ вездѣ второй человѣкъ. Я — второй человѣкъ. Есть первый человѣкъ и есть второй человѣкъ. Первый человѣкъ сдѣлаетъ, а второй человѣкъ возьметъ. Значитъ, второй человѣкъ выходитъ первый человѣкъ, а первый человѣкъ — второй человѣкъ. Такъ или не такъ?

— Можетъ, и такъ, только я васъ, по обыкновенію, не понимаю.

— Позвольте. Была во Франціи революція и всѣхъ казнили. Пришелъ Наполеонъ и все взялъ. Революція — это первый человѣкъ, а Наполеонъ — второй человѣкъ. А вышло, что Наполеонъ сталъ первый человѣкъ, а революція стала второй человѣкъ. Такъ или не такъ?

Замѣчу, между прочимъ, что въ томъ, что онъ заговорилъ со мной про французскую революцію, я увидѣлъ какую-то еще прежнюю хитрость его, меня очень забавлявшую: онъ все еще продолжалъ считать меня за какого-то революціонера, и во всѣ разы, какъ меня встрѣчалъ, находилъ необходимымъ заговорить о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ.

— Пойдемте, — сказалъ князь, и оба вышли въ другую комнату. Оставшись одинъ, я окончательно рѣшился отдать ему назадъ его триста рублей, какъ только уйдетъ Стебельковъ. Мнѣ эти деньги были до крайности нужны, но я рѣшился.

Они оставались тамъ минутъ десять совсѣмъ не

слышно, и вдругъ громко заговорили. Заговорили оба, но князь вдругъ закричалъ, какъ бы въ сильномъ раздраженіи, доходившемъ до бѣшенства. Онъ иногда бывалъ очень вспыльчивъ, такъ что даже я спускалъ ему. Но въ эту самую минуту вошелъ лакей съ докладомъ; я указалъ ему на ихъ комнату, и тамъ мигомъ все затихло. Князь быстро вышелъ съ озабоченнымъ лицомъ, но съ улыбкой; лакей побѣжалъ, и черезъ полминуты вошелъ къ князю гость.

Это былъ одинъ важный гость, съ аксельбантами и вензелемъ, господинъ лѣтъ не болѣе тридцати, великосвѣтской и какой-то строгой наружности. Предварю читателя, что князь Сергѣй Петровичъ къ высшему петербургскому свѣту все еще не принадлежалъ настоящимъ образомъ, несмотря на все страстное желаніе свое (о желаніи я зналъ), а потому онъ ужасно долженъ былъ цѣнить такое посѣщеніе. Знакомство это, какъ мнѣ извѣстно было, только что завязалось, послѣ большихъ стараній князя; гость отдавалъ теперь визитъ, но, къ несчастью, накрылъ хозяина врасплохъ. Я видѣлъ, съ какимъ мученіемъ и съ какимъ потеряннымъ взглядомъ обернулся было князь на мигъ къ Стебелькову; но Стебельковъ вынесъ взглядъ какъ ни въ чемъ не бывало и, нисколько не думая стушевываться, развязно сѣлъ на диванъ и началъ рукой ерошить свои волосы, вѣроятно, въ знакъ независимости. Онъ сдѣлалъ даже какую-то важную мину, однимъ словомъ, рѣшительно былъ невозможенъ. Что̀ до меня, разумѣется, я и тогда уже умѣлъ себя держать и, конечно, не осрамилъ бы никого, но каково же было мое изумленіе, когда я поймалъ тотъ же потерянный, жалкій и злобный

взглядъ князя и на мнѣ: онъ стыдился, стало быть, насъ обоихъ и меня равнялъ со Стебельковымъ. Эта идея привела меня въ бѣшенство; я разлегся еще больше и сталъ перебирать книгу съ такимъ видомъ, какъ будто до меня ничего не касается. Напротивъ, Стебельковъ выпучилъ глаза, выгнулся впередъ и началъ вслушиваться въ ихъ разговоръ, полагая, вѣроятно, что это и вѣжливо, и любезно. Гость разъ-другой глянулъ на Стебелькова; впрочемъ, и на меня тоже.

Они заговорили о семейныхъ новостяхъ; этотъ господинъ когда-то зналъ мать князя, происходившую изъ извѣстной фамиліи. Сколько я могъ заключить, гость, несмотря на любезность и кажущееся простодушіе тона, былъ очень чопоренъ и, конечно, цѣнилъ себя настолько, что визитъ свой могъ считать за большую честь даже кому бы то ни было. Если бъ князь былъ одинъ, то есть безъ насъ, я увѣренъ, онъ былъ бы достойнѣе и находчивѣе; теперь же что-то особенно дрожавшее въ улыбкѣ его, можетъ быть, слишкомъ ужъ любезной, и какая-то странная разсѣянность выдавали его.

Еще пяти минутъ они не сидѣли, какъ вдругъ еще доложили гостя и, какъ нарочно, тоже изъ компрометирующихъ. Этого я зналъ хорошо и слышалъ о немъ много, хотя онъ меня совсѣмъ не зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, впрочемъ, лѣтъ уже двадцати трехъ, прелестно одѣтый, хорошаго дома и красавчикъ собой, но — несомнѣнно дурного общества. Въ прошломъ году онъ еще служилъ въ одномъ изъ виднѣйшихъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, но принужденъ былъ самъ подать въ отставку, и всѣ знали

изъ какихъ причинъ. Объ немъ родные публиковали даже въ газетахъ, что не отвѣчаютъ за его долги, но онъ продолжалъ еще и теперь свой кутежъ, доставая деньги по десяти процентовъ въ мѣсяцъ, страшно играя въ игорныхъ обществахъ и проматываясь на одну извѣстную француженку. Дѣло въ томъ, что съ недѣлю назадъ ему удалось выиграть въ одинъ вечеръ тысячъ двѣнадцать, и онъ торжествовалъ. Съ княземъ онъ былъ на дружеской ногѣ: они часто и вмѣстѣ заодно играли; но князь даже вздрогнулъ, завидѣвъ его, я замѣтилъ это съ своего мѣста: этотъ мальчикъ былъ всюду какъ у себя дома, говорилъ громко и весело, не стѣсняясь ничѣмъ, и все что̀ на умъ придетъ, и, ужъ разумѣется, ему и въ голову не могло придти, что нашъ хозяинъ такъ дрожитъ передъ своимъ важнымъ гостемъ за свое общество.

Войдя, онъ прервалъ ихъ разговоръ и тотчасъ началъ разсказывать о вчерашней игрѣ, даже еще и не садясь.

— Вы, кажется, тоже были, — оборотился онъ съ третьей фразы къ важному гостю, принявъ того за кого-то изъ своихъ, но, тотчасъ же, разглядѣвъ, крикнулъ:

— Ахъ, извините, а я васъ было принялъ тоже за вчерашняго!

— Алексѣй Владимiровичъ Дарзанъ, Ипполитъ Александровичъ Нащокинъ, — поспѣшно познакомилъ ихъ князь; этого мальчика все-таки можно было рекомендовать: фамилiя была хорошая и извѣстная, но насъ онъ давеча не отрекомендовалъ, и мы продолжали сидѣть по своимъ угламъ. Я рѣшительно не хотѣлъ повертывать къ нимъ головы, но Стебельковъ, при видѣ молодого человѣка,

сталъ радостно осклабляться и видимо угрожалъ заговорить. Все это мнѣ становилось даже забавно.

— Я васъ въ прошломъ году часто у графини Веригиной встрѣчалъ, — сказалъ Дарзанъ.

— Я васъ помню, но вы были тогда, кажется, въ военномъ, — ласково отвѣтилъ Нащокинъ.

— Да, въ военномъ, но благодаря ... А, Стебельковъ, ужъ тутъ? Какимъ образомъ онъ здѣсь? Вотъ именно благодаря вотъ этимъ господчикамъ, я и не въ военномъ, — указалъ онъ прямо на Стебелькова и захохоталъ. Радостно засмѣялся и Стебельковъ, вѣроятно, принявъ за любезность. Князь покраснѣлъ и поскорѣе обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Нащокину, а Дарзанъ, подойдя къ Стебелькову, заговорилъ съ нимъ о чемъ-то очень горячо, но уже вполголоса.

— Вамъ, кажется, очень знакома была за границей Катерина Николаевна Ахмакова? — спросилъ гость князя.

— О да, я зналъ ...

— Кажется, здѣсь будетъ скоро одна новость. Говорятъ, она выходитъ замужъ за барона Бьоринга.

— Это вѣрно! — крикнулъ Дарзанъ.

— Вы ... навѣрно это знаете? — спросилъ князь Нащокина, съ видимымъ волненіемъ и съ особеннымъ удареніемъ выговаривая свой вопросъ.

— Мнѣ говорили; и объ этомъ, кажется, уже говорятъ; навѣрно, впрочемъ, не знаю.

— О, навѣрно! — подошелъ къ нимъ Дарзанъ: — мнѣ вчера Дубасовъ говорилъ; онъ всегда такія новости первый знаетъ. Да и князю слѣдовало бы знать ...

Нащокинъ переждалъ Дарзана и опять обратился къ князю:

— Она рѣдко стала бывать въ свѣтѣ.

— Послѣдній мѣсяцъ ея отецъ былъ боленъ, — какъ-то сухо замѣтилъ князь.

— А съ похожденіями, кажется, барыня! — брякнулъ вдругъ Дарзанъ.

Я поднялъ голову и выпрямился.

— Я имѣю удовольствіе лично знать Катерину Николаевну и беру на себя долгъ завѣрить, что всѣ скандальные слухи — одна ложь и срамъ.. и выдуманы тѣми... которые кружились, да не успѣли.

Такъ глупо оборвавъ, я замолчалъ, все еще смотря на всѣхъ съ разгорѣвшимся лицомъ и выпрямившись. Всѣ ко мнѣ обернулись, но вдругъ захихикалъ Стебельковъ; осклабился тоже и пораженный было Дарзанъ.

— Аркадій Макаровичъ Долгорукій, — указалъ на меня князь Дарзану.

— Ахъ, повѣрьте, *князь,* — открыто и добродушно обратился ко мнѣ Дарзанъ: — я не отъ себя говорю; если были толки, то не я ихъ распустилъ.

— О, я не вамъ !— быстро отвѣтилъ я, но ужъ Стебельковъ непозволительно разсмѣялся и именно, какъ объяснилось послѣ, тому, что Дарзанъ назвалъ меня княземъ. Адская моя фамилія и тутъ подгадила. Даже и теперь краснѣю отъ мысли, что я, отъ стыда, конечно, не посмѣлъ въ ту минуту поднять эту глупость и не заявилъ вслухъ, что я просто — Долгорукій. Это случилось еще въ первый разъ въ моей жизни. Дарзанъ въ недоумѣніи глядѣлъ на меня и на смѣющагося Стебелькова.

— Ахъ, да! Какую это хорошенькую я сейчасъ встрѣтилъ у васъ на лѣстницѣ, востренькая и свѣтленькая? — спросилъ онъ вдругъ князя.

— Право, не знаю какую, — отвѣтилъ тотъ, быстро покраснѣвъ.

— Кому знать? — засмѣялся Дарзанъ.

— Впрочемъ, это . . . это могла быть . . . — замялся какъ-то князь.

— Это . . . вотъ именно ихъ сестрица была, Лизавета Макаровна! — указалъ вдругъ на меня Стебельковъ. — Потому я ихъ тоже давеча встрѣтилъ . . .

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! — подхватилъ князь, но на этотъ разъ съ чрезвычайно солидною и серьезною миной въ лицѣ: — это, должно быть, Лизавета Макаровна, короткая знакомая Анны Ѳедоровны Столбѣевой, у которой я теперь живу. Она, вѣрно, посѣщала сегодня Дарью Онисимовну, тоже близкую знакомую Анны Ѳедоровны, на которую та, уѣзжая, оставила домъ . . .

Это все точно такъ и было. Эта Дарья Онисимовна была мать бѣдной Оли, о которой я уже разсказывалъ и которую Татьяна Павловна пріютила, наконецъ, у Столбѣевой. Я отлично зналъ, что Лиза у Столбѣевой бывала и изрѣдка посѣщала потомъ бѣдную Дарью Онисимовну, которую всѣ у насъ очень полюбили; но тогда, вдругъ, послѣ этого, впрочемъ, чрезвычайно дѣльнаго заявленія князя и особенно послѣ глупой выходки Стебелькова, а, можетъ быть, и потому, что меня сейчасъ назвали княземъ, я вдругъ отъ всего этого весь покраснѣлъ. Къ счастію, въ эту самую минуту всталъ Нащокинъ, чтобъ уходить; онъ протянулъ руку и Дарзану. Въ мгновеніе, когда мы остались

одни съ Стебельковымъ, тотъ вдругъ закивалъ мнѣ на Дарзана, стоявшаго къ намъ спиною, въ дверяхъ, я показалъ Стебелькову кулакъ.

Черезъ минуту отправился и Дарзанъ, условившись съ княземъ непремѣнно встрѣтиться завтра въ какомъ-то уже намѣченномъ у нихъ мѣстѣ — въ игорномъ домѣ, разумѣется. Выходя, онъ крикнулъ что-то Стебелькову и слегка поклонился и мнѣ. Чуть онъ вышелъ, Стебельковъ вскочилъ съ мѣста и сталъ среди комнаты, поднявъ палецъ кверху:

— Этотъ барченокъ слѣдующую штуку на прошлой недѣлѣ откололъ: далъ вексель, а бланкъ надписалъ фальшивый на Аверьянова. Векселекъ-то въ этомъ видѣ и существуетъ, только это не принято! Уголовное. Восемь тысячъ.

— И навѣрно этотъ вексель у васъ? — звѣрски взглянулъ я на него.

— У меня банкъ-съ, у меня Mont de piété, а не вексель. Слыхали, что такое Mont de piété въ Парижѣ? Хлѣбъ и благодѣяніе бѣднымъ; у меня Mont de piété...

Князь грубо и злобно остановилъ его:

— Вы чего тутъ? Зачѣмъ вы сидѣли?

— А, — быстро закивалъ глазами Стебельковъ: — а то? Развѣ не то?

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, не то, — закричалъ и топнулъ князь: — я сказалъ!

— А ну, если такъ... такъ и такъ. Только это — не такъ...

Онъ круто повернулся и, наклоня голову и выгнувъ спину, вдругъ вышелъ. Князь прокричалъ ему вслѣдъ уже въ дверяхъ:

— Знайте, сударь, что я васъ нисколько не боюсь!

Онъ былъ очень раздраженъ, хотѣлъ было сѣсть, но, взглянувъ на меня, не сѣлъ. Взглядъ его какъ будто и мнѣ тоже проговорилъ: «Ты тоже зачѣмъ торчишь?»

— Я, князь . . . началъ было я.

— Мнѣ, право, некогда, Аркадій Макаровичъ, я сейчасъ ѣду.

— Одну минутку, князь, мнѣ очень важное; и, во-первыхъ, возьмите назадъ ваши триста.

— Это еще что такое?

Онъ ходилъ, но пріостановился.

— То такое, что послѣ всего, что было . . . и то, что вы говорили про Версилова, что онъ безчестенъ, и, наконецъ, вашъ тонъ во все остальное время . . . Однимъ словомъ, я никакъ не могу принять.

— Вы однакоже *принимали* цѣлый мѣсяцъ.

Онъ вдругъ сѣлъ на стулъ. Я стоялъ у стола и одной рукой трепалъ книгу Бѣлинскаго, а въ другой держалъ шляпу.

— Были другія чувства, князь. . . И, наконецъ, я бы никогда не довелъ до извѣстной цифры. . . Эта игра. . . Однимъ словомъ, я не могу!

— Вы просто ничѣмъ не ознаменовали себя, а потому и бѣситесь; я бы попросилъ васъ оставить эту книгу въ покоѣ.

— Что это значитъ: «не ознаменовали себя»? И, наконецъ, вы при вашихъ гостяхъ почти сравняли меня съ Стебельковымъ.

— А, вотъ разгадка!—ѣдко осклабился онъ.— Къ тому же вы сконфузились, что Дарзанъ васъ назвалъ княземъ.

Онъ злобно засмѣялся. Я вспыхнулъ.

— Я даже не понимаю . . . ваше княжество я не возьму и даромъ.

— Я знаю вашъ характеръ. Какъ смѣшно вы крикнули въ защиту Ахмаковой... Оставьте книгу!

— Что это значитъ? — вскричалъ я тоже.

— О-ставь-те книгу! — завопилъ онъ вдругъ, свирѣпо выпрямившись въ креслѣ, точно готовый броситься.

— Это ужъ сверхъ всякихъ границъ, — проговорилъ я и быстро вышелъ изъ комнаты. Но я еще не прошелъ до конца залы, какъ онъ крикнулъ мнѣ изъ дверей кабинета:

— Аркадій Макаровичъ, воротитесь! Во-ро-ти-тесь! Во-ро-ти-тесь сейчасъ!

Я не слушалъ и шелъ. Онъ быстрыми шагами догналъ меня, схватилъ за руку и потащилъ въ кабинетъ. Я не сопротивлялся.

— Возьмите! — говорилъ онъ блѣдный отъ волненія, подавая брошенные мной триста рублей. — Возьмите непремѣнно... иначе мы... непремѣнно!

— Князь, какъ я могу взять?

— Ну, я у вас прошу прощенья, хотите? Ну, простите меня!..

— Князь, я васъ всегда любилъ, и если вы меня тоже...

— Я — тоже: возьмите...

Я взялъ. Губы его дрожали.

— Я понимаю, князь, что вы взбѣшены этимъ мерзавцемъ... но я не иначе, князь, возьму, какъ если мы поцѣлуемся, какъ въ прежнихъ размолвкахъ...

Говоря это, я тоже дрожалъ.

— Ну, вотъ нѣжности, — пробормоталъ князь, смущенно улыбаясь, но нагнулся и поцѣловалъ меня.

Я вздрогнулъ: въ лицѣ его, въ мигъ поцѣлуя, я рѣшительно прочелъ отвращеніе.

— По крайней мѣрѣ, деньги-то вамъ принесъ?..

- Э, все равно.

– Я для васъ же. . .

— Принесъ, принесъ.

— Князь, мы были друзьями. . . и, наконецъ, Версиловъ. . .

— Ну да, да; хорошо!

— И, наконецъ, я, право, не знаю окончательно, эти триста. . .

Я держалъ ихъ въ рукахъ.

— Берите, бе-ри-те! — усмѣхнулся онъ опять, но въ улыбкѣ его было что-то очень недоброе.

Я взялъ.

Глава третья.

I.

Я взялъ потому, что любилъ его. Кто не повѣритъ, тому я отвѣчу, что въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, когда я бралъ у него эти деньги, я былъ твердо увѣренъ, что если захочу, то слишкомъ могу достать и изъ другого источника. А потому, стало быть, взялъ не изъ крайности, а изъ деликатности, чтобъ только его не обидѣть. Увы, я такъ тогда разсуждалъ! Но все-таки мнѣ было очень тяжело выходя отъ него: я видѣлъ необычайную перемѣну ко мнѣ въ это утро; такого тона никогда еще не было; а противъ Версилова это былъ ужъ рѣшительный бунтъ. Стебельковъ, конечно, чѣмъ-нибудь досадилъ ему очень давеча, но онъ началъ еще и до Стебелькова. Повторяю еще разъ: перемѣну противъ первоначальнаго можно было замѣтить и во всѣ послѣдніе дни, но не такъ, не до такой степени — вотъ что̀ главное.

Могло повліять и глупое извѣстіе объ этомъ флигель-адъютантѣ баронѣ Бьорингѣ... Я тоже вышелъ въ волненіи, но... То-то и есть, что тогда сіяло совсѣмъ другое, и я такъ много пропускалъ мимо глазъ легкомысленно: спѣшилъ пропускать, гналъ все мрачное и обращался къ сіяющему...

Еще не было часу пополудни. Отъ князя на моемъ Матвѣѣ я отправился прямо — повѣрятъ ли къ кому? — къ Стебелькову! То-то и есть, что онъ давеча удивилъ меня не столько приходомъ своимъ къ князю (такъ какъ онъ обѣщалъ ему быть), сколько тѣмъ, что онъ хоть и подмигивалъ мнѣ, по своей глупой привычкѣ, но вовсе не на ту тему, на которую я ожидалъ. Вчера вечеромъ я получилъ отъ него по городской почтѣ записку, довольно для меня загадочную, въ которой онъ очень просилъ побывать къ нему именно сегодня, во второмъ часу, и «что онъ можетъ сообщить мнѣ вещи, для меня неожиданныя». И вотъ о письмѣ этомъ, сейчасъ, тамъ у князя, онъ даже и виду не подалъ. Какія могли быть тайны между Стебельковымъ и мною? Такая идея была даже смѣшна; но, въ виду всего происшедшаго, я теперь, отправляясь къ нему, былъ даже въ маленькомъ волненіи. Я, конечно, обращался къ нему разъ, недѣли двѣ тому, за деньгами, и онъ давалъ, но почему-то мы тогда разошлись, и я самъ не взялъ: онъ что-то тогда забормоталъ неясно, по своему обыкновенію, и мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то предложить, какія-то особыя условія; а такъ какъ я третировалъ его рѣшительно свысока, во всѣ разы, какъ встрѣчалъ у князя, то гордо прервалъ всякую мысль объ особенныхъ условіяхъ и вышелъ, несмотря на то, что онъ гнался за мной до дверей; я тогда взялъ у князя.

Стебельковъ жилъ совершеннымъ особнякомъ, и жилъ зажиточно: квартира изъ четырехъ прекрасныхъ комнатъ, хорошая мебель, мужская и женская прислуга и какая-то экономка, довольно, впрочемъ, пожилая. Я вошелъ въ гнѣвѣ.

Послушайте, батюшка, — началъ я еще изъ дверей, — что̀ значитъ, во-первыхъ, эта записка? Я не допускаю переписки между мною и вами. И почему вы не объявили то, что̀ вамъ надо, давеча прямо у князя: я былъ къ вашимъ услугамъ?

— А вы зачѣмъ давеча тоже молчали и не спросили? —раздвинулъ онъ ротъ въ самодовольнѣйшую улыбку.

— Потому что не я къ вамъ имѣю надобность, а вы ко мнѣ имѣете надобность, — крикнулъ я, вдругъ разгорячившись.

— А зачѣмъ же вы ко мнѣ прибыли, коли такъ! — чуть не подскочилъ онъ на мѣстѣ отъ удовольствія. Я мигомъ повернулся и хотѣлъ было выйти, но онъ ухватилъ меня за плечо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шутилъ. Дѣло важное; сами увидите.

Я сѣлъ. Признаюсь, мнѣ было любопытно. Мы усѣлись у края большого письменнаго стола, одинъ противъ другого. Онъ хитро улыбнулся и поднялъ было палецъ.

— Пожалуйста, безъ вашихъ хитростей и безъ пальцевъ, и, главное, — безъ всякихъ аллегорій, а прямо къ дѣлу, не то я сейчасъ уйду! — крикнулъ я опять въ гнѣвѣ.

— Вы . . . горды! — произнесъ онъ съ какимъ-то глупымъ укоромъ, качнувшись ко мнѣ въ креслахъ и поднявъ кверху всѣ свои морщины на лбу своемъ.

— Такъ и надо съ вами!

— Вы . . . у князя брали сегодня деньги, триста рублей; у меня есть деньги. Мои деньги лучше.

— Откуда вы знаете, что я бралъ? — ужасно удивился я, — неужто жъ онъ про это вамъ самъ сказалъ?

Онъ мнѣ сказалъ; не безпокойтесь, такъ, мимо рѣчи, къ слову вышло, къ одному только слову, не нарочно. Онъ мнѣ сказалъ. А можно было у него не брать. Такъ или не такъ?

— Но вы, я слышалъ, дерете проценты невыносимые.

— У меня Mont de piété, а я не деру. Я для пріятелей только держу, а другимъ не даю. Для другихъ Mont de piété . . .

Этотъ Mont de piété былъ самая обыкновенная ссуда денегъ подъ залоги, на чье-то имя, въ другой квартирѣ и процвѣтавшее.

— А пріятелямъ я большія суммы даю.

— Что жъ, князь вамъ развѣ такой пріятель?

— Прі-я-тель; но . . . онъ задаетъ турусы. А онъ не смѣетъ задавать турусы.

— Что жъ онъ такъ у васъ въ рукахъ? Много долженъ?

— Онъ . . . много долженъ.

— Онъ вамъ заплатитъ; у него наслѣдство . . .

— Это — не его наслѣдство; онъ деньги долженъ и еще другое долженъ. Мало наслѣдства. Я вамъ дамъ безъ процентовъ.

— Тоже какъ «пріятелю»? Чѣмъ же это я заслужилъ? — засмѣялся я.

— Вы заслужите. — Онъ опять рванулся ко мнѣ всѣмъ корпусомъ и поднялъ было палецъ.

— Стебельковъ! Безъ пальцевъ, иначе уйду.

— Слушайте . . . онъ можетъ жениться на Аннѣ Андреевнѣ! — И онъ адски прищурилъ свой лѣвый глазъ.

— Послушайте, Стебельковъ, разговоръ принимаетъ до того скандальный характеръ . . . Какъ вы смѣете упоминать имя Анны Андреевны.

Не сердитесь.

— Я только скрѣпя сердце слушаю, потому что ясно вижу какую-то тутъ продѣлку и хочу узнать... Но я могу не выдержать, Стебельковъ!

— Не сердитесь, не гордитесь. Немножко не гордитесь и выслушайте; а потомъ опять гордитесь. Про Анну Андреевну вѣдь знаете? Про то, что князь можетъ жениться... вѣдь знаете?

— Объ этой идеѣ я, конечно, слышалъ, и знаю все; но я никогда не говорилъ съ княземъ объ этой идеѣ. Я знаю только, что эта идея родилась въ умѣ стараго князя Сокольскаго, который и теперь боленъ; но я никогда ничего не говорилъ, и въ томъ не участвовалъ. Объявляя вамъ объ этомъ единственно для объясненія, позволю васъ спросить, во-первыхъ: для чего вы-то со мной объ этомъ заговорили? А во-вторыхъ, неужели князь *съ вами* о такихъ вещахъ говоритъ?

— Не онъ со мной говоритъ; онъ не хочетъ со мной говорить, а я съ нимъ говорю, а онъ не хочетъ слушать. Давеча кричалъ.

— Еще бы! Я одобряю его.

— Старичекъ, князь Сокольскій, за Анной Андреевной много дастъ; она угодила. Тогда женихъ князь Сокольскій мнѣ всѣ деньги отдастъ. И недвижимый долгъ тоже отдастъ. Навѣрно отдастъ. А теперь ему нечѣмъ отдать.

— Я-то, я-то зачѣмъ вамъ нуженъ?

— Для главнаго вопроса: вы знакомы; вы вездѣ тамъ знакомы. Вы можете все узнать.

— Ахъ, чертъ... что̀ узнать?

— Хочетъ ли князь, хочетъ ли Анна Андревна, хочетъ ли старый князь. Узнать навѣрно.

— И вы смѣете мнѣ предлагать быть вашимъ

шпіономъ, и это — за деньги! — вскочилъ я въ негодованіи.

— Не гордитесь, не гордитесь. Еще только немножко не гордитесь, минутъ пять всего. — Онъ опять посадилъ меня. Онъ видимо не боялся моихъ жестовъ и возгласовъ; но я рѣшился дослушать.

— Мнѣ нужно скоро узнать, скоро узнать, потому . . . потому, можетъ, скоро будетъ и поздно. Видѣли, какъ давеча онъ пилюлю съѣлъ, когда офицеръ про барона на Ахмаковой заговорилъ?

Я рѣшительно унижался, что слушалъ долѣе, но любопытство мое было непобѣдимо завлечено.

— Слушайте вы . . . негодный вы человѣкъ! — сказалъ я рѣшительно. — Если я здѣсь сижу и слушаю и допускаю говорить о такихъ лицахъ . . . и даже самъ отвѣчаю, то вовсе не потому, что допускаю вамъ это право. Я просто вижу какую-то подлость . . . И, во-первыхъ, какія надежды можетъ имѣть князь на Катерину Николаевну?

— Никакихъ, но онъ бѣсится.

— Это — неправда!

— Бѣсится. Теперь, стало быть, Ахмакова — пасъ. Онъ тутъ пліэ проигралъ. Теперь у него одна Анна Андреевна. Я вамъ двѣ тысячи дамъ . . . безъ процентовъ и безъ векселя.

Выговоривъ это, онъ рѣшительно и важно откинулся на спинку стула и выпучилъ на меня глаза. Я тоже глядѣлъ во всѣ глаза.

— На васъ платье съ Большой Милліонной; надо денегъ, надо деньги; у меня деньги лучше, чѣмъ у него. Я больше чѣмъ двѣ тысячи дамъ . . .

— Да за что̀? За что̀, чертъ возьми?

Я топнулъ ногой. Онъ нагнулся ко мнѣ и проговорилъ выразительно:

— За то, чтобъ вы не мѣшали.

— Да я и безъ того не касаюсь, — крикнулъ я.

— Я знаю, что вы молчите; это хорошо.

— Я не нуждаюсь въ вашемъ одобреніи. Я очень желаю этого самъ съ моей стороны, но считаю это не моимъ дѣломъ, и что мнѣ это даже неприлично.

— Вотъ видите, вотъ видите, неприлично! — поднялъ онъ палецъ.

— Что̀ вотъ видите?

— Неприлично... Хе! — и онъ вдругъ засмѣялся. — Я понимаю, понимаю, что вамъ неприлично, но... мѣшать не будете? — подмигнулъ онъ; но въ этомъ подмигиваніи было ужъ что-то столь нахальное, даже насмѣшливое, низкое! Именно онъ во мнѣ предполагалъ какую-то низость, и на эту низость расчитывалъ... Это ясно было, но я никакъ не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Анна Андреевна — вамъ тоже сестра-съ, — произнесъ онъ внушительно.

— Объ этомъ вы не смѣете говорить. И вообще объ Аннѣ Андреевнѣ вы не смѣете говорить.

— Не гордитесь, одну только еще минутку! Слушайте: онъ деньги получитъ и всѣхъ обезпечитъ, — вѣско сказалъ Стебельковъ, — всѣхъ, *всѣхъ*, вы слѣдите?

— Такъ вы думаете, что я возьму у него деньги?

— Теперь берете же?

— Я беру свои!

— Какія свои?

— Это — деньги Версиловскія: онъ долженъ Версилову двадцать тысячъ.

— Такъ Версилову, а не вамъ.

— Версиловъ — мой отецъ.

— Нѣтъ, вы — Долгорукій, а не Версиловъ.

— Это все равно! — Дѣйствительно, я могъ тогда такъ разсуждать! Я зналъ, что не все равно, я не былъ такъ глупъ, но я опять-таки изъ «деликатности» такъ тогда разсуждалъ.

— Довольно, — крикнулъ я. — Я ничего ровно не понимаю. И какъ вы смѣли призывать меня за такими пустяками?

— Неужто вправду не понимаете? Вы — нарочно иль нѣтъ? — медленно проговорилъ Стебельковъ, пронзительно и съ какою-то недовѣрчивою улыбкой въ меня вглядываясь.

— Божусь, не понимаю!

— Я говорю: онъ можетъ всѣхъ обезпечить, *всѣхъ*, только не мѣшайте и не отговаривайте...

— Вы, должно быть, съ ума сошли. Что̀ вы выѣхали съ этимъ «всѣхъ»? Версилова, что̀ ли, онъ обезпечитъ?

— Не вы одни есть, и не Версиловъ... тутъ и еще есть. А Анна Андреевна вамъ такая же сестра, *какъ и Лизавета Макаровна!*

Я смотрѣлъ, выпуча глаза. Вдругъ что-то даже меня сожалѣющее мелькнуло въ его гадкомъ взглядѣ:

— Не понимаете, такъ и лучше! Это хорошо, очень хорошо, что не понимаете. Это похвально... если, дѣйствительно, только не понимаете.

Я совершенно взбѣсился.

— У-бир-райтесь вы съ вашими пустяками, помѣшанный вы человѣкъ! — крикнулъ я, схвативъ шляпу.

— Это — не пустяки! Такъ идетъ? А знаете, вы опять придете.

— Нѣтъ, — отрѣзалъ я на порогѣ.

— Придете, и тогда... тогда другой разговоръ. Будетъ главный разговоръ. Двѣ тысячи, помните!

II.

Онъ произвелъ на меня такое грязное и смутное впечатлѣніе, что, выйдя, я даже старался не думать, и только отплевывался. Идея о томъ, что князь могъ говорить съ нимъ обо мнѣ и объ этихъ деньгахъ, уколола меня, какъ булавкой. «Выиграю и отдамъ сегодня же», подумалъ я рѣшительно.

Какъ ни былъ глупъ и косноязыченъ Стебельковъ, но я видѣлъ яркаго подлеца, во всемъ его блескѣ, а, главное, безъ какой-то интриги тутъ не могло обойтись. Только некогда мнѣ было вникать тогда ни въ какія интриги, и это-то было главною причиною моей куриной слѣпоты! Я съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на часы, но не было еще и двухъ; стало быть, еще можно было сдѣлать одинъ визитъ, иначе я бы пропалъ до трехъ часовъ отъ волненія. Я поѣхалъ къ Аннѣ Андреевнѣ Версиловой, моей сестрѣ. Съ ней я давно уже сошелся у моего старичка-князя, именно во время его болѣзни. Идея о томъ, что я уже дня три-четыре не видалъ его, мучила мою совѣсть; но именно Анна Андреевна меня выручила: князь чрезвычайно какъ пристрастился къ ней и называлъ даже мнѣ ее своимъ ангеломъ-хранителемъ. Кстати, мысль выдать ее за князя Сергѣя Петровича, дѣйствительно, родилась въ головѣ моего старичка, и онъ даже не разъ выражалъ мнѣ ее, конечно, по секрету. Я передалъ эту идею Версилову, замѣтивъ и прежде, что изъ всего насущнаго,

къ которому Версиловъ былъ столь равнодушенъ, онъ, однако, всегда какъ-то особенно интересовался, когда я передавалъ ему что-нибудь о встрѣчахъ моихъ съ Анной Андреевной. Версиловъ пробормоталъ мнѣ тогда, что Анна Андреевна слишкомъ умна и можетъ обойтись въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ и безъ постороннихъ совѣтовъ. Разумѣется, Стебельковъ былъ правъ, что старикъ дастъ ей приданое, но какъ онъ-то смѣлъ разсчитывать тутъ на что-нибудь? Давеча князь крикнулъ ему вслѣдъ, что не боится его вовсе: ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не говорилъ ли Стебельковъ ему въ кабинетѣ объ Аннѣ Андреевнѣ; воображаю, какъ бы я былъ взбѣшенъ на его мѣстѣ.

У Анны Андреевны, въ послѣднее время, я бывалъ даже довольно часто. Но тутъ всегда случалась одна странность: всегда было сама назначитъ, чтобъ я пріѣхалъ, и ужъ навѣрно ждетъ меня, но чуть я войду, она непремѣнно сдѣлаетъ видъ, что я вошелъ нежданно и нечаянно; эту черту я въ ней замѣтилъ, но все-таки я къ ней привязался. Она жила у Фанаріотовой, своей бабушки, конечно, какъ ея воспитанница (Версиловъ ничего не давалъ на ихъ содержаніе), — но далеко не въ той роли, въ какой обыкновенно описываютъ воспитанницъ въ домахъ знатныхъ барынь, какъ у Пушкина, напримѣръ, въ «Пиковой дамѣ», воспитанница у старой графини. Анна Андреевна была сама въ родѣ графини. Она жила въ этомъ домѣ совершенно отдѣльно, т. е. хоть и въ одномъ этажѣ, и въ одной квартирѣ съ Фанаріотовыми, но въ отдѣльныхъ двухъ комнатахъ, такъ что, входя и выходя, я, напримѣръ, ни разу не встрѣтилъ никого изъ Фанаріотовыхъ. Она имѣла право принимать къ

себѣ кого хотѣла и употреблять все свое время, какъ ей было угодно. Правда, ей былъ уже двадцать третій годъ. Въ свѣтъ она, въ послѣдній годъ, почти прекратила ѣздить, хотя Фанаріотова и не скупилась на издержки для своей внучки, которую, какъ я слышалъ, очень любила. Напротивъ, мнѣ именно нравилось въ Аннѣ Андреевнѣ, что я всегда встрѣчалъ ее въ такихъ скромныхъ платьяхъ, всегда за какимъ-нибудь занятіемъ, съ книгой или съ рукодѣліемъ. Въ ея видѣ было что-то монастырское, почти монашеское, и это мнѣ нравилось. Она была не многорѣчива, но говорила всегда съ вѣсомъ и ужасно умѣла слушать, чего я никогда не умѣлъ. Когда я говорилъ ей, что она, не имѣя ни одной общей черты, чрезвычайно, однако, напоминаетъ мнѣ Версилова, она всегда чуть-чуть краснѣла. Она краснѣла часто и всегда быстро, но всегда лишь чуть-чуть, и я очень полюбилъ въ ея лицѣ эту особенность. У ней я никогда не называлъ Версилова по фамиліи, а непремѣнно Андреемъ Петровичемъ, и это какъ-то такъ само-собою сдѣлалось. Я очень даже замѣтилъ, что вообще у Фанаріотовыхъ, должно быть, какъ-то стыдились Версилова: я по одной, впрочемъ, Аннѣ Андреевнѣ это замѣтилъ, хотя опять-таки не знаю, можно ли тутъ употребить слово «стыдились»; что-то въ этомъ родѣ, однакоже, было. Я заговаривалъ съ нею и о князѣ Сергѣѣ Петровичѣ, и она очень слушала, и, мнѣ кажется, интересовалась этими свѣдѣніями; но какъ-то всегда такъ случалось, что я самъ сообщалъ ихъ, а она никогда не разспрашивала. О возможности между ними брака я никогда не смѣлъ съ нею заговорить, хотя часто желалъ, потому что мнѣ самому эта идея от-

части нравилась. Но въ ея комнатѣ я ужасно о многомъ переставалъ какъ-то смѣть говорить, и, наоборотъ, мнѣ было ужасно хорошо въ ея комнатѣ. Любилъ я тоже очень, что она очень образована и много читала, и даже дѣльныхъ книгъ; гораздо болѣе моего читала.

Она сама позвала меня къ себѣ въ первый разъ. Я понималъ и тогда, что она, можетъ быть, разсчитывала иногда кой о чемъ у меня вывѣдать. О, тогда многіе могли вывѣдать отъ меня очень многое! «Но что жъ изъ того, думалъ я, вѣдь не для этого одного она меня у себя принимаетъ»; однимъ словомъ, я даже былъ радъ, что могъ быть ей полезнымъ и . . . и когда я сидѣлъ съ ней, мнѣ всегда казалось про себя, что это сестра моя сидитъ подлѣ меня, хоть, однако, про наше родство мы еще ни разу съ ней не говорили — ни словомъ, ни даже намекомъ, какъ будто его и не было вовсе. Сидя у ней, мнѣ казалось какъ-то совсѣмъ и немыслимымъ заговорить про это, и, право, глядя на нее, мнѣ приходила иногда въ голову нелѣпая мысль: что она, можетъ быть, и не знаетъ совсѣмъ про это родство, — до того она такъ держала себя со мной.

III.

Войдя, я вдругъ засталъ у ней Лизу. Меня это почти поразило. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что онѣ и прежде видѣлись; произошло это у «грудного ребенка». Объ этой фантазіи гордой и стыдливой Анны Андреевны увидать этого ребенка, и о встрѣчѣ тамъ съ Лизой, я, можетъ быть, потомъ разскажу, если будетъ мѣсто; но все же я никакъ не ожидалъ, чтобъ Анна Андре-

евна когда-нибудь пригласила Лизу къ себѣ. Это меня пріятно поразило. Не подавъ виду, разумѣется, я, поздоровавшись съ Анной Адреевной и горячо пожавъ руку Лизѣ, усѣлся подлѣ нея. Обѣ занимались *дѣломъ:* на столѣ и на колѣняхъ у нихъ лежало дорогое выѣздное платье Анны Андреевны, но старое, т. е. три раза надѣванное и которое она желала какъ-нибудь передѣлать. Лиза была большая «мастерица» на этотъ счетъ, и со вкусомъ, а потому и происходилъ торжественный совѣтъ «мудрыхъ женщинъ». Я вспомнилъ Версилова и разсмѣялся; да и весь я былъ въ сіяющемъ расположеніи духа.

— Вы очень сегодня веселы, и это очень пріятно, — промолвила Анна Андреевна, важно и раздѣльно выговаривая слова. Голосъ ея былъ густой и звучный контральто, но она всегда произносила спокойно и тихо, всегда нѣсколько опустивъ свои длинныя рѣсницы, и съ чуть-чуть мелькавшей улыбкой на ея блѣдномъ лицѣ.

— Лиза знаетъ, какъ я непріятенъ, когда невеселъ, — отвѣтилъ я весело.

— Можетъ быть, и Анна Андреевна про то знаетъ, — кольнула меня шаловливая Лиза. Милая! Если бъ я зналъ, что тогда было у нея на душѣ!

— Что вы теперь дѣлаете? — спросила Анна Андреевна. (Замѣчу, что она именно даже просила меня побывать къ ней сегодня.)

— Я теперь здѣсь сижу и спрашиваю себя: почему мнѣ всегда пріятнѣе васъ находить за книгой, чѣмъ за рукодѣліемъ? Нѣтъ, право, рукодѣлье къ вамъ почему-то нейдетъ. Въ этомъ смыслѣ я въ Андрея Петровича.

— Все еще не рѣшили поступить въ университетъ?

— Я слишкомъ благодаренъ, что вы не забываете нашихъ разговоровъ: это значитъ, что вы обо мнѣ иногда думаете, но . . . насчетъ университета я еще не составилъ понятія, при томъ же у меня свои цѣли.

— То есть у него свой секретъ, — замѣтила Лиза.

— Оставь шутки, Лиза. Одинъ умный человѣкъ выразился на дняхъ, что во всемъ этомъ прогрессивномъ движеніи нашемъ за послѣднія двадцать лѣтъ мы прежде всего доказали, что грязно необразованы. Тутъ, конечно, и про нашихъ университетскихъ было сказано.

— Ну, навѣрно папа сказалъ; ты ужасно часто повторяешь его мысли, — замѣтила Лиза.

— Лиза, точно ты не предполагаешь во мнѣ собственнаго ума.

— Въ наше время полезно вслушиваться въ слова умныхъ людей и запоминать ихъ, — слегка заступилась за меня Анна Андреевна.

— Именно, Анна Андреевна, — подхватилъ я съ жаромъ. — Кто не мыслитъ о настоящей минутѣ Россіи, тотъ не гражданинъ! Я смотрю на Россію, можетъ быть, съ странной точки: мы пережили татарское нашествіе, потомъ двухвѣковое рабство, и ужъ, конечно, потому, что то и другое намъ пришлось по вкусу. Теперь дана свобода и надо свободу перенести: сумѣемъ ли? Такъ же ли по вкусу намъ свобода окажется? — Вотъ вопросъ.

Лиза быстро взглянула на Анну Андреевну, а та тотчасъ потупилась и начала что-то искать около себя; я видѣлъ, что Лиза изо всей силы крѣпилась, но вдругъ какъ-то нечаянно наши взгляды встрѣтились, и она прыснула со смѣху; я вспыхнулъ:

— Лиза, ты непостижима!

— Прости меня! — сказала она вдругъ, переставъ смѣяться и почти съ грустью. — У меня Богъ знаетъ что̀ въ головѣ...

И точно слезы задрожали вдругъ въ ея голосѣ. Мнѣ стало ужасно стыдно; я взялъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ.

— Вы очень добрый, — мягко замѣтила мнѣ Анна Андреевна, увидавъ, что я цѣлую руку Лизы.

— Я пуще всего радъ тому, Лиза, что на этотъ разъ встрѣчаю тебя смѣющуюся, — сказалъ я. — Вѣрите ли, Анна Андреевна: въ последніе дни она каждый разъ встрѣчала меня какимъ-то страннымъ взглядомъ, а во взглядѣ какъ бы вопросомъ: «что, не узналъ ли чего? Все ли благополучно?» Право, съ нею что-то въ этомъ родѣ.

Анна Андреевна медленно и зорко на нее поглядѣла, Лиза потупилась. Я, впрочемъ, очень хорошо видѣлъ, что онѣ обѣ гораздо болѣе и ближе знакомы, чѣмъ могъ я предположить, входя давеча; эта мысль была мнѣ пріятна.

— Вы сказали сейчасъ, что я добрый; вы не повѣрите, какъ я весь измѣняюсь у васъ къ лучшему и какъ мнѣ пріятно быть у васъ, Анна Андреевна, —сказалъ я съ чувствомъ.

— А я очень рада, что вы именно теперь такъ говорите, — съ значеніемъ отвѣтила она мнѣ. Я долженъ сказать, что она никогда не заговаривала со мной о моей безпорядочной жизни и объ омутѣ, въ который я окунулся, хотя, я зналъ это, она обо всемъ этомъ не только знала, но даже стороной разспрашивала. Такъ что теперь это было въ родѣ перваго намека, и — сердце мое еще болѣе повернулось къ ней.

— Что нашъ больной? — спросилъ я.

— О, ему гораздо легче: онъ ходитъ, и вчера и сегодня ѣздилъ кататься. А развѣ вы и сегодня не заходили къ нему? Онъ васъ очень ждетъ.

— Я виноватъ предъ нимъ, но теперь вы его навѣщаете и меня вполнѣ замѣнили; онъ — большой измѣнникъ и меня на васъ промѣнялъ.

Она сдѣлала очень серьезную мину, такъ какъ, очень можетъ быть, что шутка моя была тривіальна.

— Я былъ давеча у князя Сергѣя Петровича, — забормоталъ я, — и я... Кстати, Лиза, ты вѣдь заходила давеча къ Дарьѣ Онисимовнѣ?

— Да, была, — какъ-то коротко отвѣтила она, не подымая головы. — Да вѣдь ты, кажется, каждый день ходишь къ больному князю? — спросила она какъ-то вдругъ, чтобы что-нибудь сказать, можетъ быть.

— Да, я къ нему хожу, да только не дохожу, — усмѣхнулся я. — Я вхожу и поворачиваю налѣво.

— Даже князь замѣтилъ, что вы очень часто заходите къ Катеринѣ Николаевнѣ. Онъ вчера говорилъ и смѣялся, — сказала Анна Андреевна.

— Чему же, чему же смѣялся?

— Онъ шутилъ, вы знаете. Онъ говорилъ, что, напротивъ, молодая и прекрасная женщина на молодого человѣка въ вашемъ возрастѣ всегда производитъ лишь впечатлѣніе негодованія и гнѣва... — засмѣялась вдругъ Анна Андреевна.

— Послушайте... знаете, что это онъ ужасно мѣтко сказалъ, — вскричалъ я: — навѣрно это не онъ, а вы сказали ему?

— Почему же? Нѣтъ, это онъ.

— Ну, а если эта красавица обратитъ на него

вниманіе, несмотря на то, что онъ такъ ничтоженъ, стоитъ въ углу и злится, потому что «маленькій», и вдругъ предпочтетъ его всей толпѣ окружающихъ ее обожателей, что̀ тогда? — спросилъ я вдругъ съ самымъ смѣлымъ и вызывающимъ видомъ. Сердце мое застучало.

— Тогда ты тутъ такъ и пропадешь передъ нею, — разсмѣялась Лиза.

— Пропаду? — вскричалъ я. — Нѣтъ, я не пропаду. Кажется, неправда. Если женщина станетъ поперекъ моей дороги, то она должна идти за мной. Мою дорогу не перенимаютъ безнаказанно . . .

Лиза какъ-то говорила мнѣ разъ, мелькомъ, вспоминая уже долго спустя, что я произнесъ тогда эту фразу ужасно странно, серьезно и какъ бы вдругъ задумавшись; но въ то же время «такъ смѣшно, что не было возможности выдержать»; дѣйствительно, Анна Андреевна опять разсмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь надо мною! — воскликнулъ я въ упоеніи, потому что весь этотъ разговоръ и направленіе его мнѣ ужасно нравились: — отъ васъ мнѣ это только удовольствіе. Я люблю вашъ смѣхъ, Анна Андреевна! У васъ есть черта: вы молчите и вдругъ разсмѣетесь, въ одинъ мигъ, такъ что за мигъ даже и не угадать по лицу. Я зналъ въ Москвѣ одну даму, отдаленно, я смотрѣлъ изъ угла: она была почти такъ же прекрасна собою какъ вы, но она не умѣла такъ же смѣяться, и лицо ея такое же привлекательное, какъ и у васъ — теряло привлекательность; у васъ же ужасно привлекаетъ . . . именно этою способностью . . . Я вамъ давно хотѣлъ высказать.

Когда я выговорилъ про даму, что «она была прекрасна собою, какъ вы», то я тутъ схитрилъ; я сдѣлалъ видъ, что у меня вырвалось нечаянно, такъ что какъ будто я и не замѣтилъ; я очень зналъ, что такая «вырвавшаяся» похвала оцѣнится выше женщиной, чѣмъ какой угодно вылощенный комплиментъ. И какъ ни покраснѣла Анна Андреевна, а я зналъ, что ей это пріятно. Да и даму эту я выдумалъ: никакой я не зналъ въ Москвѣ; я только, чтобъ похвалить Анну Андреевну и сдѣлать ей удовольствіе.

— Вправду можно подумать, — прелестно усмѣхнулась она: — что вы въ послѣдніе дни находились подъ вліяніемъ какой-нибудь прекрасной женщины.

Я какъ будто летѣлъ куда-то... Мнѣ даже хотѣлось бы имъ что-нибудь открыть... но удержался.

— А кстати, какъ недавно еще вы выражались о Катеринѣ Николаевнѣ совсѣмъ враждебно.

— Если я выражался какъ-нибудь дурно, — засверкалъ я глазами, — то виною тому была монструозная клевета на нее, что она — врагъ Андрею Петровичу; клевета и на него въ томъ, что будто онъ любилъ ее, дѣлалъ ей предложеніе и подобныя нелѣпости. Эта идея такъ же чудовищна, какъ и другая клевета на нее же, что она, будто бы еще при жизни мужа, обѣщала князю Сергѣю Петровичу выйти за него, когда овдовѣетъ, а потомъ не сдержала слова. Но я знаю изъ первыхъ рукъ, что все это не такъ, а была лишь шутка. Я изъ первыхъ рукъ знаю. Разъ тамъ, за границей, въ одну шутливую минуту, она, дѣйствительно, сказала князю: «можетъ быть», въ будущемъ;

но что̀ же это могло означать кромѣ лишь легкаго слова? Я слишкомъ знаю, что князь, съ своей стороны, никакой цѣны не можетъ придавать такому обѣщанію, да и не намѣренъ онъ вовсе, — прибавилъ я, спохватившись. — У него, кажется, совсѣмъ другія идеи, — ввернулъ я хитро. — Давеча у него Нащокинъ говорилъ, что будто бы Катерина Николаевна замужъ выходитъ за барона Бьоринга: повѣрьте, что онъ перенесъ это извѣстіе какъ нельзя лучше, будьте увѣрены.

— У него былъ Нащокинъ? — вдругъ вѣско и какъ бы удивившись спросила Анна Андреевна.

— О, да; кажется, это изъ такихъ порядочныхъ людей...

— И Нащокинъ говорилъ съ нимъ объ этой свадьбѣ съ Бьорингомъ? — очень заинтересовалась вдругъ Анна Андреевна.

— Не о свадьбѣ, а такъ, о возможности, какъ слухъ; онъ говорилъ, что въ свѣтѣ будто бы такой слухъ: что до меня, я увѣренъ, что вздоръ.

Анна Андреевна подумала и наклонилась къ своему шитью.

— Я князя Сергѣя Петровича люблю, — прибавилъ я вдругъ съ жаромъ. — У него есть свои недостатки, безспорно, я вамъ говорилъ уже, именно нѣкоторая одноидейность... но и недостатки его свидѣтельствуютъ тоже о благородной душѣ, не правда ли? Мы съ нимъ, напримѣръ, сегодня чуть не поссорились за одну идею: его убѣжденіе, что, если говоришь о благородствѣ, то будь самъ благороденъ, не то все, что̀ ты скажешь — ложь. Ну, логично ли это? А, между тѣмъ, это же свидѣтельствуетъ и о высокихъ требованіяхъ чести въ душѣ его, долга, справедливости, не правда

ли? .. Ахъ, Боже мой, который это часъ, — вдругъ вскричалъ я, нечаянно взглянувъ на циферблатъ часовъ на каминѣ.

— Безъ десяти минутъ три, — спокойно произнесла она, взглянувъ на часы. Все время, пока я говорилъ о князѣ, она слушала меня потупившись, съ какою-то хитренькою, но милою усмѣшкой: она знала, для чего я такъ хвалю его. Лиза слушала, наклонивъ голову надъ работой, и давно уже не ввязывалась въ разговоръ.

Я вскочилъ какъ обожженный.

— Вы куда-нибудь опоздали?

— Да ... нѣтъ ... впрочемъ, опоздалъ, но я сейчасъ. Одно только слово, Анна Андреевна, — началъ я въ волненіи:—я не могу не высказать вамъ сегодня! Я хочу вамъ признаться, что я уже нѣсколько разъ благословлялъ вашу доброту и ту деликатность, съ которою вы пригласили меня бывать у васъ ... На меня знакомство съ вами имѣло самое сильное впечатлѣніе ... Въ вашей комнатѣ я какъ бы очищаюсь душой и выхожу отъ васъ лучшимъ, чѣмъ я есть. Это вѣрно. Когда я сижу съ вами рядомъ, то не только не могу говорить о дурномъ, но и мыслей дурныхъ имѣть не могу; онѣ исчезаютъ при васъ, и, вспоминая мелькомъ о чемъ-нибудь дурномъ, подлѣ васъ, я тотчасъ же стыжусь этого дурного, робѣю и краснѣю въ душѣ. И, знаете, мнѣ особенно было пріятно встрѣтить у васъ сегодня сестру мою ... Это свидѣтельствуетъ о такомъ вашемъ благородствѣ ... о такомъ прекрасномъ отношеніи ... Однимъ словомъ, вы высказали что-то такое *братское*, если ужъ позволите разбить этотъ ледъ, что я ...

Пока я говорилъ, она подымалась съ мѣста и

все болѣе и болѣе краснѣла; но вдругъ какъ бы испугалась чего-то, какой-то черты, которую не надо бы перескакивать, и быстро перебила меня:

— Повѣрьте, что я сумѣю оцѣнить всѣмъ сердцемъ ваши чувства... Я ихъ и безъ словъ поняла... и уже давно...

Она пріостановилась въ смущеніи, пожимая мнѣ руку. Вдругъ Лиза незамѣтно дернула меня за рукавъ. Я простился и вышелъ, но въ другой же комнатѣ догнала меня Лиза.

IV.

— Лиза, зачѣмъ ты меня дернула за рукавъ?— спросилъ я.

— Она — скверная, она хитрая, она не стòитъ... Она тебя держитъ, чтобъ отъ тебя вывѣдать, — быстрымъ злобнымъ шепотомъ прошептала она. Никогда еще я не видывалъ у ней такого лица.

— Лиза, Богъ съ тобой, она — такая прелестная дѣвушка!

— Ну, такъ я — скверная.

— Что съ тобой?

— Я очень дурная. Она, можетъ быть, — самая прелестная дѣвушка, а я дурная. Довольно, оставь. Слушай: мама проситъ тебя о томъ, «чего сама сказать не смѣетъ», такъ и сказала. Голубчикъ Аркадій! Перестань играть, милый, молю тебя... мама тоже...

— Лиза, я самъ знаю, но... Я знаю, что это — жалкое малодушіе, но... это — только пустяки и больше ничего! Видишь, я задолжалъ, какъ дуракъ, и хочу выиграть только, чтобъ отдать. Выиграть можно, потому что я игралъ безъ

разсчета, на ура, какъ дуракъ, а теперь за каждый рубль дрожать буду... Не я буду, если не выиграю! Я не пристрастился; это не главное, это только мимолетное, увѣряю тебя! Я слишкомъ силенъ, чтобъ не прекратить, когда хочу. Отдамъ деньги, и тогда вашъ нераздѣльно, и мамѣ скажи, что не выйду отъ васъ...

— Эти триста рублей давеча чего тебѣ стòили!

— Почему ты знаешь? — вздрогнулъ я.

— Дарья Онисимовна давеча все слышала...

Но въ эту минуту Лиза вдругъ толкнула меня за портьеру, и мы оба очутились за занавѣсью, въ такъ называемомъ «фонарѣ», то есть въ круглой маленькой комнаткѣ изъ оконъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ услышалъ знакомый звонъ шпоръ и угадалъ знакомую походку.

— Князь Сережа, — прошепталъ я.

— Онъ, — прошептала она.

— Чего ты такъ испугалась?

— Такъ; я ни за чтò не хочу, чтобъ онъ меня встрѣтилъ...

— Tiens, да ужъ не волочится ли онъ за тобой? — усмѣхнулся я: — я бъ ему тогда задалъ. Куда ты?

— Выйдемъ; я съ тобой.

— Ты развѣ ужъ тамъ простилась?

— Простилась; моя шубка въ передней...

Мы вышли; на лѣстницѣ меня поразила одна идея:

— Знаешь, Лиза, онъ, можетъ быть, пріѣхалъ сдѣлать ей предложеніе!

— Н-нѣтъ... онъ не сдѣлаетъ предложенія... — твердо и медленно проговорила она тихимъ голосомъ.

— Ты не знаешь, Лиза, я хоть съ нимъ давеча и поссорился, — если ужъ тебѣ пересказывали, — но, ей Богу, я люблю его искренно и желаю ему тутъ удачи. Мы давеча помирились. Когда мы счастливы, мы такъ добры... Видишь, въ немъ много прекрасныхъ наклонностей... и гуманность есть... Зачатки, по крайней мѣрѣ... а у такой твердой и умной дѣвушки въ рукахъ, какъ Версилова, онъ совсѣмъ бы выравнялся и сталъ бы счастливъ. Жаль, что некогда... да проѣдемъ вмѣстѣ немного, я бы тебѣ сообщилъ кое-что...

— Нѣтъ, поѣзжай, мнѣ не туда. Обѣдать придешь?

— Приду, приду, какъ обѣщалъ. Слушай, Лиза: одинъ поганецъ — однимъ словомъ, одно мерзѣйшее существо, ну, Стебельковъ, если знаешь, имѣетъ на его дѣла страшное вліяніе... векселя... Ну, однимъ словомъ, держитъ его въ рукахъ и до того его приперъ, а тотъ до того унизился, что ужъ другого исхода, какъ въ предложеніи Аннѣ Андреевнѣ оба не видятъ. Ее, по-настоящему, надо бы предупредить, впрочемъ, вздоръ, она и сама поправитъ потомъ всѣ дѣла. А что откажетъ она ему, какъ ты думаешь?

— Прощай, некогда, — оборвала Лиза, и въ мимолетномъ взглядѣ ея я увидалъ вдругъ столько ненависти, что тутъ же вскрикнулъ въ испугѣ:

— Лиза, милая, за что̀ ты?

— Я не на тебя; не играй только...

— Ахъ, ты про игру, не буду.

— Ты сейчасъ сказалъ: «когда мы въ счастьѣ», такъ ты очень счастливъ?

— Ужасно, Лиза, ужасно! Боже мой, да ужъ три часа, больше!.. Прощай, Лизокъ. Лизочка,

милая, скажи: развѣ можно заставлять женщину ждать себя? Позволительно это?

— Это при свиданіи, что̀ ли, — чуть-чуть улыбнулась Лиза какою-то мертвенькою, дрожащею улыбкой.

— Дай свою ручку на счастье.

— На счастье? Мою руку? Ни за что̀ не дамъ!

И она быстро удалилась. И, главное, такъ серьезно вскрикнула. Я бросился въ мои сани.

Да, да, это-то «счастье» и было тогда главною причиною, что я, какъ слѣпой кротъ, ничего, кромѣ себя, не понималъ и не видѣлъ!

Глава четвертая.

I.

Теперь я боюсь и разсказывать. Все это было давно; но все это и теперь для меня какъ миражъ. Какъ могла бы такая женщина назначить свиданіе такому гнусному тогдашнему мальчишкѣ, какимъ былъ я? — Вотъ что̀ было съ перваго взгляда! Когда я, оставивъ Лизу, помчался и у меня застучало сердце, я прямо подумалъ, что я сошелъ съ ума: идея *о назначенномъ* свиданіи показалась мнѣ вдругъ такою яркою нелѣпостью, что не было возможности вѣрить. И что же, я совсѣмъ не сомнѣвался; даже такъ: чѣмъ ярче казалась нелѣпость, тѣмъ пуще я вѣрилъ.

То, что пробило уже три часа, меня безпокоило: «если мнѣ дано свиданіе, то какъ же я опаздываю на свиданіе», думалъ я. Мелькали тоже глупые вопросы, въ родѣ такихъ: «что̀ мнѣ теперь лучше, смѣлость или робость?». Но все это только мелькало, потому что въ сердцѣ было главное, и такое, что я опредѣлить не могъ. Наканунѣ сказано было такъ: «Завтра я въ три часа буду у Татьяны Павловны», — вотъ и все. Но, во-первыхъ, я и у ней, въ ея комнатѣ, всегда былъ принятъ наединѣ, и она могла сказать мнѣ все, что̀

угодно, и не переселяясь къ Татьянѣ Павловнѣ; стало быть, зачѣмъ же назначать другое мѣсто у Татьяны Павловны? И опять вопросъ: Татьяна Павловна будетъ дома или не дома? Если это — свиданіе, то, значитъ, Татьяны Павловны не будетъ дома. А какъ этого достигнуть, не объяснивъ всего заранѣе Татьянѣ Павловнѣ? Значитъ, и Татьяна Павловна въ секретѣ? Эта мысль казалась мнѣ дикою и какъ-то нецѣломудренною, почти грубою.

И, наконецъ, она просто-за-просто могла захотѣть побывать у Татьяны Павловны и сообщила мнѣ вчера безъ всякой цѣли, а я не сообразилъ. Да и сказано было такъ мелькомъ, небрежно, спокойно и послѣ весьма скучнаго сеанса, потому что во все время, какъ я у ней былъ вчера, я почему-то былъ какъ сбитый съ толку: сидѣлъ, мямлилъ и не зналъ что̀ сказать, злился и робѣлъ ужасно, а она куда-то собиралась, какъ вышло послѣ, и видимо была рада, когда я сталъ уходить. Всѣ эти разсужденія толпились въ моей головѣ. Я рѣшилъ, наконецъ, что «войду, позвоню, отворитъ кухарка, и я спрошу: дома Татьяна Павловна?». Коли нѣтъ дома, значитъ «свиданіе». Но я не сомнѣвался, не сомнѣвался!

Я взбѣжалъ на лѣстницу и — на лѣстницѣ, передъ дверью, весь мой страхъ пропалъ. «Ну, пускай, думалъ я, поскорѣй бы только!». Кухарка отворила и съ гнусной своей флегмой прогнусила, что Татьяны Павловны нѣтъ. «А нѣтъ ли другого кого, не ждетъ ли кто Татьяну Павловну?» хотѣлъ было я спросить, но не спросилъ: «лучше самъ увижу», и, пробормотавъ кухаркѣ, что я подожду, сбросилъ шубу и отворилъ дверь...

Катерина Николаевна сидѣла у окна и «дожидалась Татьяну Павловну».

— Ея нѣтъ? — вдругъ спросила она меня, какъ бы съ заботой и досадой, только что меня увидала. И голосъ, и лицо до того не соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ, что я такъ и завязъ на порогѣ.

— Кого нѣтъ? — пробормоталъ я.

— Татьяны Павловны! Вѣдь я же васъ просила вчера передать, что буду у ней въ три часа?

— Я . . . я и не видалъ ее вовсе.

— Вы забыли?

Я сѣлъ какъ убитый. Такъ вотъ что̀ оказывалось! И главное, все было такъ ясно, какъ дважды два, а я — я все еще упорно вѣрилъ.

— Я и не помню, что вы просили ей передать. Да вы и не просили: вы просто сказали, что будете въ три часа, — оборвалъ я нетерпѣливо. Я не глядѣлъ на нее.

— Ахъ! — вдругъ вскричала она: — такъ если вы забыли сказать, а сами знали, что я буду здѣсь, такъ вы-то сюда зачѣмъ пріѣхали?

Я поднялъ голову: ни насмѣшки, ни гнѣва въ ея лицѣ, а была лишь ея свѣтлая, веселая улыбка и какая-то усиленная шаловливость въ выраженіи лица, — ея всегдашнее выраженіе, впрочемъ, — шаловливость почти дѣтская: «Вотъ, видишь, я тебя поймала всего; ну, что̀ ты теперь скажешь?» какъ бы говорило все ея лицо.

Я не хотѣлъ отвѣчать и опять потупился. Молчаніе продолжалось съ полминуты.

— Вы теперь отъ рара̀? — вдругъ спросила она.

— Я теперь отъ Анны Андреевны, а у князя Николая Ивановича вовсе не былъ . . . и вы это знали, — вдругъ прибавилъ я.

— Съ вами ничего не случилось у Анны Андреевны?

— То есть, что я имѣю теперь сумасшедшій видъ? Нѣтъ, я и до Анны Андреевны имѣлъ сумасшедшій видъ.

— И у ней не поумнѣли?

— Нѣтъ, не поумнѣлъ. — Я тамъ, кромѣ того, слышалъ, что вы выходите замужъ за барона Бьоринга.

— Это она вамъ сказала? — вдругъ заинтересовалась она.

— Нѣтъ, это я ей передалъ, а слышалъ, какъ говорилъ давеча Нащокинъ князю Сергѣю Петровичу у него въ гостяхъ.

Я все не подымалъ на нее глазъ; поглядѣть на нее значило облиться свѣтомъ, радостью, счастьемъ, а я не хотѣлъ быть счастливымъ. Жало негодованія вонзилось въ мое сердце, и въ одинъ мигъ я принялъ огромное рѣшеніе. Затѣмъ я вдругъ началъ говорить, едва помню о чемъ. Я задыхался и какъ-то бормоталъ, но глядѣлъ я уже смѣло. Сердце у меня стучало. Я заговорилъ о чемъ-то, ни къ чему не относящемся, впрочемъ, можетъ быть, и складно. Она сначала было слушала съ своей ровной, терпѣливой улыбкой, никогда не покидавшей ея лица, но мало-по-малу удивленіе, а потомъ даже испугъ мелькнули въ ея пристальномъ взглядѣ. Улыбка все еще не покидала ея, но и улыбка подчасъ какъ бы вздрагивала.

— Что съ вами? — спросилъ я вдругъ, замѣтивъ, что она вся вздрогнула.

— Я васъ боюсь, — отвѣтила она мнѣ почти тревожно.

— Почему вы не уѣзжаете? Вотъ какъ те-

перь Татьяны Павловны нѣтъ, и вы знаете, что не будетъ, то, стало быть, вамъ надо встать и уѣхать?

— Я хотѣла подождать, но теперь... въ самомъ дѣлѣ...

Она было приподнялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, сядьте, — остановилъ я ее: — вотъ вы опять вздрогнули, но вы и въ страхѣ улыбаетесь... У васъ всегда улыбка. Вотъ вы теперь совсѣмъ улыбнулись...

— Вы въ бреду?

— Въ бреду.

— Я боюсь... — прошептала она опять.

— Чего?

— Что вы стѣну ломать начнете... — опять улыбнулась она, но уже въ самомъ дѣлѣ оробѣвъ.

— Я не могу выносить вашу улыбку!..

И я опять заговорилъ. Я весь какъ бы летѣлъ. Меня какъ бы что-то толкало. Я никогда, никогда такъ не говорилъ съ нею, а всегда робѣлъ ужасно, но говорилъ; помню, я заговорилъ о ея лицѣ: «Я не могу больше выносить вашу улыбку! — вскричалъ я вдругъ: — зачѣмъ я представлялъ васъ грозной, великолѣпной и съ ехидными свѣтскими словами еще въ Москвѣ? Да, въ Москвѣ; мы объ васъ еще тамъ говорили съ Марьей Ивановной и представляли васъ, какая вы должны быть... Помните Марью Ивановну? Вы у ней были. Когда я ѣхалъ сюда, вы всю ночь снились мнѣ въ вагонѣ. Я здѣсь до вашего пріѣзда глядѣлъ цѣлый мѣсяцъ на вашъ портретъ у вашего отца въ кабинетѣ и ничего не угадалъ. Выраженіе вашего лица есть дѣтская шаловливость и безконечное простодушіе — вотъ! Я ужасно дивился

на это все время, какъ къ вамъ ходилъ. О, и вы умѣете смотрѣть гордо и раздавливать взглядомъ: я помню, какъ вы посмотрѣли на меня у вашего отца, когда пріѣхали тогда изъ Москвы... Я васъ тогда видѣлъ, а, между тѣмъ, спроси меня тогда, какъ я вышелъ: какая вы? — и я бы не сказалъ. Даже росту вашего бы не сказалъ. Я какъ увидѣлъ васъ, такъ и ослѣпъ. Вашъ портретъ совсѣмъ на васъ не похожъ: у васъ глаза не темные, а свѣтлые, и только отъ длинныхъ рѣсницъ кажутся темными. Вы полны, вы средняго роста, но у васъ плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо у васъ совсѣмъ деревенское, лицо деревенской красавицы, — не обижайтесь, вѣдь это хорошо, это лучше — круглое, румяное, ясное, смѣлое, смѣющееся и... застѣнчивое лицо! Право, застѣнчивое. Застѣнчивое у Катерины Николаевны Ахмаковой! Застѣнчивое и цѣломудренное, клянусь! Больше, чѣмъ цѣломудренное — дѣтское! — Вотъ ваше лицо! Я все время былъ пораженъ и все время спрашивалъ себя: та ли это женщина? Я теперь знаю, что вы очень умны, но вѣдь сначала я думалъ, что вы простоваты. У васъ умъ веселый, но безъ всякихъ прикрасъ... Еще я люблю, что съ васъ не сходитъ улыбка: это — мой рай! Еще люблю ваше спокойствіе, вашу тихость и то, что вы выговариваете слова плавно, спокойно и почти лѣниво, — именно эту лѣнивость люблю. Кажется, подломись подъ вами мостъ, вы и тутъ что-нибудь плавно и мѣрно скажете... Я воображалъ васъ верхомъ гордости и страстей, а вы всѣ два мѣсяца говорили со мной, какъ студентъ со студентомъ... Я никогда не воображалъ, что у васъ такой лобъ.

онъ немного низокъ, какъ у статуй, но бѣлъ и нѣженъ, какъ мраморъ подъ пышными волосами. У васъ грудь высокая, походка легкая, красоты вы необычайной, а гордости нѣтъ никакой. Я вѣдь только теперь повѣрилъ, все не вѣрилъ!

Она съ большими открытыми глазами слушала всю эту дикую тираду, она видѣла, что я самъ дрожу. Нѣсколько разъ она приподымала съ милымъ, опасливымъ жестомъ свою гантированную ручку, чтобъ остановить меня, но каждый разъ отнимала ее въ недоумѣніи и страхѣ назадъ. Иногда даже быстро отшатывалась вся назадъ. Два-три раза улыбка опять просвѣчивалась-было на ея лицѣ; одно время она очень покраснѣла, но подъ конецъ рѣшительно испугалась и стала блѣднѣть. Только что я пріостановился, она протянула-было руку и какъ бы просящимъ, но все-таки плавнымъ голосомъ промолвила:

— Этакъ нельзя говорить . . . этакъ невозможно говорить . . .

И вдругъ поднялась съ мѣста, неторопливо захватывая свой шейный платокъ и свою соболью муфту.

— Вы идете? — вскричалъ я.

— Я рѣшительно васъ боюсь . . . вы злоупотребляете . . . — протянула она какъ бы съ сожалѣніемъ и упрекомъ.

— Послушайте, я ей-Богу стѣну не буду ломать.

— Да вы ужъ начали, — не удержалась она и улыбнулась. — Я даже не знаю, пустите ли вы меня пройти? — И, кажется, она впрямь опасалась, что я ее не пущу.

— Я вамъ самъ дверь отворю, идите, но знайте:

я принялъ одно огромное рѣшеніе; и, если вы захотите дать свѣтъ моей душѣ, то воротитесь, сядьте и выслушайте только два слова. Но если не хотите, то уйдите, и я вамъ самъ дверь отворю!

Она посмотрѣла на меня и сѣла на мѣсто.

— Съ какимъ бы негодованіемъ вышла иная, а вы сѣли! — вскричалъ я въ упоеніи.

— Вы никогда такъ прежде не позволяли себѣ говорить.

— Я всегда робѣлъ прежде. Я и теперь вошелъ, не зная что̀ говорить. Вы думаете, я теперь не робѣю? Я робѣю. Но я вдругъ принялъ огромное рѣшеніе и чувствовалъ, что его выполню. А какъ принялъ это рѣшеніе, то сейчасъ и сошелъ съ ума и сталъ все это говорить... Выслушайте, вотъ мои два слова: шпіонъ я вашъ, или нѣтъ? Отвѣтьте мнѣ — вотъ вопросъ!

Краска быстро залила ея лицо.

– Не отвѣчайте еще, Катерина Николаевна, а выслушайте все и потомъ скажите всю правду.

Я разомъ сломалъ всѣ заборы и полетѣлъ въ пространство.

II.

Два мѣсяца назадъ, я здѣсь стоялъ за портьерой... вы знаете... а вы говорили съ Татьяной Павловной про письмо. Я выскочилъ и, внѣ себя, проговорился. Вы тотчасъ поняли, что я что-то знаю... вы не могли не понять... вы искали важный документъ и опасались за него... Подождите, Катерина Николаевна, удерживайтесь еще говорить. Объявляю вамъ, что ваши подозрѣнія были основательны: этотъ документъ существуетъ...

то есть былъ . . . я его видѣлъ; это — ваше письмо къ Андроникову, такъ ли?

— Вы видѣли это письмо? — быстро спросила она, въ смущеніи и волненіи. — Гдѣ вы его видѣли?

— Я видѣлъ . . . я видѣлъ у Крафта . . . вотъ у того, который застрѣлился . . .

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы сами видѣли? Что жъ съ нимъ сталось?

— Крафтъ его разорвалъ.

— При васъ, вы видѣли?

— При мнѣ. Онъ разорвалъ, вѣроятно, передъ смертью . . . Я вѣдь не зналъ тогда, что онъ застрѣлится . . .

— Такъ оно уничтожено, слава Богу! — проговорила она медленно, вздохнувъ, и перекрестилась.

Я не солгалъ ей. То есть я и солгалъ, потому что документъ былъ у меня и никогда у Крафта, но это была лишь мелочь, а въ самомъ главномъ я не солгалъ, потому что въ ту минуту, когда лгалъ, то далъ себѣ слово сжечь это письмо въ тотъ же вечеръ. Клянусь, если бъ оно было у меня въ ту минуту въ карманѣ, я бы вынулъ и отдалъ ей; но его со мною не было, оно было въ квартирѣ. Впрочемъ, можетъ быть, и не отдалъ бы, потому что мнѣ было бы очень стыдно признаться ей тогда, что оно у меня и что я сторожилъ ее такъ долго, ждалъ и не отдавалъ. Все одно: сжегъ бы дома, во всякомъ случаѣ, и не солгалъ! Я былъ чистъ въ ту минуту, клянусь.

— А коли такъ, — продолжалъ я почти внѣ себя: — то скажите мнѣ: для того ли вы привлекали меня, ласкали меня, принимали меня, что подозрѣвали во мнѣ знаніе о документѣ? Постойте,

Катерина Николаевна, еще минутку не говорите, а дайте мнѣ все докончить: я все время, какъ къ вамъ ходилъ, все это время подозрѣвалъ, что вы для того только и ласкали меня, чтобъ изъ меня выпытать это письмо, довести меня до того, чтобъ я признался... Постойте, еще минуту: я подозрѣвалъ, но я страдалъ. Двоедушіе ваше было для меня невыносимо, потому что... потому что я нашелъ въ васъ благороднѣйшее существо! Я прямо говорю, я прямо говорю: я былъ вамъ врагъ, но я нашелъ въ васъ благороднѣйшее существо. Все было побѣждено разомъ. Но двоедушіе, то есть подозрѣніе въ двоедушіи, томило... Теперь должно все рѣшиться, все объясниться, такое время пришло; но постойте еще немного, не говорите, узнайте, какъ я смотрю самъ на все это, именно сейчасъ, въ теперешнюю минуту; прямо говорю: если это и такъ было, то я не разсержусь... то есть я хотѣлъ сказать — не обижусь, потому что это такъ естественно, я вѣдь понимаю. Что жъ тутъ можетъ быть неестественнаго и дурного? Вы мучаетесь документомъ, вы подозрѣваете, что такой-то все знаетъ, что жъ, вы очень могли желать, чтобъ такой-то высказался... Тутъ ничего нѣтъ дурного, ровно ничего. Искренно говорю. Но все-таки надо, чтобы вы теперь мнѣ что-нибудь сказали... признались (простите это слово). Мнѣ надо правду. Почему-то такъ надо! Итакъ, скажите: для того ли вы обласкали меня, чтобъ выпытать у меня документъ... Катерина Николаевна?

Я говорилъ какъ будто бы падалъ, и лобъ мой горѣлъ. Она слушала меня уже безъ тревоги, напротивъ, чувство было въ лицѣ; но она смотрѣла какъ-то застѣнчиво, какъ будто стыдясь.

— Для того, — проговорила она медленно и вполголоса. — Простите меня, я была виновата, — прибавила она вдругъ, слегка приподымая ко мнѣ руки. Я никакъ не ожидалъ этого. Я всего ожидалъ, но только не этихъ двухъ словъ; даже отъ нея, которую зналъ уже.

— И вы говорите мнѣ: «виновата»! Такъ прямо «виновата»? — вскричалъ я.

— О, я уже давно стала чувствовать, что передъ вами виновата... и даже рада теперь, что вышло наружу...

— Давно чувствовали? Для чего же вы не го ворили прежде?

— Да я не умѣла какъ и сказать, — улыбнулась она: — то есть, я и сумѣла бы, — улыбнулась она опять: — но какъ-то становилось все совѣстно... потому что я, дѣйствительно, вначалѣ васъ только для этого «привлекала», какъ вы выразились, ну а потомъ мнѣ очень скоро стало противно... и надоѣло мнѣ все это притворство, увѣряю васъ! — прибавила она съ горькимъ чувствомъ: — да и всѣ эти хлопоты тоже!

— И почему, почему бы вамъ не спросить тогда, прямехонькимъ образомъ? Такъ бы и сказали. «вѣдь ты знаешь про письмо, чего же ты притворяешься?» И я бы вамъ тотчасъ все сказалъ, тотчасъ признался!

— Да я васъ... боялась немного. Признаюсь, я тоже вамъ и не довѣряла. Да и вправду: если я хитрила, то и вы тоже, — прибавила она, усмѣхнувшись.

— Да, да, я былъ недостоинъ! — вскричалъ я пораженный. — О, вы еще не знаете всѣхъ безднъ моего паденія!

— Ну, ужъ и безднъ! Узнаю вашъ слогъ, — тихо улыбнулась она. — Это письмо, — прибавила она грустно, — было самымъ грустнымъ и легкомысленнымъ поступкомъ моей жизни. Сознаніе объ этомъ поступкѣ было мнѣ всегдашнимъ укоромъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ и опасеній, я усумнилась въ моемъ миломъ, великодушномъ отцѣ. Зная, что это письмо могло попасть... въ руки злыхъ людей... имѣя полныя основанія такъ думать (съ жаромъ произнесла она), я трепетала, что имъ воспользуются, покажутъ papá... а на него это могло произвести чрезвычайное впечатлѣніе... въ его положеніи... на здоровье его... и онъ бы меня разлюбилъ... Да, — прибавила она, смотря мнѣ ясно въ глаза и, вѣроятно, поймавъ на лету что-то въ моемъ взглядѣ; — да, я боялась тоже и за участь мою: я боялась, что онъ... подъ вліяніемъ своей болѣзни... могъ лишить меня и своихъ милостей. Это чувство тоже входило, но я навѣрно и тутъ передъ нимъ виновата: онъ такъ добръ и великодушенъ, что, конечно бы, меня простилъ. Вотъ и все, что̀ было. А что я такъ поступила съ вами, то такъ не надо было, — кончила она, опять застыдившись. — Вы меня привели въ стыдъ.

— Нѣтъ, вамъ нечего стыдиться! — вскричалъ я.

— Я дѣйствительно расчитывала... на вашу пылкость... и сознаюсь въ этомъ, — вымолвила она, потупившись.

— Катерина Николаевна! Кто, кто, скажите, заставляетъ васъ дѣлать такія признанія мнѣ вслухъ? — вскрикнулъ я, какъ опьянѣлый: — ну, что̀ бы вамъ стоило встать и въ отборнѣйшихъ

выраженіяхъ, самымъ тонкимъ образомъ доказать мнѣ, какъ дважды-два, что хоть оно и было, но все-таки ничего не было, — понимаете, какъ обыкновенно умѣютъ у васъ въ высшемъ свѣтѣ обращаться съ правдой? Вѣдь я глупъ и грубъ, я бы вамъ тотчасъ повѣрилъ, я бы всему повѣрилъ отъ васъ, что̀ бы вы ни сказали! Вѣдь вамъ бы ничего не стоило такъ поступить? Вѣдь не боитесь же вы меня въ самомъ дѣлѣ? Какъ могли вы такъ добровольно унизиться передъ выскочкой, передъ жалкимъ подросткомъ?

— Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, я не унизилась передъ вами, — промолвила она съ чрезвычайнымъ достоинствомъ, повидимому не понявъ мое восклицаніе.

— О, напротивъ, напротивъ! Я только это и кричу! . .

— Ахъ, это было такъ дурно и такъ легкомысленно съ моей стороны! — воскликнула она, приподнимая къ лицу свою руку и какъ бы стараясь закрыться рукой:—мнѣ стыдно было еще вчера, а потому я и была такъ не по себѣ, когда вы у меня сидѣли... Вся правда въ томъ,—прибавила она:—что теперь обстоятельства мои вдругъ такъ сошлись, что мнѣ необходимо надо было узнать, наконецъ, всю правду объ участи этого несчастнаго письма, а то я было ужъ стала забывать о немъ . . . потому что я вовсе не изъ этого только принимала васъ у себя, — прибавила она вдругъ.

Сердце мое задрожало.

— Конечно, нѣтъ, — улыбнулась она тонкой улыбкой: — конечно, нѣтъ! Я . . . Вы очень мѣтко замѣтили это давеча, Аркадій Макаровичъ, что мы часто съ вами говорили, какъ студентъ со студен-

томъ. Увѣряю васъ, что мнѣ очень скучно бываетъ иногда въ людяхъ; особенно стало это послѣ заграницы и всѣхъ этихъ нашихъ семейныхъ несчастій... Я даже мало теперь и бываю гдѣ-нибудь, и не отъ одной только лѣни. Мнѣ часто хочется уѣхать въ деревню. Я бы тамъ перечла мои любимыя книги, которыя ужъ давно отложила, а все никакъ не соберусь прочесть. Я вамъ про это ужъ говорила. Помните, вы смѣялись, что я читаю русскія газеты, по двѣ газеты въ день?

— Я не смѣялся...

— Конечно, потому что и васъ это также волновало, а я вамъ давно призналась: я русская и Россію люблю. Вы помните, мы все съ вами читали «факты», какъ вы это называли (улыбнулась она). Вы хоть и очень часто бываете какой-то... странный, но вы иногда такъ оживлялись, что всегда умѣли сказать мѣткое слово и интересовались именно тѣмъ, что меня интересовало. Когда вы бываете «студентомъ», вы, право, бываете милы и оригинальны. Вотъ другія роли вамъ, кажется, мало идутъ, — прибавила она съ прелестной, хитрой усмѣшкой. — Вы помните, мы иногда по цѣлымъ часамъ говорили про однѣ только цифры, считали и примѣривали, заботились о томъ, сколько школъ у насъ, куда направляется просвѣщеніе. Мы считали убійства и уголовныя дѣла, сравнивали съ хорошими извѣстіями... хотѣлось узнать, куда это все стремится, и что̀ съ нами самими, наконецъ, будетъ. Я въ васъ встрѣтила искренность. Въ свѣтѣ съ нами, съ женщинами, такъ никогда не говорятъ. Я на прошлой недѣлѣ заговорила было съ княземъ —вымъ о Бисмаркѣ, потому что очень интересовалась, а сама не умѣла рѣшить, и, вообра-

зите, онъ сѣлъ подлѣ и началъ мнѣ разсказывать, даже очень подробно, но все съ какой-то ироніей, и съ тою именно нестерпимою для меня снисходительностью, съ которою обыкновенно говорятъ «великіе мужи» съ нами, женщинами, если тѣ сунутся «не въ свое дѣло» . . . А помните, какъ мы о Бисмаркѣ съ вами чуть не поссорились? Вы мнѣ доказывали, что у васъ есть своя идея «гораздо почище» Бисмарковой, — засмѣялась вдругъ она. — Я въ жизни встрѣтила лишь двухъ людей, которые со мной говорили вполнѣ серьезно: покойнаго мужа, очень-очень умнаго и . . . благороднаго человѣка, — произнесла она внушительно: — и еще — вы сами знаете кого . . .

— Версилова! — вскричалъ я. Я чуть дышалъ надъ каждымъ ея словомъ.

— Да; я очень любила его слушать, я стала съ нимъ подъ конецъ вполнѣ . . . слишкомъ, можетъ быть, откровенною, но тогда-то онъ мнѣ и не повѣрилъ!

— Не повѣрилъ?

— Да, вѣдь и никто никогда мнѣ не вѣрилъ.

— Но Версиловъ, Версиловъ!

— Онъ не просто не повѣрилъ, — промолвила она, опустивъ глаза и странно какъ-то улыбнувшись, — а счелъ, что во мнѣ «всѣ пороки».

— Которыхъ у васъ нѣтъ ни одного!

— Нѣтъ, есть нѣкоторые и у меня.

— Версиловъ не любилъ васъ, отъ того и не понялъ васъ, — вскричалъ я, сверкая глазами.

Что-то передернулось въ ея лицѣ.

— Оставьте объ этомъ и никогда не говорите мнѣ объ . . . этомъ человѣкѣ . . . — прибавила она горячо и съ сильною настойчивостью. — Но до-

вольно; пора. (Она встала, чтобъ уходить.) — Что жъ, прощаете вы меня или нѣтъ? — проговорила она, ясно смотря на меня.

— Мнѣ . . . васъ . . . простить! Послушайте, Катерина Николаевна, и не разсердитесь: правда, что вы выходите замужъ?

— Это еще совсѣмъ не рѣшено, — проговорила она, какъ бы испугавшись чего-то, въ смущеніи.

— Хорошій онъ человѣкъ? Простите, простите мнѣ этотъ вопросъ!

— Да, очень хорошій . . .

— Не отвѣчайте больше, не удостаивайте меня отвѣтомъ! Я вѣдь знаю, что такіе вопросы отъ меня невозможны! Я хотѣлъ лишь знать, достоинъ онъ или нѣтъ, но я про него узнаю самъ.

— Ахъ, послушайте! — съ испугомъ проговорила она.

— Нѣтъ, не буду, не буду. Я пройду мимо . . . Но вотъ что̀ только скажу: дай вамъ Богъ всякаго счастія, всякаго, какое сами выберете . . . за то, что вы сами дали мнѣ теперь столько счастья, въ одинъ этотъ часъ! Вы теперь отпечатались въ душѣ моей вѣчно. Я пріобрѣлъ сокровище: мысль о вашемъ совершенствѣ. Я подозрѣвалъ коварство, грубое кокетство и былъ несчастенъ . . . потому что не могъ съ вами соединить эту мысль . . . въ послѣдніе дни я думалъ день и ночь, и вдругъ все становится ясно, какъ день! Входя сюда, я подумалъ, что унесу іезуитство, хитрость, вывѣдывающую змѣю, а нашелъ честь, славу, студента! Вы смѣетесь? Пусть, пусть! Вѣдь вы — святая, вы не можете смѣяться надъ тѣмъ, что̀ священно . . .

— О, нѣтъ, я тому только, что у васъ такія

ужасныя слова... Ну, чтò такое «вывѣдывающая змѣя»? — засмѣялась она.

— У васъ вырвалось сегодня одно драгоцѣнное слово, — продолжалъ я въ восторгѣ. — Какъ могли вы только выговорить предо мной: «что расчитывали на мою пылкость»? Ну, пусть вы святая и признаетесь даже въ этомъ, потому что вообразили въ себѣ какую-то вину и хотѣли себя казнить... Хотя, впрочемъ, никакой вины не было, потому что, если и было чтò, то отъ васъ все свято! Но все-таки вы могли не сказать именно этого слова, этого выраженія!.. Такое неестественное даже чистосердечіе показываетъ лишь высшее ваше цѣломудріе, уваженіе ко мнѣ, вѣру въ меня, — безсвязно восклицалъ я. — О, не краснѣйте, не краснѣйте!.. И кто, кто могъ клеветать и говорить, что вы — страстная женщина? О, простите: я вижу мучительное выраженіе на вашемъ лицѣ; простите изступленному подростку его неуклюжія слова! Да и въ словахъ ли, въ выраженіяхъ ли теперь дѣло? Не выше ли вы всѣхъ выраженій?.. Версиловъ разъ говорилъ, что Отелло не для того убилъ Дездемону, а потомъ убилъ себя, что ревновалъ, а потому, что у него отняли его идеалъ... Я это понялъ, потому что и мнѣ сегодня возвратили мой идеалъ!

— Вы меня слишкомъ хвалите: я не стою того, — произнесла она съ чувствомъ. — Помните, что я говорила вамъ про ваши глаза? — прибавила она шутливо.

— Что у меня не глаза, а вмѣсто глазъ два микроскопа, и что я каждую муху преувеличиваю въ верблюда! Нѣтъ-съ, тутъ не верблюдъ!.. Какъ, вы уходите?

Она стояла среди комнаты, съ муфтой и съ шалью въ рукѣ.

— Нѣтъ, я подожду, когда вы выйдете, а сама выйду потомъ. Я еще напишу два слова Татьянѣ Павловнѣ.

— Я сейчасъ уйду, сейчасъ, но еще разъ: будьте счастливы, однѣ или съ тѣмъ, кого выберете, и дай вамъ Богъ! А мнѣ — мнѣ нуженъ лишь идеалъ!

— Милый, добрый Аркадій Макаровичъ, повѣрьте, что я объ васъ... Про васъ отецъ мой говоритъ всегда: «милый, добрый мальчикъ!». Повѣрьте, я буду помнить всегда ваши разсказы о бѣдномъ мальчикѣ, оставленномъ въ чужихъ людяхъ, и объ уединенныхъ его мечтахъ... Я слишкомъ понимаю, какъ сложилась душа ваша... Но теперь, хоть мы и студенты, — прибавила она съ просящей и стыдливой улыбкой, пожимая руку мою: — но намъ нельзя уже болѣе видѣться какъ прежде и, и... вѣрно вы это понимаете?

— Нельзя?

— Нельзя, долго нельзя... въ этомъ ужъ я виновата... Я вижу, что это теперь совсѣмъ невозможно... Мы будемъ встрѣчаться, иногда, у papà...

— Вы боитесь «пылкости» моихъ чувствъ, вы не вѣрите мнѣ? — хотѣлъ было я вскричать; но она вдругъ такъ предо мной застыдилась, что слова мои сами не выговорились.

— Скажите, — вдругъ остановила она меня уже совсѣмъ у дверей, — вы сами видѣли, что... то письмо... разорвано? Вы хорошо это запомнили? Почему вы тогда узнали, что это было то самое письмо къ Андроникову?

— Крафтъ мнѣ разсказалъ его содержаніе и

даже показалъ мнѣ его.. Прощайте! Когда я бывалъ у васъ въ кабинетѣ, то робѣлъ при васъ, а когда вы уходили, я готовъ былъ броситься и цѣловать то мѣсто на полу, гдѣ стояла ваша нога...— проговорилъ я вдругъ безотчетно, самъ не зная какъ и для чего, и, не взглянувъ на нее, быстро вышелъ.

Я пустился домой; въ моей душѣ былъ восторгъ. Все мелькало въ умѣ, какъ вихрь, а сердце было полно. Подъѣзжая къ дому мамы, я вспомнилъ вдругъ о Лизиной неблагодарности къ Аннѣ Андреевнѣ, объ ея жестокомъ, чудовищномъ словѣ давеча, и у меня вдругъ заныло за нихъ всѣхъ сердце! «Какъ у нихъ у всѣхъ жестко на сердцѣ! Да и Лиза, что̀ съ ней?» подумалъ я, ставъ на крыльцо.

Я отпустилъ Матвѣя и велѣлъ пріѣхать за мной, ко мнѣ на квартиру, въ девять часовъ.

Глава пятая.

I.

Къ обѣду я опоздалъ, но они еще не садились и ждали меня. Можетъ быть, потому, что я вообще у нихъ рѣдко обѣдалъ, сдѣланы были даже кой-какія особыя прибавленія: явились на закуску сардины и проч. Но, къ удивленію моему и къ горю, я засталъ всѣхъ чѣмъ-то озабоченными, нахмуренными: Лиза едва улыбнулась, меня завидя, а мама видимо безпокоилась; Версиловъ улыбался, но съ натуги. «Ужъ не поссорились ли?» подумалось мнѣ. Впрочемъ, сначала все шло хорошо: Версиловъ только поморщился немного на супъ съ клецками и очень сгримасничалъ, когда подали зразы:

— Стоитъ только предупредить, что желудокъ мой такого-то кушанья не выноситъ, чтобъ оно на другой же день и явилось, — вырвалось у него въ досадѣ.

— Да вѣдь что жъ, Андрей Петровичъ, придумать-то? Никакъ не придумаешь новаго-то кушанья никакого, — робко отвѣтила мама.

— Твоя мать — совершенная противоположность инымъ нашимъ газетамъ, у которыхъ что ново, то и хорошо, — хотѣлъ было сострить Вер-

силовъ поигривѣе и подружелюбнѣе; но у него какъ-то не вышло, и онъ только пуще испугалъ маму, которая, разумѣется, ничего не поняла въ сравненіи ея съ газетами и озиралась съ недоумѣніемъ. Въ эту минуту вошла Татьяна Павловна и, объявивъ, что ужъ отобѣдала, усѣлась подлѣ мамы на диванѣ.

Я все еще не успѣлъ пріобрѣсти расположенія этой особы; даже, напротивъ, она еще пуще стала на меня нападать за все про все. Особенно усилилось ея неудовольствіе на меня за послѣднее время: она видѣть не могла моего франтовского платья, а Лиза передавала мнѣ, что съ ней почти случился припадокъ, когда она узнала, что у меня лихачъ извозчикъ. Я кончилъ тѣмъ, что по возможности сталъ избѣгать съ ней встрѣчи. Два мѣсяца назадъ, послѣ отдачи наслѣдства, я было забѣжалъ къ ней поболтать о поступкѣ Версилова, но не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія; напротивъ, она была страшно обозлена: ей очень не понравилось, что отдано все, а не половина; мнѣ же она рѣзко тогда замѣтила:

— Бьюсь объ закладъ, ты увѣренъ, что онъ и деньги отдалъ и на дуэль вызывалъ единственно, чтобъ поправиться въ мнѣніи Аркадія Макаровича.

И вѣдь почти она угадала: въ сущности, я что-то въ этомъ родѣ тогда, дѣйствительно, чувствовалъ.

Я тотчасъ понялъ, только что она вошла, что она непремѣнно на меня накинется; даже былъ немножко увѣренъ, что она собственно для этого и пришла, а потому я сталъ вдругъ необыкновенно развязенъ; да и ничего мнѣ это не стоило, потому

что я все еще, съ давешняго, продолжалъ быть въ радости и въ сіяніи. Замѣчу разъ навсегда, что развязность никогда въ жизни не шла ко мнѣ, то-есть не была мнѣ къ лицу, а, напротивъ, всегда покрывала меня позоромъ. Такъ случилось и теперь: я мигомъ проврался; безъ всякаго дурного чувства, а чисто изъ легкомыслія, замѣтивъ, что Лиза ужасно скучна, я вдругъ брякнулъ, даже и не подумавъ о томъ, что̀ говорю:

— Въ кои-то вѣки я здѣсь обѣдаю, и вотъ ты, Лиза, какъ нарочно, такая скучная!

— У меня голова болитъ, — отвѣтила Лиза.

— Ахъ, Боже мой, — вцѣпилась Татьяна Павловна: — что жъ что больна? Аркадій Макаровичъ изволилъ пріѣхать обѣдать, должна плясать и веселиться.

— Вы рѣшительно — несчастье моей жизни, Татьяна Павловна: никогда не буду при васъ сюда ѣздить! — и я съ искренней досадой хлопнулъ ладонью по столу; мама вздрогнула, а Версиловъ странно посмотрѣлъ на меня. Я вдругъ разсмѣялся и попросилъ у нихъ прощенія.

— Татьяна Павловна, беру слово о несчастьѣ назадъ, — обратился я къ ней, продолжая развязничать.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отрѣзала она: — мнѣ гораздо лестнѣе быть твоимъ несчастіемъ, чѣмъ наоборотъ, будь увѣренъ.

— Милый мой, надо умѣть переносить маленькія несчастія жизни, — промямлилъ, улыбаясь, Версиловъ, — безъ несчастій и жить не стоитъ.

— Знаете, вы — страшный иногда ретроградъ, — воскликнулъ я, нервно смѣясь.

— Другъ мой, это наплевать.

— Нѣтъ, не наплевать! Зачѣмъ вы ослу не говорите прямо, когда онъ оселъ?

— Ужъ ты не про себя ли? Я, во-первыхъ, судить никого не хочу и не могу.

— Почему не хотите, почему не можете?

— И лѣнь, и претитъ. Одна умная женщина мнѣ сказала однажды, что я не имѣю права другихъ судить потому, что «страдать не умѣю», а чтобы стать судьей другихъ, надо выстрадать себѣ право на судъ. Немного высокопарно, но въ примѣненіи ко мнѣ, можетъ, и правда, такъ что я съ охотой покорился сужденію.

— Да неужто жъ это Татьяна Павловна вамъ сказала? — воскликнулъ я.

— А ты почему узналъ? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ Версиловъ.

— Да я по лицу Татьяны Павловны угадалъ: она вдругъ такъ дернулась.

Я угадалъ случайно. Фраза эта, дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, высказана была Татьяной Павловной Версилову наканунѣ въ горячемъ разговорѣ. Да и вообще, повторяю, я съ моими радостями и экспансивностями налетѣлъ на нихъ всѣхъ вовсе не во-время: у каждаго изъ нихъ было свое и очень тяжелое.

— Ничего я не понимаю, потому что все это такъ отвлеченно; и вотъ черта: ужасно какъ вы любите отвлеченно говорить, Андрей Петровичъ; это — эгоистическая черта: отвлеченно любятъ говорить одни эгоисты.

— Не глупо сказано, но ты не приставай.

— Нѣтъ, позвольте, — лѣзъ я съ экспансивностями: — что̀ значитъ «выстрадать право на судъ»? Кто честенъ, тотъ и судья — вотъ моя мысль.

— Немного же ты, въ такомъ случаѣ, наберешь судей.

— Одного ужъ я знаю.

— Кого это!

— Онъ теперь сидитъ и говоритъ со мной.

Версиловъ странно усмѣхнулся, нагнулся къ самому моему уху и, взявъ меня за плечо, прошепталъ мнѣ: «Онъ тебѣ все лжетъ».

Я до сихъ поръ не понимаю, что̀ у него тогда была за мысль, но, очевидно, онъ въ ту минуту былъ въ какой-то чрезвычайной тревогѣ (вслѣдствіе одного извѣстія, какъ сообразилъ я послѣ). Но это слово: «онъ тебѣ все лжетъ» было такъ неожиданно и такъ серьезно сказано, и съ такимъ страннымъ, вовсе не шутливымъ выраженіемъ, что я весь какъ-то нервно вздрогнулъ, почти испугался и дико поглядѣлъ на него; но Версиловъ поспѣшилъ разсмѣяться.

— Ну, и слава Богу! — сказала мама, испугавшись тому, что онъ шепталъ мнѣ на ухо, — а то я подумала... Ты, Аркаша, на насъ не сердись; умные-то люди и безъ насъ съ тобой будутъ, а вотъ кто тебя любить-то станетъ, коли насъ другъ у дружки не будетъ?

— Тѣмъ-то и безнравственна родственная любовь, мама, что она — незаслуженная. Любовь надо заслужить.

— Пока-то еще заслужишь, а здѣсь тебя и ни за что̀ любятъ.

Всѣ вдругъ разсмѣялись.

— Ну, мама, вы, можетъ, и не хотѣли выстрѣлить, а птицу убили! — вскричалъ я, тоже разсмѣявшись.

— А ты ужъ и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ,

что тебя есть за что любить, — набросилась опять Татьяна Павловна: — мало того, что даромъ тебя любятъ, тебя сквозь отвращенье они любятъ!

— Ахъ, вотъ нѣтъ! — весело вскричалъ я: — знаете ли, кто, можетъ быть, сказалъ мнѣ сегодня, что меня любитъ!

— Хохоча надъ тобой, сказалъ! — вдругъ какъ-то неестественно злобно подхватила Татьяна Павловна, какъ будто именно отъ меня и ждала этихъ словъ. — Да деликатный человѣкъ, а особенно женщина, изъ-за одной только душевной грязи твоей въ омерзѣніе придетъ. У тебя проборъ на головѣ, бѣлье тонкое, платье у француза сшито, а вѣдь все это — грязь! Тебя кто обшилъ, тебя кто кормитъ, тебѣ кто деньги, чтобъ на рулеткахъ играть, даетъ? Вспомни, у кого ты брать не стыдишься?

Мама до того вся вспыхнула, что я никогда еще не видалъ такого стыда на ея лицѣ. Меня всего передернуло:

— Если я трачу, то трачу свои деньги и отчетомъ никому не обязанъ, — отрѣзалъ было я, весь покраснѣвъ.

— Чьи свои? Какія свои?

— Не мои, такъ Андрей Петровичевы. Онъ мнѣ не откажетъ... Я бралъ у князя въ зачетъ его долга Андрею Петровичу...

— Другъ мой, — проговорилъ вдругъ твердо Версиловъ, — тамъ моихъ денегъ ни копейки нѣтъ.

Фраза была ужасно значительна. Я осѣкся на мѣстѣ. О, разумѣется, припоминая все тогдашнее, парадоксальное и безшабашное настроеніе мое, я, конечно бы, вывернулся какимъ-нибудь

«благороднѣйшимъ» порывомъ, или трескучимъ словечкомъ, или чѣмъ-нибудь, но вдругъ я замѣтилъ въ нахмуренномъ лицѣ Лизы какое-то злобное, обвиняющее выраженіе, несправедливое выраженіе, почти насмѣшку, и точно бѣсъ меня дернулъ.

— Вы, сударыня,—обратился я вдругъ къ ней,—кажется, часто посѣщаете въ квартирѣ князя Дарью Онисимовну? Такъ не угодно ли вамъ передать ей самой вотъ эти триста рублей, за которые вы меня сегодня ужъ такъ пилили!

Я вынулъ деньги и протянулъ ей. Ну, повѣрятъ ли, что низкія слова эти были сказаны тогда безъ всякой цѣли, т. е. безъ малѣйшаго намека на что-нибудь. Да и намека такого не могло быть, потому что въ ту минуту я ровнешенько ничего не зналъ. Можетъ быть, у меня было лишь желаніе чѣмъ-нибудь кольнуть ее, сравнительно ужасно невиннымъ, въ родѣ того, что вотъ, дескать, барышня, а не въ свое дѣло мѣшается, такъ вотъ не угодно ли, если ужъ непремѣнно вмѣшаться хотите, самой встрѣтиться съ этимъ княземъ, съ молодымъ человѣкомъ, съ петербургскимъ офицеромъ, и ему передать, «если ужъ такъ захотѣли ввязываться въ дѣла молодыхъ людей». — Но каково же было мое изумленіе, когда вдругъ встала мама и, поднявъ передо мной палецъ и грозя мнѣ, крикнула:

— Не смѣй! Не смѣй!

Ничего подобнаго этому я не могъ отъ нея представить и самъ вскочилъ съ мѣста, не то что въ испугѣ, а съ какимъ-то страданіемъ, съ какой-то мучительной раной на сердцѣ, вдругъ догадавшись, что случилось что-то тяжелое. Но мама недолго

выдержала: закрывъ руками лицо, она быстро вышла изъ комнаты. Лиза, даже не глянувъ въ мою сторону, вышла вслѣдъ за нею. Татьяна Павловна съ полминуты смотрѣла на меня молча:

— Да неужто ты, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь хотѣлъ сморозить? — загадочно воскликнула она, съ глубочайшимъ удивленіемъ смотря на меня, но, не дождавшись моего отвѣта, тоже побѣжала къ нимъ. Версиловъ съ непріязненнымъ, почти злобнымъ видомъ всталъ изъ-за стола и взялъ въ углу свою шляпу.

— Я полагаю, что ты вовсе не такъ глупъ, а только невиненъ, — промямлилъ онъ мнѣ насмѣшливо. — Если придутъ, скажи, чтобъ меня не ждали къ пирожному: я немножко пройдусь.

Я остался одинъ; сначала мнѣ было странно, потомъ обидно, а потомъ я ясно увидѣлъ, что я виноватъ. Впрочемъ, я не зналъ, въ чемъ собственно я виноватъ, а только что-то почувствовалъ. Я сидѣлъ у окна и ждалъ. Прождавъ минутъ десять, я тоже взялъ шляпу и пошелъ наверхъ, въ мою бывшую свѣтелку. Я зналъ, что онѣ тамъ, то есть мама и Лиза, и что Татьяна Павловна уже ушла. Такъ я ихъ и нашелъ обѣихъ вмѣстѣ на моемъ диванѣ, объ чемъ-то шептавшихся. При моемъ появленіи, обѣ тотчасъ же перестали шептаться. Къ удивленію моему, онѣ на меня не сердились; мама, по крайней мѣрѣ, мнѣ улыбнулась.

— Я, мама, виноватъ, — началъ было я . . .

— Ну, ну, ничего, — перебила мама: — а вотъ любите только другъ дружку и никогда не ссорьтесь, то и Богъ счастья пошлетъ.

— Онъ, мама, никогда меня не обидитъ, я вамъ

это говорю! — убѣжденно и съ чувствомъ проговорила Лиза.

Если бъ не эта только Татьяна Павловна, ничего бы не вышло, — вскричалъ я: — скверная она!

— Видите, мама? Слышите? — указала ей на меня Лиза.

— Я вотъ что̀ вамъ скажу обѣимъ, — провозгласилъ я: — если въ свѣтѣ гадко, то гадокъ только я, а все остальное — прелесть!

— Аркаша, не разсердись, милый, а кабы ты въ самомъ дѣлѣ пересталъ...

— Это играть? Играть? Перестану, мама: сегодня въ послѣдній разъ ѣду, особенно послѣ того, какъ Андрей Петровичъ самъ и вслухъ объявилъ, что его денегъ тамъ нѣтъ ни копейки. Вы не повѣрите, какъ я краснѣю... Я, впрочемъ, долженъ съ нимъ объясниться... Мама, милая, въ прошлый разъ я здѣсь сказалъ... неловкое слово.. Мамочка, я вралъ: я хочу искренно вѣровать, я только фанфаронилъ, и очень люблю Христа...

У насъ въ прошлый разъ, дѣйствительно, вышелъ разговоръ въ этомъ родѣ; мама была очень огорчена и встревожена. Выслушавъ меня теперь, она улыбнулась мнѣ какъ ребенку:

— Христосъ, Аркаша, все проститъ, и хулу твою проститъ, и хуже твоего проститъ. Христосъ — отецъ, Христосъ не нуждается и сіять будетъ даже въ самой глубокой тьмѣ...

Я съ ними простился и вышелъ, подумывая о шансахъ увидѣться сегодня съ Версиловымъ; мнѣ очень надо было переговорить съ нимъ, а давеча нельзя было. Я сильно подозрѣвалъ, что онъ дожидается у меня на квартирѣ. Пошелъ я пѣш-

комъ; съ тепла принялось слегка морозить, и пройтись было очень пріятно.

II.

Я жилъ близъ Вознесенскаго моста, въ огромномъ домѣ, на дворѣ. Почти входя въ ворота, я столкнулся съ выходившимъ отъ меня Версиловымъ.

— По моему обычаю, дошелъ, гуляя, до твоей квартиры, и даже подождалъ тебя у Петра Ипполитовича, но соскучился. Они тамъ у тебя вѣчно ссорятся, а сегодня жена у него даже слегла и плачетъ. Посмотрѣлъ и пошелъ.

Мнѣ почему-то стало досадно.

— Вы вѣрно только ко мнѣ одному и ходите, и, кромѣ меня да Петра Ипполитовича, у васъ никого нѣтъ во всемъ Петербургѣ?

— Другъ мой... да вѣдь все равно.

— Куда же теперь-то?

— Нѣтъ, ужъ я къ тебѣ не вернусь. Если хочешь — пройдемся, славный вечеръ.

— Если бъ, вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій, вы говорили со мной по-человѣчески и, напримѣръ, хоть намекнули мнѣ только объ этой проклятой игрѣ, я бы, можетъ, не втянулся, какъ дуракъ, — сказалъ я вдругъ.

— Ты раскаиваешься? Это хорошо, — отвѣтилъ онъ, цѣдя слова: — я и всегда подозрѣвалъ, что у тебя игра — не главное дѣло, а лишь временное уклоненіе... Ты правъ, мой другъ, игра — свинство, и къ тому же можно проиграться.

— И чужія деньги проигрывать.

— А ты проигралъ и чужія?

— Ваши проигралъ. Я бралъ у князя за вашъ

счетъ. Конечно, это — страшная нелѣпость и глупость съ моей стороны... считать ваши деньги своими, но я все хотѣлъ отыграться.

— Предупреждаю тебя еще разъ, мой милый, что тамъ моихъ денегъ нѣтъ. Я знаю, этотъ молодой человѣкъ самъ въ тискахъ, и я на немъ ничего не считаю, несмотря на его обѣщанія.

— Въ такомъ случаѣ, я вдвое въ худшемъ положеніи... я въ комическомъ положеніи! И съ какой стати ему мнѣ давать, а мнѣ у него брать послѣ этого?

— Это — ужъ твое дѣло... А дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшей стати тебѣ брать у него, а?

— Кромѣ товарищества...

— Нѣтъ, кромѣ товарищества? Нѣтъ ли чего такого, изъ-за чего бы ты находилъ возможнымъ брать у него, а? Ну, тамъ по какимъ бы то ни было соображеніямъ?

— По какимъ это соображеніямъ? Я не понимаю.

— И тѣмъ лучше, что не понимаешь, и, признаюсь, мой другъ, я былъ въ этомъ увѣренъ. Brisons-là, mon cher, и постарайся какъ-нибудь не играть.

— Если бъ вы мнѣ заранъше сказали! Вы и теперь мнѣ говорите, точно мямлите.

— Если бъ я заранъше сказалъ, то мы бы съ тобой только разссорились, и ты меня не съ такой бы охотою пускалъ къ себѣ по вечерамъ. И знай, мой милый, что всѣ эти спасительные заранѣе совѣты — все это есть только вторженіе на чужой счетъ въ чужую совѣсть. Я достаточно вскакивалъ въ совѣсть другихъ и, въ концѣ концовъ, вынесъ одни щелчки и насмѣшки. На щелчки и насмѣшки, конечно, наплевать, но главное въ

томъ, что этимъ манеромъ ничего и не достигнешь: никто тебя не слушается, какъ ни вторгайся... и всѣ тебя разлюбятъ.

— Я радъ, что вы со мной начали говорить не объ отвлеченностяхъ. Я васъ еще объ одномъ хочу спросить, давно хочу, но все какъ-то съ вами нельзя было. Хорошо, что мы на улицѣ. Помните, въ тотъ вечеръ у васъ, въ послѣдній вечеръ, два мѣсяца назадъ, какъ мы сидѣли съ вами у меня «въ гробѣ», и я разспрашивалъ васъ о мамѣ и о Макарѣ Ивановичѣ, — помните ли, какъ я былъ съ вами тогда «развязенъ»? Можно ли было позволить пащенку-сыну въ такихъ терминахъ говорить про мать? И что же? Вы ни однимъ словечкомъ не подали виду: напротивъ, сами «распахнулись», а тѣмъ и меня еще пуще развязали.

— Другъ ты мой, мнѣ слишкомъ пріятно отъ тебя слышать... такія чувства... Да, я помню очень, я, дѣйствительно, ждалъ тогда появленія краски въ твоемъ лицѣ, и, если самъ поддавалъ, то, можетъ быть, именно, чтобъ довести тебя до предѣла...

— И только обманули меня тогда и еще пуще замутили чистый источникъ въ душѣ моей! Да, я — жалкій подростокъ и самъ не знаю поминутно, что̀ зло, что̀ добро. Покажи вы мнѣ тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчасъ вскочилъ на правый путь. Но вы только меня тогда разозлили.

— Cher enfant, я всегда предчувствовалъ, что мы, такъ или иначе, а съ тобой сойдемся: эта «краска» въ твоемъ лицѣ пришла же теперь къ тебѣ сама собой и безъ моихъ указаній, а это, клянусь, для тебя же лучше... Ты, мой милый, я

замѣчаю, въ послѣднее время много пріобрѣлъ... неужто въ обществѣ этого князька?

— Не хвалите меня, я этого не люблю. Не оставляйте въ моемъ сердцѣ тяжелаго подозрѣнія, что вы хвалите изъ іезуитства, во вредъ истинѣ, чтобъ не переставать нравиться. А въ послѣднее время... видите ли... я къ женщинамъ ѣздилъ. Я очень хорошо принятъ, напримѣръ, у Анны Андреевны, вы знаете!

— Я это знаю отъ нея же, мой другъ. Да она — премилая и умная. Mais brisons-là, mon cher. Мнѣ сегодня какъ-то до странности гадко — хандра, что̀ ли? Приписываю геморою. Что̀ дома? Ничего? Ты тамъ, разумѣется, примирился и были объятія? Cela va sans dire. Грустно какъ-то къ нимъ иногда бываетъ возвращаться, даже послѣ самой скверной прогулки. Право, иной разъ лишній крюкъ по дождю сдѣлаю, чтобъ только подольше не возвращаться въ эти нѣдра... И скучища же, скучища, о, Боже!

— Мама...

— Твоя мать — совершеннѣйшее и прелестнѣйшее существо, mais... Однимъ словомъ, я ихъ, вѣроятно, не стою. Кстати, что̀ у нихъ тамъ сегодня? Онѣ за послѣдніе дни всѣ до единой какія-то такія... Я, знаешь, всегда стараюсь игнорировать, но тамъ что-то у нихъ сегодня завязалось.. Ты ничего не замѣтилъ?

— Ничего не знаю рѣшительно, и даже не замѣтилъ бы совсѣмъ, если бъ не эта проклятая Татьяна Павловна, которая не можетъ не полѣзть кусаться. Вы правы: тамъ что-то есть. Давеча я Лизу засталъ у Анны Андреевны, она и тамъ еще была какая-то... даже удивила меня. Вѣдь вы знаете, что она принята у Анны Андреевны?

— Знаю, мой другъ, — А ты . . . ты когда же былъ давеча у Анны Андреевны, въ которомъ именно часу, то есть? Это мнѣ надо для одного факта.

— Отъ двухъ до трехъ. И представьте, когда я выходилъ, пріѣзжалъ князь . . .

Тутъ я разсказалъ ему весь мой визитъ до чрезвычайной подробности. Онъ все выслушалъ молча; о возможности сватовства князя къ Аннѣ Андреевнѣ не промолвилъ ни слова; на восторженныя похвалы мои Аннѣ Андреевнѣ промямлилъ опять, что «она — милая».

— Я ее чрезвычайно успѣлъ удивить сегодня, сообщивъ ей самую свѣжеиспеченную свѣтскую новость о томъ, что Катерина Николаевна Ахмакова выходитъ за барона Бьоринга, — сказалъ я вдругъ, какъ будто вдругъ что-то сорвалось у меня.

— Да? Представь же себѣ, она мнѣ эту самую «новость» сообщила еще давеча, раньше полудня, то есть гораздо раньше, чѣмъ ты могъ удивить ее?

— Что̀ вы?—такъ и остановился я на мѣстѣ:— а откуда жъ она узнать могла? А впрочемъ, что жъ я? Разумѣется, она могла узнать раньше моего, но вѣдь представьте себѣ: она выслушала отъ меня какъ совершенную новость! Впрочемъ . . . впрочемъ, что жъ я? Да здравствуетъ широкость! Надо широко допускать характеры, такъ ли? Я бы, напримѣръ, тотчасъ все разболталъ, а она запретъ въ табакерку . . . И пусть, и пусть, тѣмъ не менѣе она — прелестное существо и превосходнѣйшій характеръ!

— О, безъ сомнѣнія, каждый по-своему! И что̀ оригинальнѣе всего: эти превосходные характеры умѣютъ иногда чрезвычайно своеобразно озадачивать; вообрази, Анна Андреевна вдругъ огораши-

трудомъ ищемъ... Ну, вотъ съ такимъ взглядомъ вы встрѣтили и женщину — идеалъ и въ совершенствѣ, въ идеалѣ признали — «всѣ пороки»! Вотъ вамъ!

Читатель можетъ судить, въ какомъ я былъ изступленіи.

— «Всѣ пороки»! Ого! Эту фразу я знаю — воскликнулъ Версиловъ: — и, если ужъ до того дошло, что тебѣ сообщена такая фраза, то ужъ не поздравить ли тебя съ чѣмъ? Это означаетъ такую интимность между вами, что, можетъ быть, придется даже похвалить тебя за скромность и тайну, къ которой способенъ рѣдкій молодой человѣкъ...

Въ его голосѣ сверкалъ милый, дружественный, ласкающій смѣхъ... что-то вызывающее и милое было въ его словахъ, въ его свѣтломъ лицѣ, насколько я могъ замѣтить ночью. Онъ былъ въ удивительномъ возбужденіи. Я весь засверкалъ поневолѣ.

— Скромность, тайна! О, нѣтъ, нѣтъ! — восклицалъ я, краснѣя и въ то же время сжимая его руку, которую какъ-то успѣлъ схватить и, не замѣчая того, не выпускалъ ее. — Нѣтъ, ни за что!.. Однимъ словомъ, меня поздравлять не съ чѣмъ, и тутъ никогда, никогда не можетъ ничего случиться, — задыхался я и летѣлъ, и мнѣ такъ хотѣлось летѣть, мнѣ такъ было это пріятно: — знаете... ну ужъ пусть будетъ такъ однажды, одинъ маленькій разочекъ. Видите, голубчикъ, славный мой папа, — вы позволите мнѣ васъ назвать папой, — не только отцу съ сыномъ, но и всякому нельзя говорить съ третьимъ лицомъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, даже самыхъ чистѣйшихъ! Даже чѣмъ чище, тѣмъ тутъ больше должно поло-

жить запрету! Это претитъ, это грубо, однимъ словомъ — конфидентъ невозможенъ! Но вѣдь если нѣтъ ничего, ничего совершенно, то вѣдь тогда можно говорить, можно?

— Какъ сердце велитъ.

— Нескромный, очень нескромный вопросъ: вѣдь вы, въ вашу жизнь, знавали женщинъ, имѣли связи?.. Я вообще, вообще, я не въ частности! — краснѣлъ я и захлебывался отъ восторга.

— Положимъ, бывали грѣхи.

— Такъ вотъ что̀ — случай, а вы мнѣ его разъясните, какъ болѣе опытный человѣкъ: вдругъ женщина говоритъ, прощаясь съ вами, этакъ нечаянно, сама смотритъ въ сторону: «я завтра въ три часа буду тамъ-то»... ну, положимъ, у Татьяны Павловны, — сорвался я и полетѣлъ окончательно. Сердце у меня стукнуло и остановилось; я даже говорить пріостановился, не могъ. Онъ ужасно слушалъ.

— И вотъ, завтра я въ три часа у Татьяны Павловны, вхожу и разсуждаю такъ: «отворитъ кухарка, — вы знаете ея кухарку, — я и спрошу первымъ словомъ: дома Татьяна Павловна? И, если кухарка скажетъ, что нѣтъ дома Татьяны Павловны, а что ее какая-то гостья ждетъ, — что я тогда долженъ заключить, скажите, если вы... Однимъ словомъ, если вы...

— Просто-за-просто, что тебѣ назначено было свиданіе. Но, стало быть, это было? И было сегодня? Да?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего! Это было, но было не то; свиданіе, но не для того, и я это прежде всего заявляю, чтобъ не быть подлецомъ, было, но...

— Другъ мой, все это начинаетъ становиться до того любопытнымъ, что я предлагаю . . .

— Самъ давалъ по десяти и по двадцати пяти просителямъ. На крючекъ! Только нѣсколько копеекъ, умоляетъ поручикъ, проситъ бывшій поручикъ! — загородила намъ вдругъ дорогу высокая фигура просителя, можетъ быть, дѣйствительно отставного поручика. Любопытнѣе всего, что онъ весьма даже хорошо былъ одѣтъ для своей профессіи, а между тѣмъ протягивалъ руку.

III.

Этотъ мизернѣйшій анекдотъ о ничтожномъ поручикѣ я нарочно не хочу пропустить, такъ какъ весь Версиловъ вспоминается мнѣ теперь не иначе, какъ со всѣми мельчайшими подробностями обстановки тогдашней роковой для него минуты. Роковой, а я и не зналъ того!

— Если вы, сударь, не отстанете, то я немедленно позову полицію, — вдругъ, какъ-то неестественно возвысилъ голосъ Версиловъ, останавливаясь предъ поручикомъ. Я бы никогда не могъ вообразить такого гнѣва отъ такого философа и изъ-за такой ничтожной причины. И замѣтьте, что мы прервали разговоръ на самомъ интереснѣйшемъ для него мѣстѣ, о чемъ онъ и самъ заявилъ.

— Такъ неужто у васъ и пятелтышки нѣтъ? — грубо прокричалъ поручикъ, махнувъ рукой: — да у какой же теперь канальи есть пятиалтынный! Ракальи! Подлецы! Самъ въ бобрахъ, а изъ-за пятиалтыннаго государственный вопросъ дѣлаетъ!

— Городовой! — крикнулъ Версиловъ.

Но кричать и не надо было: городовой какъ

разъ стоялъ на углу и самъ слышалъ брань поручика.

— Я васъ прошу быть свидѣтелемъ оскорбленія, а васъ попрошу пожаловать въ участокъ, — проговорилъ Версиловъ.

— Э-э, мнѣ все равно, рѣшительно ничего не докажете! Преимущественно ума не докажете!

— Не упускайте, городовой, и проводите насъ, — настоятельно заключилъ Версиловъ.

— Да неужто мы въ участокъ? Чертъ съ нимъ! — прошепталъ я ему.

— Непремѣнно, мой милый. Эта безшабашность на нашихъ улицахъ начинаетъ надоѣдать до безобразія, и если бъ каждый исполнялъ свой долгъ, то вышло бы всѣмъ полезнѣе. C'est comique, mais c'est ce que nous ferons.

Шаговъ сотню поручикъ очень горячился, бодрился и храбрился; онъ увѣрялъ, что «такъ нельзя», что тутъ «изъ пятелтышки» и проч. и проч. Но, наконецъ, началъ что-то шептать городовому. Городовой, человѣкъ разсудительный и видимо врагъ уличныхъ нервностей, кажется, былъ на его сторонѣ, но лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Онъ бормоталъ ему вполголоса на его вопросы, что «теперь ужъ нельзя», что «дѣло вышло», и что «если бъ, напримѣръ, вы извинились, а господинъ согласился принять извиненіе, то тогда развѣ» . . .

— Ну, па-а-слушайте, милостивый государь, ну, куда мы идемъ? Я васъ спрашиваю: куда мы стремимся и въ чемъ тутъ остроуміе? — громко прокричалъ поручикъ: — если человѣкъ несчастный въ своихъ неудачахъ соглашается принесть извиненіе . . . если, наконецъ, вамъ надо его униженіе. .. Чертъ возьми, да не въ гостиной же мы, а

на улицѣ! Для улицы и этого извиненія достаточно . . .

Версиловъ остановился и вдругъ расхохотался; я даже было подумалъ, что всю эту исторію онъ велъ для забавы, но это было не такъ.

— Совершенно васъ извиняю, господинъ офицеръ, и увѣряю васъ, что вы со способностями. Дѣйствуйте такъ и въ гостиной, — скоро и для гостиной этого будетъ совершенно достаточно, а пока вотъ вамъ два двугривенныхъ, выпейте и закусите; извините, городовой, за безпокойство, поблагодарилъ бы и васъ за трудъ, но вы теперь на такой благородной ногѣ . . . Милый мой, — обратился онъ ко мнѣ: — тутъ есть одна харчевня, въ сущности, страшный клоакъ, но тамъ можно чаю напиться, и я бъ тебѣ предложилъ . . . вотъ тутъ сейчасъ, пойдемъ же.

Повторяю, я еще не видалъ его въ такомъ возбужденіи, хоть лицо его было весело и сіяло свѣтомъ; но я замѣтилъ, что когда онъ вынималъ изъ портмонэ два двугривенныхъ, чтобъ отдать офицеру, то у него дрожали руки, а пальцы совсѣмъ не слушались, такъ что онъ, наконецъ, попросилъ меня вынуть и дать поручику; я забыть этого не могу.

Привелъ онъ меня въ маленькій трактиръ на канавѣ, внизу. Публики было мало. Игралъ разстроенный сиплый органчикъ, пахло засаленными салфетками; мы усѣлись въ углу.

— Ты, можетъ быть, не знаешь? Я люблю иногда отъ скуки . . . отъ ужасной душевной скуки . . . заходить въ разные вотъ эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся арія изъ Лючіи, эти половые въ русскихъ до неприличія костюмахъ, этотъ

табачище, эти крики изъ билліардной — все это до того пошло и прозаично, что граничитъ почти съ фантастическимъ. Ну, такъ что жъ, мой милый? Этотъ сынъ Марса остановилъ насъ на самомъ, кажется, интересномъ мѣстѣ... А вотъ и чай; я люблю здѣсь чай... Представь, Петръ Ипполитовичъ вдругъ сейчасъ сталъ тамъ увѣрять этого рябого постояльца, что въ англійскомъ парламентѣ, въ прошломъ столѣтіи, нарочно назначена была комиссія изъ юристовъ, чтобъ разсмотрѣть весь процессъ Христа передъ первосвященникомъ и Пилатомъ единственно, чтобъ узнать, какъ теперь это будетъ по нашимъ законамъ, и что все было произведено со всею торжественностью съ адвокатами, прокурорами и прочимъ... ну, и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговоръ... Удивительно, что̀ такое! Тотъ дуракъ-жилецъ сталъ спорить, обозлился и разссорился и объявилъ, что завтра съѣзжаетъ... Хозяйка расплакалась, потому что теряетъ доходъ... Mais passons. Въ этихъ трактирахъ бываютъ иногда соловьи. Знаешь старый московскій анекдотъ à la Петръ Ипполитовичъ? Поетъ въ московскомъ трактирѣ соловей, входитъ купецъ «ндраву моему не препятствуй»: что̀ стоитъ соловей? — Сто рублей. — Зажарить и подать! Зажарили и подали. «Отрѣжь на гривенникъ». Я Петру Ипполитовичу разсказывалъ разъ, но онъ не повѣрилъ и даже съ негодованіемъ...

Онъ много еще говорилъ. Привожу эти отрывки для образчика. Онъ безпрерывно меня перебивалъ, чуть лишь я раскрывалъ ротъ, чтобъ начать мой разсказъ, и начиналъ говорить совершенно какой-нибудь особенный и не идущій вздоръ; говорилъ

возбужденно, весело; смѣялся Богъ знаетъ чему и даже хихикалъ, чего я отъ него никогда не видывалъ. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ чаю и налилъ новый. Теперь мнѣ понятно: онъ походилъ тогда на человѣка, получившаго дорогое, любопытное и долго ожидаемое письмо и которое тотъ положилъ передъ собой и нарочно не распечатываетъ, напротивъ, долго вертитъ въ рукахъ, осматриваетъ конвертъ, печать, идетъ распорядиться въ другую комнату, отдаляетъ, однимъ словомъ, интереснѣйшую минуту, зная, что она ни за что не уйдетъ отъ него, и все это для большей полноты наслажденія.

Я, разумѣется, все разсказалъ ему, все съ самаго начала, и разсказывалъ, можетъ быть, около часу. Да и какъ могло быть иначе; я жаждалъ говорить еще давеча. Я началъ съ самой первой нашей встрѣчи, тогда у князя, по ея пріѣздѣ изъ Москвы; потомъ разсказалъ, какъ все это шло постепенно. Я не пропустилъ ничего, да и не могъ пропустить: онъ самъ наводилъ, онъ угадывалъ, онъ подсказывалъ. Мгновеніями мнѣ казалось, что происходитъ что-то фантастическое, что онъ гдѣ-нибудь тамъ сидѣлъ или стоялъ за дверьми, каждый разъ, во всѣ эти два мѣсяца: онъ зналъ впередъ каждый мой жестъ, каждое мое чувство. Я ощущалъ необъятное наслажденіе въ этой исповѣди ему, потому что видѣлъ въ немъ такую задушевную мягкость, такую глубокую психологическую тонкость, такую удивительную способность угадывать съ четверть слова. Онъ выслушивалъ нѣжно, какъ женщина. Главное, онъ сумѣлъ сдѣлать такъ, что я ничего не стыдился; иногда онъ вдругъ останавливалъ меня на какой-нибудь подробности; часто останавливалъ и нервно повторялъ: «не забывай

мелочей, главное — не забывай мелочей: чѣмъ мельче черта, тѣмъ иногда она важнѣе». И въ этомъ родѣ онъ нѣсколько разъ перебивалъ меня. О, разумѣется, я началъ сначала свысока, къ ней свысока, но быстро свелъ на истину. Я искренно разсказалъ ему, что готовъ былъ бросаться цѣловать то мѣсто на полу, гдѣ стояла ея нога. Всего краше, всего свѣтлѣе было то, что онъ въ высшей степени понялъ, что «можно страдать страхомъ по документу» и въ то же время оставаться чистымъ и безупречнымъ существомъ, какимъ она сегодня передо мной открылась. Онъ въ высшей степени понялъ слово «студентъ». Но когда я уже оканчивалъ, то замѣтилъ, что сквозь добрую улыбку его начало по временамъ проскакивать что-то ужъ слишкомъ нетерпѣливое въ его взглядѣ, что-то какъ бы разсѣянное и рѣзкое. Когда я дошелъ до «документа», то подумалъ про себя: «сказать ему настоящую правду или не сказать?» — и не сказалъ, несмотря на весь мой восторгъ. Это я отмѣчаю здѣсь для памяти на всю мою жизнь. Я ему объяснилъ дѣло такъ же, какъ и ей, то есть Крафтомъ. Глаза его загорѣлись, странная складка мелькнула на лбу, очень мрачная складка.

— Ты твердо помнишь, мой милый, объ этомъ письмѣ, что Крафтъ его сжегъ на свѣчкѣ? Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь, — подтвердилъ я.

— Дѣло въ томъ, что эта грамотка слишкомъ важна для нея и, будь только она у тебя сегодня въ рукахъ, то ты бы сегодня же могъ... Но что̀ «могъ» онъ не договорилъ. — А что̀, у тебя нѣтъ ея теперь въ рукахъ?

Я весь вздрогнулъ внутри, но не снаружи. Сна-

ружи я ничѣмъ не выдалъ себя, не смигнулъ; но я все еще не хотѣлъ вѣрить вопросу:

— Какъ, нѣтъ въ рукахъ? *Теперь* въ рукахъ? Да вѣдь если Крафтъ ее тогда сжегъ?

— Да? — устремилъ онъ на меня огневой, неподвижный взглядъ, памятный мнѣ взглядъ. Впрочемъ, онъ улыбался, но все добродушіе его, вся женственность выраженія, бывшая доселѣ, вдругъ исчезли. Настало что-то неопредѣленное и разстроенное; онъ все болѣе и болѣе становился разсѣянъ. Владѣй онъ тогда собой болѣе, именно такъ, какъ до той минуты владѣлъ, онъ не сдѣлалъ бы мнѣ этого вопроса о документѣ, если же сдѣлалъ, то навѣрно потому, что самъ былъ въ изступленіи. Впрочемъ, я говорю лишь теперь; но тогда я не такъ скоро вникнулъ въ перемѣну, происшедшую съ нимъ; я все еще продолжалъ летѣть, а въ душѣ была все та же музыка. Но разсказъ былъ конченъ; я смотрѣлъ на него.

— Удивительное дѣло, — проговорилъ онъ вдругъ, когда я уже высказалъ все до послѣдней запятой: — престранное дѣло, мой другъ: ты говоришь, что былъ тамъ отъ трехъ до четырехъ и что Татьяны Павловны не было дома?

— Ровно отъ трехъ до половины пятаго.

— Ну, представь же себѣ, я заходилъ къ Татьянѣ Павловнѣ ровнешенько въ половинѣ четвертаго, минута въ минуту, и она встрѣтила меня въ кухнѣ: я вѣдь почти всегда къ ней хожу черезъ черный ходъ.

— Какъ, она васъ встрѣтила въ кухнѣ? — вскричалъ я, отшатнувшись отъ изумленія.

— Да, и объявила мнѣ, что не можетъ принять меня; я у ней пробылъ минуты двѣ, а заходилъ лишь позвать ее обѣдать.

— Можетъ быть, она только что откуда-нибудь воротилась?

— Не знаю, впрочемъ — конечно, нѣтъ. Она была въ своей распашной кофтѣ. Это было ровнешенько въ половинѣ четвертаго.

— Но... Татьяна Павловна не сказала вамъ, что я тутъ.

— Нѣтъ, она мнѣ не сказала, что ты тутъ... Иначе я бы зналъ и тебя объ этомъ не спрашивалъ.

— Послушайте, это очень важно...

— Да... съ какой точки судя; и ты даже поблѣднѣлъ, мой милый; а, впрочемъ, что̀ же такъ ужъ важно-то?

— Меня осмѣяли, какъ ребенка!

— Просто «побоялась твоей пылкости», какъ сама она тебѣ выразилась — ну, и заручилась Татьяной Павловной.

— Но, Боже, какая это была продѣлка! Послушайте, она дала мнѣ все это высказать при третьемъ лицѣ, при Татьянѣ Павловнѣ; та, стало быть, все слышала, что̀ я давеча говорилъ! Это... это ужасно даже вообразить!

— C'est selon, mon cher. И при томъ же ты самъ давеча упомянулъ о «широкости» взгляда на женщину вообще и воскликнулъ:

«Да здравствуетъ широкость!»

— Если бъ я былъ Отелло, а вы — Яго, то вы не могли бы лучше... впрочемъ, я хохочу! Я все-таки вѣрю въ то, что̀ безконечно меня выше, и не теряю моего идеала!.. Если это — шутка съ ея стороны, то я прощаю. Шутка съ жалкимъ подросткомъ — пусть! Да вѣдь и не рядилъ же я себя ни во что̀, а студентъ — студентъ все-таки былъ

и остался, несмотря ни на что̀, въ душѣ ея былъ, въ сердцѣ ея былъ, существуетъ и будетъ существовать! Довольно! Послушайте, какъ вы думаете: поѣхать мнѣ къ ней сейчасъ, чтобы всю правду узнать, или нѣтъ?

Я говорилъ «хохочу», а у меня были слезы на глазахъ.

— Что жъ? Съѣзди, мой другъ, если хочешь.

— Я какъ будто измарался душой, что вамъ все это пересказалъ. Не сердитесь, голубчикъ, но объ женщинѣ нельзя сообщать третьему лицу; конфидентъ не пойметъ. Ангелъ и тотъ не пойметъ. Если женщину уважаешь — не бери конфидента, если себя уважаешь — не бери конфидента! Я теперь не уважаю себя. До свиданья; не прощу себѣ . . .

— Полно, мой милый, ты преувеличиваешь. Самъ же ты говоришь, что «ничего не было».

Мы вышли на канаву и стали прощаться.

— Да неужто ты никогда меня не поцѣлуешь задушевно, по-дѣтски, какъ сынъ отца? — проговорилъ онъ мнѣ съ странною дрожью въ голосѣ. Я горячо поцѣловалъ его.

— Милый . . . будь всегда такъ же чистъ душой, какъ теперь.

Никогда въ жизни я еще не цѣловалъ его, никогда бы я не могъ вообразить, что онъ самъ захочетъ.